

**История и идентичность: Южный Кавказ и
другие регионы, находящиеся в переходном
периоде**

**History and Identity: The South Caucasus and
Other Regions in Transition**

2010

ÓÄË 32.001: 94/99
ÁÄË 66+63.3
Ë 907

**Под редакцией Рауфа Раджабова, Степана Григоряна и Вахтанга Колбая
Rauf Rajabov, Stepan Grigoryan and Vakhtang Kolbaya (eds.)**

Ë 907 История и идентичность: Южный Кавказ и другие регионы, находящиеся в переходном периоде. Статьи ученых-историков и экспертов из Азербайджана, Армении и Грузии (Ереван, Армения)/Ի ի ă ծăă. Ծ. Ծăăăăăăăă, Ռ. Ածեăı đŷı ă, Բ. Էı éăăı . - Ер.: Едит Принт, 2010. – 440 стр.

History and Identity: The South Caucasus and Other Regions in Transition. Collection of articles written by historians and policy analysts from Armenia, Azerbaijan and Georgia (Ереван, Армения), - Ер.: Edit Print, 2010. – 440 стр.

Книга издана Аналитическим центром по глобализации и региональному сотрудничеству (АЦГРС) при поддержке Министерства иностранных дел Финляндии. Взгляды и позиции, выраженные в данном издании, принадлежат авторам статей из Азербайджана, Армении и Грузии и могут не совпадать с официальной позицией Министерства иностранных дел Финляндии и АЦГРС.

This book is published by the Analytical Centre on Globalisation and Regional Cooperation (ACGRC) with support of the Finnish Ministry of Foreign Affairs. The views expressed in the book belong to the authors from Armenia, Azerbaijan and Georgia and may differ from the official position of the Finnish Ministry of Foreign Affairs and ACGRC.

MINISTRY FOR FOREIGN
AFFAIRS OF FINLAND

ÓÄË 32.001: 94/99
ÁÄË 66+63.3

ISBN 978-9939-52-252-4

ı ÄÖÄÑ, 2010 ă., www.acgrc.am

Содержание

Введение

Рауф Раджабов, Степан Григорян и Вахтанг Колбая5

Глава 1. Положительные примеры из истории сосуществования народов и стран Южного Кавказа11

Айдын Х. Асланов: Из истории взаимоотношений государств и народов Кавказа13

Айказ Оганесян: Очерки истории Южного Кавказа: чего больше – общности или разочарований?28

Паата Бухрашвили: Для переосмысления грузино-армянских отношений39

Майя Барихашвили: Культурно-просветительская деятельность грузинской диаспоры в Азербайджане в конце XIX и в начале XX века58

Глава 2. Положительный опыт проживания нетитульных народов на ЮК, а также европейский опыт решения проблем национальной идентичности65

Кетеван Абуладзе: Правовое положение и религиозное вероисповедание евреев в Грузии67

Армен Григорян: Становление национальной идентичности в Венгрии и Словакии и статус венгерского меньшинства в Словакии73

Глава 3. Региональная, государственная, гражданская и этническая идентичности народов и стран Южного Кавказа115

Фарида Раджабова: Проблема взаимодействия государственной, гражданской и этнической идентичностей117

Микаэл Золян: Кавказ и «кавказцы»: культурное конструирование региона и региональная идентичность129

Паата Бухрашвили: Русское колониальное сознание и закавказская этнополитическая реальность137

Глава 4. Национальная, культурная, языковая и религиозная идентичности народов Южного Кавказа.....	151
Рауф Раджабов:	Кавказская идентичность: свобода, равенство и справедливость (соотношение этнической, гражданской и религиозной идентичностей)153
Эльчин Гумбатов:	Лингвистическая идентификация азербайджанского языка169
Гагик Оганесян:	Роль и значение менталитета в социально-политических процессах.....180
Вахтанг Колбая:	Современный мир и процесс идентификации – Кавказская идентичность. Соотношения: нация, национальный характер, национальные традиции, историческая и культурная идентичности.....200
Паата Рамишвили:	История и идентичность (о преподавании мировой истории в современной средней школе).....212

Введение

Рауф Раджабов
Степан Григорян
Вахтанг Колбая

Введение

Аналитический центр по глобализации и региональному сотрудничеству из Армении совместно со своими партнерами - Общественным объединением азербайджанских историков и НПО «Фонд Кавказский Диалог» (Грузия), инициировал две рабочие встречи ученых-историков и общественных деятелей Азербайджана, Армении и Грузии. Эти встречи состоялись 24-27 декабря 2009 г. и 29 апреля - 1 мая 2010 г. в Тбилиси и были реализованы при поддержке Министерства иностранных дел Финляндии.

Выбор такого формата сотрудничества не случаен, т.к. опыт развития событий на Южном Кавказе (ЮК) в последние годы показал, что многие проблемы между народами региона возникают из-за разной интерпретации исторических фактов, разного видения и подходов ко многим событиям, произошедшим на ЮК, а также из-за отсутствия литературы по истории, совместно подготовленной учеными южно-кавказских стран. Поэтому назрела необходимость в организации встреч, развитии и углублении сотрудничества ученых-историков и общественных деятелей Азербайджана, Армении и Грузии.

После проведенных обсуждений и дискуссий, главным итогом вышеупомянутых Рабочих встреч, было:

- констатация полезности встреч общественных деятелей и историков стран Южного Кавказа, позволяющим формировать атмосферу уважения и взаимного доверия;
- понимание важности непосредственных контактов между нашими специалистами, что приводит к обмену новой и важной информацией о процессах идущих в мире, регионе и южнокавказских странах;
- осознание необходимости поиска объединяющих элементов из исторического прошлого стран ЮК, а также демократизации и европейской интеграции региона;
- проявление заинтересованности в более углубленном изучении европейского опыта преодоления исторических проблем, что также может способствовать процессу общего примирения, созданию атмосферы мира и добрососедства на ЮК;

- изучение предложений ряда участников Рабочих встреч об организации совместных публикаций и работ в научных и общественных изданиях;
- обсуждение статей азербайджанских, армянских и грузинских авторов по вопросам идентичности, а также подготовка к публикации книги – «История и идентичность: Южный Кавказ и другие регионы, находящиеся в состоянии транзита».

К сожалению, общественный, научный и образовательный потенциал южнокавказских стран сегодня практически не используется для реализации совместных проектов. В то время как, например, образование и наука содержат в себе огромный потенциал для восстановления доверия между нашими народами и могут служить прекрасным инструментом для развития добрососедства и сотрудничества в регионе.

Все эти проблемы усугубляются нерешенностью южнокавказских конфликтов, нынешнее состояние которых еще более осложняет ситуацию. История знает много положительных примеров сосуществования и сотрудничества народов ЮК, и восстановление этих примеров, представление их на суд наших обществ видится сегодня важнейшей задачей. Поэтому считаем очень важным восстановление контактов и сотрудничества между учеными-историками и общественными деятелями Азербайджана, Армении и Грузии, тем более что сегодня имеется исключительно малое число форумов в трехстороннем азербайджано-армяно-грузинском формате.

Данная книга, «История и идентичность: Южный Кавказ и другие регионы, находящиеся в переходном периоде», в написании которой приняли участие известные ученые, а также общественные деятели из Азербайджана (**Айдын Асланов, Фарида Раджабова, Эльчин Гумбатов и Рауф Раджабов**), Армении (**Айказ Оганесян, Гагик Оганесян, Микаэл Золян и Армен Григорян**) и Грузии (**Паата Рамишвили, Паата Бухрашвили, Майя Барихашвили, Кетеван Абуладзе и Вахтанг Колбая**) является, в первую очередь, сборником статей по истории взаимоотношений азербайджанцев, армян и грузин. Авторы, проведя большую научную и архивную работу, смогли найти большое число примеров из положительного опыта сосуществования народов ЮК (в том числе нетитульных народов). Интересно, что эти примеры охватывали как короткие периоды независимости Азербайджана, Армении и Грузии, так и времена, когда наши народы

боролись за свои права и независимость, защищая свою самобытность и культуру.

Большое место в книге занимают вопросы региональной, гражданской, национальной, культурной, языковой и религиозной идентичностей народов ЮК. Действительно, народы региона, находясь в «бушующем», быстро меняющемся и глобализующемся мире, не могут не задумываться над сохранением своей самобытности и самосознания. Поэтому правильное понимание своего места, а также места соседей в этом огромном мире, может способствовать налаживанию сотрудничества и установлению мира между народами ЮК.

Данная книга адресуется широкому кругу граждан и, в первую очередь, представителям институтов гражданского общества, университетским и академическим кругам, государственным структурам, молодежи и журналистам стран ЮК, а также международным организациям, занимающимся проблемами примирения, установления мира и сотрудничества между народами.

Как представляется, пришло время задуматься над всеми этими вопросами и попытаться жить современными идеями, подходами и категориями – этого требует время и будущее южнокавказских народов.

В заключение, хотим выразить искреннюю благодарность Министерству иностранных дел Финляндии, а также послу Финляндии в Азербайджане, Армении и Грузии **Петри Сало** за поддержку наших инициатив, благодаря которой стало возможным издание данной книги.

Рауф Раджабов – политолог, заместитель председателя Общественного объединения азербайджанских историков (Азербайджан),

Степан Григорян – председатель правления Аналитического центра по глобализации и региональному сотрудничеству (Армения),

Вахтанг Колбая – председатель правления НПО «Фонд Кавказский Диалог» (Грузия).

25 июня 2010 года

Глава 1. Положительные примеры из истории сосуществования народов и стран Южного Кавказа

- Айдын Х. Асланов:** Из истории взаимоотношений государств и народов Кавказа
- Айказ Оганесян:** Очерки истории Южного Кавказа: чего больше – общности или разочарований?
- Паата Бухрашвили:** Для переосмысления грузино-армянских отношений
- Майя Барихашвили:** Культурно-просветительская деятельность грузинской диаспоры в Азербайджане в конце XIX и в начале XX века

Из истории взаимоотношений государств и народов Кавказа

Введение. История Кавказского региона всегда была историей столкновений геополитических интересов великих держав. По земле Кавказа шагали легионы Рима, войска Парфии и Сасанидов, Византии и Арабского халифата, Сельджукской и Монгольской, Османской и Российской империй. Через Дербендский и Дарьяльский проходы на территорию Южного Кавказа проникали многие племена, которые разоряли богатый край, а нередко оседали здесь, смешиваясь с местным населением.

История Кавказа знает много примеров опустошительных захватнических войн, которые наносили огромный ущерб региону, уносили жизни многих людей. В то же время история Кавказского региона знает много положительных примеров сотрудничества кавказских народов на протяжении многих столетий. Взаимное сотрудничество, сосуществование народов Кавказа охватывает огромный промежуток времени. Яркие примеры встречаются как в древности, средневековье, так и в новое время – в период независимого существования республик Южного Кавказа.

Изучение таких примеров взаимосотрудничества в школьном курсе истории представляется сегодня важной задачей, так как незнание своей истории, истории взаимоотношений народов Кавказа отрицательно сказывается на судьбах всего региона. Нельзя забывать, что наш регион характеризуется наличием многих нерешённых конфликтов.

Античный период. Если мы заглянем в историческое прошлое, то мы увидим, что сотрудничество народов Кавказа начинается ещё в античный период, когда на территории Азербайджана существовало *Атропатенское царство* (IV век до н.э. – III век н.э.).

Вторая половина II–I веков до н.э. была временем борьбы между двумя великими державами античности – Римом и Парфией, за господство в Передней Азии. Римская экспансия представляла для народов Кавказа реальную опасность. Уже тогда между Атропатеной и Армянским царством устанавливаются многосторонние и тесные контакты. Обычным явлением между атропатенской и армянской знатью были брачные связи. Так, например, царь Атропатены Митридат был женат на дочери Тиграна II (95–55 годы до н.э.). Этим определялось многое во взаимоотношениях двух названных правителей, являвшихся союзниками. Приблизительно 15-летний период истории этих государств был временем союза, дружбы и согласия между Атропатеной и Арменией.

В 69 году до н.э. римские войска, во главе которых стоял Лукулл, вторглись в Армению. Тигран II к этому времени собрал большую армию. В числе союзников, пришедших на помощь армянскому царю, были албаны и атропатенцы. Плутарх сообщает, что на помощь Тиграну II пришли «поголовным ополчением армяне и кордуены, явились цари, ведя медов (атропатенцев. – А.А.) и адиабенов поголовным ополчением, пришли от моря, что в Вавилоне, много арабов и много албан [с берегов Каспия] и соседствующих с албанами иберов; прибыло немало племён, не имеющих царей и пасущих стада [на берегах] Аракса, привлечённые [одни] желанием оказать помощь, [другие] – дарами».¹

Приведённый выше отрывок античного автора не даёт, между прочим, никаких оснований полагать, что войско Тиграна II состояло из «подчинённых ему вассальных царств и княжеств».² На её невероятность в своё время указал крупнейший арменист Н.Адонц.³

Следует отметить, что Тигран II доверил командование правым крылом войска своему зятю – атропатенскому царю. В передних рядах этих войск находилась 17-ти тысячная конница, закованная в броню и

¹ Плутарх. Лукулл. XXVI, 6.

² Манандян Я.А. Тигран II и Рим. Ереван, 1943, с. 112.

³ Адонц Н. Армения в эпоху Юстиниана. СПб., 1908, с. 411, прим. I.

вооружённая копьями. По словам Плутарха, именно на войска атропатенского царя Тигран II «возлагал особые надежды».⁴

Однако, невзирая на своё численное превосходство, в битве при Тигранакерте осенью 69 года до н.э. римляне одержали внушительную победу, наголову разбив своих противников.

В последующие годы (68–67 годы до н.э.) Тигран II при активном участии Митридата Атропатенского, собрав огромную армию, состоящую из армян, иберов, мардов и атропатенцев, одержал ряд важных побед над римскими войсками.⁵

Первая из них была одержана у р. Арацания в 68 году до н.э. В этом сражении активное участие принимала атропатенская конница.⁶

Развивая успех, союзники вторглись в Малую Азию, нанося римлянам тяжёлые поражения. Особенно бурную деятельность развил Митридат Атропатенский, который преследовал и уничтожал римские легионы.⁷

В 67 году до н.э. Тигран II вместе со своим зятем Митридатом Атропатенским вторгся в Каппадокию и стал её покорять и разрушать.⁸ В том же году Лукулл был отозван из Азии.

Средневековый период. Его начало ознаменовалось возникновением огромной Сасанидской империи (III–VII века), которая проводила в отношении Южного Кавказа активную политику. В отличие от южноазербайджанских земель (Адурбадагана), которые стали одной из сасанидских провинций, североазербайджанские земли (Албания) смогли сохранить свою государственность и царей из династии Аршакидов. Для охраны северных рубежей своего государства Сасаниды строили в Албании мощные оборонительные сооружения. Вся тяжесть строительства этих укреплений ложилась на население Южного Кавказа и, в первую очередь, Албании. Автор «Истории Агван» пишет, что «цари персидские изнурили страну нашу,

⁴ Плутарх. Лукулл. XXVII.

⁵ Там же.

⁶ Манандян Я.А. Указ. работа, с. 150.

⁷ Там же, с. 165.

⁸ Там же, с. 167–168.

мобилизуя архитекторов и изыскивая много различных материалов для строительства удивительного здания, с помощью которого они блокировали [проходы] между горой Кавказ и восточным морем [Каспийским]».⁹ При сасанидском шахе Йездигерде II (438–457 годы) тяжёлое положение населения ещё более ухудшилось. Налоги были увеличены в два раза. В странах Южного Кавказа насильно насаждался зороастризм. Эти притеснения послужили причиной общекавказского восстания в 450–451, 457 годы. В 481–484 годы на Кавказе возникло новое антисасанидское движение, которое вынудило иранских правителей коренным образом изменить свою религиозную политику и заключить с народами Кавказа Нварсакское соглашение. Это соглашение положило конец политике религиозного преследования.

- В VII веке на Востоке возникает новая империя – Арабский халифат (632–1258 годы). Натиск арабских войск потряс Сасанидов и способствовал падению их некогда могущественной державы. Ослаблением Сасанидов воспользовались правители Южного Кавказа – албанский князь Джаваншир (642–681 годы) и царь Иверии Атрнерсех (605–641 годы), которые заключили «нерушимый союз» против Сасанидов и добились важных успехов над иранскими войсками.¹⁰
- В середине XI века Азербайджан и ряд других стран Востока были завоёваны сельджуками, которые не встретили большого сопротивления. Лишь Ширванское государство, благодаря умелой политике ширваншаха Фарибурза I (1063–1096 годы), сумело отстоять свою самостоятельность. Уплатив сельджукам большую контрибуцию, ширваншах принудил их уйти из Ширвана.¹¹

В XII веке Ширванское государство сохраняло свою самостоятельность. В это время одним из значительных христианских государств Кавказа становится Грузинское царство. Геополитическое положение

⁹ История Агван, с. 105/83. См.: Буниятов Зия. Азербайджан в VII–IX вв. Баку, 1965, с. 42.

¹⁰ Буниятов Зия. Указ. работа, с. 73–74.

¹¹ Ашурбейли С. Государство Ширваншахов. Баку, 2006, с. 108.

Грузии было крайне тяжёлым – она находилась в окружении сильных мусульманских государств – Иракского и Конийского султанатов, государства атабеков Ильденизидов и других. В таких условиях Багратиды Грузии должны были найти на Кавказе союзника, который мог бы помочь им выстоять в неблагоприятной обстановке. Этим союзником оказались ширваншахи-Кесраниды. У обоих государств в XII веке враги были общими, поэтому и Багратиды, и Кесраниды, чтобы отстоять свою независимость, должны были помогать друг другу.¹² Общие интересы борьбы за освобождение от зависимости к сельджукам способствовали сближению Ширванского государства с Грузией.¹³ Ещё в 20–30-е годы прошлого столетия в специальной литературе отмечалось, что ширвано-грузинские отношения носили союзнический характер.¹⁴

Союзнические отношения между сторонами были укреплены династическими браками. В 1111 году Давид IV (1089–1125 годы) выдал свою дочь Тамар за сына ширваншаха Аффридуна I (1106–1120 годы) – будущего правителя Ширвана Манучехра III (1120–1160 годы).¹⁵ Этот династический брак «должен был иметь благотворное влияние на политическое положение Грузии», которая тем самым обеспечивала свою безопасность со стороны Ширванского государства.¹⁶ Данным шагом грузинский царь пытался прийти к соглашению с ширваншахом и заручиться его поддержкой в борьбе против сельджукских тюрок.¹⁷ Ширваншах Аффридун, женив своего сына на грузинской царевне, также преследовал политические цели.

¹² Гусейнов Р.А., Алияров С.С. Из истории союзных отношений Азербайджана и Грузии в XII в. // Учёные записки АГУ. Серия истории и философии, 1977, № 6, с. 25.

¹³ Лордкипанидзе М. Д. История Грузии XI – начала XIII вв. Тбилиси, 1974, с. 106–107.

¹⁴ Сысоев В.М. Краткий очерк истории Азербайджана. Баку, 1925, с. 62; Чайкин К.И. Из грузино-иранских связей // Сборник статей «Руставели». Тбилиси, 1938, с. 22.

¹⁵ Месхиа Ш.А. Дидгорская битва. Тбилиси, 1974, с.47–48; Крымский А.Е. Низами и его современники. Баку, 1981, с. 159–160.

¹⁶ Буниятов З.М. Ширван в XII – первой половине XIII вв. (Статья первая) // Известия АН Азерб.ССР. Серия истории, философии и права, 1975, № 4, с. 36–37.

¹⁷ Бердзенишвили И.А. Из прошлого восточной Кахетии. Тбилиси, 1953, с. 69.

Этим браком он устанавливал родственные отношения с грузинским царским домом и, помимо этого, пытался нейтрализовать и привлечь на свою сторону кыпчаков, очень сильных в военном отношении и представляющих для Ширвана не меньшую угрозу, чем для Грузии.

Впоследствии Деметре I (1125–1156 годы) по той же причине искал союза с ширваншахами-Кесранидами.¹⁸ Не порывал связей с Грузией и ширваншах Ахситан I (1160–1196 годы), который был женат на племяннице царя Георгия III (1156–1184 годы).¹⁹

Ширваншах Ахситан I проводил умную и осторожную политику в отношении своих соседей. Об этом свидетельствует его женитьба на Исмат ад-Дин, которая, с одной стороны, приходилась племянницей грузинскому царю, а с другой стороны, её отец эмир Абул Музаффар Сейф ад-Дин являлся владельцем Дербенда. Этим дипломатическим браком ширваншах не только укрепил родственные и союзнические отношения с грузинским царствующим домом, но и породнился с правителем Дербенда. Таким образом, отмечает исследователь истории государства Ширваншахов Сара Ашурбейли, «была устранена постоянная угроза нападения на Ширван со стороны Дербенда и Грузии, а также закреплено влияние Ахситана на враждебных Ширвану кыпчаков, обитавших в степях за Дербендом в Дешт-и-Кыпчак и в Грузии».²⁰

Царствование Ахситана I является временем большого подъёма экономики Ширвана, процветания городов, развития ремесла и торговли. Это был период относительного спокойствия в стране, мирных и союзнических отношений с соседней Грузией, с правителями которой ширваншах был в родственных отношениях через свою мать – Тамар. Эти дружественные и союзнические отношения, не имеющие ничего общего с состоянием вассалитета, отражены в произведениях великого азербайджанского поэта Хагани. Поэт пишет, что в 1173 году ширваншах Ахситан I направился в Грузию, чтобы усмирить

¹⁸ Гусейнов Р.А., Алияров С.С. Указ. работа, с. 25.

¹⁹ Ашурбейли С. Указ. работа, с. 127.

²⁰ Там же.

недовольных феодалов, которые хотели свергнуть с престола его родственника – царя Георгия III.²¹ Применив не только силу, но и дипломатию, ширваншах добился успеха – он водворил порядок во дворе своего двоюродного брата, спасая от падения государство Багратидов.²²

В 1174/5 году Ширван подвергся нападениям со стороны кыпчаков и русов. Эти события отражены в трёх одах Хагани, посвящённых ширваншаху Ахситану I. Поэт говорит о нашествии русов с Волги, которые на 73 судах подошли к острову Сари, затем поднялись вверх по р. Куре и достигли Лемберана. Одновременно с этим Ширван подвергся нападению кыпчаков, которые захватили Дербенд и заняли цитадель Шабарана.²³ Ширваншах обратился за помощью к своему родственнику – Георгию III. Объединённые грузино-ширванские войска разбили пришельцев. Русы были изгнаны из Ширвана, а их флот уничтожен. Кыпчаки также были разбиты, а Шабаран и Дербенд – освобождены и вновь включены в состав владений ширваншаха.

Связи между царствующими домами Ширвана и Грузии продолжались и позже. В 1178 году Георгий III прибыл в Шамахи, где он подписал с Ахситаном I договор о дружбе.²⁴ После смерти грузинского царя в 1184 году Ахситан I продолжал поддерживать родственные союзнические отношения с дочерью Георгия III – царицей Тамар (1184– 1213 годы).

Взаимоотношения между народами и государствами Кавказа XII века не всегда были равными. Источники сообщают, что в августе 1161 года грузинское войско, водимое царём Георгием III, вторглось в Азербайджан и перебили здесь множество жителей.²⁵ Спустя неко-

²¹ Гафар Кендли. Два новых письма Хакани Ширвани (на перс. яз.). Тебриз, 1349 г.х., с. 314–328.

²² Ашурбейли С. Указ. работа, с. 126–127.

²³ Бартольд В.В. Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира // Соч., т. II, ч.1. Москва, 1963, с. 692.

²⁴ Гафар Кендли. Указ. работа, с. 314–315.

²⁵ Ибн ал-Асир, ал-Камил фи-т-тарих («Совершенный по истории»). Каирское изд., IX, 77; Ибн Халдун, ал-Ибар ва диван ал-мубтада ва-л-хабар, 1961, V, 171. См.: Буниятов З.М. Государство атабеков Азербайджана (1136–1225 годы). Баку, 1978, с. 53.

торое время 30-тысячное грузинское войско «вновь вторглось в страну ислама и захватило Двин, а это – город на краю страны Азербайджан, поблизости от страны ар-Рум. Они ограбили и убили около 10 тыс. его жителей. Они угнали в плен множество женщин и детей, которых раздели, и погнали голыми и босыми. А когда они возвратились в свою страну, грузинские женщины запротестовали против того, что они сделали с мусульманскими женщинами и сказали своим воинам: «Вы заставите мусульман поступать с нами так же, как вы поступаете с их женщинами». И лишь после этого женщинам возвратили их одежду».²⁶

Таким образом, с XII века между Ширванским государством и Грузией устанавливаются «на долгое время союзные отношения, скрепляемые как взаимной военной помощью, так и браками между династиями грузинских Багратидов и ширваншахов. Экономическая сторона этих отношений не изучена, но нельзя не указать на хозяйственное значение Ширвана с его нефтью и распространённой шёлковой торговлей».²⁷ Багратиды стремились использовать в своих интересах экономическое значение государства Ширваншахов. Вообще в XII веке Азербайджан, Армения и Грузия находились в тесном экономическом общении между собой и с другими переднеазиатскими странами, ибо торговля, как и другие формы экономических связей, не знала конфессиональных границ.²⁸

- Экономический и культурный подъём стран Южного Кавказа в начале XIII века был прерван монгольским нашествием. Первые появления монгольских войск в Азербайджане относятся к 1220 году. Перед лицом грозной опасности, угрожавшей народам региона, правители Ширвана и Грузии предложили атабеку

²⁶ Ибн ал-Асир, IX, 79–80; Вардан, Всеобщая история. Пер. с древнеармянск. Н.Эмина. Москва, 1862, с. 155; Йакут ал-Хами, Муджам ал-булдан («Алфавитный перечень стран»). Каирское изд., IV, 112; Абу-л-Фида, ал-Мухтасар фи ахбар ал-башар, Каир, 1907, III, 39. См.: Буниятов З.М. Государство атабеков Азербайджана (1136–1225 годы), с. 53.

²⁷ Чайкин К.И. Указ. работа, с. 22.

²⁸ Гусейнов Р.А., Алияров С.С. Указ. работа, с. 28.

Узбеку объединить свои силы и совместно выступить против общего врага. Но это не удалось претворить в жизнь – монголы опередили союзников и первыми нанесли удар.

В это тяжёлое время, когда города и селения Южного Кавказа были разорены и разграблены, местные феодалы и правители принимают меры для создания союза против грозного врага. Грузинская летопись сообщает о прибытии в Баку грузинского царя Георгия IV Лаша (1213–1223 годы), прибывшего во дворец ширваншаха для заключения брака и свадьбы своей сестры Русуданы с наследником ширваншаха Гершаспа I (1204–1225 годы) – Фарибурзом III (1225–1243 годы). Однако эта свадьба расстроилась, так как царь Георгий IV здесь заболел и умер.²⁹ После этого договорные отношения Ширвана с Грузией прекращаются, на Кавказ вторгаются войска хорезмшаха Джалал ад-Дина Манкбурны, а затем начинается монгольское господство. Кавказ на долгие годы оказался под чужеземным игом.

- В XIV веке Южный Кавказ подвергся опустошительным походам центральноазиатского эмира Тимура (1370–1405 годы). В это время правителем Ширвана был мудрый государственный деятель ширваншах Ибрагим I (1382–1417 годы). В сложной геополитической обстановке, поняв, что ему будет трудно устоять перед полчищами захватчиков, предвидя разорение государства и гибель населения, ширваншах Ибрагим I подчинился грозному эмиру. Он смог добиться расположения «железного хромца» и получил согласие эмира Тимура на сохранение внутренней самостоятельности Ширванского государства. Во время походов в Грузию (1399 и 1402 годы) Тимур жестоко расправился с грузинами, уничтожая население крепостей, оказавших ему сопротивление. Несмотря на ходатайство грузинского царя Георгия VII (1393–1407 годы), направившего к эмиру послов с ценными подарками и просившего пощады, Тимур отказал посланцам. Но когда ходатаем выступил ширваншах Ибрагим I, который поручился за грузинского царя,

²⁹ Картлис цховреба, т. I, с. 371, т. II, с. 166.

эмир Тимур простил Георгия VII, обложив его тяжёлой данью. Получив драгоценности из сокровищницы грузинских царей, Тимур покинул Грузию.³⁰

Смерть (1405 год) великого гурхана расшатала власть Тимуридов на Кавказе. Стремление избавиться от иноземного владычества охватило все слои населения Азербайджана. Во многих городах Азербайджана вспыхнули открытые восстания против Тимуридов. Ширваншах Ибрагим I, давно стремившийся к объединению азербайджанских земель под своей эгидой, поддерживал активные связи с жителями различных регионов Азербайджана. На помощь Ибрагиму I пришли со своими войсками владетель Шеки Сиди Ахмед, эмир Яр Ахмед из племени Караманлу в Гарабахе, владетель Ардабиля эмир Бистам Джагир из племени Джагирлу. Объединённые союзные войска, перейдя р. Куру, очистили от врага Гарабах, Гянджу, Барду. Одновременно началось восстание в соседней Грузии, царь которой Георгий VII вступил в союз с ширваншахом.³¹

В 1408 году Тимуриды были окончательно разгромлены войсками Гара-Гойунлу и изгнаны с Южного Кавказа. После этой победы предводитель Гара-Гойунлу Гара-Йусуф потребовал от ширваншаха Ибрагима I безоговорочного повиновения. Однако ширваншах отказался подчиниться Гара-Йусуфу и стал готовиться к борьбе за независимость своего государства. Ему удалось получить поддержку со стороны грузинского царя Константина I (1407–1412 годы) и владетеля Шеки Сиди Ахмеда.

Решающее сражение произошло в 1412 году. Силы Гара-Гойунлу намного превосходили силы ширванцев и их союзников.³² Несмотря на героическую борьбу и исключительную храбрость союзных войск, перевес оказался на стороне Гара-Йусуфа. В итоге объединённые силы Ибрагима I были окружены войсками Гара-Гойунлу и взяты в

³⁰ Иоанн де Галонифонтибус. Сведения о народах Кавказа, 1404 г. Баку, 1980, с.23–24.

³¹ Петрушевский И.П. Государства Азербайджана в XV веке // Сборник статей по истории Азербайджана. Вып.1. Баку, 1949, с.154.

³² Там же, с. 160.

плен. В плену оказались сам ширваншах, семеро его сыновей, его брат и многие знатные люди Ширвана. Среди пленников был также грузинский царь и 300 его азнауров. В результате этого поражения Ширван был опустошён, а ширваншах вынужден был признать свою зависимость от Гара-Йусуфа.

- Нередко общность интересов склоняло к совместным действиям и самих азербайджанских правителей. Так произошло в XV веке, когда в Азербайджан вторглись войска хорасанского правителя Абу Саида Тимурида. На почве общих интересов местным азербайджанским правителям удалось создать союз, в который вошли ширваншах Фаррух Йасар (1462–1500 годы) и Узун-Хасан Аг-Гойунлу (1468–1478 годы). В результате объединённым силам азербайджанских правителей удалось разбить неприятеля.

Узун-Хасан установил близкие, даже родственные, отношения с правителями южноазербайджанского города Ардабиля, выдав свою сестру Дэспинэ-хатун за шейха Джунейда, а за их сына – шейха Хейдара, свою дочь – Халиму, по прозванию Алам-шах-бегум. Это позволило Узун-Хасану укрепить связи с этими владетелями Ардабиля. От этого брака родился шах Исмаил I (1501–1524 годы) – будущий основатель и первый глава Сефевидской империи, крупнейшего государственного образования на территории Азербайджана. Интерес представляют записки венецианца Марио Анджолелло о детстве шаха Исмаила I.³³ По словам Анджолелло, дети шейха Хейдара три года находились в армянском монастыре Ахтамар, который расположен на одном из островов озера Ван. После своего воцарения, Рустам Аг-Гойунлу (1492–1497 годы) направил в монастырь своих людей, которые должны были захватить детей шейха Хейдара и умертвить их.³⁴ Духовенство монастыря Ахтамар, желая спасти Исмаила и его братьев, потребовало от гонца письменных

³³ A Narrative of Italian Travels in Persia in the XV and XVI centuries, p. 101–103. См.: Эфендиев О.А. Образование Азербайджанского государства Сефевидов в начале XVI века. Баку, 1961, с. 23, 80.

³⁴ Петрушевский И.П. Указ. работа, с. 209.

полномочий от имени падишаха. Пока гонец ездил в Табриз, дети шейха Хейдара были вывезены с острова и тайно доставлены в Гарабах.³⁵

- Как известно, XVI век был периодом ожесточённого противоборства Сефевидов и Османской империи. В результате неоднократных военных действий между сторонами к 1578 году весь Азербайджан был потерян для Сефевидов. Османская армия заняла также Армению и Грузию. В это тяжёлое время, картлийский царь Симон I (1556–1569; 1578–1600 годы) повёл против османов партизанскую войну на стороне Сефевидов. Сефевидские войска под предводительством Хамза-мирзы, совместно с силами царя Симона I, разбили в Гарабахе силы османов.³⁶

Новая история. Сотрудничество наших народов охватывает и современный период. После крушения Российской империи на Кавказе существовали независимые республики. Мирным путём был разрешён территориальный спор между Азербайджаном и Грузией из-за Закатальского округа. 26 июня 1918 года Национальный Совет Закатальского округа, «учитывая, что по культурно-экономическим, бытовым и религиозным условиям, по роду занятий, промышленности и языку Закатальский округ и Азербайджан являются однородными элементами и, что сношения и товарообмен с крупными торгово-промышленными центрами Закатальского округа возможен только через Азербайджан, и находя, что присоединение к Азербайджанской Республике является наиболее отвечающим целям и интересам Закатальского округа»³⁷, единогласно постановил присоединить Закатальский округ к Азербайджанской Республике.

В дальнейшем, в связи с начавшимся наступлением Добровольческой армии генерала А.И.Деникина на Дагестан и Грузию, происходит ещё

³⁵ Эфендиев О.А. Указ. работа, с. 80.

³⁶ Петрушевский И.П. Указ. раб., с. 272.

³⁷ Государственный Архив Азербайджанской Республики (ГА АР), фонд 970, опись 1, дело 6, лист 10.

более тесное сближение интересов Грузии и Азербайджанской Демократической Республики (АДР). 27 июня 1919 года между ними было заключено военно-оборонительное соглашение сроком на три года. Стороны «обязывались выступать совместно всеми вооруженными силами и средствами против всякого нападения, угрожающего независимости или территориальной неприкосновенности одной или обеих договаривающихся республик».³⁸ Армении было предоставлено право в двухнедельный срок присоединиться к указанному соглашению.³⁹

- Взаимоотношения кавказских народов охватывали не только политическую сферу, но они распространялись и на культуру наших народов. Азербайджанская поэзия пользовалась большой популярностью среди народов региона. Многие армянские, грузинские, дагестанские ашуги слагали свои песни на азербайджанском языке. Как тут не вспомнить выдающегося сына Кавказа - поэта-ашуга Саят-Нова, который слагал стихи на азербайджанском, армянском и грузинском языках.

Заключение. Ключевыми вопросами в плане преподавания истории во многих странах Кавказского региона являются:

- преподавание проблем осязаемого прошлого, в частности отношения между соседними странами или этническими группами внутри одной страны;
- преподавание проблем последних лет, в особенности периода коммунизма и этапа демократических преобразований.

Мы думаем, что так, как сейчас преподают историю в школах и рассматривают недавнюю историю, является одним из главных критериев проверки принадлежности системы образования к ценностям демократического плюрализма.

Это, в частности, относится к тому, как интерпретируются различные драматические события и трагедии, в которых «жертвы» и «судьи»

³⁸ Там же, д. 87, л. 31.

³⁹ Там же, л. 32.

зачастую менялись ролями. В этом плане важны двусторонние и многосторонние проекты сотрудничества – разработка учебных планов, подготовка учебников и обмен учащимися.

Преподавание истории должно быть честным, открытым и объективным. При освещении исторических событий необходимо говорить всю правду, даже если она тяжела и болезненна; необходимо учитывать различные точки зрения, то есть представлять «обратную сторону медали». До сих пор при анализе учебников по истории встречаются преднамеренные или непреднамеренные ошибки – особенно там, где рассматриваются взаимоотношения между странами, долгое время находившимися в состоянии конфликта.

Открытый подход в преподавании истории и написании учебников по истории крайне важен при изучении недавних событий, особенно тех, которые до сих пор не избавились от противоречивости и всё ещё продолжают разделять народы. Честный преподаватель истории и хороший учебник должны объяснять учащимся, что в истории были времена, когда настоящие и порядочные люди заблуждались.

Учебник по истории должен вызывать у учащихся интерес к прошлому; изучать противоречивые и «гладкие» события из истории своей страны; предлагать различные оценки событий прошлого; предоставлять подрастающему поколению возможность критически взглянуть на исторические события; предоставлять возможность для самостоятельного обучения.

Касаясь нашего региона, можно отметить, что многие в мире представляют Кавказские страны в качестве некоего единого целого, на самом деле различия между народами нашего региона достаточно существенны. На сегодняшний день крайне мало публикаций и совсем нет учебников и учебных пособий по истории в каждой из стран, где показывалась бы история их кавказских соседей.

Несмотря на политические перемены, которые произошли в кавказских странах, начиная с 1991 года, до сих пор в наших школах нет специального курса по истории Кавказских государств. Именно сейчас наступил тот момент, когда можно объединить усилия

историков и политических деятелей, людей доброй воли по изданию совместного учебника (хотя бы учебного пособия), в котором:

- будет заполнен вакуум по истории Кавказских стран;
- будут отражены общие черты, различия и элементы взаимовлияния культур кавказских народов.

Главным результатом совместной работы по проекту должен стать Кавказский учебник по истории, который первоначально выйдет на русском языке, затем будет переведён на три кавказских языка, английский. Кроме того, результатом участия преподавателей в совместных семинарах по проекту станет приобретение дополнительных знаний, которыми впоследствии они могли бы поделиться со своими коллегами.

Наряду с учебником по истории Кавказа, есть острая необходимость в создании учебного пособия для преподавателей и для тех людей, которые могут пропагандировать идеи перемен в политической, образовательной и культурной среде. Это пособие позволило бы расширить кругозор мышления об истории Кавказского региона и способствовало бы изданию новых учебников для школы.

Очерки истории Южного Кавказа: чего больше – общности или разочарований?

История Кавказа занимает важное место во всемирной истории. Кавказский регион был постоянной ареной столкновений политических интересов великих и малых держав как в древние, так и в нынешние времена. Кавказ и поныне продолжает оставаться в центре внимания крупных держав и мировой общественности, однако, надо признаться, что это внимание в большей степени продиктовано неблагоприятными обстоятельствами. Кавказский регион сейчас находится в вулканическом положении по той причине, что кроме интересов великих государств здесь сталкиваются также интересы местных народов. Веками территория Закавказья оставалась ареной опустошительных войн. Веками народы Закавказья находились под господством то римлян, то Персии, Византии, арабов, сельджуков, а затем татаро-монгольских и других завоевателей. В армянских рукописях 13-15 и последующих веков, а также в грузинских источниках содержится огромный материал о бесчинствах завоевателей, о совместной борьбе народов края против своих поработителей, о том, как в те далекие времена армяне, грузины и азербайджанцы отчаянно искали помощь извне, и, не получив ее, массами погибали в неравных схватках с могущественными завоевателями или покидали свои родные края и искали приют на чужбине.

А если заглянуть в более глубокое историческое прошлое, то армяно-грузинское сотрудничество начинается с пятого века, когда грузинский царь Вахтанг в борьбе с персидским игом попросил помощи у армянского полководца Вагана Мамиконяна. И в этой войне многие из армянских воевод положили свои головы на грузинской земле, защищая свободу грузинского народа.

Стоит вспомнить также армяно-грузинское союзничество в конце 12-го начале 13 вв., когда союзничество армянского княжеского рода Захаридов с грузинским царем Давидом Строителем и Царицей Тамарой освободило оба народа от сельджукского господства.

Можно также утверждать, что народы Закавказья, особенно армяне и грузины, подвергаясь жестоким испытаниям судьбы, смогли сохранить свое физическое существование и самобытную культуру, в том числе благодаря взаимной поддержке в общей борьбе против многочисленных завоевателей.

Народы Южного Кавказа, в разные времена подпав под владычества Турции и Персии, подвергались всяческим стеснениям, социальному и национальному гнету. Религиозные преследования, изгнание коренных жителей с их родных мест - все это превратило Южный Кавказ в фактически отсталый регион. Общая судьба народов Кавказа во многом определила и общие их интересы и задачи освободительной борьбы, в ходе которой закладывались основы дружбы между ними. Естественным, что их политическая ориентация тоже была достаточно близка. Грузинские цари и армянские католикосы в стремлении восстановить независимость своих стран неоднократно искали поддержку у других христианских народов.

В свою очередь Россия, стремясь укрепить свои связи с Грузией, преследовала цель использовать ее территорию как плацдарм для последующих мероприятий против Турции и Ирана.

Начиная с XVII века Южный Кавказ оставался ареной острых военных столкновений между Персией и Турцией. Грузинские царства хотя и уцелели, фактически находились в зависимости от персидского шаха, который стремился полностью подчинить их себе. Усиливается также власть над Арменией и Азербайджаном. На Ближнем Востоке активизировалась также Англия, экономические и политические интересы которой в Персии столкнулись с интересами России, Турции и Венеции.

Неразрешенный в XVI веке спор между Персией и Турцией за Южный Кавказ перенесся на следующий век, которому суждено было

кровью народов региона регистрировать их печаль и мучения в течение всего столетия. Многие города были сожжены, сотни тысяч людей погибли. Особенно пострадали от этих нашествий армянские земли. Полностью была опустошена центральная часть Армении - Араратская долина. Персы, “не давая народу передышки ни на час, стали с крайней жестокостью гнать армян, нанося смертельные удары, отсекали ноздри и уши... отрубали головы и втыкали на шесты...”, - описывает армянский историк Даврижеци.⁴⁰

Такой же была участь грузинского и азербайджанского населения. Десятки тысяч людей были угнаны из Кахетии и Азербайджана. “Раньше, во времена шаха Тахмаспа, - продолжает армянский историк, - они (грузины-А.О.) находились под владычеством персов; позже османский сардар Лала паша пришел, захватил грузинские города, построил в них крепости... и вынудил Симона-хана к бегству.”⁴¹

Изгнанные из своих родных мест, армяне в начале XVII века сосредоточились в персидском городе Испахан, где образовали многочисленную колонию, сыгравшую впоследствии видную роль как в освободительном движении армянского народа, так и в установлении торговых отношений с Россией.

Мужественное сопротивление персидским завоевателям оказывали грузины. Под предводительством Георгия Саакадзе они несколько раз одержали внушительные победы над шахскими войсками. Героические усилия Георгия Саакадзе за объединение Грузии нашли отражение в исторической поэме Иосифа Тбилели “Дидмоуравиани”. Охарактеризовывая тогдашнее положение Грузии (что можно отнести и ко всему Южному Кавказу-А.О.), автор книги “Россия и народы Закавказья” пишет: “Между тем, кровь не переставала литься в Грузии, не было безопасности ни в городах, ни в селениях. Земледелец пахал землю вооруженный, снимал хлеб под пулями, но не склоняясь вовсе перед Алкораним, который силились ввести турки и персияне”.⁴²

⁴⁰ Ն՛ի . Ն՛ի÷. Ածաեաեա Աաձեաեաօե, Է՛ի եա՞ եմո՛ձե՞. Ի ., 1973, թ.54.

⁴¹ Օա՛ի ա՞, թ. 103.

⁴² Ն՛ի . Աաե՛յի Ա.Ա. Ե՛մեյ է իձ՛իա՛ Տաեաեաեա՛սյ, Ի . 1976, թ.48.

Конец XVII века в жизни подвластных Турции народов ознаменовался значительным событием, которое не только способствовало развитию их освободительной борьбы, но и создало благоприятную обстановку для продвижения России к югу. Несмотря на неудачи в войнах с Турцией, Россия не намеревалась терять свое влияние на Южном Кавказе. 2 марта 1711 года в указе Петра I говорилось: "Персидский торг умножить, и армян, как возможно, приласкать и облегчить в чем пристойно, дабы там подать охоту для большего их приезда."⁴³ Петр I стремился присоединить к России Южный Кавказ с целью не только упрочения своих позиций на юге и распространения торговли до пределов Индии, но и для предотвращения возможности захвата этих областей со стороны Турции. В августе 1722 года русские войска овладели Дербентом, который издревле называли Каспийскими воротами. Но народы Южного Кавказа не ждали прихода русских сложа руки. Они формировали вооруженные отряды, поднимали восстания и тем самым ослабляли позиции Турции и Персии.

В укреплении армяно-грузинских отношений весьма значительную роль сыграл грузинский царь Вахтанг VI, который, борясь за политическое объединение Грузии, также много сделал для укрепления единства народов Южного Кавказа в общей борьбе против персидского и турецкого ига. В тесном контакте с Вахтангом действовал также армянский гандзасарский католикос Есаи Гасан Джалалян. Армяне и грузины еще до прихода русских войск формировали вооруженные отряды, поднимали восстания. Скажем больше: посланный в Армению Давид Бек и его храбрые военачальники возмужали в грузинской среде.

Но бесконечные войны, непомерные налоги, жестокая эксплуатация и насильственные переселения в условиях нескончаемых феодальных усобиц окончательно разрушили производственные силы, разорили крестьян Южного Кавказа. В 1738 году в Азербайджане и Дагестане вспыхнуло восстание против персидского шаха Надира. Подавить его

⁴³ Оа̀ì æá, ñ. 58

удалось крупными карательными отрядами. Через несколько лет восстание охватило почти всю Грузию. Антиперсидские выступления не прекращались и в Армении.

Начавшийся распад государства Надира привел к заметному ослаблению персидского владычества на Южном Кавказе и к оживлению освободительной борьбы против него. Многие прежние владения Персии на Южном Кавказе приобрели относительную независимость.

Во второй четверти XVIII века происходит массовое переселение армян в русские владения - в Астрахань, Кизляр, Моздок и другие города. Русское правительство продолжало покровительствовать армянам.

В это же время ухудшилось внутреннее и международное положение Грузии. Активизация завоевательной политики Турции и Ирана, постоянные набеги горцев с севера, а также междусобные войны внутри страны - все это побудило царя Ираклия II искать поддержку у России. 24 июля 1783 года был подписан Георгиевский трактат. Он нашел самый благоприятный отклик среди армянского и азербайджанского народов. Карабахские и Араратские мелики, армянский архиепископ Иосиф Аргутинский, Имеретский царь Соломон II приветствовали этот шаг Ираклия, видя в нем открытие новых перспектив освобождения от векового господства Турции и Ирана. Укрепление Грузии склонило эриванского и гянджинского ханов в 1785 году признать верховную власть Ираклия.

В конце XVIII века и в особенности в первой половине XIX века Закавказье оказалось в центре внимания первоочередных военно-политических планов России. Одним из главных направлений внешней политики России продолжал оставаться Восточный вопрос, важнейшим элементом которого являлся Кавказский регион. Попытки России приобрести эти территории мирным путем результатов не дали. Россия оставалась решать вопрос лишь военным путем. Образовался новый Кавказский фронт военных действий, который почти два века приводил Россию к столкновениям с двумя извечными противниками в регионе: в начале с Персией, а чаще всего с Турцией.

Победы русских войск обеспечили присутствие России в регионе, она приобрела новые обширные территории. Кавказ был покорен.

Россия смогла своим завоеваниям придать идею защиты христианского населения края, которое в свою очередь сыграло важную роль для победы русских войск. Местные христианские народы, в первую очередь армяне и грузины, всячески поддерживали русских, видя в этом свое освобождение от многовекового турецкого и персидского ига. Вместе с тем российский двор этим решал важнейшие внешнеполитические проблемы Российской империи: во-первых, расширение границ открывало выгодные перспективы для русской торговли на азиатских рынках; во-вторых, покровительствуя местным народам, русское правительство приобретало не только политического союзника, но и трудолюбивый и деловой народ, с помощью которого можно было развить экономику южных областей России; в-третьих, императорский двор хорошо понимал, что доведя свои границы до рек Куры и Аракса, Россия сделает свои южные границы недоступными как для Персии и Турции, так и для имеющих свои интересы в регионе - Англии и Франции. Более того, было четкое понимание, что Закавказье станет для России той опорой, которая в дальнейшем будет способствовать распространению ее влияния в странах Среднего и Ближнего Востока. Эти причины и привели Россию к началу великой битвы за Кавказ.

По Туркменчайскому договору, подписанному 10 февраля 1828 года между Персией и Россией, Персия отказывалась от притязаний на Южном Кавказе, а территория Эриванского и Нахичеванского ханств отошли к России. Из присоединенных к России Эриванского и Нахичеванского ханств, 21 марта 1828 года была образована Армянская область. В нее входил также Ордубадский округ.

Туркменчайским договором было завершено присоединение к России Грузии, Северного Азербайджана и Восточной Армении. Но значительные части территорий этих стран продолжали оставаться под властью Персии и Турции. Заключение договора намного укрепило позиции России на Востоке. Южный Кавказ служил не

только сырьевой базой для русской промышленности, но и стал надежным форпостом на южных границах страны.

Присоединение к России Грузии, Северного Азербайджана и Восточной Армении несомненно способствовало более быстрому развитию экономики и культуры этих народов. Усилился также процесс этнической консолидации азербайджанского народа, в результате чего многие тюркские и нетюркские этнические группы слились с азербайджанцами.

Но вместе с тем надо отметить, что, начиная с 30-х годов XIX века, явно наметился новый курс царизма по отношению к народам присоединенных провинций - курс открытого социального и национального гнета. В 1831 году в Закавказье учреждается секретная полиция. Царские власти еще в мае 1829 года установили “тщательный надзор” над теми, кто представлял опасность с их точки зрения. Отсутствие законности проявлялось повсюду: “со стороны местных начальств жители Закавказского края угнетались следующим образом: податный хлеб был собираем местными начальниками в излишестве, и сей излишек оставляли для себя... местные начальники собственно для себя производили с жителей разные подати и сборы... Жители не могли жаловаться на тягость произвольных налогов... местные начальники в закавказском крае были более образцом нарушения законов, нежели блюстителями их...”- говорилось в одном документе тогдашнего времени.⁴⁴

Крестьяне Южного Кавказа то глухо, то открыто выражали свое недовольство политикой царизма. Бесчинства царских чиновников служили причиной восстания крестьян Картли в 1804 году, Кахетии в 1812 году, Имеретии в 1819-1820 годах. В 1829 году восстали азербайджанские крестьяне, в том же году - крестьяне Ахалцихского уезда, а в 1830-х годах - в Армянской области и т. д. Участь народов Южного Кавказа была одинакова, ибо в этих восстаниях армяне, грузины и азербайджанцы боролись бок о бок. Фактически взаимоот-

⁴⁴ Ռ՛. Անօւ, քաճաճի յա Էաաեաճնէի քճաճաճօն-անէի Էի Էնսեա ԴԷԷԷ/, յ.VIII, ք.11.

ношения между армянским, азербайджанским и грузинским населением были довольно сносными, если не сказать дружными. И в Тифлисе, и в Баку, и в центре Восточной Армении - Ереване, живя бок о бок, армяне, грузины и азербайджанцы развивали свои хозяйства, запускали заводы, открывали магазины, делили возникшие проблемы. А если к сказанному добавим факты деятельности в Баку и Тифлисе армянской предпринимательской среды, то это доказывает, что в этих городах армяне имели все благоприятные условия для экономической деятельности. Одним словом, их национальная принадлежность не имела большого значения. Города Тифлис и Баку в течение всего 19-го и начала 20-го вв. были также важными центрами развития армянской культуры. Вместе с тем, наличие в этих городах армянских предпринимателей и деятелей культуры, естественно, имело благоприятное влияние как на грузинскую, так и на азербайджанскую промышленность и культурную жизнь. Другими словами в выигрыше оказались все три народа. С другой стороны, “благодаря” той же имперской политике, межнациональные отношения этих народов быстро менялись, естественно в сторону ухудшения.

Все это означает, что суть проблемы состоит в возможности свободной и независимой жизни каждого народа, ибо только независимость обеспечивает становление каждого народа и дает возможность для его дальнейшего развития. В исторических условиях XIX века ни один народ не мог рассчитывать на социальное и национальное освобождение без соединения своих усилий с усилиями других народов, и в первую очередь - соседних народов. Так, объединение в начале XIX века народов Закавказья в едином государстве, независимо от целей царизма, имело прогрессивное значение не только для развития их экономической и духовной жизни, но и для их последующей национальной консолидации и укрепления связей между ними. Великая заслуга прогрессивных деятелей освободительного движения Закавказья заключается в том, что они отчетливо понимали это обстоятельство и не противопоставляли интересы своих народов интересам других народов. Несомненно, в

Грузии, Азербайджане и Армении существовали различные общественно-политические течения, партии, которые, имея общие характерные черты, обусловленные общими социально-экономическими и политическими условиями Закавказья, естественно, отличались друг от друга некоторыми специфическими проявлениями, обусловленными особенностями исторического развития, их традициями.

Но с ослаблением царизма и с началом революционных процессов в России отношения между армянами, грузинами и азербайджанцами резко изменились. Царское правительство и высокопоставленные чиновники искали любые способы для разобщения народов Закавказья. Они прибегали даже к таким злодеяниям, как разжигание религиозной и национальной вражды между этими народами. Так, 6 февраля 1905 года при попустительстве Бакинского губернатора были спровоцированы армяно-азербайджанские столкновения, продлившиеся несколько дней. Столкновения произошли и в других областях Закавказья. Отсталые слои населения с легкостью подчинялись призывам так называемых “предводителей” и участвовали в погромах. Подстрекательство царских властей подготовило благоприятную почву для разжигания межнациональной розни. Волна погромов началась в ноябре в Баку, после чего перекинулась в Грузию и Армению. И только в сентябре 1906 года царские власти приняли меры по прекращению армяно-азербайджанских столкновений, поскольку необходимость в дестабилизации обстановки прошла. Вместе с тем, не можем не констатировать тот факт, что во время армяно-азербайджанских столкновений с призывами о дружбе выступили представители демократических слоев двух соседних народов, в особенности, армянский поэт Ов. Туманян и азербайджанский писатель М. Сабир.

С падением царизма в Закавказье резко усилились национальные (националистические) тенденции. Национальные советы и действующие в Закавказье политические партии рассматривали в основном территориальные проблемы. В грузинских областях Закавказья заметно

было влияние партии меньшевиков, а в районах, населенных армянами, - влияние дашнакцаканов, в мусульманских же областях - беков. С образованием в 1918 году отдельных независимых республик в Закавказье национальные вопросы не только не разрешились, но и вовсе зашли в тупик. Территориальные претензии вызывали напряженность в отношениях между Арменией, Грузией и Азербайджаном. После провозглашения независимости, между Арменией, Грузией и Азербайджаном возникли территориальные споры. Так, борьба за приграничные территории в декабре 1918 года переросла в кратковременную армяно-грузинскую войну. К делу подключились союзные державы. В январе 1919 года состоялась армяно-грузинская конференция, которая должна была решить все территориальные вопросы. Вопрос о спорных территориях окончательно разрешился в 1921 году, когда Ахалкалаки был отдан Грузии, а Лори - Армении.

Иначе складывались отношения Армении с Азербайджаном. Отношения с Азербайджаном носили напряженный характер. Тем не менее, спорные вопросы Армения стремилась решать мирными средствами. Были проведены переговоры между Арменией и Азербайджаном. Среди спорных вопросов, возникших в отношениях между Арменией и Азербайджаном, основными являлись проблемы Нагорного Карабаха, Зангезура и Нахичевана. Правда, при посредничестве Советской России в дальнейшем как-то решались эти вопросы, но окончательного мира между армянами и азербайджанцами так и не было установлено. С распадом Советского Союза эти вопросы вновь поднялись на арену в более острых формах. Так, уже в новых условиях нерешенность проблемы Нагорного Карабаха привела к кровопролитной войне.

Поэтому, когда мы проводим экскурс в прошлое (а также, делаем сравнение с нашим временем), более понятным становится суть многих неразрешенных проблем, касающихся Южного Кавказа. И как бы не развивались события в нашем регионе в дальнейшем, все же одну неоспоримую истину мы можем констатировать: армяне, грузины и азербайджанцы жили рядом веками и так будут жить всегда.

Заключение:

- Совместное проживание и всестороннее развитие армянского, грузинского и азербайджанского народов должны состояться в этом регионе, независимо от возникших между ними территориальных и этнических проблем. В отличие от политических проблем, деловые и культурные связи у этих народов существовали в атмосфере уступчивости и согласия. Поэтому необходимо, чтобы деловые и культурные связи развивались, и они, как мы считаем, не полностью, но все же будут способствовать политическому согласию в регионе;
- Закавказские народы должны понять, что приобретенная независимость и общее развитие более приоритетны, чем территориальные противоречия, которые к сожалению, как показывает история, продолжительны;
- В качестве важнейшей развязки для решения политических вопросов предлагаем между непосредственными сторонами конфликта в атмосфере взаимодержанности провести обсуждения и, что самое главное, предпринять шаги к искоренению атмосферы ненависти и взаимонеприятия. Одним словом, проблема в **формировании позитивного общественного мнения;**
- Продолжить встречи и обсуждения между интеллигенцией всех уровней этих народов по вышеперечисленным вопросам, особо выделяя положительные стороны из истории этих связей. Это особенно важно, так как, к сожалению, наши общества еще не готовы к полноценному диалогу и, тем более, к компромиссам (особенно когда речь идет о территориальных проблемах);
- Именно в этих вопросах общественные деятели наших стран имеют серьезные проблемы, поэтому международные организации и европейские структуры должны удвоить свои посреднические миссии в регионе. Завтра будет поздно, так как конфликты имеют тенденцию к развитию. В конце концов Кавказ наш общий дом, и этот дом должен иметь надежную опору под мирным небом. Ведь правда, что уроки истории не стареют: они только временно сходят со сцены, а потом возвращаются с новой силой. Возвращаются обязательно.

Для переосмысления грузино-армянских отношений

Многовековыми историческими узами связаны между собой древнейшие представители закавказской цивилизации – грузины и армяне. Видные представители этих народов всегда знали цену друг другу и всячески старались укрепить многосторонние связи, продиктованные жизнью. Еще в средние века грузинская историография разработала теорию общего происхождения кавказских народов и в известном тезисе Леонтия Мровели было предложено оригинальное решение этого вопроса. В связи с этим Корнели Кекелидзе отмечал, что “идея братства закавказских народов, в особенности грузин и армян, была прогрессивной идеей, которая во всей последующей истории этих народов сыграла весьма положительную роль”.⁴⁵

Известный кавказовед акад. Мари Броссе еще в прошлом веке отмечал необходимость изучения взаимоотношений Грузии и Армении. Для обогащения документальной базы грузинской истории с 60-х годов XIX века он занялся изучением армянских источников и на достаточно высоком для того времени уровне перевел и издал 12 из них. Ученый основательно изучил древнюю армянскую литературу, памятники армянской материальной культуры, армянскую нумизматику, сфрагистику и др. и посвятил этим вопросам специальные исследования. Вообще исследования арменологических проблем он посвятил последние два десятилетия своей жизни. Подобная подготовительная работа предоставила ему возможность заглянуть внутрь грузино-армянских исторических отношений, и для их освещения в своих работах особое значение он придавал изучению и анализу материала, сконцентрированного в районе встречи соседствующих народов – в

⁴⁵ Корнели Кекелидзе, Этюды по истории древне-грузинской литературы, т. III, Тбилиси, 1955, 107.

Ахпат-Санаинском и близлежащих краях. Акад. Мари Броссе фактически первый ученый, положивший начало научному изучению грузино-армянских отношений на благо будущих поколений.

Изучению прошлого Грузии и Армении большое значение придавал и акад. Нико Марр. Его исследования в основном касались конкретных вопросов источниковедения. Правда, у Нико Марра нет специальных работ, посвященных историческим отношениям грузин и армян, но в его многочисленных филологических и исторических исследованиях даны глубоко научные наблюдения и сделаны отдельные выводы, не потерявшие своего значения и по сей день.

Мэтр грузинской исторической науки Иванэ Джавахишвили также уделял внимание изучению отдельных вопросов исторических взаимоотношений грузинского и армянского народов. Он рассматривал историю Армении как одну из серьезных возможностей изучения прошлого самой Грузии и для этого усердно исследовал историю средневекового армянского государства и права, историческую литературу, вопросы источниковедения, палеографию, эпиграфику, историческую географию и др.

При изучении экономической истории Грузии Иванэ Джавахишвили заметил, что большинство распространенных в Армении земледельческих орудий были грузинского происхождения или попали в Армению через Грузию, особенно улучшенные пахотные орудия. Также отмечается проникновение-распространение из Грузии в Армению некоторых видов виноградной лозы. Соответствующим материалом ученый не только подтверждает факт экономического сотрудничества между соседями, но и показывает характер этого сотрудничества – “влияние высококачественной земледельческой культуры Грузии на хозяйственные отрасли соседа”.

Иванэ Джавахишвили впервые среди грузинских ученых смог найти ответы на многие кардинальные вопросы, существующие в истории грузинского и армянского народов. Согласно его выводам, вопрос общности или разногласия в вероисповедании в основном зависел от выбора Грузии между востоком – учением и традициями персидской

церкви, и западом – христианством греко-римской церкви. Рядом с политической ориентацией сравнительно второстепенно выглядели национальные и догматичные акценты конфликта.⁴⁶

Необходимо коснуться вопроса общекавказского значения войны за овладение Картли в IX-X вв. В связи с участием в этой войне армянских князей Иванэ Джавахишвили писал: “Если до вступления в войну армянских князей лишь грузины соперничали друг с другом, теперь арена и границы военных действий расширились. Если до сих пор война решала кому править Грузинским государством, то теперь решалась судьба всего Закавказья. Картли являлся центром страны и для будущего каждого князя имело огромное значение, чтобы этот край оставался за ним”.⁴⁷

Со второй четверти XIII века, когда Закавказье становится объектом перманентных набегов кочевников, начинается существенно новый этап грузино-армянских отношений, этот процесс становится особенно явным с XV века. Оторванная от Грузии, оказавшись во враждебном окружении, Армения становится частью разных объединений захватчиков и ее общественное развитие принимает характерную для поработителей, но чуждую для армянского общества форму, весьма осложняя сохранение сложившихся веками отношений с Грузией. Но вместе с тем, в создавшейся ситуации необходимость таких отношений для пользы национальных интересов армян становится явнее. Соответственно, в изменившейся политической ситуации появляются новые формы отношений, которые в течение времени еще более интенсивно развиваются в связи с интересами Грузинского государства. Первенство грузин в освободительном движении становится совершенно закономерным: к тому периоду Грузия единственная сохраняла свою государственность. В основном именно эти объективные условия определяли характер исторических отношений грузинского и армянского народов данного периода.

⁴⁶ Ив. Джавахишвили, История грузинской нации, т. I, Тбилиси 1928, 355.

⁴⁷ Ив. Джавахишвили, История грузинской нации, т. II Тбилиси, 1948; 48.

Общепризнано, что условия окружающей среды имеют огромное значение для общего развития того или иного общества. Именно с этой точки зрения известный грузинский историк Нико Бердзенишвили исследовал специфику исторического развития грузинского и армянского народов. Он отмечает, что из-за хороших хозяйственных условий “точно так же, как и Араратская равнина стала основой формирования армянской нации, так и основу формирования грузинской нации положила сперва земля Квемо Картли, затем Мцхета и Зеда Сопели (вместе с Квемо Картли). Также как и появившийся в Арарате армянский народ ассимилировал не одно неармянское племя, также грузинское племя ассимилировало и огрузинило не одно негрузинское племя”.⁴⁸

При сравнении грузинских и армянских феодальных отношений, в первую очередь, мы должны знать специфику географической среды обитания и природных условий, под влиянием которых формировалась их хозяйственная и общественная жизнь.

Грузия и Армения - горные края. Несмотря на внешнее сходство рельефа, они значительно отличаются друг от друга, что бесспорно отразилось особенно на хозяйственном уровне развития этих соседних государств. Первое, бросающееся в глаза, отличие связано с вертикальной зональностью. 90%-ов всей территории Армении располагается на высоте более 1000 метров, когда лишь 50% грузинской территории находится в этой зональности. Поэтому пахотные земли в Армении, за исключением Араратской долины, находятся значительно выше, чем в Грузии.

С хозяйственной точки зрения еще более существенно различие в климатических условиях. Для Грузии в основном характерен умеренный, а для Армении суровый, континентальный климат. Жарким летом и холодной зимой отличается центральная часть Армении – Севанская котловина и Ширакское и Апаранское плато. В Грузии климат позволяет заниматься земледелием без специальной

⁴⁸ Н. Бердзенишвили, Вопросы истории Грузии, т. VII, Тбилиси., 1975, 249-250.

ирригационной системы, но в Армении из-за засушливого климата до высоты 1500 метров без специального орошения земледелие вообще невозможно. В отличие от Грузии, строительство ирригационной системы для искусственного орошения сталкивалось в Армении с одной дополнительной сложностью – со своеобразием гидрографической сети. Реки здесь в основном протекают в глубоких ущельях, из-за этого для орошения их берегов и близлежащих земель необходимо сооружение множества больших и небольших каналов, начиная почти с истоков рек. Вместе с тем, селевой поток, характерный для всех рек Армении, приносит огромный вред сельскому хозяйству. Поэтому, в отличие от Грузии, основным моментом, определяющим специфику сельского хозяйства в Армении, была зависимость земледелия от искусственного орошения. Из-за излишне сухого климата земледелие здесь испокон веков было прочно связано с ирригационными системами. Этим свойством Армения уподобляется восточным странам, где основным условием земледелия было искусственное орошение.

Необходимо учитывать важную специфику, характерную для данной хозяйственной системы, выражающуюся в том, что искусственное орошение, как правило, всегда осложняло появление и развитие частной собственности на землю. Таким образом, если цивилизации Древнего Востока обуславливались орошаемым земледелием, уже в поздний период то же ирригационное земледелие в том же районе становилось причиной социальной отсталости. Крупные древневосточные государства необходимые для регулирования орошения всячески подавляли частную инициативу и стесняли широкомасштабное развитие частной собственности.

В отличие от Армении, природные условия Грузии не ограничивали развитие земледелия общинными отношениями. Одновременно с орошаемым земледелием в Грузии было широко распространено и неорошаемое земледелие, что способствовало развитию общества в определенном направлении. Неорошаемое земледелие не требует труда большого коллектива, поэтому общинная организация не имеет

здесь прочной основы и, соответственно, препятствия для развития частной собственности весьма незначительны. Зато неорошаемое земледелие требует более сложных агротехнических средств, чем орошаемое и следовательно обуславливает более высокий уровень развития общества (глубокая пахота, развитие селекции, искусственное удобрение земли и др.).

Как отмечал Нико Бердзенишвили, орошение большими реками, производимое лишь царями, интересно не тем, что подразумевает рабский труд, а тем, каким был его эффект для последующего развития страны. Как известно, это явление не породило в Грузии восточного рабства и деспотии. Ранние отношения развили здесь феодализм и частную собственность на землю. С социальной точки зрения, горы не уступили первенства долине, и это стало своеобразием феодальных отношений в Грузии.⁴⁹ В Грузии и Армении были разные хозяйственные условия, и из-за этого общественное развитие в этих странах имело разное, соответствующее хозяйственному развитию направление.

О высшей власти в Армении существуют два противоположных мнения. Согласно одному, феодализм в Армении имел восточную или азиатскую форму, для которой характерно частное и коллективное владение землей, а не частная собственность. В лице царя право на собственность распространялось на государство. Самодержавный и суверенный монарх считался правителем всех государственных земель. Этой точке зрения обычно противопоставляют ту точку зрения, согласно которой армянский феодализм в основном совпадал с западно-европейским феодализмом.

В общем, природно-климатическая среда создавала подобные Востоку хозяйственные условия, поэтому существование земельной собственности восточного или приближенного к нему типа совершенно естественно.

⁴⁹ Н. Бердзенишвили, Вопросы истории Грузии, т. VII, Тбилиси, 1975, 163-164.

Индивидуализация метода производства и небольшой удельный вес коллективных форм ведения хозяйства - результат действия благоприятной природной среды Грузии, изначально составили специфику грузинского общества, обусловив тем самым сравнительно высокий, чем у соседней Армении, уровень института частной собственности.

Таким образом, отличные хозяйственные условия определили разные темпы феодального развития в Грузии и Армении.

В Грузии быстро распалась и окончательно исчезла община (на равнине), это открыло широкие возможности институту частной собственности, уже достаточно развитому к тому времени. Грузинский феодал окончательно завладел не только землей, но и производителем. Тем самым грузинские феодальные отношения в значительной степени уподобляются западному феодализму.

Из-за своей большой экономической значимости община сохранила в Армении известную прочность и устойчивость, ограничив широкое распространение института частной собственности и его свободное функционирование. Все это придавало некий восточный оттенок феодальным отношениям в Армении и препятствовало углублению процесса феодализации, завершению развития феодальных институтов.

XIII-XIV вв. (так же как и XII в.) в истории грузинского и армянского народов известны как особый этап в истории их развития. Развитые и сформированные в эту эпоху формы отношений определили будущие отношения между этими двумя народами. Как отмечает грузинский историк Гурам Майсурадзе, “период, когда армянские земли находились в составе феодальной монархии Грузии, настолько повлиял на сознание современников, что когда позднее (уже в XVIII в.) в политических кругах Армении рассматривался вопрос освобождения армянских земель и восстановления Армянского государства, это

последнее рассматривалось лишь в границах объединенного Грузино-Армянского государства.⁵⁰

Несмотря на неблагоприятные внешние условия, грузинское феодальное общество конца X и середины XI в. успешно разрешило задачу первоочередного значения – объединилось и воссоздало единое Грузинское государство. Это было уже серьезной заявкой для последующего решения более масштабных и значимых общекавказских задач. В отличие от Армении, Грузия выдержала натиск Византии, ну а в войне с турками не только сохранила государственную организацию и структуру, но добилась и того, что возглавила освободительное движение всего Закавказья. Необходимость консолидации закавказских народов против турков-сельджуков породила идею создания единого многонационального государства на Кавказе и ускорила ее практическое осуществление. После изгнания турков из Закавказья, территории, где преобладало христианское население, вошли в состав Грузинского государства. Процесс освобождения и передачи армянских земель под власть грузинской монархии завершился к началу XIII века.

В этом большом культурном процессе (т.е. в процессе взаимообогащения и сближения культур) целый ряд этнических, политических и культурных понятий и терминов меняли свое первоначальное содержание и стали обозначать более объемные единицы. Например, в этом периоде слова “Грузия” и “грузинский” стали именами собирательными и кроме Грузии и грузин обозначали новое политико-культурное объединение – кавказское феодальное пространство и его жителей. По мнению грузинского летописца, первого историка царицы Тамар, автора “Истории и восхваления венценосцев”, этот мир простирался от “Никопсии (современный город Туапсе на Черном море) до Дарубанда (современного Дербента)”, где “собирается воинство грузинское.” Таким же просторным краем представляют Грузию и другие авторы того периода. Проанализировав сведения

⁵⁰ Гурам Маисурадзе, Взаимоотношения грузинского и армянского народов в XIII - XVII веках, Тбилиси, 1982, 79.

этих авторов, Нико Бердзенишвили заключает: “что Грузия в их представлении многонациональное, но единое государство, где грузинский народ являлся определяющей силой”.⁵¹

Исходя из этого, Армения, политически полностью зависящая от Грузии, искала путь к сохранению своей национальной самобытности лишь в религиозном отличии, поэтому политика, пренебрегающая своеобразием вероисповедания, сталкивалась с их ожесточенным сопротивлением. По словам Стефаноса Орбелиани, в те времена на собраниях национальной армянской церкви всенародно проклинали всех единомышленников “грузин и греков”. В защиту национального вероисповедания создавались теоретические сочинения, в которых были представлены попытки аргументирования истинности армянской исповеди и невозможности церковного объединения с грузинами. “Огрузинивание” армян было действительно сложной задачей, так как к тому времени национально-вероисповедальческая позиция армян, имеющих высокую культуру и большую историю, была четко выражена, но проводимая государством национальная политика видимо все же давала желаемые результаты. По сведениям грузинского летописца, после одного из известных церковных споров в Тбилиси «огромное количество армян явилось для крещения». После этого еще более утверждаются позиции халкедонизма в глубине самой Армении.

Таким образом, грузинское христианство и грузинская феодальная культура являлись эффективным идеологическим средством объединения народов, живущих в христианских государствах Закавказья. Успех этого процесса был обусловлен общими интересами закавказских феодалов и своеобразием развития Кавказа.

В этой благоприятной обстановке, когда вошедшая в состав Грузии Армения беспрепятственно развивалась культурно и социально-экономически, грузинская феодальная монархия совершенно закономерно воспринималась армянским населением как собственная государст-

⁵¹ Нико Бердзенишвили, Вопросы истории Грузии, т. VII, Тбилиси, 1975, 295.

венность, тем самым признавая и культурно-политическое единство с ней. Как отмечает выдающийся грузинский историк Симон Джанашиа: “Идеологическая и психологическая сторона вопроса выражалась в том, что армянское население воспринимало грузинскую государственность со всем своим правительственным аппаратом как собственную государственность”.⁵²

К 20-ым годам XIII века на население Закавказья обрушились тяжелые испытания. Разведочные атаки монголов были первыми знаками грядущих несчастий для избалованной победами страны. В эпоху татаро-монгольских нашествий полностью проявились “роковые” недостатки развитой феодальной системы. Перед лицом опасности частные интересы феодалов перевесили государственные интересы, и вместо объединения оборонительных сил страны грузинские вельможи по отдельности сдавались врагу с надеждой сохранить власть над собственными уделами.

Характерно, что не смотря на политику разобщения, правления монголов, в те времена знать армянского края Грузии вновь стремилась к грузинскому царскому двору, не выходя из пространства грузинских феодальных отношений. Таким образом, социально-экономическая и политическая жизнь кавказской Армении и в тяжелые времена монгольского господства была тесно связана с Грузинским государством, и внешняя сила, с этой точки зрения, не смогла внести существенных изменений в старые отношения.

Нашествия монголов нанесли серьезный урон экономике развитой агрикультурной системе страны. Особенно пострадали армянские общины Грузии. Плодородные долины Иори и Алазани стали местом частых набегов татарских полчищ, но еще более обширные земли они заняли в Армении.

Подобная картина была и в период вторжений Тамерлана. В Армении, где со времен господства монголов крестьяне и так были чрезмерно притеснены кочевниками, в результате засилья новоявленных Тамер-

⁵² Симон Джанашиа, Об одном примере искажения исторической правды, Тбилиси, 1947, 47.

лановских захватчиков слой местных землевладельцев в основном был заменен аристократией кочевников. Даже в таком центральном крае страны, каким был Лоре, грузинское дворянство было вынуждено уступить земельные угодья туркменам и покинуть родные места. Малочисленные и притесненные врагом армянские феодалы не были в силах пополнить грузинское войско и совместно защитить общее “христианское” государство.

Таким образом, в XIII-XIV вв. характер отношений грузинского и армянского народов определяли общие государственные интересы, которые равно отвечали стремлению обоих народов защитить общекавказский феодальный мир с характерным для него политическим и идеологическим строем, достигнутым в результате многовекового труда и борьбы предков. Нашествие и господство кочевников не только не пошатнули единство грузинского и армянского народов, но, пожалуй, сделали еще более явной необходимость подобных отношений. Наряду с усилением сознания единства постепенно сглаживались и конфессиональные противоречия.

Впоследствии, особенно начиная с XV века развернувшиеся на Ближнем Востоке и в Армении политические события нанесли большой урон армянскому национальному организму как физически, так и с точки зрения внутреннего развития. Смежные с Араратской долиной и Араксом края почти полностью опустели, место согнанного с тех земель населения заняли инородные этнические массы. Естественно, массовая миграция армян XIV-XV веков отрицательно влияла на их национальное развитие. Достаточно заметить, что к концу XVIII века в Восточной Армении армянское население составляло не более 20 %-ов.

Естественно у разбросанных по всему миру армянских колоний были разные условия развития, что соответственно влияло и на национальное самосознание проживающих в разных странах армянских колонистов. В данной ситуации единство территориальной и экономической жизни было фактически полностью разрушено, а без этого единства сохранению и развитию этнической самобытности армянской

диаспоры грозила серьезная опасность. Как известно, со временем армянские колонии приморских городов Нидерландов, Польши и Италии совершенно ассимилировались с местным населением, поэтому они более не принимали никакого участия в общей армянской жизни. Причиной этому стало политическое угнетение, осуществляемое в этих странах по отношению к армянам. В тех странах, где проводилась грубая ассимиляторская политика, инстинкт самосохранения заставлял армян бороться за собственную самобытность. Но эта самобытность была весьма условной, так как рано или поздно в чуждой социально-политической и культурной среде потеря этой самобытности была почти неизбежна. По мнению Нико Марра, склонность армян к торговле была прямо пропорциональна их денационализации. В этом случае Нико Марр подразумевает специфические условия жизни и труда армянских торговцев, заставляющие их не только приспособляться к чужой обстановке, но и часто поступаться национальными интересами ради экономической выгоды.⁵³

Национальное самосознание в армянских колониях развилось сравнительно позднее, с тех пор как сильная конкуренция западного капитала и дискриминационная экономическая политика восточных деспотий заставили армянские торговые круги позаботиться о создании опорной базы. Необходимо отметить, что реальную возможность собственного национального развития армянское общество позднего периода связывало именно с Грузией и с грузинской государственностью. Причину этого важного явления следует искать не только в общих политических целях и культурной близости с Грузией, но и в том, что в борьбе за независимость Грузинское государство символизировало в сознании армянина возможность восстановления старого и создания нового единства. Таким образом, оказавшись в Грузии, армянин не ощущал себя чужаком и вместе с коренным населением считал себя законным гражданином этой страны. Грузинское государство со своей стороны ничем не стесняло эти стремления.

⁵³ Гурам Маисурадзе, Взаимоотношения грузинского и армянского народов в XIII-XVII веках, Тбилиси, 1982, 289.

В подобной доброжелательной обстановке все слои армянского феодального общества имели благоприятные для жизнедеятельности условия. Очевидно, что и конфессиональные противоречия были значительно смягчены. Данные, отражающие противостояния религиозного характера, в источниках XIV-XV веков практически не встречаются.

В этот сложный период, Грузия, итак обессиленная бесконечными войнами с туркменами, оказалась лицом к лицу с коварным врагом, постепенно приближающимся с юго-запада – новым соседом – военно-феодальным государством турков-османов. Уже в XV веке проблема его сдерживания и нейтрализации серьезно встревожила не только Кавказ, но и другие мусульманские страны Ближнего Востока: борьба против этой новой силы стала приоритетной и для европейской дипломатии того периода.

С начала XVI века между Ираном и Османской империей начинается длительная война для установления господства на Ближнем Востоке. Поставленная задача в первую очередь требовала от воюющих сторон завоевания Закавказья, захвата стратегически важных территорий и торгово-транспортных путей, проходящих в этих краях. Начиная с этого периода вплоть до 30-ых годов XVII века, эти великие завоеватели, за очень редкими исключениями, не гасили пламени огня в Закавказье. С обеих сторон война велась с крайней жестокостью.

Пресечь безнаказанные набеги врагов было возможно лишь путем объединения сил кавказских народов. Эту простую истину хорошо понимали в Закавказье, особенно в Грузии, где, начиная с XII века, эта важная политическая проблема не сходила с повестки дня. Но в указанный период для осуществления этой великой идеи были самые неблагоприятные условия. В соседней Армении уже давно перестала существовать местная политическая власть, основанная на исторических и культурных традициях. Обессиленные междоусобицами восточные соседи Шаки и Ширван превратились в провинции Ирана. Сама Грузия, политически раздробленная, также была объята междоусобицами. Организацию борьбы против общего врага, разумеется, следовало начать с попытки объединения Грузии, что подразумевало

и восстановление исторического единства, т.е. объединение Закавказья. Таким образом, народы Закавказья не только сочувствовали самоотверженной борьбе грузинского народа, но и активно поддерживали его в этой великой войне. В центре этих событий стояло Картлийское царство, не признававшее факт политического распада страны.⁵⁴

На рубеже XVI- XVII веков на Ближнем Востоке расстановка сил изменилась в пользу Ирана. Но за власть над Кавказом теперь уже соперничали не только Иран и Османская империя, но и Россия, в виде третьей силы, активно включившаяся в эту борьбу. Она во весь голос заявила о своих правах на “покровительство” закавказских христианских народов, их царств и княжеств.

В этот период, в процессе борьбы за независимость четко вырисовался характер грузино-армянских политических отношений. Картлийский царь Теймураз I (1606-1648), укрепив государственные границы грузинской феодальной монархии, заявил претензию на политическую гегемонию в Закавказье. Один из самых уважаемых католикосов в истории Армении – Мовсес, сам предложил Теймуразу I венчать его царем грузинским и армянским и заявил, что армянская знать сама желает этого.

В грузинской действительности был возможен лишь союз крупных феодальных княжеств. Но важно то, что для католикоса армян эти отдельные политические единицы представляли одну единую “христианскую” страну, которая резко противопоставлялась мусульманскому миру. Поэтому борьба за возрождение “христианского мира” в сознании армянской аристократии обозначала спасение и возрождение Армении. Здесь же необходимо отметить и то, что установление в Закавказье политической гегемонии и объединение христианских народов в одно государство, грузинские правители считали возможным лишь договорившись с армянскими политическими кругами.

⁵⁴ Очерки по истории Грузии, т. III, Тбилиси, 1973, 85.

Таким образом, в XV- XVII вв. на грузино-армянские отношения крайне отрицательно отражались сложные внешнеполитические условия, которые окончательно разрушили достигнутое веками культурно-политическое единство и направили их будущее по разным путям развития. В окружении чужеземцев задачей братских народов стала “реставрация на Кавказе христианского государства”. Характер отношений грузинского и армянского народов к данному периоду в основном определяло главенство грузинского государства в этой освободительной войне, соответственно большая часть армян считала “спасенную Грузию” своей заступницей и надежным убежищем. Пожалуй, именно поэтому армянская аристократия и большая часть народа поддерживали грузинскую государственность и тесно сотрудничали с ней.⁵⁵ Во второй половине XVII в. экономический подъем в Закавказье способствовал развитию новых экономических отношений между соседними странами. К этому периоду одной из значительнейших форм экономических отношений грузинского и армянского народов можно считать привлечение армянского населения в Грузию и его активное включение в хозяйственно-экономическую жизнь Грузинского государства.

Привлечение населения из соседних стран в первую очередь было обусловлено экономическими мотивами и ставило целью оживление городской жизни и сельского хозяйства. Армянские источники с благодарностью упоминают грузинских царей, создающих для армянского населения благоприятные условия проживания. Этот процесс особенно связан с царством в Картли и Кахетии Ростом (1633-1656), с началом сравнительно длительного мирного периода, предоставившего возможность царственным потомкам мухранских Багратионов провести в стране широкомасштабные восстановительные мероприятия.

⁵⁵ Г. Маисурадзе, Взаимоотношения грузинского и армянского народов в XIII -XVII веках, Тбилиси, 1982, 162.

Армянское население селилось в Грузии не только по собственному желанию, иногда грузинское правительство прибегало к особым мерам, например, в 1779 году во время похода против ереванского хана царь Картли и Кахетии Ираклий II (1744—1798) расселил население восьми армянских деревень по разным городам и селам Грузии. Эти действия Ираклия II были обусловлены экономическими соображениями.

Самым важным с экономической точки зрения было включить переселенное армянское население в торговлю. Видимо этот процесс был стимулирован тем обстоятельством, что переселенное лицо в новых условиях не было ориентировано на обладание собственным хозяйством и основу собственного материального благоденствия видело в торговле, тем самым избегая социальных конфликтов с коренным населением.

К этому периоду своеобразной формой грузино-армянских экономических отношений являлась определенная связь крупной землевладельческой организации Эчмиадзина с грузинскими землевладельцами и с торгово-производственными организациями грузинских городов. Связь Эчмиадзина с грузинским правительством сближала их экономические и политические интересы, способствуя углублению добрососедских отношений между этими двумя народами.

В XVII-XVIII веках основной формой грузино-армянских экономических отношений, пожалуй, была торговля, благоприятствующие ее развитию условия возникают в Кахетии еще в XVII веке. С 30-х годов XVII века в Картлийском царстве крупнейшим центром ремесленного производства становится столица Грузии Тбилиси, где к тому времени были представлены почти все отрасли ремесленного производства.

Функционировало несколько торгово-транзитных дорог, связывающих города Грузии и Армении. Самыми значительными из них являлись торговые маршруты: 1. Шемаха – Араши – Гянджа – Тбилиси – Ереван и Баку – Нуха – Кахетия – Тбилиси – Ереван. Эти дороги связывали друг с другом крупные ремесленно-торговые центры вос-

точного Закавказья, затем связывали их с торговыми магистралями Ирана и Турции и собирались в Тбилиси.

Армянские купцы, особенно представители торговых компаний Ареза и Испахана совмещали с торговлей и дипломатическую службу, помогая грузинским царям налаживать контакты с монархами и крупными политическими деятелями разных стран. Часть армянских купцов, исполняя поручения государственной важности, связывала с возможным усилением Грузии и будущее собственной родины. Идея создания единого федеративного Грузино-Армянского государства зародилась и окончательно сформировалась в кругу именно этих купцов.⁵⁶ [5,193].

Начиная со второй половины XVII века социальный слой купцов, несмотря на нестабильные внутренние и внешние условия, находится в процессе роста и развития. В грузинских источниках этнический термин “армянин” (по-грузински “сомехи”) часто идентифицируется с социальным – “купец.” Например, Давид Батонишвили разъясняет: “Армяне составляют слой населения, занимающегося коммерческой деятельностью как внутри страны, так и за пределами Грузии... Эту нацию в Грузии видели лишь в торговле”. Подобными сведениями располагают и путешественники-чужестранцы. Согласно одному из них: “Здесь (грузинские) дворяне пренебрегают ремеслами и торговлей... Такие дела улаживают чужеземцы, армяне, евреи, которые в большом количестве проживают в их стране”. Впрочем, обозначение этническим термином “армянин” всего социального слоя должно обозначать лишь преимущество этого этноса в торговле, а не их абсолютную монополию в данной сфере.

Таким образом, употребленный в грузинских источниках синоним купца этнический термин “армянин” в XVII-XVIII веках в грузинской действительности расширяет свое значение и наполняется социальным содержанием. Более того, “армянин” становится преимуществен-

⁵⁶ Гурам Маисурадзе, Взаимоотношения грузинского и армянского народов в XIII - XVII веках, Тбилиси, 1982, 193.

но социальным термином и употребляется для обозначения целого социального слоя, иногда охватывая почти все городское население.

Противоположным “армянину” понятием является имеющий также социальное значение термин “грузин” (по грузинский “кართვეли”), употребляющийся преимущественно для обозначения феодальной аристократии. Этническое имя это сословие получило из-за преобладания в нем грузин и, соответственно, была определена и конфессиональная принадлежность – грузинское православие.⁵⁷

Необходимо заметить, что лица не армянской национальности, занимающиеся торговой деятельностью, как правило, становились армянами – принимали григорианство. Так же поступали и грузинские купцы-ремесленники. Профессиональные объединения грузинских городов – “амкари”, из-за большего удельного веса армян в торговле, связывались с монофизитской церковью. Поэтому вступить в эти объединения и получить на этой основе определенные привилегии было возможно, лишь приняв армянское вероисповедание.

Как известно, обе социальные группы, наряду с другими, представляли единое грузинское феодальное общество, где последующее развитие грузинского этно-социального единства соответствовало характеру прогресса производительных сил страны и общества. Особенно интересно, что в этот период для проживающего в Грузии армянского населения разговорным и письменным языком является в основном грузинский. Отголоском этого обстоятельства стало формирование и развитие трехязычной поэзии ашугов (народные поэты и певцы на Кавказе), представителями которой были Саят-Нова, Шамчи-Мелко, Гурджи-Огли и др., пользовавшиеся огромной популярностью и любовью.

Как отмечают ученые, итоги многосторонних отношений грузинского и армянского народов в некоторой степени отразились в многовековых этнокультурных процессах. Характер и интенсивность этих процессов непосредственно зависели от особенности общественного

⁵⁷ Гурам Майсурадзе, Взаимоотношения грузинского и армянского народов в XIII - XVII веках, Тбилиси, 1982, 306

развития государств-соседей, обусловленной наряду со спецификой местных условий, также творческим трудом двух народов и их самоотверженной борьбой против захватчиков. Сохраненная грузинским народом государственность, стимулировала и армян к борьбе для последующего развития Армении. Позднее, в XVI-XVII веках, армянский торговый капитал оказал положительное влияние на социально-экономическое развитие Грузии, этому процессу сопутствовало принятие незначительной частью грузин, работающих в этой сфере, армянского вероисповедания - григорианства. С другой стороны, вместе с общественным прогрессом государства большая часть проживающих в Грузии армян, продвигаясь вперед в государственных и административных структурах, огрузинивалась – принимала православие и входила в состав грузинской этно-социальной единицы. Естественно, подобные явления способствовали урегулированию социально-этнических взаимоотношений внутри страны, обеспечивая внутреннюю стабильность и могущество страны.

Культурно-просветительская деятельность грузинской диаспоры в Азербайджане в конце XIX и в начале XX века

В статье рассматривается вопрос культурно-просветительской деятельности грузинской диаспоры в Азербайджане. Положение грузинского населения Эрети здесь не затрагивается, т. к. в данном периоде исторический округ Закаталы не входил в состав Азербайджана и рассматривался в составе Грузии, входящей в свою очередь в Российскую империю.⁵⁸ Со второй половины XIX века происходит массовая миграция грузин в разные города Азербайджана: Баку, Гянджу, Акстафу и др.

В XIX веке в связи с развитием нефтяной промышленности на Апшеронском полуострове Баку стал мощнейшим промышленным центром Закавказья. В 1872 году правительство с публичного торга продало частным лицам нефтяные скважины, среди которых были и грузины: С. Зубалашвили, А. Эристави, Джакели и др.⁵⁹ С 1877 года бакинская нефть полностью вытеснила нефтяные компании Европы и Америки сперва из Закавказья, а затем из всей Российской империи. В 1901 году процентное соотношение с мировым рынком нефтедобычи Азербайджана составило 50,7 %.⁶⁰ В индустриально развивающемся Баку прибывало множество людей из России и Закавказья, в том числе и грузины. Их число росло с каждым годом.

К 1904 году число грузин, проживающих в Баку, составляло 3149 человек.⁶¹ Они компактно заселили один район, создав “колонию

⁵⁸ Газета “Цнобис пурцели,” №717, 1899, 2.

⁵⁹ Паата Гугушвили, “Происхождение и развитие капитализма в Грузии и Закавказье,” 1941, 227.

⁶⁰ Паата Гугушвили, ук. соч., 284.

⁶¹ Газета “Сахалхо газети,” №1103, 1914, 3.

бакинских грузин”⁶², и их большинство составляли рабочие. Грузины работали в Баку в разных казенных учреждениях. Кроме них здесь жили и видные грузинские большевики: И. Сталин, Ф. Махарадзе, А. Цулукидзе, М. Цхакая и др. Они не принимали участия в культурно-просветительской деятельности грузинской диаспоры в Баку.

Бакинские грузины имели свои печатные органы на родном языке. 14 января 1910 года вышла еженедельная газета “Марцвали” (“Зерно”), имеющая литературно-политическое и научно-историческое направление (вышло всего 10 номеров). С первого января 1913 года издается еженедельный грузинский литературно-политический журнал “Цкаро” (“Родник”), вначале он не пропагандировал идеи лишь одной политической группы, но с марта 1913 года журнал был переименован в “Чвени Цкаро” (“Наш Родник”) - и стал пропагандировать идеи большевиков. В этом журнале печатались статьи Ф. Махарадзе и Н. Жордания, касающиеся национального вопроса.

Для оказания помощи экономически нуждающимся соотечественникам, грузинская интеллигенция каждый год устраивала благотворительные вечера.

“С благотворительной целью в 1899 году был устроен вечер, на котором кроме грузинской диаспоры присутствовали и представители других национальностей”.⁶³ Грузинские вечера были достаточно доходными, их с удовольствием посещали представители почти всех национальностей, проживающих в Баку.

В 1914 году газета “Сахалхо газети” писала: “В Баку грузинские вечера стали традицией. Уже 23 года, как проводятся эти вечера, так что через два года бакинцы устроят уже юбилейный вечер. Здешние грузины любят эти собрания. Каждая семья считает своим долгом присутствовать на них и вносить свой вклад в общее дело. Раньше, когда грузинская диаспора была немногочисленной, большая часть пожертвований приходила на долю негрузинского населения. Сегодня же большая часть пожертвований поступает от грузинских благот-

⁶² Газета “Иверия,” №61, 1903, 4.

⁶³ Газета “Цнобис пурцели,” №717, 1899, 3.

ворителей. Как раньше, так и сегодня прибыль с этих вечеров обеспечивает существование грузинских культурных учреждений. В течение 23-х лет не было ни одного случая, чтобы прибыль с этих вечеров составляла меньше 400 рублей”.⁶⁴ Несмотря на солидные пожертвования, для нуждающихся грузин этого было недостаточно. 3 марта 1903 года для поддержки соотечественников было созвано специальное собрание, на котором было решено создать “Общество по оказанию помощи жителям Баку и близлежащих районов”.⁶⁵ В устав этого общества входили следующие пункты:

1. В бакинской диаспоре давно созрела мысль о необходимости налаживания более тесных взаимосвязей между бакинской диаспорой и мигрантами, временно или постоянно проживающими в близлежащих районах города;
2. Основной задачей общества являлось оказание моральной и материальной помощи нуждающимся грузинам посредством просветительских и других общественных организаций;
3. С целью улучшения экономических условий, общество материально помогало потерявшим работу и доход соотечественникам, помогало их семьям и при несчастных случаях, одновременно выдавая пособия и кредиты, активно вмешивалось в решение всех малых и больших проблемных вопросов, касающихся экономической жизни членов общества.

Несмотря на то, что местные власти грубо вмешивались в работу Общества взаимопомощи грузин, их деятельность была весьма плодотворной. С начала 80-х годов

XIX века в Баку постепенно формируется театральная труппа, большую часть которой составляли непрофессионалы. В 90-х годах к ним присоединилась небольшая группа профессиональных актеров, и в начале XX века театральная труппа превратилась в Грузинский театр. Грузинский театр проводил значительную благотворительную работу: “В 1904 году была поставлена пьеса В. Гения “Брат и сестра”. На

⁶⁴ Газета “Сахалхо газети,” №1103, 1914, 3.

⁶⁵ Газета “Иверия,” №61, 1903, 4.

представлении был аншлаг, и спектакль имел большой доход. В 1905 году была поставлена пьеса “Несбывшиеся мечты” и пятое действие спектакля “Родина”. Две трети прибыли от спектаклей были переданы в фонд помощи февральским жертвам армяно-татарской резни, а одна треть была передана читальному залу. Второе представление было дано в пользу репрессированных гурийцев (провинция в западной Грузии). Но большая часть дохода и в этом случае была передана для пополнения русско-грузинской библиотеки”.⁶⁶

Бакинские грузины всегда помогали “Обществу распространения грамотности среди грузин”. В 1909 году был создан и бакинский филиал этого общества. Общество проводило важную культурно-просветительскую работу в Баку. 5 апреля 1904 года бакинский меценат Стефане Зубалашвили в связи с 25 летием со дня основания Общества распространения грамотности среди грузин пожертвовал 10 000 рублей в фонд помощи этого общества.⁶⁷ Обществу распространения грамотности среди грузин оказывали финансовую поддержку грузины, проживающие в городах: Закатала, Гянджа, Акстафа, Евлах, Геокчай, Салиан, Куба, Ленкорань.

17 октября 1905 года был провозглашен императорский манифест, предоставляющий свободное право на создание различных союзов. В 1907 году были созданы: Бакинское профессиональное общество, Общество содействия нуждающимся, разные женские кружки и др. Деятельность бакинского кружка грузинских женщин была весьма многосторонней и плодотворной. Члены общества собирали пожертвования среди состоятельных грузин и раздавали нуждающимся, устраивали театрализованные представления. В 1913 году они открыли профессиональную школу для юных девиц, где учениц обучали вязанию, вышиванию, кройке и шитью и другим полезным вещам. Среди защитников грузинской культуры были не только грузины, но и часть азербайджанской интеллигенции. Известная своей

⁶⁶ Л. Курулашвили, Грузинский театр в Баку, Тбилиси, 1974, 36-37.

⁶⁷ М. Гюльмамедов, “Общество распространения грамотности среди грузин и грузинская диаспора в Азербайджане,” Тбилиси, 1985, 12.

благотворительностью Лиза-ханум Мухтарова и ее супруг Муртуза Мухтаров с большой любовью относились ко всему грузинскому. В 1904 году они пожертвовали 500 рублей Бакинской грузинской школе.⁶⁸ Бакинские грузины не только наблюдали за событиями, происходящими в Грузии. В 1914 году по инициативе Общества распространения грамотности среди грузин был основан особый комитет при бакинском отделении общества, собранная им сумма в 2000 рублей была послана нуждающимся аджарцам (историческая провинция на юго-западе Грузии).

В 1909 году в Баку проживало более 4 000 грузин, и их число росло с каждым днем. Они были интегрированы с другими народами, это создавало опасность потери родного языка и полной ассимиляции. Это хорошо понимали представители грузинской интеллигенции Баку и искали выход из создавшегося положения. В 1908 году Общество распространения грамотности среди грузин разработало новый устав, предусматривающий открытие филиалов общества в новых местах. Именно на основе этих изменений появилась идея открытия нового отделения в Баку. Грузинские мигранты обратились к руководству общества за разрешением на открытие Бакинского филиала.

В мае 1909 года председатель организации Общества распространения грамотности среди грузин дал согласие на открытие бакинского филиала. В 1910 году правление Бакинского отделения уже имело годовой отчет и программу действия, в которой были четко определены приоритеты. Задачей Бакинского отделения было открытие грузинских школ, обеспечение всем необходимым бесплатных книгохранилищ и читальных залов. Правление также считало нужным устраивать чтение лекций, освещающих вопросы истории и литературы Грузии, так как грузинская молодежь не имела возможности изучать родной язык и историю. На одном из совещаний Бакинского отделения был избран временный комитет, который вместе с правлением должен был обеспечить открытие школ. В результате

⁶⁸ <http://forumka.az/index.php?s=58783762381592c62fd511abd95cac2d&showtopic=12207>

активной деятельности 4 октября 1909 года в Баку открылась грузинская школа, имеющая два отделения для учеников обоих полов с 7 до 13 лет. В школе числилось 45 детей, среди них 22 юноши и 23 девицы. Число желающих учиться в грузинской школе постепенно росло. В 1911-1912 учебном году открылось 3-е отделение, а в следующем году - 4-е отделение. Помимо пожертвований основным доходом школы была солидная сумма, собранная на грузинских благотворительных вечерах.

1 декабря 1918 года в результате политических процессов, имеющих место в Азербайджане, грузинская школа закрылась. Но 1 сентября 1920 года работа школы возобновилась. Помимо Баку, самая большая грузинская диаспора была в Гяндже. Туда съезжались работать со всей Грузии. С 1894 года в Гяндже устраивались грузинские вечера и всю сумму благотворительных пожертвований (до 400 рублей) каждый год посылали Обществу распространения грамотности среди грузин.

В 1904 году в Гяндже проживали 705 грузин.⁶⁹ Часть интеллигенции часто устраивала для них встречи и вечера. Несмотря на значительные препятствия в конце 1912 года в Гяндже был создан кружок песни и танца, который 2 февраля 1913 года устроил вечер грузинских песен и танцев и собранную сумму 695 рублей переслал Обществу распространения грамотности среди грузин в Тбилиси.

В ноябре 1913 года в Гяндже было основано Гянджийское отделение Общества по распространению грамотности среди грузин и на созванном им собрании был поставлен вопрос об открытии грузинской начальной школы. Решив финансовые вопросы, собрание приняло решение открыть школу в 1914 году. Но из-за известных политических событий открыть школу не удалось. Грузины проживали также в Акстафе и имели грузинский читальный зал. Общество распространения грамотности среди грузин снабжало библиотеку грузинскими книгами. В 1888-1901 годах библиотека получила из Тбилиси произ-

⁶⁹ “Кавказский календарь,” 1906, 322.

ведения грузинских писателей и учебники на родном языке. В Акстафе в основном жили грузинские рабочие. Они ежегодно помогали Обществу по распространению грамотности среди грузин.

Таким образом, в конце XIX и в начале XX века грузинская диаспора в Азербайджане сумела сохранить национальную самобытность. С этой точки зрения, положение грузин, проживающих за пределами Грузии, было вдвойне тяжелое. В тот период малочисленным народам, входящим в состав империи, Россия запрещала получение образования на родном языке. Для оторванного от родины грузина проживание на чужбине в какой-нибудь губернии Российской империи создавало плодотворную почву для обрусения. Важно, что новый устав Общества распространения грамотности среди грузин позволял жившим на чужбине соотечественникам создавать филиалы организации. С целью развития национального самосознания созданное в 1909 году Бакинское отделение проделало огромную работу: была основана грузинская школа, библиотека, театр, хор - все это являлось важнейшим условием для сохранения самобытности диаспоры.

В 1918-1920-х годах, в связи с неблагоприятным развитием политических процессов в Азербайджане, большая часть грузин, проживающих в Баку, покинула город. Одна часть эмигрировала в другие страны, другая – вернулась на родину. 15 декабря 1936 года из-за небольшого количества грузинского населения Народный комиссариат просвещения Азербайджана издал приказ об упразднении Грузинского театра, а в 1960 году та же участь постигла и грузинскую школу.

Глава 2. Положительный опыт проживания не- титульных народов на ЮК, а также европейский опыт решения проблем национальной идентичности

- Кетеван Абуладзе:** Правовое положение и религиозное ве- роисповедание евреев в Грузии
- Армен Григорян:** Становление национальной идентичности в Венгрии и Словакии и статус венгерс- кого меньшинства в Словакии

Правовое положение и религиозное вероисповедание евреев в Грузии

Первая волна евреев появилась в Грузии в VI веке до н.э. после разгрома Иудейского царства вавилонским царем Навуходоносором. Еврейская миграция в Грузию была совершенно осознанной; видно мигранты до переселения были хорошо осведомлены о Грузии, ее народе и природных условиях.

Толерантность в Грузии имеет глубокие корни. В одном из грузинских агиографических источников упоминается, что в VI веке в столице христианского государства Мцхете (где проходил евро-азиатский торговый путь) действовала еврейская молельня.⁷⁰

Распространенное с незапамятных времен во всем мире мнение об избранности еврейского народа было известно и в Грузии, поэтому грузинские цари (правившие в X-XVIII веках до аннексии Грузинского царства Российской империей) свою генеалогию связывали с библейскими персонажами, именуя себя потомками Иессея, Давида и Соломона, родивших Христа, в этой вере и брала начало государственная идеология. Согласно грузинским историческим источникам риза Господня досталась грузинам. Естественно, в такой стране не могло бы иметь место притеснение и физическое истребление еврейского народа. Грузинское еврейство органично было включено в грузинские феодальные отношения. Согласно достоверным источникам на нашей земле мирно жили еврейские крестьяне, совмещающие земледелие с торговлей и ремеслом.

В XVIII-XIX веках появляются евреи, владеющие крепостными.⁷¹ Грузинские источники подтверждают существование церковно-монас-

⁷⁰ Грузинская литература, Тбилиси, 1987, т. I, 259.

⁷¹ Элард Мамиствалишвили, История Грузинских Евреев, Тбилиси, 1995, 239.

тырских евреев, помогающих церкви деньгами и свечами, подобное явление было характерно лишь для Грузии. У грузинских евреев нет ни одного документа или устного предания, подтверждающего их правовое или религиозное притеснение, в то время когда в Европе имели место совершенно противоположные факты. Грузинские евреи никогда не изменяли Грузии, хотя подобная возможность представлялась им нередко: в торговых целях они часто путешествовали по разным странам, т.е. еврей свободно мог быть патриотом той страны, где жил и не был гоним. Иудей никогда не становился образом врага в христианской Грузии, его не заставляли носить специальную одежду, или жить в гетто. Гарантом мирного сосуществования евреев и грузин была государственная политика нашей страны и сам грузинский народ. Среди грузин и грузинских евреев большой популярностью пользовались Библии, хранящиеся в синагогах Брети и Лаилаши, они использовались в особых случаях, на них люди клялись и молились за победу над врагом.

Для грузинских евреев языком общения являлся грузинский, поэтому в их молельне часто была слышна грузинская речь, особенно во время проповеди.⁷²

Обстановка на Кавказе значительно изменилась после утверждения российского господства, политика которой “разделяй и властвуй” разрушила многовековой баланс и спокойствие среди национальных меньшинств Грузии и повлекла за собой антисемитизм. Религиозный вопрос еще более усложнился во время правления коммунистов, объявивших войну религии, как оружию угнетения трудящихся, по их мнению ломающую их здоровье, психику и мораль.⁷³

В 1928 году по указу Грузинского Советского правительства под угрозой уголовной ответственности было запрещено обучение детей религии в церквях, синагогах и мечетях. Немного раньше в 1923 году

⁷² Закариа Чичинадзе, Грузинские Евреи в Грузии, Тбилиси, 1904, 42.

⁷³ Спа, п. 13, анац. I, сак. 3055, листок 149.

в Грузии было закрыто 1500 церквей, несколько десятков синагог. К этому времени в Грузии было всего 72 синагоги.⁷⁴

Борьба против религии была отождествлена с борьбой за социализм. Публиковались статьи о реакционности еврейских религиозных праздников, о национально-шовинистическом характере агитации раввинов. Руководители предприятий контролировали субботу, как особый религиозный день для евреев. Несмотря на антирелигиозную агитацию, грузинское еврейство не изменило традициям предков, своим обрядам и синагоге.

Синагога помогала экономически нуждающимся, иногда даже откладывалось чтение Торы, прежде чем все состоятельные евреи не объявили бы сумму своего пожертвования.⁷⁵ Грузинская коммунистическая партия в 1928 году создала комитет нуждающихся евреев, который был обязан снабжать их продуктами и помогать экономически, обеспечить бесплатную медицинскую помощь и находить для них рабочие места и тем самым ослабить влияние синагоги над евреями. Но даже таких заманчивых условий не оказалось достаточно для изменения духовной жизни евреев. Даже самый нищий еврей продолжал усердно совершать религиозные ритуалы. Более того, кутаисское еврейство восстановило синагогу, сгоревшую в 1928 году. В 1932 году сурамские евреи вернули молельню, переделанную до того под клуб.

В 30-х годах XX века, несмотря на притеснения со стороны партийных организаций, явно или тайно посещая синагоги, грузинские евреи продолжают жить по древним законам своей религии. Об этом свидетельствуют архивные материалы. Советская власть, которая не могла не замечать этой реальности, утверждала, что “еврейство посещало молельни ради развлечения и их религиозность ограничивалась слепым исполнением религиозных ритуалов”.⁷⁶

⁷⁴ Спа, п. 13, анац. I, сак. 3055, листок 149

⁷⁵ Лили Магали – Магалашвили, Традиционный Быт и Культура Грузинских Евреев, Диссертация, Тбилиси, 1993, 160.

⁷⁶ Газета “Ахалгазрда Комунисти,” 9 Января, 1930.

О толерантности грузинского народа свидетельствует тот факт, что в результате протеста грузинской интеллигенции, в Грузии так и не нашло поддержку т.н. «ритуальное дело», дважды спровоцированное царской властью.

Идеологи советской Грузии считали, что развитию антисемитизма препятствовало социалистическое движение. Впрочем, отсутствие этого учения никогда ранее не мешало любви и глубокому взаимоважению между грузинским и еврейским народами.

Здесь же необходимо обсудить вопрос – грузинские евреи и сионизм. Первая сионистическая организация в Грузии возникла в 1897 году в Тбилиси под руководством доктора Штайхера. Большинство евреев с радостью присоединилось к его идеям, целям и задачам. После установления советской власти в Грузии эти организации перешли в подполье, а ее активные члены были арестованы.

Советская власть по обвинению в сионизме объявила войну раввину Давиду Баазову, заботящемуся о своем народе, которому не смогли простить попытку пробуждения самосознания еврейского народа.

В Советской Грузии абхазцы, аджарцы и осетины (национальные меньшинства) получили территориально-культурную автономию. На этом фоне Давид Баазов потребовал открытие еврейской школы, обучение еврейскому языку и литературе, это способствовало бы воспитанию детей по еврейским обычаям. Сторонников “культурной автономии” осуждали в защите религии и проповеди еврейского национализма, хотя в требованиях Баазова не предусматривалась религиозная неприкосновенность.

Представители Советской власти не могли объяснить, по какой причине обучение евреев родному языку считалось национализмом, а обучение других национальных меньшинств - армян, русских, азербайджанцев, – интернационализмом.

Давид Баазов видел, что “политические права евреев были тесно связаны с грузинами, и они ни за что не отвернулись бы от них”.⁷⁷

⁷⁷ Газета “Макавели,” № 2, 1924, 1.

Право на это заявление Давиду Баазову давали и подтверждали многовековые безукоризненные взаимоотношения этих народов. Давид Баазов один из первых представил Грузию перед мировым еврейством. В 1913 году во Франкфурте-на-Майне выступающие на международной конференции сионистов ораторы единогласно отмечали факты еврейских погромов. Лишь Д. Баазов сделал заявление, отличающееся от всех остальных: “Братья, я из той страны, где еврейство живет 2500 лет, и никогда наш народ не ощущал враждебности. В Грузии не знают гетто, погромов, дискриминации”.⁷⁸ За этим выступлением последовали бурные аплодисменты. Председатель конференции, генерал Лифман, прослезившийся под воздействием этого эмоционального выступления, добавил: “Дети мои, завещаю вам, чем только сможете, проявляйте любовь к грузинскому народу”.⁷⁹ Пресса широко осветила это событие. Толерантное отношение грузин к евреям не нарушалось и при советской власти.

В 60-е годы XX века путешествовавший в Грузии Амье Млия Вис (Бен-Ами) отмечал, что “по субботам и праздникам молельни переполнялись мужчинами и детьми”.⁸⁰

В России XX века на 770 тысяч евреев приходилось 15 синагог, а в Грузии на 55 382 еврея приходилось 14.⁸¹ Этот факт сам по себе говорит о многом.

Грузия и Грузины и по сей день подтверждают точку зрения Д. Баазова и Лифмана, свидетельством этого является выступление еврейского писателя Г. Батиашвили на мировом конгрессе евреев в 1994 году в Вашингтоне: “Эксперты заявляют о росте антисемитизма в разных странах. К счастью, у меня нет такой информации. Грузия -

⁷⁸ Т. Гелашвили, Давид Баазов – Символ Дружбы между Грузинским и Еврейским Народами, 1998, 10.

⁷⁹ Т. Гелашвили, ук. соч., 10.

⁸⁰ Лили Магали – Магалашвили, Традиционный Быт и Культура Грузинских Евреев, Диссертация, Тбилиси, 1993, 157.

⁸¹ Лили Магали – Магалашвили, ук. соч., 157.

это та страна, где антисемитизм не нашел плодотворной почвы ни на государственном, ни на бытовом уровне”.⁸²

Грузины и грузинские евреи и по сей день сохраняют взаимоважительные и дружеские отношения, являющиеся итогом не государственной политики, проводимой в отношении национальных меньшинств, а испытанного временем двадцатишестивековой истории их доброжелательных отношений.

⁸² Газета “Республика Грузия,” 17 Март, 1994.

Становление национальной идентичности в Венгрии и Словакии и статус венгерского меньшинства в Словакии

Словацко-венгерские отношения обоюдно осложнены воспоминаниями о ряде исторических событий. Бывший посол Чехо-Словацкой Федеративной Республики в Венгрии (1990-1992) Рудольф Хмель отмечает, что связь между границами и статусом меньшинств с одной стороны, и стереотипами и предрассудками, влияющими на отношения Венгрии с соседними странами, где имеются крупные венгерские общины, с другой, существовала с 1920 г. и резко усилилась с начала девяностых. Соседние страны жили в постоянном страхе из-за возможного пересмотра границ и воссоздания «Великой Венгрии» на исторических венгерских землях или образования венгерских автономий.⁸³ Аналогичное мнение выражает редактор журнала «Slovak Foreign Policy Affairs» Томаш Стражаи: «Два фундаментальных мифа доминируют над политическим дискурсом в Словакии и Венгрии и словацко-венгерскими отношениями с 1989 г.: миф о так называемой «венгерской угрозе», определяющий словацкий политический дискурс, и «трианонский миф», или синдром, доминирующий в Венгрии».⁸⁴

Действительно, Трианонский мирный договор 1920 г. между Венгрией и странами-победителями в Первой мировой войне воспринимается многими венграми как акт исторической несправедливости. По этому договору Венгрия потеряла около двух третей территории, а мил-

⁸³ Рудольф Хмель (Rudolf Chmel), “Syndrome of Trianon in Hungarian Foreign Policy and Act on Hungarians Living in Neighboring Countries”, *Slovak Foreign Policy Affairs*, vol. III No. 1, spring 2002, с. 93.

⁸⁴ Томаш Стражаи (Tomáš Strážay), “Nationalist Populism and Foreign Policy: Focus on Slovak-Hungarian Relations”, *Slovak Foreign Policy Affairs*, vol. VI No. 1, spring 2005, с. 53.

лионы венгров, прежде представителей доминантного этноса, оказались в статусе меньшинства. Кроме того, сильное влияние на словацко-венгерские отношения оказывает вопрос о последствиях «Декретов Бенеша». Декреты, изданные Президентом Чехословакии Эдвардом Бенешем в изгнании во время Второй мировой войны, предусматривали коллективную ответственность этнических венгров живших в Чехословакии (как и судетских немцев), и в 1945-1948 гг. привели к лишению гражданства,⁸⁵ конфискации имущества, отправке на принудительные работы и депортации. Венгры считают последствия декретов несправедливыми и требуют их отмены.

Начиная с октября 1948 г. венграм, оставшимся в Чехословакии, возвратили гражданство. Однако, когда с 1990 г. начала производиться реституция собственности, конфискованной коммунистическим режимом, представители немецкого и венгерского меньшинств и их наследники были исключены из процесса реституции на основании декретов Бенеша, в соответствии с законами №№ 229/1991 и 330/1991. Впоследствии, в 1999 г., действительность этих законов была подтверждена Конституционным судом Словакии, что вызвало сильнейшее разочарование среди венгерского меньшинства.⁸⁶

С другой стороны, у словаков сохранились воспоминания о политике «венгеризации», проводившейся в бывшей Австро-Венгерской Империи в 1867-1918 гг. В течение этого периода было запрещено употребление словацкого языка в процессе образования и в общественной сфере. Другой причиной для неприязни является аннексия Венгрией южной части Словакии в 1938 г., последовавшая за аннексией Судет нацистской Германией.

⁸⁵ Декрет № 33/1945.

⁸⁶ Эрика Харрис (Erika Harris), "Management of the Hungarian Issue in Slovak Politics: Europeanisation and the Evolution of National Identities", *POLIS Working Paper* No. 7, University of Leeds, February 2004, с. 23.

1. Влияние проблем венгерских меньшинств за рубежом на венгерскую политику

После первых свободных парламентских выборов в Венгрии в 1990 г. правящую коалицию создали Венгерский Демократический Форум (ВДФ), получивший 165 из 386 мест в парламенте, Партия независимых собственников (ПНС, 43 места) и Христианско-демократическая Народная Партия (ХДНП, 21 место).⁸⁷ Премьер-министром стал представитель ВДФ Йозеф Антал. Его публичные высказывания о намерении быть премьер-министром пятнадцати миллионов венгров, в то время как население Венгрии составляло около 10,4 млн., вызвали некоторую напряженность в соседних странах, где имеются крупные венгерские общины – Румынии, Чехословакии и Югославии. После подписания межправительственного договора с Украиной, который, в частности, предусматривал неизменный статус межгосударственной границы, Й. Антал заявил, что в отношении других соседних стран «пункт о неизменности границ не может играть решающей роли».⁸⁸

После парламентских выборов 1994 г. новое коалиционное правительство сформировали Венгерская Социалистическая Партия (ВСП), созданная реформированным крылом бывшей компартии и Союз свободных демократов (ССД). ВСП, имевшая в 1990-1994 гг. лишь 33 парламентских мандата, в 1994 г. добилась большинства в 209 мандатов; ССД получил 69 мандатов. ВДФ удалось получить лишь 38 мандатов.⁸⁹

Резкое падение популярности ВДФ было обусловлено рядом факторов: смертью Й. Антала, высокой безработицей, а также внутренним

⁸⁷ Hungary: Parliamentary Elections 1990, *Inter-Parliamentary Union*, просмотрено 16.01.2010, <http://www.ipu.org/parline-e/reports/arc/2141_90.htm>.

⁸⁸ Хмель, с. 96.

⁸⁹ Hungary: Parliamentary Elections 1994, *Inter-Parliamentary Union*, просмотрено 16.01.2010, <http://www.ipu.org/parline-e/reports/arc/2141_94.htm>.

расколом: группа радикальных националистов откололась от ВДФ, создав Партию венгерской справедливости и жизни (ПВСЖ).

Успех ВСП объясняется заинтересованностью избирателей в решении социальных проблем и экономическом развитии. По мнению Джона Мюллера, «политики обнаружили, что призывы помогать венграм за рубежом были неэффективны: у испытывавших трудности избирателей возник вопрос «а что насчет венгров в самой Венгрии?»»⁹⁰

Р. Хмель также отмечает, что избиратели «выражали предпочтение решению социальных, а не исторических и национальных проблем».⁹¹

Премьер-министр социалист Дьюла Хорн заявил, что не имеет намерения быть премьер-министром 15 млн. венгров.⁹² Он подписал договоры с Румынией и Словакией в 1995 г., подтвердив принцип неизменности границ. При этом межправительственные договоры содержали пункты о международном значении вопроса национальных меньшинств, так как Д. Хорн настоял на упоминании автономии и коллективных прав меньшинств. Р. Хмель отмечает:

решение не было полностью удовлетворительным, особенно для националистических или тяготеющих к национализму политических партий во всех странах. Венгерская парламентская оппозиция (позднее, в 1998, пришедшая к власти) посчитала, что ее требования недостаточно отражены, и высказалась против достигнутых договоренностей. С другой стороны, националисты в соседних странах восприняли подписанные договоры как смертельную ловушку. В Словакии предоставление прав этническим меньшинствам воспринималось как опасность ... Термин «национальная автономия» как таковой сильно раздражал

⁹⁰ Джон Мюллер (John Mueller), "Democracy, Capitalism, and the End of Transition" в *Postcommunism: Four Perspectives* под ред. Майкла Манделбаума (Michael Mandelbaum), Council on Foreign Relations, New York, 1996, с. 142.

⁹¹ Хмель, с. 96.

⁹² там же.

и даже психологически травмировал соседей Венгрии – они опасались возможного отделения некоторых приграничных территорий и их присоединения к Венгрии.⁹³

Министр иностранных дел в правительстве Д. Хорна Ласло Ковач отмечал, что договор с Румынией, подтверждавший неизменность границ, доказал, что опасения о возможных территориальных претензиях были отныне и впредь беспочвенны.⁹⁴ В интервью словацкой газете «Правда» Л. Ковач также заявил: «Наша страна не желает участвовать в авантюрах. Так, мы не стремимся расширить территорию Венгрии, поскольку страна стала такой маленькой, в частности, из-за подобных амбиций».⁹⁵

Правая оппозиция критиковала правительство. Так, заместитель председателя парламентской комиссии по внешним сношениям, представитель ВДФ Дьердь Чоти подверг критике «мышление в рамках государственных границ вместо нации в целом».⁹⁶ Представитель другой оппозиционной партии, Союза молодых демократов («Фидес») Жолт Немет высказал мнение, что «концепция национальных интересов включает, помимо интересов страны, интересы венгерских общин за рубежом, поскольку границы Венгрии и венгерской нации не совпадают».⁹⁷

Несмотря на действия правительства Д. Хорна, «венгерская угроза» продолжила играть значительную роль в словацкой политике. По мнению Т. Стражаи,

венгерское меньшинство в Словакии было заклеено как «пятая колонна» венгерского правительства, а его лидеры

⁹³ Хмель, с. 97.

⁹⁴ Интервью газете «Népszava», 17.08.1996.

⁹⁵ Хмель, с. 98. Впервые опубликовано: «Pravda», 22.01.1996.

⁹⁶ «Új Magyarország», 29.06.1996.

⁹⁷ Жолт Немет (Zsolt Németh), “Külpolitika és nemzeti érdek” [“Международная политика и национальный интерес”], *Pro minoritate*, vol. V No. 2, summer 1996, просмотрено 16.10.2009, <<http://www.hhrf.org/prominoritate/1996/nyar01.htm#E13E5>>.

обвинены в предательстве интересов словацкой нации и государства. Так называемая «венгерская угроза» вернулась в политический лексикон правящей элиты, возглавляемой в то время премьер-министром Владимиром Мечьяром.⁹⁸

Парламентские выборы 1998 г. были успешными для партии «Фидес». Изначально либеральная партия, получившая 21 парламентский мандат в 1990 г. и 20 мандатов в 1994 г., перешла на консервативную позицию и стала главным оппонентом правительства Д. Хорна. Профессор сравнительного конституционного права Рената Уитц так характеризует политическое кредо «Фидес»:

Неповторимая смесь сильного патриотизма (с чересчур романтической и зачастую архаичной риторикой) с этнонационализмом и призывами хранить единство с этническими венграми за рубежом. Эта умеренная направленность периодически приправляется усиленным отторжением всего невенгерского и мрачными предсказаниями о гибели венгерской нации.⁹⁹

В 1998 г. «Фидес» удалось получить 148 мандатов и сформировать коалицию с ПНС (48 мандатов) и ВДФ (17 мандатов).¹⁰⁰ Защита интересов этнических венгров за рубежом была важным пунктом агитационной кампании «Фидес». Один из руководителей партии, Золтан Рокенбауэр, заявлял в 1998 г.: «Правительство Д. Хорна не

⁹⁸ Стражаи, с. 52.

⁹⁹ Рената Уитц (Renáta Uitz), "Hungary" в *Populist Politics and Liberal Democracy in Central and Eastern Europe* под ред. Григория Месежников, Ольги Дьярфашовой и Даниэла Смилова (Grigorij Mesežnikov, Olga Gyárfásová, Daniel Smilov), Institute for Public Affairs, Bratislava, 2008, с. 64.

¹⁰⁰ Hungary: Parliamentary Elections 1994, *Inter-Parliamentary Union*, просмотрено 16.01.2010, <http://www.ipu.org/parline-e/reports/arc/2141_98.htm>.

проявило достаточной настойчивости для защиты интересов этнических венгров за рубежом».¹⁰¹

19 июня 2001 г. Национальное Собрание Венгрии приняло закон LXII «О венграх, живущих в сопредельных странах» (также известный как «Закон о статусе венгров»). Находившиеся в оппозиции социалисты также голосовали «за», и закон был принят 92% голосов. Представитель «Фидес» Аттила Вархеда заявил в связи с принятием закона: «ныне вся национальная политика направлена на создание институционализованного пятнадцатимиллионного сообщества».¹⁰²

В преамбуле закона, в частности, указано, что он был принят с целью «исполнения предписаний параграфа 3 6-ой статьи Конституции Венгерской Республики о судьбе венгров, живущих за рубежом»,¹⁰³ и «в обеспечение того, чтобы венгры, живущие за рубежом, составляли часть целостной венгерской нации». Закон применим к этническим венграм, живущим в странах, где они оказались в статусе меньшинства по условиям Трианонского договора – Румынии, Словакии, Словении, Украине, Хорватии и Югославии. Связь с последствиями Трианонского договора заметна также в формулировке статьи 1 данного закона, в соответствии с которой закон применяется в отношении лиц, «которые лишились венгерского гражданства по иной причине, нежели добровольный отказ».¹⁰⁴ Как разъяснило Министерство иностранных дел Венгрии, живущие в Австрии венгры не были включены, поскольку лишь 10% из них могли бы воспользоваться возможностями, предусмотренными законом – остальные сохранили венгерское гражданство или добровольно отказались от него.

¹⁰¹ Хмель, с. 104.

¹⁰² Аттила Вархеда (Attila Várhegyi), “Gyökerez változás a magyarság életében” [“Радикальная перемена в жизни венгерской нации”], «Magyar Nemzet», 21.08.2001.

¹⁰³ Статья 6 § 3: «Венгерская Республика несет ответственность за судьбу венгров, живущих за ее пределами, и обязана поддерживать и развивать их связи с Венгрией».

¹⁰⁴ Act LXII on Hungarians Living in Neighbouring Countries: Interests and Goals, *Министерство иностранных дел Венгрии*, январь 2002, просмотрено 11.01.2010, <http://www.mfa.gov.hu/NR/rdonlyres/A08A8619-B08C-450F-A70B-0949A5467BAB/0/Statusz_EN.pdf>.

В соответствии с законом, лица, к которым он применяется, могли получить специальный документ – «Сертификат о венгерском происхождении», разрешение на работу в Венгрии, воспользоваться возможностью получения высшего и профессионального образования в Венгрии, пользоваться скидками на проезд по территории Венгрии. Венгерским учителям за рубежом была предоставлена возможность прохождения переподготовки, а родителям, чьи дети учатся в венгерских школах за рубежом – возможность получения материальной помощи.

В пояснениях к закону Министерство иностранных дел Венгрии указало, что помощь предоставляется исключительно на территории Венгерской Республики и закон не имеет экстратерриториального применения. Министерство цитировало рапорт, подготовленный Венецианской комиссией Совета Европы, в котором указывалось, что «государство может принимать законы, относящиеся к иностранным гражданам, если применение законов предусмотрено лишь в пределах этого государства». Министерство также заявило, что при подготовке проекта закона учитывались примеры действующего законодательства Болгарии, Греции, Румынии, Словакии и других стран о поддержке национальных меньшинств.¹⁰⁵

Закон подвергся критике как в Венгрии, так и за рубежом. Представитель оппозиции, социалист Чаба Табайди высказал мнение, что Венгрия – государство, достаточно готовое интегрироваться и играть важную роль в регионе, однако атмосфера сентиментальности по отношению к историческим событиям, неприязни и высокомерия не дает достигнуть статуса регионального центра.¹⁰⁶ Румыния выразила сильное недовольство в связи с принятием закона, но вскоре стала высказываться лишь против экономической дискриминации по этни-

¹⁰⁵ Act LXII on Hungarians Living in Neighbouring Countries: Interests and Goals, *Министерство иностранных дел Венгрии*, январь 2002, просмотрено 11.01.2010, <http://www.mfa.gov.hu/NR/rdonlyres/A08A8619-B08C-450F-A70B-0949A5467BAB/0/Statusz_EN.pdf>.

¹⁰⁶ Чаба Табайди (Csaba Tabajdi), “Újragondolt közép-európaiság” [“Переосмысленная центральноевропейская идентичность”], «Népszabadság», 2.11.2001.

ческому признаку. В конце 2001 г. премьер-министры Венгрии и Румынии заключили договор, согласно которому все граждане Румынии, а не только этнические венгры, получили возможность работать в Венгрии. В то же время, Словакия выражала протест в связи с пунктом о поддержке образования на венгерском языке: по мнению словацких официальных лиц, венгерский закон мог применяться экстратерриториально.¹⁰⁷

После выборов, прошедших в Венгрии в 2002 г., правительство, возглавляемое социалистом Петером Меддьэши внесло в закон изменения, следуя рекомендациям Европейского Союза. Премьер-министр Словакии Микулаш Дзуринда вновь высказался против закона. По его мнению, «применение закона привело бы к нарушению суверенитета нашей страны и дискриминации по этническому признаку».¹⁰⁸ По мнению Т. Стражаи, «категорически отвергнув измененный закон, премьер-министр Дзуринда подал четкий сигнал своим избирателям (этническим словакам). Он представил себя и свою партию [Словацкий Демократический Христианский Союз, СДХС] как защитников интересов словацкой нации незадолго до муниципальных выборов, во время которых кандидаты СДХС получили больше голосов, чем ожидали».¹⁰⁹

Вопрос венгерских общин за рубежом вновь привел к острым спорам в Венгрии и соседних странах, когда в марте 2004 г. Всемирная Венгерская Федерация – неправительственная организация, преданная идее единения венгерской нации и пересмотру Трианонского мирного договора (с популярным лозунгом «Справедливость для Венгрии!»), предложила провести референдум, который обязал бы парламент принять закон о двойном гражданстве для этнических венгров, живущих за пределами Венгрии. Так как было собрано 200.000 подписей в поддержку этого предложения, парламент был вынужден обсудить возможность проведения референдума. Коалиционное правительство,

¹⁰⁷ Хмель, с. 101.

¹⁰⁸ Стражаи, с. 57.

¹⁰⁹ там же, сс. 57-8.

возглавляемое сменившим Петера Меддьэши в 2004 г. Ференцом Дюрчанем, высказалось против предоставления этническим венграм, живущим за пределами Венгрии, двойного гражданства. Однако поскольку правящая коалиция обладала лишь незначительным большинством (198 мандатов из 386), предложение о проведении референдума было принято. Правительство оспорило решение парламента в Конституционном суде, который в конце концов разрешил проведение референдума. Голосование было назначено на 5 декабря 2004 г. со следующей формулировкой вопроса:

Хотите ли Вы, чтобы парламент принял закон о предоставлении возможности упрощенной натурализации и получения гражданства лицам, которые заявляют о своей принадлежности к венгерской национальности, не проживают в Венгрии и не являются гражданами Венгрии, и могут доказать принадлежность к венгерской национальности «сертификатом о венгерском происхождении», выданным в соответствии со статьей 19 закона LXII от 2001 г. или иным способом, указанным в законе, который предстоит принять?¹¹⁰

Правительство призвало избирателей бойкотировать референдум. Премьер-министр Ф. Дюрчань обвинил оппозицию в поощрении национал-популизма. Он также заявил, что в случае принятия закона около 800.000 человек могли бы иммигрировать в Венгрию, что привело бы к увеличению расходов на социальное обеспечение на 2,9 млрд. долларов в год и истощению экономики.¹¹¹

¹¹⁰ Центральная избирательная комиссия Венгрии, просмотрено 8.02.2010, <http://www.valasztas.hu/en/parval2010/197/197_0.html>.

¹¹¹ Майкл А. Вайнштейн (Michael A. Weinstein), Hungary's Referendum on Dual Citizenship, *Global Policy Forum*, 13.12.2004, просмотрено 9.02.2010, <<http://www.globalpolicy.org/component/content/article/171-emerging/29823.html>>.

Предложение в итоге не было принято из-за низкой явки избирателей: «за» проголосовали 18,9% зарегистрированных избирателей, в то время как для принятия предложения необходимо было, чтобы «за» проголосовало минимум 25%.¹¹²

В январе 2005 г. Ф. Дюрчань выступил в поддержку идеи автономии для этнических венгров, живущих за пределами Венгрии, вместо предоставления двойного гражданства. Заявление премьер-министра Венгрии, как и предшествовавшее ему предложение о принятии закона о двойном гражданстве, вызвало негативную реакцию в Румынии, Сербии, Словакии и Украине.

С 2007 г. в Венгрии стала набирать силу новая националистическая группировка – Движение за лучшую Венгрию («Йоббик»). Р. Уитц указывает, что изначально «Йоббик» было молодежным движением, сотрудничавшим с «Фидес», и проводило кампании в поддержку «Фидес» в университетах перед выборами в 2002 и 2006 гг. Однако начав действовать самостоятельно, лидеры «Йоббик» стали критиковать «Фидес». Уже в 2008 г. высказывались предположения, что «Йоббик» может возродить националистический экстремизм и набрать достаточно голосов, чтобы пройти в парламент в 2010 г.¹¹³

«Йоббик» открыто выражает расистские, антисемитские и антицыганские взгляды. Предполагается, что «Йоббик» было главным организатором актов вандализма в ходе антиправительственных выступлений, начавшихся в сентябре 2006 г. «Йоббик» стали яростными критиками «Фидес», несмотря на давнее сотрудничество. Среди обвинений в адрес «Фидес» упоминается, что «Фидес» не использует все доступные методы против Ф. Дюрчаня (т.е. не применяет неконституционные методы), поскольку находится под еврейским влиянием» и что «Фидес» – партия, родственная израильской «Ликуд». Ряд лидеров

¹¹² Центральная избирательная комиссия Венгрии.

¹¹³ Уитц, с. 64.

«Фидес» были названы «сионистами».¹¹⁴ Группировка «гражданской самообороны», связанная с «Йоббик» – «Венгерская гвардия», смогла за короткое время привлечь несколько тысяч членов. «Венгерская гвардия» вызвала серьезную озабоченность у политиков и международных обозревателей, в частности, использованием униформы с символикой, применявшейся венгерскими пронацистскими группировками периода Второй мировой войны. В 2009 г. «Венгерская гвардия» была расформирована по решению суда, но продолжила деятельность под названием «Фонд «Венгерская гвардия».

В 2009 г. «Йоббик» удалось получить 3 места в Европейском Парламенте («Фидес» имеет 14 мандатов, ВСП – 4, ВДФ – 1 мандат). Через неделю после выборов новоизбранный депутат Европейского Парламента Чанад Сегеди, участвуя в митинге, организованном еще одной радикальной группировкой, «Молодежным движением 64 областей», заявил, что «Йоббик» стремится, чтобы «границы, установленные Трианонским договором, были пересмотрены при жизни нынешних поколений или как можно раньше» и что депутаты от «Йоббик» в Европейском Парламенте выдвинули требование об отмене декретов Бенеша.¹¹⁵

2. Словацкая политика до 1998 г.

Становление словацких государственных институтов в 90-х годах в значительной степени зависело от Владимира Мечъяра, занимавшего пост премьер-министра с июня 1990 г. до мая 1991 г., с июня 1992 г. до марта 1994 г. и с декабря 1994 г. до октября 1998 г. Словакия

¹¹⁴ “Anti-Semitic Manifestations Hostile to the Hungarian opposition”, *Budapest Analyses*, 15.12.2008, просмотрено 14.02.2010, <http://www.budapestanalyses.hu/docs/En/Analyses_Archive/analysys_208_en.html>.

¹¹⁵ “Radical nationalist Jobbik for Toppling Trianon Borders, says MEP”, *The Budapest Times*, 14.06.2009, просмотрено 25.09.2009, <http://www.budapesttimes.hu/index.php?option=com_content&task=view&id=12240&Itemid=219>.

обрела независимость в результате переговоров между В. Мечьяром и премьер-министром Чехии Вацлавом Клаусом.

С момента образования независимой Словацкой Республики в 1993 г. воспоминания о некоторых исторических событиях стали играть важную роль в политической жизни. Некоторые заявления венгерских политиков и законы, принятые в Венгрии, во многом способствовали возрождению популярности мифа о «венгерской угрозе». В то же время, словацкие националисты и популисты не упускали возможностей заработать политический капитал на противостоянии «венгерской угрозе».

В марте 1994 г. В. Мечьяр был смещен с поста премьер-министра после того, как 8 депутатов вышли из его партии, Движения за демократическую Словакию (ДЗДС), и правительство лишилось поддержки парламентского большинства. Парламент был избран в 1992 г., однако было решено провести в октябре 1994 г. досрочные выборы. Использование националистической и популистской риторики сильно способствовало успеху В. Мечьяра и его возвращению на пост главы правительства в декабре 1994 г. Следует также отметить, что в двух правящих коалициях, возглавляемых В. Мечьяром (в 1992-1994 и 1994-1998 гг.) партнером ДЗДС была националистическая Словацкая Народная Партия (СНП). Антивенгерские предрассудки положили начало практическим действиям.

В 1995-1998 гг. были уволены этнические венгры, работавшие в административных учреждениях. Были изменены административные границы между областями и округами страны, так что резко уменьшилось количество округов, где венгры составляли большинство. В музеях таблички на венгерском языке были заменены на английские, а венгерские театры в Кошице и Комарно – закрыты. Были ограничены возможности употребления языков меньшинств в школах, в частности, запрещено составлять планы занятий и отчеты на венгерском.

Органы местной власти в округах с преобладанием венгерского населения потеряли возможность назначать директоров школ.¹¹⁶

Действия правительства подвергались критике со стороны Верховного комиссара ОБСЕ по вопросам национальных меньшинств, Совета Европы и Европейского Союза. Ограничения на употребление языков национальных меньшинств были одним из факторов, замедливших процесс европейской интеграции Словакии.

Перед парламентскими выборами 1998 г. оппозиция, твердо намеренная добиться отставки В. Мечьяра, создала широкую коалицию с участием как правых, так и левых партий и движений. Стремлению оппозиции к объединению способствовал рост авторитарных тенденций и неспособность правительства продвигаться по пути интеграции с НАТО и ЕС. В 1997 г. Словакия не получила приглашение вступить в НАТО вместе с Венгрией, Польшей и Чехией. Затем, по результатам Люксембургского саммита ЕС в декабре 1997 г., переговоры по вступлению в ЕС были прерваны, поскольку правительство В. Мечьяра не выполняло политических условий для присоединения к ЕС. Переговоры по вступлению в ЕС были возобновлены, благодаря усилиям пришедшего на смену В. Мечьяру правительства, лишь в феврале 2000 г., согласно решению состоявшегося в декабре 1999 г. Хельсинкского саммита.¹¹⁷

На выборах в сентябре 1998 г. ДЗДС получило наибольший процент голосов избирателей – 27% и, соответственно, 43 из 150 парламентских мандатов. Однако В. Мечьяру не удалось создать коалицию, так как СНП, получившая 9,07% голосов (14 мандатов) оказалась единственной партией, готовой вступить в коалицию с ДЗДС: Ассоциация словацких рабочих, бывшая третьим партнером в коали-

¹¹⁶ Диана Неметова и Ласло Оллеш (Diana Némethová, László Öllös), “Hungarians in the Slovak Government” в *A New Balance: Democracy and Minorities in Post-Communist Europe* под ред. Моника Роботин и Левенте Салата (Monica Robotin, Levente Salat), OSI, Budapest, 2003, с. 124.

¹¹⁷ Джеффри Придам (Geoffrey Pridham), “Slovakia’s Relations with the European Union 1998-2002: Political Conditionality, Its Effects and Its Limitations”, *Slovak Foreign Policy Affairs*, vol. III No. 2, autumn 2002, с. 75.

ционном правительстве 1994-1998 гг., не прошла в состав парламента в 1998 г.¹¹⁸

3. Участие венгерского меньшинства в государственном управлении

Венгерское меньшинство – наиболее многочисленное из национальных меньшинств в Словакии. По результатам переписи населения в 2001 г., этнические венгры составляли 9,7% населения.¹¹⁹ На территориях на юге страны, граничащих с Венгрией – от Братиславы до украинской границы, пропорция венгерского населения превышает 10% в 555 населенных пунктах, в том числе в Кошице и Нитре – втором и четвертом по численности населения городах Словакии. В 2003 г. пропорция венгерского населения превышала 50% в 432 населенных пунктах, из которых в 340 населенных пунктах пропорция была свыше 70%. Венгры составляют большинство населения в округах Дунайска Стреда (87,2%) и Комарно (72,2%).¹²⁰

После парламентских выборов 1998 г. Партия Венгерской Коалиции (ПВК), получившая 9,12% голосов и, соответственно, 15 мандатов, впервые стала членом правящей коалиции из четырех партий, возглавляемой Микулашем Дзуриндой. Председатель ПВК Бела Бугар стал одним из заместителей председателя парламента. Представитель ПВК Пал Чаки стал вице-премьером по правам человека и национальных меньшинств, еще два представителя партии получили министерские посты. Представители ПВК также заняли ряд должностей в региональных административных органах.

Директор Института общественных проблем Григорий Месежников характеризует ПВК как партию, не являющуюся национал-попу-

¹¹⁸ Slovakia: Parliamentary Elections 1998, *Inter-Parliamentary Union*, просмотрено 27.01.2010, <http://www.ipu.org/parline-e/reports/arc/2285_98.htm>.

¹¹⁹ Мартин Бутора, Мирослав Коллар и Григорий Месежников (ред.) (Martin Bútora, Miroslav Kollár, Grigoriј Mesežnikov), *Slovakia 2005. A Global Report on the State of Society*, Institute for Public Affairs, Bratislava, 2006, с. 15.

¹²⁰ Неметова и Оллэш, с. 115.

листской. По его мнению, «хотя некоторые из лидеров выражают довольно радикальные взгляды в отношении определенных проблем (в частности, по вопросу возможных форм автономии), ПВК, существующая благодаря настроениям избирателей-этнических венгров, остается умеренной, непопулистской политической силой».¹²¹

В июле 1999 г. парламент Словакии принял Закон об использовании языков меньшинств, вступивший в силу 1 сентября 1999 г. По закону было разрешено использовать языки меньшинств в местном самоуправлении (в частности, подавать заявления на этих языках и получать двуязычные ответы), в официальных анкетах, сельских архивах, указывать названия улиц и пр. в населенных пунктах, где национальное меньшинство составляет минимум 20% населения. ПВК, настаивавшая на 10-процентном лимите, подвергла принятый закон критике, считая, что он не устранил негативные последствия существовавшего закона о государственном языке.¹²² После присоединения Словакии к Европейской хартии о региональных языках и языках национальных меньшинств и принятия соответствующих поправок к Конституции в 2001 г., возможности для употребления языков меньшинств были расширены.

В результате парламентских выборов 2002 г. ПВК, получившая 11,16% голосов и 20 мандатов, стала вторым по величине членом правоцентристской коалиции, с тремя министерскими портфелями.¹²³

Премьер-министр М. Дзуринда предложил избрать председателя ПВК Белу Бугара председателем парламента, по уже сложившейся традиции делегировать этот пост представителю второго по величине члена коалиции. Однако Б. Бугар остался заместителем председателя, так

¹²¹ Григорий Месежников, “National Populism in Slovakia: Actors, Issues, Strategies” в *National Populism in Slovakia* под ред. Григория Месежникова и Ольги Дьярфашовой, Institute for Public Affairs, Bratislava, 2008, с. 25.

¹²² Неметова и Оллэш, сс. 127-8.

¹²³ Григорий Месежников, “Domestic Politics and the Party System” в *Slovakia 2002. A Global Report on the State of Society* под ред. Григория Месежникова, Мирослава Коллара и Тома Николсона (Grigori Mesežnikov, Miroslav Kollár, Tom Nicholson), Institute for Public Affairs, Bratislava, 2003, с. 45.

как лидер новой популярной оппозиционной партии «Смер» – Социал-демократия Роберт Фицо в резкой форме воспротивился избранию представителя меньшинства председателем парламента.¹²⁴

Р. Фицо создал «Смер», отколовшись от Партии левых демократов (ПЛД) в 1999 г. В 2002 г. «Смер» удалось получить 13,46% голосов, в то время как ПЛД, бывшая вторым по величине членом коалиционного правительства, созданного в 1998 г., не прошла в парламент. Элементы национализма и выпады против меньшинств стали частью пропагандистских действий «Смер» в оппозиции (2002-2006 гг.) и в качестве правящей партии (с 2006 г.), что будет описано далее.

В 2003 г. вице-премьер, министр по правам человека и национальных меньшинств и европейской интеграции П. Чаки предложил законопроект о дополнительных мерах по применению Европейской хартии о региональных языках и языках национальных меньшинств. Было предложено разрешить использование языков меньшинств в административной сфере в населенных пунктах, где национальное меньшинство составляет минимум 10% населения. Представитель «Смер» Душан Чаплович, выступив от имени партии, заявил, что принятие подобного предложения привело бы к дискриминации в отношении 90% населения страны.¹²⁵

В 2004 г. Р. Фицо обвинил правительство М. Дзуринды в том, что оно уступило венгерскому меньшинству контроль над южной частью Словакии в окружных административных органах и местном самоуправлении, в вопросах образования и культуры, а также в судебных органах, позволяя ПВК постепенно ассимилировать живущих на юге словаков.¹²⁶ Он также обвинил ПВК в сотрудничестве с венгерской

¹²⁴ Харрис, с. 8. Впервые опубликовано *TASR*, 27.09.2002 and 3.10.2002.

¹²⁵ “Smer: Odmietajú návrh zmien pri používaní menšinových jazykov” [“«Смер» отвергает предложения по использованию языков меньшинств”], *SITA*, 15.08.2003.

¹²⁶ “Fico: Vláda umožňuje SMK postupne asimilovať Slovákov na juhu” [“Фицо: «Правительство позволяет ПВК ассимилировать словаков на юге страны”], *SITA*, 28.07.2004.

партией «Фидес» с целью поднять вопрос о декретах Бенеша.¹²⁷ В то же время председатель СНП Ян Слота заявил, что если кто-нибудь в правительстве не положит конец попыткам ПВК провозгласить автономию, Словакия потеряет южные территории в течение года, а затем может быть поделена между Венгрией, Польшей и Чехией.¹²⁸ В свою очередь, президент Иван Гашпарович (представитель внепарламентской партии Движение за демократию, избранный в 2004 г. благодаря поддержке «Смер» и СНП) обвинил вице-преьера П. Чаки в частых поездках в Венгрию, «чтобы информировать венгерских политиков об обсуждениях, происходящих в правительстве Словакии».¹²⁹

Словацкие аналитики отмечают, что в 1998-2006 гг., когда ПВК была членом правящей коалиции, межэтническая напряженность в Словакии снизилась, но участие ПВК в правительстве позволило лидерам «Смер» «разыгрывать национальную (т.е. антивенгерскую) карту, критикуя правящие партии и политику правительства».¹³⁰

4. Роль Словацкой Народной Партии

СНП была членом двух коалиционных правительств, возглавляемых В. Мечьяром, в 1992-1994 и 1994-1998 гг., и стала вторым по величине членом коалиции, сформированной в 2006 г. совместно со «Смер» и Народной партией – Движением за демократическую Словакию (НП-ДЗДС – переименованным в 2000 г. ДЗДС). В 1998-2002 гг. СНП была в парламентской оппозиции, а в 2002-2006 гг. не была представлена в

¹²⁷ Месежников, “Domestic Politics and the Party System” в *Slovakia 2004. A Global Report on the State of Society* под ред. Григория Месежникова и Мирослава Коллара, Institute for Public Affairs, Bratislava, 2005, с. 69.

¹²⁸ “Slota: O rok bude Slovensko bez južných území” [“Слота: «Словакия лишится южных территорий в течение года”], *SITA*, 12.08.2004.

¹²⁹ Месежников, *Slovakia 2004. A Global Report on the State of Society*, с. 69.

¹³⁰ Григорий Месежников, Ольга Дьярфашова, Мартин Бутора и Мирослав Коллар, “Slovakia” в *Populist Politics and Liberal Democracy in Central and Eastern Europe* под ред. Григория Месежникова, Ольги Дьярфашовой и Даниэла Смилова, Institute for Public Affairs, Bratislava, 2008, с. 119.

парламенте из-за раскола в 2001 г. вследствие конфликта между лидерами, Яном Слотой и Анной Белоусовой. Я. Слота, выйдя из СНП, создал Настоящую Словацкую Народную Партию, и обе конкурирующие партии не смогли пройти в парламент в 2002 г. В 2003 г. произошло объединение в СНП под лидерством Я. Слоты. СНП получила скандальную известность за многочисленные расистские выпады против венгров и цыган с момента появления на политической сцене. Словацкие политологи характеризуют СНП как «типично националистическую партию, сфокусированную на единственной проблеме»¹³¹ и

национал-популистскую, радикально националистическую политическую силу, убежденного противника гражданской концепции формирования политической нации – СНП исповедует концепцию этнической нации.

СНП считает Словацкую Республику национальным государством словаков и пропагандирует ассимиляцию национальных меньшинств, исходя, в частности, из предположения, что этнические венгры априори нелояльны к Словацкой Республике.¹³²

После того, как Словакия в 2001 г. присоединилась к Европейской хартии о региональных языках и языках национальных меньшинств, представители СНП выражали протест, заявляя, что это был «шаг в сторону территориальной автономии, отделению южной части Словакии».¹³³

Когда в Венгрии в 2001 г. был принят закон «О венграх, живущих в сопредельных странах», ряд сторонников Я. Слоты в парламенте Сло-

¹³¹ Ольга Дьярфашова, “National Populism in Slovakia: Political Attitudes and Views of the Public” в *National Populism in Slovakia* под ред. Григория Месежникова и Ольги Дьярфашовой, Institute for Public Affairs, Bratislava, 2008, с. 36.

¹³² Месежников, *National Populism in Slovakia*, сс. 9-10.

¹³³ Неметова и Оллэш, с. 131.

вакии предложили разорвать базовый Договор о добрососедских отношениях, дружбе и сотрудничестве между Словакией и Венгрией. Я. Слота также призвал правительство отозвать посла из Будапешта и понизить уровень дипломатических отношений с Венгрией. Он повторно выступал с подобными предложениями в 2003 и 2004 гг., называя внешнюю политику Венгрии «великодержавной», преступной и шовинистической.¹³⁴

В 2005 г., когда премьер-министр Венгрии Ф. Дюрчань выступил за автономию для этнических венгров, живущих за пределами Венгрии, реакция СНП была особенно жесткой. Я. Слота вновь призвал правительство заморозить отношения с Венгрией, подал иск о роспуске ПВК и потребовал «вышвырнуть венгров из Словакии».¹³⁵

Перед выборами 2006 г. лидеры СНП заявляли, что словаки, живущие на юге страны, «чувствуют себя угнетенным меньшинством», что «наступило время перевернуть ситуацию на юге с головы на ноги» и что Словакии следовало ограничить права меньшинств, руководствуясь лозунгом «единая нация, единая страна, единый язык».¹³⁶

В августе 2008 г. Я. Слота потребовал усилить подготовку словацкой армии, чтобы защищаться от Виктора Орбана (лидера венгерской партии «Фидес», премьер-министра Венгрии в 1998-2002 гг.), который, по утверждению Я. Слоты, имел намерение «создать второе Косово в Словакии». В сентябре 2008 г. Я. Слота высказался против строительства дорог и новых мостов между Словакией и Венгрией, предупреждая, что они могут когда-нибудь быть использованы для переброски венгерской бронетехники.¹³⁷ Здесь стоит также упомянуть, что мост Марии-Валерии, соединяющий Эстергом (Венгрия) со Штурово (Словакия), разрушенный во время Второй мировой войны, был восстановлен лишь в 2001 г. После падения коммунистического

¹³⁴ Месежников, *National Populism in Slovakia*, с. 28.

¹³⁵ “Slota: Podá návrh na generálnu prokuratúru na zrušenie SMK” [“Слота подает в Генеральную прокуратуру иск о роспуске ПВК”], *SITA*, 20.01.2005.

¹³⁶ Месежников, *National Populism in Slovakia*, с. 20.

¹³⁷ там же, с. 28.

режима правительство В. Мечьяра противилось восстановлению моста, и работы начались лишь при правительстве М. Дзуринды.

Высказываясь по адресу ПВК, лидеры СНП применяют исключительно негативные формулировки: «ультранационалистическая, экстремистская, венгерская великодержавная шовинистическая партия, целью которой является ликвидация словацкой государственности», «агент дестабилизации и ирредентизма», «длинная рука «Фидес», партия, «использующая террористические методы», «превращающая этнических венгров в заложников своей ирредентистской политики», «противостоящая существованию суверенной Словацкой Республики», «намеренная пересмотреть Трианонский договор» и т.п. По определению Г. Месежника, в восприятии лидеров СНП «ПВК является главным врагом Словакии и словаков».¹³⁸

Последнее скандальное заявление Я. Слоты было сделано 23 марта 2010 г.: по его утверждению, венгерская армия проводила учения по пересечению водных преград для того, чтобы вторгнуться в соседние страны и изменить границы, установленные в 1920 г. согласно Трианонскому договору.¹³⁹

5. Политические процессы, происходящие в Словакии после выборов 2006 г.

В июне 2006 г. в парламент Словакии прошли шесть партий: «Смер» (50 депутатов), Словацкий Демократический Христианский Союз – Демократическая Партия (СДХС-ДП, 31 депутат), ПВК (20 депутатов), СНП (19 депутатов), НП-ДЗДС (16 депутатов) и Христианско-

¹³⁸ Месежник, *National Populism in Slovakia*, с. 26.

¹³⁹ “Slota: Maďarská armáda cvičí prechod vodných tokov” [“Слота: Венгерская армия проводит маневры по пересечению водных преград”], веб-страница СНП, 24.03.2010, просмотрено 26.03.2010, <<http://www.sns.sk/aktuality/slota-madarska-armada-cvici-prechod-vodnych-tokov>>.

Демократическое Движение (ХДД, 14 депутатов).¹⁴⁰ Коалиционное правительство было создано «Смер», СНП и НП-ДЗДС.

Результат выборов может рассматриваться как подтверждение прогноза Т. Стражаи: «использование национал-популистской риторики для «охоты за избирателями» может привести к повторению известного сценария и созданию этнической словацкой коалиции, противопоставляемой ПВК».¹⁴¹ Г. Месежников также отмечает, что решение о создании коалиции «Смер», СНП и НП-ДЗДС «невозможно объяснить вне контекста, в котором национал-популизм – главное средство мобилизации избирателей и связующий культурно-политический фактор для определенной части политической элиты Словакии». Г. Месежников оценивает перемену правительства в 2006 г. как «самый важный фактор, стимулировавший недавнее возрождение национал-популизма в Словакии».¹⁴²

После выборов 2006 г. напряжение в межэтнических отношениях усилилось. Произошел ряд инцидентов, заключавшихся в оскорблениях и избиениях этнических венгров.¹⁴³

Через несколько дней после приведения нового правительства к присяге Я. Слота спровоцировал серьезный скандал. В интервью чешской газете «Лидове новины» он заявил, что ПВК «угнетает словацкое большинство в его собственной стране» (из-за того, что в некоторых региональных парламентах и муниципальных советах этнические венгры составляли большинство), что ПВК следует запретить, поскольку ее лидеры «считают своей родиной Великую Венгрию, а не Словакию», что «на юге Словакии происходит вторжение – около тысячи венгерских фирм, субсидируемых правительством Венгрии, проникают в южные области, чтобы взять все под

¹⁴⁰ Мартин Бутора, Григорий Месежников и Мирослав Коллар (ред.), *Slovakia 2006. A Global Report on the State of Society*, Institute for Public Affairs, Bratislava, 2007, с. 19.

¹⁴¹ Стражаи, с. 58.

¹⁴² Месежников, *National Populism in Slovakia*, с. 7.

¹⁴³ Ондрей Достал (Ondrej Dostál), “Ethnic Minorities” в *Slovakia 2006. A Global Report on the State of Society* под ред. Мартина Бутора, Григория Месежникова и Мирослава Коллара, Institute for Public Affairs, Bratislava, 2007, с. 182.

свой контроль», а также, что он завидовал чехам, изгнавшим немцев после Второй мировой войны.¹⁴⁴

Вскоре Партия Европейских Социалистов (ПЕС) приостановила ассоциированное членство «Смер». Вначале ПЕС выразила озабоченность по поводу сотрудничества «Смер» с СНП. Премьер-министр Р. Фицо в ответ заявил, что позиция ПЕС была продиктована представителями словацких правоцентристов в Европейском Парламенте и спровоцирована деятельностью венгерских социалистов – депутатов Европейского Парламента.¹⁴⁵ В октябре 2006 г. ПЕС приостановила членство «Смер». Председатель ПЕС Пауль Нюруп Расмуссен заявил: «нельзя поступаться основополагающими политическими принципами. ПЕС не считает, что ее членам можно идти во власть любой ценой ... ценой компромисса с радикальными экстремистами-ксенофобами».¹⁴⁶ Р. Фицо ответил: «заявление П.Н. Расмуссена было сделано немедленно после встречи с премьер-министром Венгрии и председателем ВСП, и он не посчитал нужным узнать о мнении «Смер»».¹⁴⁷

В январе 2008 г. Г. Месежников оценивал деятельность правящей коалиции достаточно скептически:

Ненормально и даже опасно для страны, что «Смер» фактически предоставляет СНП с ее националистической повесткой дня «карт-бланш» в обмен на лояльность. СНП всегда поддерживает предложения «Смер», в том числе во время всех внутрикоалиционных споров, СНП неизменно

¹⁴⁴ Ондрей Достал (Ondrej Dostál), *Slovakia 2006. A Global Report on the State of Society*, с. 181. Впервые опубликовано: “Vyhnání Němců vám závidím” [“Завидую вам, изгнавшим немцев”], интервью Любоша Палаты (Luboš Palata) с Яном Слотой, «Lidové Noviny», 22.07.2006.

¹⁴⁵ Месежников, Дьярфашова, Бутора и Коллар, *Populist Politics and Liberal Democracy in Central and Eastern Europe*, с. 112.

¹⁴⁶ “SMER suspended from PES political family”, веб-страница ПЕС, 12.10.2006, просмотрено 13.05.2009, <<http://www.pes.org/en/news/smer-suspended-pes-political-family>>.

¹⁴⁷ Месежников, Дьярфашова, Бутора и Коллар, с. 112.

на стороне «Смер». «Смер» же закрывает глаза на национализм СНП. И сейчас становится очевидным, что «Смер» оказывается под воздействием националистической повестки дня.¹⁴⁸

Вскоре Г. Месежников также отметил:

Спустя два года после выборов заметно, что «Смер» проявляет склонность к поддержке националистических подходов к вопросам, связанным с межнациональными отношениями, правами меньшинств и интерпретации исторических событий. [...] В 2008 г. «Смер» вернулась к радикализму 2000-2006 гг., когда она была в оппозиции, а по ряду вопросов стала даже более радикальной, чем прежде.¹⁴⁹

И «Смер», и СНП подчеркивают необходимость патриотической пропаганды. При этом верная своей любимой теме СНП призывает словаков к единению против венгров, в то время как «Смер» в основном вещает о необходимости преодоления существующих у части словацкого большинства «непатриотичных», «космополитических» настроений и ориентации на гражданские, «ненациональные» ценности.

В апреле 2008 г. Р. Фицо высказывался о необходимости «возрождения гордости словаков», призывая вдохновляться примером русских, «чья гордость была возрождена Владимиром Путиным». Когда ему напомнили о недемократических тенденциях в России, Р. Фицо ответил, что не понимает, какова связь национальной гордости с

¹⁴⁸ “Nationalism has simply asserted itself much easier”, интервью Любы Лесной (Luba Lesná) с Григорием Месежниковым, «The Slovak Spectator», No. 1, 7.01.2008.

¹⁴⁹ Месежников, *National Populism in Slovakia*, с. 12.

демократией.¹⁵⁰ Затем, в июле, он высказался за усиление солидарности словаков, чтобы создать «защитный барьер против действий вредоносных авантюристов, подрывающих духовное единство Словакии».¹⁵¹ По мнению Г. Месежникова, «разделение словаков на подлинных, национально-ориентированных граждан и тех, кто недостаточно предан Словакии типично для всех партий, входящих в правящую коалицию», а подход Р. Фицо к процессу государственного строительства рассматривается как «предпочтение национальным (или этническим) элементам, а не демократической составляющей правления».¹⁵²

Принятие поправок к Закону о государственном языке в июне 2009 г. может рассматриваться в контексте вышеописанного, то есть принятия «Смер» националистических идей СНП. В соответствии с принятыми поправками, «неправильное использование» словацкого языка, а также использование языков меньшинств в административной сфере может наказываться штрафом до 5000 евро. Кроме того, массовые мероприятия следует открывать на словацком языке даже в тех случаях, когда присутствуют только представители национального меньшинства.

ПВК организовала митинг протеста против поправок к закону 1 сентября, когда они вступили в силу. Лидер ПВК Пал Чаки заявил, что поправки «криминализуют» венгерский язык в Словакии. Демонстрация протеста прошла и в Будапеште, ее участники направили петицию послу Словакии Петеру Вайсу. Многие словацкие политики, в том числе представители традиционно сотрудничавших с ПВК СДХС-ДП и ХДД, высказались об акции, проведенной ПВК, скептически, но отметили, что поправки к закону опасны и способствуют усилению напряженности. Лидер СНП Я. Слота, как обычно, обвинил

¹⁵⁰ Месежников, *National Populism in Slovakia*, с. 14. Впервые опубликовано: “Fico sa pýtal, kto tu žil” [“Фицо спрашивает, кто здесь живет?”], «Sme», 22.04.2008.

¹⁵¹ Месежников, *National Populism in Slovakia*, с. 14. Впервые опубликовано: “Politici vyzývali na vlastenectvo” [“Политики призывают к патриотизму?”], «Sme», 7.07.2008.

¹⁵² Месежников, *National Populism in Slovakia*, с. 14.

Венгрию, «использующую своих преданных слуг из ПВК для нагнетания напряженности между Словакией и Венгрией».¹⁵³

Поправки подверглись также критике заместителя председателя комиссии по международным делам Европейского Парламента Михаэля Галера, как не соответствующие стандартам ЕС и дискриминационные в отношении языков меньшинств.¹⁵⁴ После ряда встреч, проведенных Верховным комиссаром ОБСЕ по вопросам национальных меньшинств Кнудом Воллебеком со словацкой и венгерской делегациями, правительство Словакии приняло принципы по применению закона, действующие с 1 января 2010 г. После этого К. Воллебек выступил с заявлением, в котором, в частности, говорилось: «меры по расширению применения словацкого языка не нарушают права лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам».¹⁵⁵

В конце января 2010 г. правительство Венгрии приняло решение выделить 50 млн. форинтов (184,000 евро) фонду, который будет оплачивать штрафы, которые могут быть наложены на этнических венгров, нарушающих Закон о государственном языке Словакии. Правительство Словакии расценило это как вмешательство во внутренние дела страны.¹⁵⁶

Последним популистским шагом правительства Словакии стало принятие в марте 2010 г. Закона о патриотизме, проект которого был представлен СНП. Согласно этому закону, сессии национального, региональных и окружных парламентов, а также спортивные мероприятия должны начинаться с исполнения гимна, в начале каждой

¹⁵³ Михаэля Станкова (Michaela Stanková), “Tension over Language”, «The Slovak Spectator», 7.09.2009, просмотрено 12.09.2009, <http://www.spectator.sk/articles/view/36418/2/tension_over_language.html>.

¹⁵⁴ “German MEP Slams Slovak Language Law”, *EurActiv*, 10.07.2009, просмотрено 14.02.2010, <<http://www.euractiv.com/en/culture/german-mep-slams-slovak-language-law/article-183982>>.

¹⁵⁵ “OSCE High Commissioner on National Minorities Issues Statement on Slovakia’s Language Law”, ОБСЕ, 4.01.2010, просмотрено 17.02.2010, <<http://www.osce.org/item/42279.html>>.

¹⁵⁶ Михаэля Станкова, “Hungary to Pay Language Fines”, «The Slovak Spectator», 8.02.2010, просмотрено 14.02.2010, <http://spectator.sme.sk/articles/view/37840/2/hungary_to_pay_language_fines.html>.

недели гимн следует исполнять в государственных учреждениях и школах, а во всех школьных классах должны иметься флаг, герб, слова гимна и текст преамбулы Конституции.¹⁵⁷

Новый закон подвергся критике. Так, историк Милан Земко отметил: «любовь к родине не может устанавливаться никакими законами [...] Этот закон в лучшем случае вызовет безразличие общества, а в худшем – неприятие, и будет намеренно нарушаться».¹⁵⁸ Другой историк, Роман Холец, также настроен критично:

Закон о патриотизме больше подходит для «долгого XIX века» – века национализма, или для эпохи тоталитаризма, когда постоянно имелась потребность проникать в сознание людей и регулировать их чувства. [...] Закон направлен, прежде всего, на молодежь, и причинит наибольший вред сознанию молодых людей [...] Он формализует чувство, которое должно формироваться естественным образом и является личным делом каждого. Это сильно напоминает мне методы тоталитарных режимов, применявшиеся для работы с молодежью.¹⁵⁹

Закон также подвергся критике со стороны оппозиционных партий, общественных организаций, а также директоров школ, отметивших, что школы просто не имеют достаточно средств, чтобы выполнить требования закона. Студенческие союзы организовали демонстрации

¹⁵⁷ Михаэла Станкова, “Schools Will Be Checked for Symbols”, «The Slovak Spectator», 15.03.2010, просмотрено 18.03.2010,

<http://spectator.sme.sk/articles/view/38211/2/schools_will_be_checked_for_symbols.html>.

¹⁵⁸ Интервью Михаэлы Станковой с Миланом Земко, «The Slovak Spectator», 15.03.2010, просмотрено 18.03.2010,

<http://spectator.sme.sk/articles/view/38245/2/pride_about_motherland_cannot_be_conditioned_by_any_law.html>.

¹⁵⁹ Интервью Михаэлы Станковой с Романом Холецом, «The Slovak Spectator», 15.03.2010, просмотрено 18.03.2010,

<http://spectator.sme.sk/articles/view/38246/2/positive_deeds_are_the_best_tools_for_raising_patriotism.html>.

протеста. 19 марта президент И. Гашпарович принял решение не подписывать закон. Он заявил, что является сторонником закона, но школы не имеют достаточно времени, чтобы выполнить установленные требования.¹⁶⁰ Обозреватели отмечают, что премьер-министр Р. Фицо обращался к президенту с просьбой наложить вето, по-видимому, изменив свой подход в результате массовых протестов, неожиданных для правящей коалиции.¹⁶¹

В результате выборов в Европейский Парламент в 2009 г. суммарный результат членов правящей коалиции незначительно превысил результат оппозиции. «Смер» имеет 5 мест в Европейском Парламенте, СНП и НП-ДЗДС – по одному, а СДХС-ДП, ХДД и ПВК – по два. Трудно предсказать, сможет ли оппозиция обеспечить достаточную поддержку избирателей, чтобы победить на парламентских выборах в июне 2010 г. Национал-популизм пока остается действенным средством политической мобилизации, и сохраняется тенденция использования соответствующих методов:

Поскольку национал-популистские методы политической коммуникации и склонность к конфронтации глубоко укоренены у всех трех партий правящей коалиции (особенно «Смер» и СНП), наивно было бы ожидать улучшения условий для межкультурного диалога в Словакии, пока эти партии доминируют на политической сцене. Пока они сохраняют свой нынешний статус, эволюция в сторону более умеренных форм пропаганды очень маловероятна, напротив, они могут усилить агрессивную риторику в определенной ситуации – из-за продолжающихся

¹⁶⁰ Роб Камерон (Rob Cameron), “Slovak President Gasparovic Sends Back Patriotism Law”, *BBC News*, 19.03.2010, просмотрено 21.03.2010, <<http://news.bbc.co.uk/2/hi/europe/8577338.stm>>.

¹⁶¹ Джереми Дрюкер (Jeremy Druker), “Slovakia’s Ill-Timed ‘Patriotism’”, *ISN Security Watch*, 22.03.2010, просмотрено 24.03.2010, <<http://www.isn.ethz.ch/isn/Current-Affairs/Security-Watch/Detail/?ots591=4888caa0-b3db-1461-98b9-e20e7b9c13d4&lng=en&id=113994>>.

проблем в отношениях с Венгрией, возможных социальных или политических потрясений в результате мирового экономического кризиса, или снижения поддержки избирателей. В долгосрочной перспективе лишь потеря национал-популистами поддержки избирателей может создать хорошие условия для возобновления диалога и сотрудничества между разными частями общества.¹⁶²

Избирательная кампания, предшествовавшая президентским выборам 2009 г. показала, что националистическая и антивенгерская пропаганда по-прежнему играет серьезную роль. Это могло наблюдаться на примере кампании против кандидата от СДХС-ДП Иветы Радичовой, которую поддерживали также ХДД, ПВК и внепарламентские центристские и либеральные партии. На выборах 4 апреля 2009 г. И. Радичова уступила действующему президенту И. Гашпаровичу.

6. Подтверждение неизменности статуса декретов Бенеша и реакция в Венгрии

В 2001 г. премьер-министр Венгрии Виктор Орбан в обращении к сессии Европейского Парламента потребовал отмены Словакией декретов Бенеша перед вступлением в ЕС. В результате была отменена встреча премьер-министров Вышеградской четверки.¹⁶³ В 2002 г. В. Орбан повторил свое требование на саммите ЕС в Брюсселе. Однако по официальному мнению ЕС «базовый договор ЕС требует от членов и институтов ЕС оценивать нынешние, а не прежние действия кандидатов на вступление».¹⁶⁴

¹⁶² Месежников, *National Populism in Slovakia*, с. 33.

¹⁶³ Стражаи, сс. 56-7.

¹⁶⁴ Балаж Ярабик (Balázs Jarábik), "Recent Developments in Slovak Political Life" в *A New Balance: Democracy and Minorities in Post-Communist Europe* под ред. Моники Роботин и Левенте Салата (Monica Robotin, Levente Salat), OSI, Budapest, 2003, с. 146.

Лидер СНП Я. Слота с начала своей политической карьеры был сторонником мер, введенных в результате принятия декретов Бенеша. В 2002 г. он заявлял, что хотел бы подтверждения декретов, чтобы «те, кто хочет иметь венгерские паспорта, могли быстро покинуть Словакию». Он неоднократно выступал с подобными предложениями к правительству в 2002-2005 гг., но безуспешно.¹⁶⁵

За несколько недель до вступления Словакии в ЕС в 2004 г. НП-ДЗДС также предлагала внести положение о неизменности мер, введенных в результате принятия декретов Бенеша, в договор о вступлении в ЕС. Представители НП-ДЗДС настаивали, что послевоенное выселение венгров из Словакии не было результатом решений словацких органов власти, и Словакия не могла быть ответственной за последствия.¹⁶⁶

Я. Слота в очередной раз внес свое предложение в сентябре 2007 г., и решение было принято Национальным Собранием. Представители всех партий, кроме ПВК проголосовали «за». «Смер» и НП-ДЗДС открыто выступили в поддержку резолюции, а СДХС-ДП и ХДД, по выражению Г. Месежников, заняли «соглашательскую позицию». СНП воспользовалась проведенным обсуждением для пропаганды своего подхода к словацко-венгерским отношениям.¹⁶⁷

Бывшие партнеры ПВК по коалиции СДХС-ДП и ХДД проголосовали «за» по-видимому, по двум причинам. Во-первых, правящая коалиция все равно могла бы принять резолюцию, попутно обвинив оппозицию в «недостатке патриотизма» и «уступках венгерским националистам». Во-вторых, следует учитывать, что отношение Словакии к декретам Бенеша совпадает с отношением Чешской Республики, которая отвергла любую возможность реституции для судетских немцев. Чехия и Словакия солидарны по этому вопросу и действуют соответствующим образом. В 2009 г. президент Чехии Вацлав Клаус подписал Лиссабонский договор лишь при условии исключения для Чехии в отношении применения Хартии ЕС по основным правам.

¹⁶⁵ Месежников, *National Populism in Slovakia*, с. 24.

¹⁶⁶ Месежников, *National Populism in Slovakia*, с. 24.

¹⁶⁷ там же.

Иначе, по его мнению, Чехии были бы предъявлены требования о реституции 2,5 миллионами этнических немцев, депортированными из Чехословакии после Второй мировой войны или их наследниками.

Резолюция парламента Словакии вызвала негативную реакцию в Венгрии. Президент Венгрии Ласло Шойом заявил о неприемлемости принятого решения, а премьер-министр Ференц Дюрчань выразил свою озабоченность в телефонном разговоре с Р. Фицо, отметив, что решение повредило добрососедским отношениям.¹⁶⁸ Председатель парламента Венгрии Каталин Сили в знак протеста отменила визит в Словакию.¹⁶⁹ В ответ на осуждение резолюции венгерскими официальными лицами, депутат от Словакии в Европейском Парламенте Ирена Белогорска (НП-ДЗДС) заявила, что резолюция была необходима, поскольку «Венгерская гвардия» требовала пересмотра границ.¹⁷⁰

Немногие общественные деятели в Словакии в открытую высказывались против декретов Бенеша. Единственным левым деятелем-противником декретов является публицист Эдуард Хмелар.¹⁷¹ Среди правоцентристов извинения этническим венграм принес в июне 2005 г. депутат от ХДД Франтишек Миклошко, заявивший, что лишение гражданства и конфискация имущества в 1945-1948 гг. причинили страдания невинным людям. Ф. Миклошко также отметил, что парламент Словакии не был готов принести официальные извинения. ХДД, в то время бывшее в правящей коалиции, поддержало Ф. Миклошко, указав, что аналогичный шаг нужен и с венгерской стороны. Другие

¹⁶⁸ “Sólyom: Elfogadhatalan a szlovákok döntése” [“Шойом: Принятое словаками решение неприемлемо”], *Index/MTI*, 21.09.2007, просмотрено 19.02.2009, <<http://index.hu/kulfold/benes0921>>.

¹⁶⁹ Шон Сампсон (Sean Sampson), “Benes Decrees Still Cause Tension after 60 Years”, *The Budapest Times*, 1.10.2007, просмотрено 12.09.2009, <http://www.budapesttimes.hu/index.php?option=com_content&task=view&id=755&Itemid=27>.

¹⁷⁰ там же.

¹⁷¹ Юрай Марушьяк, «В полутени двух тоталитарных режимов: сведение счетов с прошлым в Словакии» в *Опыт демократических преобразований Словакии* под ред. Мартина Бутора, Григория Месежника и Мирослава Коллара, Institute for Public Affairs, Bratislava, 2007, с. 179.

политики, в том числе президент И. Гашпарович, высказали недовольство поступком Ф. Миклошко.¹⁷² Через полгода посетивший Словакию с официальным визитом президент Венгрии Л. Шойом заявил, что политика «венгеризации», проводившаяся в бывшей Австро-Венгерской Империи, была несправедливой.¹⁷³

После принятия в 2007 г. резолюции, подтверждающей декреты Бенеша, словацкий политолог Мирослав Куси в интервью чешской газете «Господарске новины» заявил, что Словакии следует извиниться за репрессии в отношении венгров в 1945-1948 гг.¹⁷⁴

7. Нынешнее состояние двусторонних отношений

Рассматривая нынешнее состояние словацко-венгерских отношений, следует учитывать историю становления идентичности. По определению Г. Месежникова, действия наиболее видных национал-популистов и их влияние на межэтнические отношения в Словакии могут рассматриваться с точки зрения социополитических и исторических факторов в целом. Социокультурная атмосфера, в которой национал-популисты строят свои политические кампании, находится под сильным воздействием того, что в XX веке словаки жили в пяти государствах: Австро-Венгерской Империи, Чехословацкой Республике, Словацком государстве, существовавшем во время Второй мировой войны, снова в Чехословацкой Республике и в независимой Словакии.¹⁷⁵ Публицист Лайош Грендель высказывает аналогичную точку зрения, отмечая, что жители Центральной Европы вообще имеют много общих элементов идентичности, в частности из-за того, что

¹⁷² Ондрей Достал, “Ethnic Minorities” в *Slovakia 2005. A Global Report on the State of Society* под ред. Мартина Бутора, Григория Месежникова и Мирослава Коллара, Institute for Public Affairs, Bratislava, 2006, сс. 141-2.

¹⁷³ “Prezident Sólyom: Maďarizácia v Uhorsku bola veľmi nesprávna” [“Президент Шойом: «венгеризация», проводившаяся в бывшей Австро-Венгрии, была несправедливой”], *Sme*, 9.12.2005.

¹⁷⁴ Сампсон, там же.

¹⁷⁵ Месежников, *National Populism in Slovakia*, сс. 7-8.

регион многократно оккупировался разными иностранными державами и за последние восемь десятилетий национальная идентичность многих жителей Центральной Европы постоянно нарушалась.¹⁷⁶

Можно также отметить, что министр иностранных дел Венгрии Петер Балаж признал в недавнем интервью: «Антивенгерские настроения появились не в последнее время, они давно существовали у угнетенных словаков. В годы монархии венгерский язык вбивали в головы словацких детей при помощи палок». П. Балаж отметил также, что экстремисты с обеих сторон провоцируют друг друга, вредя двусторонним отношениям. В частности, он выразил беспокойство по поводу деятельности «Молодежного движения 64 областей», которое в тот момент проводило прием новых членов из числа венгров, живущих в Словакии.¹⁷⁷

По мнению Г. Месежникова,

эффективность мобилизационной стратегии национал-популистов имеет как этно-национальную, так и социальную составляющую. Усиление популистских партий в Словакии в последние годы следует рассматривать в контексте социально-экономического развития страны, прошедшей с 1998 г., особенно в период 2002-2006 гг. серьезные либеральные реформы. Недовольство некоторых слоев населения подлинными или мнимыми социальными последствиями реформ в сочетании с устойчивыми антикапиталистическими и антилиберальными настроениями создало общественную атмосферу, в целом благоприятную для популистов.¹⁷⁸

¹⁷⁶ Лайош Грендель, «Центральная Европа и ее призраки» в *Опыт демократических преобразований Словакии* под ред. Мартина Бутора, Григория Месежникова и Мирослава Коллара, Institute for Public Affairs, Bratislava, 2007, сс. 49-50.

¹⁷⁷ Интервью для *EurActiv Hungary*, 27.04.2009, просмотрено 5.02.2010, <<http://www.euractiv.com/en/priorities/pter-balzs-nationalism-alive-europe/article-181610>>.

¹⁷⁸ Месежников, *National Populism in Slovakia*, с. 32.

При изучении статуса венгерского меньшинства в Словакии и словацко-венгерских отношений следует также учитывать, что формирование идентичности по гражданскому принципу в обеих странах далеко от завершения. На это, с одной стороны, указывает словацкий аналитик:

Национальная идентичность в Словакии до сих пор строится по этническому и культурному принципам, а не на основе гражданской принадлежности и общности территории проживания, и поэтому меньшинства не могут быть полностью адаптированы. Ситуацию в Словакии можно охарактеризовать понятием «Kulturnation», а не «Staatsnation». [...] в странах, где идентичность строится преимущественно на основе этнических и культурных признаков, государственное строительство затруднено по сравнению с теми, где господствует принцип гражданской принадлежности и территориальный принцип.¹⁷⁹

С другой стороны, президент Венгрии Л. Шойом в речи по случаю открытия памятника святому Стефану в Комарно (Словакия) отметил (подготовленная речь была зачитана послом Венгрии в Словакии Анталом Хейзером, так как словацкая сторона не разрешила въезд Л. Шойома):

Венгры являются коренными жителями в восьми странах. Следовательно, единство венгерской нации должно пониматься в контексте этнической, языковой и культурной идентичности, иными словами, так, как мы понимаем выражение «культурная нация». Поэтому мы должны прояснить соотношение между нацией и государством.¹⁸⁰

¹⁷⁹ Достал 2006, с. 144.

¹⁸⁰ Речь президента Л. Шойома. *Канцелярия президента Венгерской Республики*, 21.08.2009, просмотрено 9.09.2009, <http://www.keh.hu/speeches20090821_address_komarno.html>.

Как в Венгрии, так и в Словакии значительная часть населения и влиятельные политические силы продолжают считать национальными интересами не интересы граждан государства, а интересы этнических групп. В одном случае, это венгерская нация внутри и вне пределов Венгрии, а в другом – словацкое большинство. По определению директора исследовательского центра «Европа в мире» Ливерпульского университета Эрики Харрис,

венгерское меньшинство в Словакии всегда воспринимается как тяготеющее к Венгрии и, соответственно, становится главной мишенью и мобилизационным фактором для словацких националистов. Напряженные отношения между словацким большинством и венгерским меньшинством усугубляются Венгрией, которая сознательно взяла на себя роль «зарубежной родины», что зачастую вредит межгосударственным отношениям [...] Венгрию можно упрекнуть в чрезмерном энтузиазме в отношении этнической общности, а Словакию – в проявлении чересчур резкой реакции и проецировании исторических событий на современную политику.¹⁸¹

Следует ожидать, что парламентские выборы, намеченные на апрель 2010 г. в Венгрии и на июнь – в Словакии, могут спровоцировать усиление напряженности в двусторонних отношениях, поскольку национал-популистская риторика будет использована для мобилизации электората. Предсказуемый успех венгерских правых может поспособствовать пропаганде, проводимой СНП и другими популистами в Словакии.

¹⁸¹ Харрис, с. 27.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВДФ	Венгерский Демократический Форум
ВСП	Венгерская Социалистическая Партия
ДЗДС	Движение за демократическую Словакию (до 2000 г. – см. НП-ДЗДС)
«Йоббик»	Движение за лучшую Венгрию
НП-ДЗДС	Народная партия – Движение за демократическую Словакию (с 2000 г. – см. ДЗДС)
ПВК	Партия Венгерской Коалиции (Словакия)
ПВСЖ	Партия венгерской справедливости и жизни
ПЕС	Партия Европейских Социалистов
ПЛД	Партия левых демократов (Словакия)
ПНС	Партия независимых собственников (Венгрия)
СДХС	Словацкий Демократический Христианский Союз (до 2006 г.)
СДХС-ДП	Словацкий Демократический Христианский Союз – Демократическая Партия
«Смер»	«Смер» – Социал-демократия
СНП	Словацкая Народная Партия
ССД	Союз свободных демократов (Венгрия)
«Фидес»	Союз молодых демократов (Венгрия)
ХДД	Христианско-Демократическое Движение (Словакия)
ХДНП	Христианско-демократическая Народная Партия (Венгрия)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Грендель, Лайош, «Центральная Европа и ее призраки» в *Опыт демократических преобразований Словакии* под ред. Мартина Бутора, Григория Месежникова и Мирослава Коллара. Institute for Public Affairs, Братислава, 2007.
- Марушыяк, Юрай, «В полутени двух тоталитарных режимов: сведение счетов с прошлым в Словакии» в *Опыт демократических преобразований Словакии* под ред. Мартина Бутора, Григория Месежникова и Мирослава Коллара. Institute for Public Affairs, Братислава, 2007.
- Bútora, Martin, Miroslav Kollár and Grigorij Mesežnikov (eds), *Slovakia 2005. A Global Report on the State of Society*. Institute for Public Affairs, Bratislava, 2006.
- Bútora, Martin, Grigorij Mesežnikov and Miroslav Kollár (eds), *Slovakia 2006. A Global Report on the State of Society*. Institute for Public Affairs, Bratislava, 2007.
- Cameron, Rob, 'Slovak President Gasparovic Sends Back Patriotism Law', *BBC News*, 19.03.2010, просмотрено 21.03.2010, <<http://news.bbc.co.uk/2/hi/europe/8577338.stm>>.
- Chmel, Rudolf, 'Syndrome of Trianon in Hungarian Foreign Policy and Act on Hungarians Living in Neighboring Countries'. *Slovak Foreign Policy Affairs*, vol. III No. 1, spring 2002, pp. 93-106.
- Dostál, Ondrej, 'Ethnic Minorities' in Martin Bútora, Miroslav Kollár and Grigorij Mesežnikov (eds), *Slovakia 2005. A Global Report on the State of Society*. Institute for Public Affairs, Bratislava, 2006.
- Dostál, Ondrej, 'Ethnic Minorities' in Martin Bútora, Grigorij Mesežnikov and Miroslav Kollár, (eds), *Slovakia 2006. A Global Report on the State of Society*. Institute for Public Affairs, Bratislava, 2007.
- Druker, Jeremy, 'Slovakia's Ill-Timed 'Patriotism'', *ISN Security Watch*, 22.03.2010, просмотрено 24.03.2010, <<http://www.isn.ethz.ch/isn/Current-Affairs/Security-Watch/Detail/?ots591=4888caa0-b3db-1461-98b9-e20e7b9c13d4&lng=en&id=113994>>.
- Gyárfášová, Oľga, 'National Populism in Slovakia: Political Attitudes and Views of the Public' in Grigorij Mesežnikov and Oľga Gyárfášová, *National Populism in Slovakia*. Institute for Public Affairs, Bratislava, 2008.
- Harris, Erika, 'Management of the Hungarian Issue in Slovak Politics: Europeanisation and the Evolution of National Identities'. *POLIS Working Paper* No. 7, University of Leeds, February 2004.

Jarábik, Balázs, 'Recent Developments in Slovak Political Life' in Monica Robotin and Levente Salat (eds), *A New Balance: Democracy and Minorities in Post-Communist Europe*. OSI, Budapest, 2003.

Lesná, Ľuba, interview with Grigorij Mesežnikov. *The Slovak Spectator*, No. 1, 7 January 2008.

Mesežnikov, Grigorij, 'Domestic Politics and the Party System' in Grigorij Mesežnikov, Miroslav Kollár, and Tom Nicholson (eds), *Slovakia 2002. A Global Report on the State of Society*. Institute for Public Affairs, Bratislava, 2003.

Mesežnikov, Grigorij, 'National Populism in Slovakia: Actors, Issues, Strategies' in Grigorij Mesežnikov and Oľga Gyárfášová, *National Populism in Slovakia*. Institute for Public Affairs, Bratislava, 2008.

Mesežnikov, Grigorij, Oľga Gyárfášová, Martin Bútora and Miroslav Kollár, 'Slovakia' in Grigorij Mesežnikov, Oľga Gyárfášová and Daniel Smilov (eds), *Populist Politics and Liberal Democracy in Central and Eastern Europe*. Institute for Public Affairs, Bratislava, 2008.

Mueller, John, 'Democracy, Capitalism, and the End of Transition' in Michael Mandelbaum (ed), *Postcommunism: Four Perspectives*. Council on Foreign Relations, New York, 1996.

Németh, Zsolt, 'Külpolitika és nemzeti érdek', *Pro minoritate*, vol. V No. 2, summer 1996, просмотрено 16.10.2009, <<http://www.hhrf.org/prominoritate/1996/nyar01.htm#E13E5>>.

Némethová, Diana and László Öllös, 'Hungarians in the Slovak Government' in Monica Robotin and Levente Salat (eds), *A New Balance: Democracy and Minorities in Post-Communist Europe*. OSI, Budapest, 2003.

Pridham, Geoffrey, 'Slovakia's Relations with the European Union 1998-2002: Political Conditionality, its Effects and its Limitations', *Slovak Foreign Policy Affairs*, vol. III No. 2, autumn 2002, pp. 75-89.

Sampson, Sean, 'Benés Decrees Still Cause Tension after 60 Years', *The Budapest Times*, 1.10.2007, просмотрено 12.09.2009, <http://www.budapesttimes.hu/index.php?option=com_content&task=view&id=755&Itemid=27>.

Stanková, Michaela, 'Tension over Language', *The Slovak Spectator*, 7.09.2009, просмотрено 12.09.2009, <http://www.spectator.sk/articles/view/36418/2/tension_over_language.html>.

Stanková, Michaela, 'Hungary to Pay Language Fines', *The Slovak Spectator*, 8.02.2010, просмотрено 14.02.2010,

<http://spectator.sme.sk/articles/view/37840/2/hungary_to_pay_language_fines.html>.

Stanková, Michaela, 'Schools Will Be Checked for Symbols', *The Slovak Spectator*, 15.03.2010, просмотрено 18.03.2010,

<http://spectator.sme.sk/articles/view/38211/2/schools_will_be_checked_for_symbols.html>.

Stanková, Michaela, interview with Milan Zemko, *The Slovak Spectator*, 15.03.2010, просмотрено 18.03.2010,

<http://spectator.sme.sk/articles/view/38245/2/pride_about_motherland_cannot_be_conditioned_by_any_law.html>.

Stanková, Michaela, interview with Roman Holec, *The Slovak Spectator*, 15.03.2010, просмотрено 18.03.2010,

<http://spectator.sme.sk/articles/view/38246/2/positive_deeds_are_the_best_tools_for_raising_patriotism.html>.

Strážay, Tomáš, 'Nationalist Populism and Foreign Policy: Focus on Slovak-Hungarian Relations', *Slovak Foreign Policy Affairs*, vol. VI No. 1, spring 2005, pp. 47-59.

Tabajdi, Csaba, 'Újragondolt közép-európaiság', *Népszabadság*, 2.11.2001.

Uitz, Renáta, 'Hungary' in Grigorij Mesežnikov, Oľga Gyárfášová and Daniel Smilov (eds), *Populist Politics and Liberal Democracy in Central and Eastern Europe*. Institute for Public Affairs, Bratislava, 2008.

Várhegyi, Attila, 'Gyökeres változás a magyarság életében', *Magyar Nemzet*, 21.08.2001.

Weinstein Michael A., Hungary's Referendum on Dual Citizenship, *Global Policy Forum*, 13.12.2004, просмотрено 9.02.2010,

<<http://www.globalpolicy.org/component/content/article/171-emerging/29823.html>>.

Прочие источники

Интервью с Ласло Ковачем, *Népszava*, 17.08.1996.

Конституция Венгерской Республики.

Речь президента Л. Шойома. *Канцелярия президента Венгерской Республики*, 21.08.2009, просмотрено 9.09.2009,

<http://www.keh.hu/speeches20090821_address_komarno.html>.

Act LXII on Hungarians Living in Neighbouring Countries: Interests and Goals, *Министерство иностранных дел Венгрии*, январь 2002, просмотрено 11.01.2010, <http://www.mfa.gov.hu/NR/rdonlyres/A08A8619-B08C-450F-A70B-0949A5467BAB/0/Statusz_EN.pdf>.

‘Anti-Semitic Manifestations Hostile to the Hungarian opposition’, *Budapest Analyses*, 15.12.2008, просмотрено 14.02.2010, <http://www.budapestanalyses.hu/docs/En/Analyses_Archive/analysys_208_en.html>.

‘Fico sa pýtal, kto tu žil’, *Sme*, 22.04.2008.

‘Fico: Vláda umožňuje SMK postupne asimilovať Slovákov na juhu’, *SITA*, 28.07.2004.

‘German MEP Slams Slovak Language Law’, *EurActiv*, 10.07.2009, просмотрено 14.02.2010, <<http://www.euractiv.com/en/culture/german-mep-slams-slovak-language-law/article-183982>>.

Hungary: Parliamentary Elections 1990, *Inter-Parliamentary Union*, просмотрено 16.01.2010, <http://www.ipu.org/parline-e/reports/arc/2141_90.htm>.

Hungary: Parliamentary Elections 1994, *Inter-Parliamentary Union*, просмотрено 16.01.2010, <http://www.ipu.org/parline-e/reports/arc/2141_94.htm>.

Hungary: Parliamentary Elections 1998, *Inter-Parliamentary Union*, просмотрено 16.01.2010, <http://www.ipu.org/parline-e/reports/arc/2141_98.htm>.

National Election Office of Hungary, просмотрено 8.02.2010, <http://www.valasztas.hu/en/parval2010/197/197_0.html>.

‘OSCE High Commissioner on National Minorities Issues Statement on Slovakia’s Language Law’, *OSCE*, 4.01.2010, просмотрено 17.02.2010, <<http://www.osce.org/item/42279.html>>.

Péter Balázs: Nationalism Is Still Alive in Europe, интервью для *EurActiv Hungary*, 27.04.2009, просмотрено 5.02.2010, <<http://www.euractiv.com/en/priorities/pter-balzs-nationalism-alive-europe/article-181610>>.

‘Politici vyzývali na vlastenectvo’, *Sme*, 7.07.2008.

‘Prezident Sólyom: Maďarizácia v Uhorsku bola veľmi nesprávna’, *Sme*, 9.12.2005.

‘Radical nationalist Jobbik for Toppling Trianon Borders, says MEP’, *The Budapest Times*, 14.06.2009, просмотрено 25.09.2009, <http://www.budapesttimes.hu/index.php?option=com_content&task=view&id=12240&Itemid=219>.

‘Slota: Maďarská armáda cvičí prechod vodných tokov’, веб-страница СНП, 24.03.2010, просмотрено 26.03.2010, <<http://www.sns.sk/aktuality/slota-madarska-armada-cvici-prechod-vodnych-tokov>>.

‘Slota: O rok bude Slovensko bez južných území’, *SITA*, 12.08.2004.

‘Slota: Podá návrh na generálnu prokuratúru na zrušenie SMK’, *SITA*, 20.01.2005.

Slovakia: Parliamentary Elections 1998, *Inter-Parliamentary Union*, просмотрено 27.01.2010, <http://www.ipu.org/parline-e/reports/arc/2285_98.htm>.

‘Smer: Odmietajú návrh zmien pri používaní menšinových jazykov’, *SITA*, 15.08.2003.

‘SMER suspended from PES political family’, веб-страница ПЕС, 12.10.2006, просмотрено 13.05.2009, <<http://www.pes.org/en/news/smer-suspended-pes-political-family>>.

‘Sólyom: Elfogadhatatlan a szlovákok döntése’, *Index/MTI*, 21.09.2007, просмотрено 19.02.2009, <<http://index.hu/kulfold/benes0921>>.

“Új Magyarország”, 29.06.1996.

Глава 3. Региональная, государственная, гражданская и этническая идентичности народов и стран Южного Кавказа

Фарида Раджабова: Проблема взаимодействия государственной, гражданской и этнической идентичностей

Микаэл Золян: Кавказ и «кавказцы»: культурное конструирование региона и региональная идентичность

Паата Бухрашвили: Русское колониальное сознание и закавказская этнополитическая реальность

Проблема взаимодействия государственной, гражданской и этнической идентичностей

Тема идентичностей – одна из наиболее реагирующих на политические перемены в Азербайджанской Республике (АР) и в мире в целом. Не является исключением и проблема взаимодействия государственной, гражданской и этнической идентичностей.

События конца 20 и начала 21 веков на советском и впоследствии постсоветском пространстве существенно изменили концептуальные подходы к пониманию государственной идентичности.

Во Франции, Великобритании, США, Швейцарии рождение политической нации как политических сообществ, консолидированных в рамках конституционного государства, имеющих политико-договорную природу, связано с идеями демократии и суверенитета самоуправляющегося народа. Американская исследовательница Лия Гринфельд в часто цитируемой ныне книге «Национализм: пять путей к современному обществу» (1) характеризует суверенность нации как независимость, самоуправляемость общности, которая выводит свою свободу из свободы и достоинства личности. А достоинство и свобода воплощаются в политических институтах.

КОНФЛИКТ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ

К сожалению, в современной АР пока не существует интенсивного движения к формированию вышеуказанной системы различных идентичностей, а также понимания стоящих в этом отношении проблем. Но проблема в том, что если развитие именно подобной гражданской общности не станет целью сознательно проводимой политики, АР рискует превратиться в зону перманентного конфликта идентичнос-

тей, который, к сожалению, отнюдь не всегда проходит в форме толерантных дискуссий. Угроза религиозного экстремизма и этнического сепаратизма требует не столько усиления структур правоохранительных органов, сколько изменения политики в отношении национальных меньшинств, и, прежде всего – максимальных усилий по содействию развития гражданской идентичности.

В АР концепция социальной справедливости должна рассматриваться как стандарт, относительно которого следует оценивать гражданские механизмы общества. Можно выделить нижеследующие принципы социальной справедливости: во-первых, каждый гражданин должен иметь равное право на максимально полную систему равных гражданских и политических свобод, совместимых с аналогичной системой свобод для всех; во-вторых, социально-экономические взаимоотношения в государстве должны быть организованы таким образом, чтобы служили интересам всех, а также были связаны с государственными должностями, открытыми для всех при условии честного соблюдения равенства возможностей.

Проблема самоидентификации в республике может быть снята, если социальное развитие АР будет основано на консенсусе государства и гражданского общества. Отсюда и труднейшая задача, стоящая перед современной АР: ограничение избыточной власти государства при одновременном выстраивании государства, когда по мере созревания гражданского общества государство трансформируется в эффективный инструмент гражданского развития страны.

ГРАЖДАНСКОЕ САМОСОЗНАНИЕ

Специальные исследования, изучающие формирование гражданского самосознания, в АР пока не проводились. Что такое гражданин? Человек, который умеет отвечать за себя и своих близких, а уже потом он начинает отвечать за дела государства. Одно не вызывает сомнений, современный мир бросает вызов АР – вызов заключается в следую-

шем: сумеет ли нация (ясно, что имеется в виду нация в европейском понимании как гражданское сообщество) самоорганизоваться?

По мнению Р. Эмерсона: «Нация (общество) стремится овладеть государством как политическим институтом, с помощью которого она может защитить и утвердить себя» **(2)**. По сути - это тип государств с либеральной демократией, где государство – для народа.

Поэтому государственная идентичность в европейских странах практически совпадает с гражданской.

Но что такое нация? Концепции нации разделены на две большие группы. Первая группа конституирует идею нации по модели расы, и нация предстает общностью, основанной на «крови» – и эта общность предопределяет идентичность индивида за счет самого факта рождения «азербайджанцем», «армянином», т.д. С этой точки зрения настоящее индивида предопределено прошлым его семьи. Вторая группа описывает нацию как контракт, продукт свободного договора граждан наподобие государства, и на этом же самом основании обосновывает возможность выбора национальной принадлежности.

В конструировании национальной идентичности не последнюю роль играет пресловутый ура-патриотизм. Вполне уместно привести слова К. Маркса, описывающие Французскую империю времен Луи Бонапарта: «военный мундир был их собственным парадным костюмом, война – их поэзией, увеличенная и округленная в воображении парцелла – отечеством, а патриотизм – идеальной формой чувства собственности» **(3)**. Тем самым, в воображении населения создается сообщество, объединенное совместным проживанием в чрезвычайных ситуациях и комплексом жертвенности. В этой связи можно сделать следующий вывод: национальная идея современного этапа государственности в АР заключается в прагматичном подходе государства к национальной идеологии, где оно обязано учитывать и поддерживать исходное культурное, идеологическое и политическое многообразие и видеть свою задачу в его поддержании путем выполнения посреднической функции, пресекая лишь экстремистские и сепаратистские проявления.

АР в Советском Союзе характеризовалась высоким уровнем централизации и иерархизации власти и населения, не дававшими возможности самоорганизации общества, противопоставлявшими принцип гражданства принципу подданчества власти. В силу сложившегося исторического шлейфа восприятий и представлений, в АР принципиально важно различать государственное и гражданское самосознания. И в этом отличие азербайджанской ситуации от французской или ситуации в США, Швейцарии, где формирование политической нации и государства связано со становлением самоуправляющегося народа. В вышеназванных государствах государственная и гражданская идентичности сложились как равнозначные понятия, а в АР по объективным причинам они пока не различаются.

Для молодой демократии присуще дискуссия о взаимоотношениях между тремя субъектами современного государства, а именно – «личность–гражданское общество–государство». Как известно, в либеральном обществе вектор власти тяготеет к примату личности и гражданского общества, а в обществе управляемой демократии вектор власти тяготеет к примату государства. В первом случае действует эффективная система договорных взаимоотношений между государством и гражданином, а также система разделения ветвей власти, во втором – жестко сконструированная вертикаль власти.

Динамичное развитие страны зависит от того, сможет ли ее политическая элита ответить на вызовы и возможности формирующегося нового миропорядка, а также адекватно оценить его, в котором предстоит жить гражданам АР?

На сегодня государственная идентичность формируется значительно быстрее, чем гражданское самосознание населения АР. Первая формируется политической волей лидера, политической элитой, политическими деятелями, посылающими идеи и интерпретирующие государственность. Имея в руках подконтрольные СМИ, возможность влиять на образовательную систему, сделать это возможно в исторически короткие сроки. Намного сложнее с формированием гражданского самосознания, которое связано с комплексом социально-пси-

психологических предпосылок в обществе, с заменой исторически сложившихся представлений у подавляющего большинства населения, переориентацией его с патерналистских настроений на деятельностную самоорганизацию, солидаризацию вокруг ответственности за свою судьбу и судьбу страны.

Разграничение государственной и гражданской идентичностей в АР еще только начинает происходить. Поэтому назвать азербайджанское гражданское сообщество нацией и приучить людей к употреблению терминов «гражданин» и «гражданство» не решит еще проблемы формирования политической нации как гражданского общества, «овладевающей государством как своим орудием» (по Р. Эмерсону) (4). Это невозможно именно без гражданского, а не просто государственного самосознания.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

В условиях, когда бывшие граждане советской империи потеряли свою прежнюю государственную идентичность, веру в правильность своего исторического выбора и реальность многих достижений, когда значительная часть населения меняла свой привычный социальный статус, этническая солидарность давала некоторую психологическую поддержку.

В поликультурной среде этническая идентичность приобретает особую чувствительность и к самооценке, и к оценке себя другими. Это отражается в декларациях правящих элит, в дискурсе СМИ, в текстах учебников и художественной литературы. Чувство достоинства – неизменный спутник и один из важных работающих элементов в этнической идентичности. Среди факторов, которые очень важны для ощущения равенства или неравенства, азербайджанцы, тальши, евреи, армяне, лезгины, аварцы, удины, русские на втором месте после равенства перед законом, возможности получить качественное образование.

В том, что азербайджанская идентичность в АР должна утверждаться согласны все авторитетные эксперты и аналитики. Специалисты расходятся в стратегии и способах ее формирования. У большинства населения в республике азербайджанская идентичность уже есть. Азербайджанцами увереннее себя идентифицируют люди в молодом и среднем возрасте. Это понятно. Люди старшего поколения еще нередко идентифицируют себя с гражданами Советского Союза. С тем периодом у них связана молодость, многие тоскуют по стабильности, привычной в прошлом жизни. Среди тех, кто имеет азербайджанскую идентичность больше тех, кто удовлетворен работой, у кого положение на работе улучшилось, кто выбирает позицию «жить трудно, но можно терпеть». Именно среди них больше тех, кто идентифицирует себя гражданином АР.

Этническая идентичность в основном базируется на языке, культуре, национальности родителей, историческом прошлом, территории. Государственная идентичность базируется на месте в мире, геополитическом пространстве, цивилизационном развитии, на представлениях о ресурсах страны, достижениях в культуре, исторической общности. Она более динамична, чем этническая, выбор которой совсем не исключает государственной идентичности, т.к. они способны дополнять друг друга. Это дает основание говорить о совместимости этих идентичностей. Но данная совместимость возможна при определенных условиях. Для того чтобы произошло совмещение государственной и этнической идентичностей, государство должно выстроить систему взаимоотношений, основанную на взаимопонимании. В стране, где азербайджанцы составляют доминирующее большинство, государственная идентичность не может не базироваться на этнической идентичности большинства. Но именно поэтому, чтобы гражданская идентичность стала привлекательной для других народов АР, ее ценности, символы, представления, ассоциирующиеся с АР, должны соответствовать также и их интересам и ценностям.

Формирование гражданского сознания, солидаризации с ценностью человеческого достоинства, свободы и ответственности, уважения к

индивидуальному выбору должно стать цементирующим государственную и гражданскую идентичности, делающим государственную идентичность привлекательной для всех народов АР.

В 1995 г., размышляя об этнических конфликтах, занявших то самое место, которое до 1991 г. занимало противостояние двух общественных систем, Уилл Кимлика писал во введении к своей книге «The Rights of Minority Cultures»: «...Хотя в 1970–1980-х гг. англо-американский мир и стал свидетелем «возрождения» нормативной политической теории – включая важнейшие новые теории справедливости, свободы, прав, общества и демократии, – проблемы, связанные с культурами меньшинств, очень редко становились предметом этих дискуссий» (5). У. Кимлика разработал в деталях свою теорию мультикультурализма, а проблемы взаимоотношений различных этнических, религиозных и культурных меньшинств стали предметом самого пристального внимания многих политических философов.

Вопросы идентичности (или самоидентификации индивида в отношении той или иной группы), напрямую связаны с проблемой групповых взаимоотношений. Идентичности конструируются как большинством (через государственный язык, определение границ и обязательную национальную образовательную программу, т. е. посредством того, что в совокупности тот же У. Кимлика называет «проектом национального строительства» – nationbuilding project) (6), так и меньшинствами – во многом через «отталкивание» от культуры большинства (7).

Анализ процессов конструирования и дальнейшего развития идентичностей абсолютно необходим для понимания того, в каком случае это самое «отталкивание» меньшинства имеет склонность перерастать в этническое противостояние и конфликт. Вот почему политика правящей партии должна снимать несправедливые последствия «национального строительства» для различных существующих в обществе меньшинств. Ведь в конечном итоге только подобной политикой социальной справедливости гарантируется уверенность меньшинств в стабильности их групповой идентичности. Речь идет о том, что, если

всякое государство с неизбежностью вовлечено в процесс «национального строительства», и не может быть культурно нейтральным, то нужно приложить все усилия для того, чтобы компенсировать различным меньшинствам негативные для них последствия подобного национального строительства. Это, в свою очередь, можно сделать с помощью системы гражданских прав. В сущности, такая политика была уже разработана в целом ряде европейских стран, и это политика мультикультурализма. При этом, процесс соединения национальной идентичности с идентичностями меньшинств подразумевает компромисс с обеих сторон: «хотя национальные идентичности утончаются, чтобы стать приемлемыми для меньшинств, эти самые меньшинства сами должны отказаться от тех ценностей и моделей поведения, которые конфликтуют с ценностями и моделями поведения сообщества в целом» (8).

ИДЕЯ ГРАЖДАНСТВА

Гражданская идентичность в отличие от государственной и этнической идентичностей не подразумевает исторической общности, единой культуры, одной ценностной ориентации или мифической «национальной территории». Однако такое понимание гражданства требует объяснения данного понятия.

«Классическую» идею гражданства мы находим в произведениях различных либеральных и республиканских теоретиков, например, у Руссо или Милля. Однако ни у одного из этих мыслителей идея гражданства не является достаточно «тонкой», чтобы соответствовать мультикультурному состоянию ценностного плюрализма современного общества. Для Руссо гражданская идентичность подразумевает «гражданскую религию». А именно, «...для Государства весьма важно, чтобы каждый гражданин имел религию, которая заставляла бы его любить свои обязанности; но догматы этой религии интересуют Государство и его членов лишь постольку, поскольку эти догматы относятся к морали и обязанностям, которые тот, кто ее исповедует,

обязан исполнять по отношению к другим» (9). По Миллю же, идея гражданства основана на национальной идентичности. А именно, в *Considerations on Representative Government* Милль утверждал необходимость общей национальной культуры в качестве условия жизнеспособности институтов представительной демократии. И, конечно, вполне можно согласиться здесь с Д. Уэйнстоком, что в таком виде идея гражданства «...кажется, совершенно несогласной с решительно мультикультурной природою многих (большинства?) современных обществ» (10).

В самом деле, в таком виде идея гражданства ничуть не менее «ценностно нагружена», нежели национальная или государственная идентичности. Вывод из этого очевиден – концепция гражданства должна быть модернизирована для того, чтобы быть способной выполнять свои функции в условиях мультикультурного общества и «плюрализма ценностей» современной цивилизации.

Подобное «тонкое» понимание гражданства было недавно предложено Д. Уэйнстоком и состоит из следующих основных элементов:

- 1) статус гражданина, который значительно отличается от статуса негражданина. Быть гражданином – это значит иметь права (например, участвовать в выборах) и нести обязанности;
- 2) статус гражданина обычно конкретизируется именно через права. Главное в гражданском статусе – это не столько обязанности, сколько различные права, которыми обладают граждане и которые служат для защиты их гражданских и политических свобод;
- 3) самоуправление и автономия. Гражданин – это человек, способный к управлению собой и осуществляющий подобную автономию на практике. Быть гражданином – совсем не то же самое, что быть подданным, т. е. управляемым. Потому идея гражданства неразрывна с идеей демократии. Государство, желающее управлять гражданами с помощью авторитарного или тоталитарного режима, уходит от своей цели, т.к. гражданская идентичность способна формироваться лишь в свободном демократическом обществе;

4) в обществе должен существовать ряд демократических институтов, посредством которых граждане осуществляют свое самоуправление и реализуют свои права;

5) «быть гражданином означает по крайней мере до некоторой степени идентифицировать себя с политическим обществом, к которому человек принадлежит, и быть расположенным к действию по отношению к своим согражданам так, чтобы содействовать стабильности и единству этого общества» (11).

Процедура получения статуса гражданина в мультикультурном государстве должна быть прозрачна и принципиально общедоступна. Этим гражданство принципиально отличается от национальной идентичности, подразумевающей «общую историю», «прародину», общие верования или мифы, дающиеся в конечном итоге по праву рождения, даже если она и не отождествляется более с этнической (кровной) принадлежностью. Статус гражданина же гораздо более процедурен и потому общедоступен. Здесь следует напомнить и тот факт, что в большинстве демократических стран имеется процедура получения гражданства, даже для нелегальных иммигрантов, гастарбайтеров или, по выражению У. Кимлики, метеков. Несмотря на то, что эти самые иммигранты уже своим въездом в ту или иную страну нарушили ее законы, сегодня имеется довольно широкое понимание того факта, что без прозрачной процедуры получения гражданского статуса, в том числе и данными группами, в стране будет наличествовать растущий криминальный слой маргинальных граждан «второго сорта» (12).

В целом концепция гражданства должна быть сконструирована таким образом, чтобы содействовать, а не угрожать стабильному существованию этнических, религиозных, гендерных и пр. идентичностей. Это значит, что через статус гражданина, носители этих групповых идентичностей должны получать доступ к публичной сфере, именно в качестве выразителей данных идентичностей, а не просто как индивидуальные граждане. Только в этом случае гражданская идентичность будет восприниматься всеми как ресурс, а не как препятствие, от ограничений которого следует избавляться легитимными спосо-

бами. Именно в этом случае гражданская идентичность станет способствовать солидарности, интеграции и толерантности общества. Гражданство подразумевает принципиальную возможность для любого человека (или этнической группы) участвовать в определении своей собственной судьбы, чего совсем нет в концепции управляемой демократии.

И еще одно, абсолютно очевидно, что до тех пор пока население той или иной страны рассматривается как совокупность подданных или как объект PR-манипулирования, о формировании действительно гражданской идентичности не может быть и речи.

В современных условиях единственной возможностью для граждан реально осуществлять возможности самоуправления предоставляют институты гражданского общества, содействующие более эффективному его выражению, т.к. полное функционирование гражданской идентичности *ex bene esse* не возможно без подобных институтов.

Идея гражданства, помимо институтов гражданского общества, подразумевает еще и целый ряд доступных для граждан легальных средств выражения своей позиции по тому или иному поводу и инструментов влияния на принятие значимых для них решений. Наличие таких возможностей составляет существенную часть того, что сегодня обычно называют делиберативной демократией, т. е. такой системы управления, при которой принятию того или иного решения предшествует широкое публичное его обсуждение.

В свою очередь, правила публичной дискуссии должны быть максимально широкими, допускающими участие в ней представителей самых различных групп и вместе с тем достаточно определенными для того, чтобы ориентировать дискуссию на выработку конкретного решения по тому или иному вопросу.

И, наконец, последнее. Гражданская идентичность подразумевает определенное отношение граждан друг к другу, своего рода гражданский договор, в основе которой лежит доверие. Именно доверие является моральным условием стабильности гражданского общества государства и определяет наличие основных гражданских свобод.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Greenfeld L. Nationalism: Five Roads to Modernity. Cambridge, MA, 1992.
2. Emerson R. From Empire to Nation. The Rise of Self Assertion of Asian and African Peoples. Cambridge, 1960. P. 96.
3. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // Маркс К., Энгельс Ф. Избр. произв. в 3-х т. Т. 1. М.: Изд-во полит. лит., 1980. С. 512.
4. Emerson R. From Empire to Nation. The Rise of Self Assertion of Asian and African Peoples. Cambridge, 1960. P. 65.
5. Kymlicka, Will. Introduction // Will Kymlicka, ed. The Rights of Minority Cultures. Oxford University Press, 1995. P. 1.
6. Kymlicka, Will. Western Political Theory and Ethnic Relations in Eastern Europe // Will Kymlicka and Magda Opalski, eds. Can Liberal Pluralism be Exported. Oxford University Press, 2001. P. 18.
7. Paul W. Werth. Big Candles and “Internal Conversion”: The Mari Animist Reformation and Its Russian Appropriations // R.P. Geraci, M. Khodarkovsky, eds. Of Religion and Empire. Missions, Conversions and Tolerance in Tsarist Russia, Cornell University Press, 2001. P. 144–172.
8. См. Miller D. Citizenship and National Identity. Polity Press. Malden, Mass., 2000. P.
9. Руссо, Жан-Жак. Об общественном договоре, или принципы политического права//Жан-Жак Руссо. Об общественном договоре. Трактаты. М., 2000. С. 320.
10. Daniel M. Weinstock, Citizenship and Pluralism // R.L. Simon ed. The Blackwell Guide to Social and Political Philosophy, Blackwell, Malden, Mass., 2002. P. 242.
11. См. P. 244.
12. См., например: Kymlicka W. Western Political Theory and Ethnic Relations in Eastern Europe // Can Liberal Pluralism be Exported?. Oxford University Press. P. 39–45.

Кавказ и «кавказцы»: культурное конструирование региона и региональная идентичность

Есть вещи, которые мы обычно воспринимаем как нечто само собой разумеющееся. Так, в повседневной жизни мы часто воспринимаем различные формы идентичности (национальная, этническая, религиозная и т.д.) как нечто изначальное, самоочевидное и стабильное. Такие представления об идентичности, которые в академической среде принято называть “эссенциализмом”, игнорируют две важнейшие характеристики феномена идентичности. Во-первых, идентичность это не что-то, что объективно существует вне человека и общества, а нечто, что создается самими людьми и обществом на основе определенных объективных реалий (а так же представлений, стереотипов, мифов и т.д.). Во-вторых, идентичность не является некой стабильной и неизменной структурой – она постоянно претерпевает изменения, которые возможно не всегда заметны на первый взгляд, и которые поэтому не всегда осознаются самими носителями определенной идентичности.

Одна из таких идентичностей – региональная идентичность. В нашем случае речь пойдет о кавказской региональной идентичности. Оговоримся сразу, что данная статья не претендует на всесторонний академический анализ понятия “кавказская идентичность”. Скорее, это попытка предложить для обсуждения некоторые наблюдения, которые могут стать катализатором для дискуссий.

“Кавказ”, о котором мы говорим, это понятие из сферы “символической географии” – аналогичное таким понятиям как “Балканы”, “Восточная Европа”, “Ближний Восток” и т.д. Понятие “Кавказ” не ограничивается представлениями об определенной территории и географических границах региона, оно предполагает также опреде-

ленный комплекс представлений о политических, культурных, социальных и других характеристиках людей, населяющих регион. В современной научной литературе много исследований о том, как конструируются подобные понятия (исследования Марии Тодоровой о “Балканах”, Ларри Вольфа о “Восточной Европе” и т.д.¹⁸²). Многие из этих исследований восходят к уже ставшей классической работе Эдварда Саида “Ориентализм”, в которой он анализировал возникновение понятия “Восток” в западной науке и литературе, и взаимосвязь между концепциями “ориентализма” и колониальной политикой западных держав.¹⁸³ Те модели, которые были предложены в связи с такими понятиями как “Балканы” или “Восток” вполне могут быть применены и к понятию “Кавказ”. Авторы упомянутых исследований на основе материала архивных документов, литературных произведений и других исторических источников анализировали процесс культурного конструирования определенных регионов. Они показывают как на основе определенных характеристик (реальных или мнимых) группа стран или народов, которые ранее могли не восприниматься как единое целое, в рамках определенного дискурса связываются вместе и начинают выступать как единое целое. Во многих случаях подобные концепции региона возникали вне самого региона – и впоследствии навязывались или добровольно принимались самими людьми, живущими в регионе.

Как и в названных случаях, понятие “Кавказ” предполагает представление об определенных географических границах, об определенных характеристиках самой территории, культуры и менталитета людей, живущих на этой территории, а также определенный политический контекст. Кавказ все еще ждет таких исследователей как Эдвард Саид или Мария Тодорова, которые могли бы проследить и

¹⁸² M. Todorova *Imagining the Balkans*, New York: Oxford University Press, 1997, L. Wolff. *Inventing Eastern Europe: the map of civilization on the mind of the enlightenment*, Stanford: Stanford University Press, 1994.

¹⁸³ Edward W. Said. *Orientalism*, New York: Pantheon Books, c1978

проанализировать процесс формирования представлений о Кавказе как о едином регионе, который простирается от Ставропольского края до нынешних границ Турции и Ирана¹⁸⁴. Тем не менее, для наблюдателя, знакомого с историей региона, является очевидным то, что на протяжении различных исторических периодов понятие “Кавказ” далеко не всегда включало в себя все территории, которые сейчас обозначаются термином “Кавказ”. В особенности это относится к объединению “южного” и “северного” Кавказа”. В древности и в средневековье далеко не всегда две части нынешнего Кавказа выступают как единое целое. Территория нынешнего Южного Кавказа на протяжении веков входила в состав различных империй, в то время как территория нынешнего Северного Кавказа часто оставалась непокоренной или завоевывалась только на короткий промежуток времени. Более того, территории нынешнего Северного Кавказа часто противопоставлялись тому, что мы сейчас называем Южным Кавказом, как некая “дикая” горная страна, откуда некие “дикие” и “воинственные” племена периодически вторгаются на земли более “мирных” и “цивилизованных” соседей на юге.

На протяжении древности и средних веков Кавказский хребет нередко воспринимался как граница между “цивилизацией” и “дикостью”. Так, например в период персидского господства, Дербент считался одним из важнейших укреплений Персидской державы именно потому, что он защищал ее от нападений “варваров”. Можно привести многочисленные примеры подобного восприятия из армянской литературной традиции, думаю при желании можно найти подобные примеры и в литературных традициях других народов Южного Кавказа. Так, один из классических сюжетов в армянской литературной традиции – легенда о нападении аланов на Армению

¹⁸⁴ Лишь в последнее время появились работы, в которых рассматриваются определенные аспекты этой проблематики, такие как например В. Grant, *The Captive and the Gift: Cultural Histories of Sovereignty in Russia and the Caucasus*, Ithaca and London: Cornell University Press, 2009; В. Grant and L. Yalcin-Heckman (eds), *Caucasus Paradigms: Anthropologies, Histories, and the Making of a World Area*, Berlin: LIT Verlag, 2007.

при царе Арташесе, в рамках которой аланам приписываются характеристики “благородного дикаря”, что подтверждает представление о двух сторонах Кавказского хребта как о двух, не только различных, но и, в определенной степени, противоположных мирах. Более того, даже само понятие Южного Кавказа как региона, объединяющего Грузию, Армению и Азербайджан, в долгосрочной исторической перспективе далеко не так самоочевидно, как иногда это представляется извне. Если современные Грузия, Армения и Азербайджан вполне подходят под определение «Южнокавказский регион», то в исторической перспективе все далеко не так просто с точки зрения географии, не говоря об историко-культурных аспектах.

Понятие “Кавказ”, в современном значении, т.е. регион который объединяет Северный Кавказ и территории постсоветских Грузии, Армении и Азербайджана (а также непризнанных государств), наполняется новым смыслом уже в новое время в связи с приходом Российской Империи в регион. В контексте Российской Империи понятие “Кавказ” получило смысловое наполнение, как обозначение одного из южных пограничных регионов империи, который по ряду характеристик отличался от других регионов как на западе, так и на востоке. Среди этих характеристик - географические условия Кавказа (горный рельеф), определенные сходства “антропологического типа” (большинство жителей региона можно причислить к тому, что в физической антропологии было принято называть “южной ветвью европоидной расы”), сходство быта и обычаев (напр. высоко ритуализированная культура гостеприимства и застолья), сходство в области социальных норм (высокая степень социального консерватизма, ярко выраженная патриархальная модель семьи и т.д.). В общественном дискурсе Российской Империи эти характеристики объединяли разные части Кавказа в единое целое и противопоставляли его остальной российской империи – как собственно русскому “хартленду”, так и другим “не-русским” регионам, как на

Западе (Польша, Прибалтика), так и на востоке (Средняя Азия, Сибирь).

Названные характеристики можно в определенной мере считать основанными на реальности жизни народов региона. Однако нужно учитывать два важных момента. Во-первых, даже внутри названных характеристик существовали значительные вариации. Так, с точки зрения географических и климатических условий в рамках Кавказа существовало значительное разнообразие – от заснеженных вершин Кавказского хребта до плодородных долин Куры и Аракса, не говоря уже о субтропическом ландшафте черноморского побережья. То же самое можно сказать и о разнообразии предполагаемого “антропологического типа” жителей Южного Кавказа: от светловолосых и светлоглазых жителей черноморского побережья до черноволосых и смуглых жителей побережья Каспия.

В сфере повседневного быта существовали значительные различия, которые часто представлялись незначительными для внешнего наблюдателя, но имели огромное значение в глазах самих жителей региона. Что касается политической структуры и политической культуры, то и здесь существовали принципиальные различия между эгалитарными до-классовыми обществами северо-кавказских горцев, многие из которых до прихода России в регион не знали стабильной государственной власти, и обществами Южного Кавказа, прошедшими через столетия опыта государственности. Понятия “Кавказ” и “кавказцы” практически полностью оставляли в стороне огромное разнообразие в таких сферах как язык, письменность, религия, а также существенные различия социальной структуры и социальных норм и ценностей между обществами юга и севера. Другая особенность названных “общекавказских характеристик” заключается в том, что хотя эти характеристики делают Кавказ непохожим на другие регионы Российской Империи, они в то же время объединяют “народы Кавказа” с другими регионами, не входившими в состав России. Многие особенности Кавказа, особенно Южной его части, обособляющие его от других частей Российской

Империи, в то же время определяют его сходство с другими регионами – Юго-Восточной Европой, Восточным Средиземноморьем, Ближним Востоком.

Итак, как видим, само понятие “Кавказ”, во всяком случае в его современном понимании, формируется и наполняется смыслом в контексте Российской Империи, вне этого контекста оно представляется лишенным смысла. Однако, было бы неправильным представлять процесс формирования кавказской идентичности как процесс, в котором Российская Империя играет роль субъекта, а “кавказцы” исключительно играют роль объекта. Иначе говоря было бы неправильно утверждать, что Российская Империя создала и навязала жителям Кавказа некую идентичность, которая была для них абсолютно чуждой. “Кавказ” так и остался бы абстрактным географическим понятием, если бы сами жители Кавказа не восприняли определение “кавказец” и не наполнили его собственным смыслом. В контексте Российского имперского государства (и его наследника – СССР) Кавказская идентичность оказалась полезной для многих жителей Кавказа, так как она помогала найти и сохранить свое место в огромном плавильном котле многонациональной империи. Кавказская идентичность оказалось полезной для жителей Кавказа на самых разных уровнях: от создания социальных сетей взаимопомощи в больших российских городах до идеологической легитимации выступлений, направленных против имперского центра.

Распад СССР и формирование независимых государств на его территории повлекли за собой значительные изменения в сфере символической географии. Одно из самых ярких проявлений этого – Южный Кавказ. Конечно же смысловые поля понятий “Северный Кавказ” и “Южный Кавказ” (или “Закавказье”) ни в одном историческом периоде не были полностью идентичными. К сожалению, в рамках данного эссе не представляется возможным анализ соотношения и динамики развития этих двух понятий, поэтому ограничимся лишь парой замечаний на этот счет. Сама логика, заложенная

в слове “Закавказье”, предполагает двойственность этого понятия. С одной стороны приставка “за” предполагает размежевание между “Закавказьем” и “собственно Кавказом”, с другой – в слове “Закавказье” основную смысловую нагрузку продолжает нести корень “Кавказ”.

В различные периоды истории соотношение понятий “Кавказ” и “Закавказье” менялось. Тем не менее, с определенной мерой упрощения можно утверждать, что, с точки зрения символической географии, и “Северный Кавказ” и “Закавказье” воспринимались как составные части понятия Российская Империя (или Советский Союз) как в самом регионе, так и в имперской метрополии, а также за пределами империи (в Западной Европе, на Ближнем Востоке и т.д.). Ситуация после 1991 г. в корне изменилась – если Северный Кавказ остается одним из регионов России, то Южный Кавказ, с точки зрения символической географии, - самостоятельная единица. Более того, семантическое поле понятия Южный Кавказ в наши дни частично совпадает с семантическим полем сразу нескольких мега-регионов – “Восточная Европа”, “бывший СССР”, “Ближний Восток”, “Центральная Азия”.

Итак, обобщим сказанное. Формирование Кавказского региона, или точнее представлений о Кавказском регионе и о жителях этого региона - “кавказцах”, так же как и формирование у самих жителей региона “кавказской” идентичности - результат определенного исторического контекста, а именно контекста Российской Империи (позднее – Советского Союза). Сказанное не следует понимать в том смысле, что “кавказская” идентичность была навязана жителям региона извне, как это произошло в ряде стран Азии и Африки в результате европейской колонизации. Формирование кавказского региона и кавказской идентичности – результат гораздо более сложного и многоуровневого процесса, в котором сами жители Кавказа далеко не всегда играли исключительно роль объекта, а, наоборот, принимали весьма активное участие.

После 1991 г. независимость Армении, Азербайджана и Грузии поставила ряд новых вопросов, которые пока не совсем четко осознаются в самих этих странах. Что означает быть “кавказцем” вне контекста уже не существующей Российской Империи? Как понятия “Кавказ” и “кавказец” соотносятся с реальностью региона, который, сохраняя интенсивное взаимодействие с Российским контекстом (как в отношениях партнерства, так и в отношениях конфронтации), в то же время включается в процессы глобальной и европейской интеграции. Каково соотношение между Южным и Северным Кавказом, продолжают ли они оставаться частями единого региона? Наконец, являются ли понятия “Кавказ” и “кавказец”, унаследованные из прошлого, адекватными инструментами для того чтобы понять и описать свое место в современном мире? Какими бы ни были ответы на эти вопросы, очевидно одно – именно от самих жителей Кавказа зависит, каким содержанием будут наполнены эти понятия в наши дни.

Русское колониальное сознание и закавказская этнополитическая реальность

Жизнь каждой империи – это сложный процесс межнационального взаимодействия. Для постижения динамики этого явления необходимо разобраться: как видит себя господствующая этническая единица в своем же государстве и как обобщает место собственной империи во вселенском мировосприятии. Создание империи всегда предполагает устройство “собственного мира” и на основе принципа необходимой “справедливости” подчинение этому “миру” других. Часто для самих правителей империи подобными идеальными мотивами (“справедливость”) заслоняются принципы выгоды и безопасности. Вместе с тем, необходимо знать как видят, с другой стороны, завоеванные-покоренные нации эту “необходимую справедливость” и как понимают суть государства, где волей-неволей приходится им жить. Признано, что обустройство жизни империи само по себе подразумевает существование своеобразной глухой “культурной” стены между завоевателями и завоеванными нациями, когда ни одна из сторон не желает увидеть и выслушать другую.

В 1813 году Иран и Россия подписали договор, согласно которому Иран, в пользу России, отказывался от принадлежащих Грузинскому царству земель и вместе с тем от ханств Карабаха, Гянджи, Шеки, Ширвана и Талыша. В 1829 году те же государства оформили еще один – Туркманчайский договор. На этот раз Иран уступил России ханства Еревана и Нахичевани. Таким образом, с начала 30-х годов XIX века, Кавказ стал составной частью России. Россия с усердием принялась за колонизацию этих земель, населенных народами разного происхождения. Эти народы резко отличаются друг от друга уровнем развития, традицией государственности, языком, культурой, обустройством хозяйства.

Прежде чем приступить к анализу данного явления, необходимо коснуться великодержавной натуры россиян и разобраться в том, каким образом связана с ней колонизаторская идеология и тактика Российской империи.

Как известно, массовые коллективные переселения не характерны для русской души и по существу отличаются от аналогичных западноевропейских движений. В первую очередь это отличие заметно в самом характере переселения. Россияне покидали свою землю не как эмигранты, они просто занимали владения своих бывших соседей, завоеванные своим “императором” силой оружия. т.е. основным характерным признаком русской колонизации было расширение границ страны за счет захвата соседних территорий, соответственно, в сознании русского населения эти земли уже именовались российскими и представляли некое “продолжение” России в прямом значении этого слова. Они верили, что граница Русского государства проходит там, где находится передовая линия русской армии. Подобное понимание границы Русского государства прекрасно видно у Пушкина. В своем известном произведении “Путешествие в Арзрум” он пишет: “Вот и Арпачай”, - сказал мне казак. Арпачай! наша граница! Это стоило Арарата. Я поскакал к реке с чувством неизъяснимым. Никогда еще не видал я чужой земли. Граница имела для меня что-то таинственное; с детских лет путешествия были моею любимой мечтою. Долго вел я потом жизнь кочующую, скитаясь то по югу, то по северу, и никогда еще не вырывался из пределов необъятной России. Я весело въехал в заветную реку, и добрый конь вынес меня на турецкий берег. Но этот берег был уже завоеван: я все еще находился в России.”

По мнению россиянина, любое место, где живут русские и распространяется русское правление – уже Россия; но окончательно оно превратиться в “Россию,” когда там будет построена русская церковь. Часто русские крестьяне – поселенцы, разочаровавшись новым местом жительства и решив оставить его, меняли свое решение из-за недавно выстроенных церквей и молелен, не желая бросать их. Как правило, русские селились недалеко от местных жителей, легко

находили с ними общий язык и совершенно не ощущали особую привилегированность своего положения. Они усердно учились у местных жителей вести хозяйство в совершенно незнакомых для них условиях, арендовали у них земли, быстро осваивали их язык. Эти крестьяне – поселенцы (мужики) совершенно не стремились русифицировать эти места, но известно – “не осталось ни следа от вятичей, мешер, чуд. Эти народы не вымерли, не исчезли физически как индейцы в Америке, а ассимирировались с русским населением; выродились духовно, потеряв собственное лицо.” Все это происходило постепенно, скрыто, без излишней спешки. Эта “связь” русских поселенцев с аборигенным населением в большинстве случаев была скреплена восьмиконечным русским крестом. Русские монастыри, храмы, церкви стали основным оплотом русской колонизации. Русские колонизаторы чувствовали себя неуверенно лишь столкнувшись с народом с развитой самобытной культурой и национальным самосознанием. Так произошло например в Приамурье, где местные китайцы жили изолированно от приезжих русских и почти не контактировали с колонизаторами – поселенцами. Аналогично было и в Закавказье.

До переворота 25 октября 1917 года самоидентификация для русского населения осуществлялась по религиозному принципу* - “мы православные и ежели так –соответственно русские.” В их представлении все православные по сути русские. Россия – это православное государство и его жители являются православными. Этническому происхождению здесь не придается решающее значение. Границы России, это границы православного государства. Каждое новое место, где православные построят свою церковь, входит в сакральные границы “святой Руси,” эти границы расширяет православная армия, за ко-

* В период Советской модернизированной империи в сознании русского населения религиозный признак самоидентификации сменился социальным (“Пролетарии всех стран, соединяйтесь!”). На современном этапе развития агрессивная психология русизма старается возродить самоидентификацию по религиозному принципу – это особенно четко ощущается в продолжающейся в настоящее время чечено-русской войне.

торой следует православный народ. Граница выделяет два мира – мир “православный” и мир “иноверный” (“поганый”). Границы России, как “третьего Рима,” это границы непобедимого великодержавия. То, что находится внутри этих границ, воспринимается россиянами как однородная территория, административное деление которой часто менее значительно и условно. Также маловажно этническое происхождение тамошнего населения. Это русское население, так как оно проживает в границах Русского государства и управляется царем батюшкой; у нее те же права и обязанности как и у остального населения империи. Слово “русский” определяет не этническое понятие, а государственную принадлежность, гражданство.

Государственная колонизаторская политика Российской империи точно соответствовала сознанию русского населения. Она в основном была направлена на усиление имперского владычества в захваченных краях и осуществлялась, в первую очередь, расселением в тех местах русских мужиков. С этой целью, русское правительство создавало ряд укрепленных пунктов, т.н. “линий,” которые использовались против непокорных, свободолюбивых народов. Вместе с тем, они совмещали и функции центров административного и фискального правления. Для установления связи с центром и друг с другом специально создавались укрепленные деревни “ямские поселения” - военные поселки. Для снабжения военных служащих имперское правительство поддерживало создание т.н. поселков “вольных земледельцев.” Необходимо подчеркнуть, что население подобных “сел” составляли в основном преступники, осужденные и ссыльные. Поселенцев здесь, на новых местах, несмотря на их судимость, государство поддерживало особо: им предоставлялись льготы при землепользовании, освобождали от налогов и др. Параллельно подобной государственной, правительственной колонизации проводилась и “свободная колонизация.” Их единство укрепляло общую колонизаторскую политику Российской империи.

Колониальную администрацию не заботил самобытный характер и культурные своеобразия местного населения. Местные – “туземцы,”

делились захватчиками на две категории – т.н. “мирные” (которые не противились русскому правлению, изучали русский язык, отдавали детей в русские школы на воспитание и т.д.) и “бунтари” (которые противились русскому господству). Так например, во время кавказской войны XIX века в составленных русской администрацией документах все горцы местного происхождения упомянуты под общим именем – “черкесы” и охарактеризованы как разбойники и злодеи.

Подобное суровое отношение колонизаторов к местным, аборигенным народам было обусловлено вернее всего тем, что в их сознании судьба последних была уже предreshена – рано или поздно все эти народы должны были либо слиться с русскими и выродиться, либо покинуть исконные места жительства (мухаджирство, депортация) – или вовсе исчезнуть с лица земли. Так что, эти народы интересовали русских только с этнографической точки зрения и то лишь специалистов, изучающих местные этнопсихологические типы для разработки методики истребления “лишних” народов. Русские этнографы и историки действовали заодно с имперским правительством, занимая высокие военно-административные должности на службе у наместника (например, известный русский языковед Петр Услар долгое время служил вице-губернатором Кутаиси).

Естественно, все население захваченных территорий рассматривалось русскими с общеимперской точки зрения. На местах были полностью ликвидированы традиционно сформированные административные единицы, и вместо них появлялись новые образования, часто с весьма искусственными границами и, как правило, по возможности с пестрым этническим составом. Эти реформы ставили целью посеять вражду, спровоцировать противостояние среди местного населения на этнической почве, чтобы позднее русская колониальная администрация явилась им в образе “миротворца,” “отца,” “старшего брата.” Со дня вступления на Кавказ Россия неотступно следовала основному принципу имперского правления – “разделяй и властвуй.” Кавказ не раз претерпевал изменения административно-территориального характера, ставившие целью унификацию политической и администра-

тивной системы края. Соответственно были упразднены все институты местного самоуправления и постепенно стали насаждаться единицы общерусского типа. Аналогично поступил захватчик и с местной правовой системой. Этот принцип правления “успешно” работал и позднее, в модернизированной империи – в практике бывшего СССР.

“Унификация” населения происходила и путем социальных реформ. В итоге, вся общественная иерархия Кавказа была приведена в соответствие с русской общественной иерархией. Знать порабощенных христианских народов в своих правах и обязанностях была приравнена к русскому дворянству. Это явление сыграло на руку России: новоприравненная знать стала прислуживать при Российском императорском дворе (А. Чавчавадзе, Гр. Орбелиани, И. Палавандишвили и многие другие). Местные, обрусевшие дворяне с эполетами на плечах, активно участвовали в работе единиц кавказско-русской администрации и нередко даже определяли имперские интересы; они занимали высокие посты, должности, часто возглавляли армейские корпуса, но в целом они представляли русское правительство. “Лорис-Меликов был не армянским генералом, а русским генералом армянского происхождения” - так характеризовал его современник публицист. В конце концов, создавалось единое социальное, административное и правовое пространство на территории всей империи.

Необходимо отметить и то, что русское правление вовсе не стремилось к развитию и культурному продвижению населения присоединенных территорий, как это происходило, например, в английских колониях. Но это не было неожиданностью, так как Российская империя опиралась лишь на военную силу и не очень заботилась даже о собственном народе. Жалкое зрелище представляли их деревни, где царила нищета и безысходность. Вспомним известное стихотворение Акакия Церетели “Навязанному жениху.” Как и надлежит духовно опустошенному краю, Российская империя, страдающая синдромом величия, заботилась только о расширении своих границ. Для нее значительным было количество, а не качество, и ее справедливо

именовали “великаном на глиняных ногах.” Сами русские публицисты признавали, что русское правление не могло выполнять никакой культуротрегерной функции.

Правда иногда были слышны трафаретные фразы о том, что Россия в подчиненных народах (“инородцах”) должна внести культуру, но как правило, это происходило в весьма прозаичном контексте, когда под понятием культуры подразумевались современные формы ведения хозяйства. А на каком уровне находилось русское хозяйство по сравнению с ведущими странами - Англией, Германией, Францией - известно всем. Таким образом, российское имперское правительство ничего не могло предложить поработенным народам кроме огня и меча. Одна часть местного населения, жаждущая почестей и богатства, поступала на службу к захватчикам. А лица с национальным достоинством и сознанием (правда сравнительно немногие) продолжали, тайно или явно, сопротивляться. Эта тенденция явно видна в известной фразе Ильи Чавчавадзе – “Мы тоже исходили Россию, но подобно вам нашу страну, сраженную вами, на чины не сменили.”

Например, согласно публицистическим источникам того периода – “Жители вновь присоединенной Карской области жаждут образования и самодеятельности. Но русским правительством совершенно не поддерживается и не поощряется их стремление. Даже в центральной Руси самодеятельность и образование не пользуется особым вниманием и стоит ли удивляться, что в перифериях так пренебрегаются эти стороны общественной жизни.”

Первейшим и самым важным, чего не смогли добиться захватчики на Кавказе и в частности в Грузии, было то, что они не смогли изменить установившиеся в течение тысячелетий хозяйственно-культурные типы. Именно в их прочности таился ключ к спасению подавляющего большинства кавказских народов. Например, грузинский народ духовно и физически продолжал сопротивляться, и его лучшие сыны самоотверженно противостояли колонизаторам. Даже своей гибелью, самопожертвованием ради святой идеи они еще более укрепляли национальное самосознание (Александре Батонишвили, Илья Чавча-

вадзе, Акакий Церетели, Важа Пшавела, Какуца Чолокашвили, Мераб Костава, Звиад Гамсахурдиа и множество известных и неизвестных героев). Впоследствии, причисленные к лику святых, они из небесной Грузии продолжали духовную борьбу против врага Отечества, имея огромное влияние на души живых. Живых, которые посредством хозяйственно-культурных типов находились в биоценозе со своей землей – Кавказом, вместе с ним создавая прочное единство.

В Грузии этнически грузинское население занималось земледелием, где города в основном представляли административные центры (резиденции управляющего), население которых, большей частью не грузинское, занималось торгово-производственной деятельностью. Здесь происходило вращение и накопление определенного капитала, но этот капитал не мог играть решающую роль в экономической жизни грузинского государства. Последнее в основном опиралось на аграрную сферу деятельности населения, в которой ведущее положение занимал грузинский этнос.

Таким образом, производственно-торговый капитал, который в основном находился в руках инородцев, никогда не представлял опасность для государственности грузин. Грузинский землевладелец-крестьянин (опора экономического могущества государства) всегда лояльно был настроен к инородным торговцам и ремесленникам, которые снабжали его и фактически служили ему. Соответственно в Грузии не было ни антиеврейского движения (большинство купцов были евреи), ни антиармянских выступлений (большая часть ремесленников были армяне). Если инородец желал осесть на грузинской земле, он должен был огрузиниться – стать частью грузинского территориально-вероисповедального пространства, стать сыном этого края, признав себя его подданным. После введения русского правления обстановка радикально изменилась. На грузинских землях колониальное правительство стало массово расселять инородцев – армян, молочан, духоборов, мусульман, немцев, тем самым подрывая основы экономического могущества грузин; вместе с тем население края стало этнически

пестрым, что составляло одну из стратегических линий колониальной политики России.

Экономически грузинская государственность опиралась на сельское хозяйство, георгианство, на доход, в прямом смысле этого слова, выработанный в результате вхождения народа в биоценоз с родной землей. Важно, что этот процесс определялся духовными, экзотерными и эзотерными связями, скрепленными кровно-родственными отношениями с землей своих отцов. Все это – материальная и духовная общность, богом дарованной землей, создавала адаптированную с бытовыми условиями национальную культуру, чья самобытность и единство ее своеобразий отмечается в мировой культурологии весьма точным термином – “культурный лоб.”

Так продолжалось до создания Советской империи. Даже царской России, стремящейся унифицировать местное население в общеэмпирическую общность, ничего не удавалось, так как она не старалась изменить сформировавшиеся на Кавказе в течение тысячелетий хозяйственно-культурные типы. Коренное грузинское население по-прежнему, более или менее, владело унаследованной землей и придерживалось обычного жизненного уклада.

Кавказская и соответственно грузинская духовность пережила сильный удар после советизации. Зараженная “*mania grandiosa*” (манией величия) модернизованная Российская империя целенаправленно стала разрушать традиционно сформировавшиеся нормы и отношения. Например, кампанейская искусственная индустриализация Грузии принесла стране ошеломляющий урон – села опустели, опустошились традиционно сильные края, почти одна треть населения страны была сконцентрирована на площади 48 кв. километра (в Тбилиси), а грузинская земля оказалась в руках инородцев.

В современной Грузии поэтапно начал осуществляться второй, еще более неблагоприятный, процесс, направленный на превращение страны в так называемый “коридор,” заложенный при правлении Шеварднадзе, незаконно пришедшего к власти посредством военного переворота, предварительно получив добро на путч от США и России.

Если эта идея осуществится в полном объеме, Грузия окончательно станет похожа на открытый с обеих сторон сарай, где ветер будет разносить добро хозяев. А грузинский народ, вместо того, чтобы быть истинным хозяином собственной земли, станет прислугой проезжих в этом коридоре и в результате окончательно потеряет тысячелетнюю традицию владения и управления собственной страной. За этим последует окончательное исчезновение единства, сформированного в результате вхождения нации в биоценоз с окружающей средой, и неприятель осуществит свое заветное желание – получит Грузию без грузин.

Закавказье представляет географически граничащую с Передней Азией территорию, которую от России отделяет высокогорная система – Кавказский хребет. В XIX веке преодолеть это препятствие было гораздо сложнее, чем переплыть море. Поэтому Закавказье представляло для России некую “крепость” на другом материке и рассматривалось с соответствующей стратегической точки зрения. Чтобы убедиться в этом, достаточно будет проследить “Восточный вопрос,” ставший спорным для двух больших империй того времени - Англии (на море) и России (на суше).

В XIX веке главным стратегическим направлением восточной политики Англии являлось сохранение господства над Индией. Поэтому Англия была кровно заинтересована полностью перекрыть для других государств все морские и наземные пути, ведущие к Индии. Это было возможно лишь усилением влияния на побережье Южного Ирана и Персидского залива.

В интересах Российской империи входило захватить Турцию и Каспийский край; сохранить и укрепить свои позиции в Иране; установить гегемонию на Балканах; завоевать проход на Босфорский и Дарданельский проливы; аннексировать Армянское нагорье, позволяющее контролировать Ближний Восток.

Таким образом, возможно выделить все основные направления англо-русского противостояния: Памир, Иран, Армянское нагорье, Балканы и Константинополь.

На территории Закавказья проходили два направления из вышеназванных: к Ирану и Армянскому нагорью. Первое определялось стремлением Ирана, установившим контроль над побережьем Персидского залива, препятствовать продвижению России к Индии с западной стороны. Для России Иран представлял самоцель, желанный объект для колонизации. Но как следующий объект экспансии, Армянское нагорье имело для России особое стратегическое значение и вовсе не расценивалось как самостоятельная ценность.

Таким образом, Кавказский хребет представлял для России некую крепостную стену, которая надежно охраняла ее южные границы, а Закавказье было некой за-хребетной, незащитной, легкодоступной для набегов и грабежа ареной – прекрасным плацдармом для продвижения к Ирану и Турции. Поэтому неудивительно, что в покоренном Закавказье внутренняя политика России определялась в основном военно-стратегическими соображениями.

Вместе с тем, Закавказье выделялось весьма сложной этнографической структурой. В ее западной части располагались Имеретинское и Картлийское царства, в основном населенные народами грузинского этноса, также персами, турками и армянами (в Тбилиси до 80%); здесь же находились Гурийское, Мегрельское и Абхазское княжества. В восточной части Закавказья располагались несколько управляемых Ираном ханств. В одних преобладало мусульманское, в других армянское население. Здесь, рядом с Ереванской крепостью находился Эчмиадзин – духовный центр всех армян.

Таким образом, в Закавказье, исходя из ее стратегического и этнографического своеобразия, самой удобной формой правления был бы протекторат, но тут же возникает вопрос – возможно ли было это исходя из великодержавного русского характера?

Правда в начале Россия старалась не демонстрировать своих истинных намерений и поступала так, будто была согласна сохранить в Закавказье некую самостоятельность и самобытность государственных единиц, но впоследствии вполне проявила свои великодержавные

стремления: Закавказье было разделено на несколько губерний по общеимперскому принципу, даже местная общественная структура была устроена по общерусским соображениям, была упразднена автокефалия Грузинской церкви. В конце концов, после проведения целого ряда реформ Россия достигла социальной и административной унификации Закавказья с остальными российскими краями.

Еще во времена генерала Ермолова, в 1816-1827 гг. на территории Закавказья было создано больше 30-ти “штаб-квартир” - военные поселения, которые в свою очередь должны были стать авангардом русской колонизации; но за этими шагами не последовала “волна колонизации”, так как потенциальных колонизаторов пугали бесконечные кавказские войны. Пытаясь закрепить русское население на Кавказе, русское правительство в качестве “наказания” переселяло сюда сектантов (молокан, староверов), но это не многим способствовало делу: доля русского населения на Кавказе не превышала 5%-ов.

Интересная ситуация сложилась с точки зрения правовой и гражданской гомогенизации закавказского населения. Включение в общеимперский механизм мусульманского населения не представляло сложности, так как механизм подхода к данному типу населения уже был выработан имперской государственной машиной. Как отмечал один современник: “Их тайная вражда к нам (русским) не новость, но в конце концов они полностью приспособились к русскому правлению и, сроднившиеся с восточной деспотией, безропотно повиновались новому правительству. Таким образом, с этой точки зрения представляли надежный элемент для государства.”

По другому обстояло дело с грузинами и армянами. С одной стороны они были христиане, что уже уравнивало их с русскими; с другой стороны они официально были не завоеваны, а по собственной воле вошли в состав Российской империи. Исходя из этого, все кавказские правители до Голицына были вынуждены признать, что – “Местные (туземцы) и особенно христиане, по собственному желанию доверились русской скипетре и поэтому должны пользоваться равными

правами с русским населением.” Более того, их часть активно участвовала в завоевании и успокоении Кавказа русской армией (напр., грузинский князь, генерал Григол Орбелиани). Империя завоевала Кавказ не только оружием, привлеченной из России военной силой, но оружием и кровью местных (“туземцев”). Это была еще одна победа внешней политики России.

Тайные службы России, которые в первую очередь руководствовались рекомендациями русских ученых – этнографов, географов и историков, достигли в общественной жизни Кавказа весьма впечатляющих успехов. Включение местных “покорных” лиц в общеимперские государственные службы, их щедрое вознаграждение чинами и орденами весьма облегчили задачу и ускорили вживание-интеграцию Кавказа с общеимперским телом. Новоиспеченные русофилы - “врацуи” (“врацуи” по армянский – “грузины”) с прикрепленными к “чоча” (грузинская национальная одежда) эполетами уже действительно не являлись свободными духом, достойными сынами отечества.

Усиление-укрепление института временщиков имело разрушительное влияние на национальное сознание; они и их труды, их всходы, бездушные “манкурты” ожесточенно боролись со всем самобытным и свободным. Именно о них писал великий грузинский поэт Акакий Церетели – “Добившемуся в рабстве чинов и почестей предпочитаю я героя, погибшего на поле брани.”

В конце концов, у местных жителей появилась иллюзия, что они сами были хозяевами своей страны, так как внутренними и внешними делами в основном заправляли чиновники – их соотечественники. В действительности же местное кавказское население стало уподобляться “нежно охаживаемой собаке,” которую поили, кормили, приглашали на “балы” (в особенности мнимых героев с эполетами), создавали иллюзию независимости; а в действительности империя цепко удерживала своих подданных, так, что им и в голову не приходила мысль о свободе, по которой тосковали лишь избранные.

Использованная литература

1. Н. Ф. Дубровин, “История войны и владычества русских на Кавказе,”
2. т. I-VI, Спб., 1871-1888;
3. Утверждение русского владычества на Кавказе: К столетию присоединения Грузии к России: 1801–1901 / Под руководством Н. Н. Белявского: Под ред. В. А. Потто: в 7 кн.: Т. I–IV, XII. Тифлис, 1901–1908 гг.;
4. Покорение Кавказа. Очерки исторического прошлого и настоящего положения Кавказа. Спб., 1904;
5. С. Эсадзе, Историческая записка об управлении Кавказом. Т. I-II, ред. Военно-исторического отдела Окружного штаба. – Тифлис: Типография “Туттенберг,” 1907.
6. А.А. Кауфман, Переселение и колонизация. Спб., 1905; В.П. Погожев, Кавказские очерки. Спб., 1910,

Глава 4. Национальная, культурная, языковая и религиозная идентичности народов Южного Кавказа

- Рауф Раджабов:** Кавказская идентичность: свобода, равенство и справедливость (соотношение этнической, гражданской и религиозной идентичностей)
- Эльчин Гумбатов:** Лингвистическая идентификация азербайджанского языка
- Гагик Оганесян:** Роль и значение менталитета в социально-политических процессах
- Вахтанг Колбая:** Современный мир и процесс идентификации – Кавказская идентичность. Соотношения: нация, национальный характер, национальные традиции, историческая и культурная идентичности
- Паата Рамишвили:** История и идентичность (о преподавании мировой истории в современной средней школе)

Кавказская идентичность: свобода, равенство и справедливость (соотношение этнической, гражданской и религиозной идентичностей)

«Первое: я - человеческое существо на планете Земля... Второе: я - буддист... Третье: я - тибетец» - Далай-лама (I).

С распадом советской империи в 1991 году произошло изменение отношения азербайджанского общества к религии. Гонимая в годы советской власти, религия превратилась в современном обществе Азербайджанской Республики (АР) в ту силу, которая дает человеку утешение и надежду в условиях формирования адаптированной к новым вызовам и угрозам мировой финансовой и молодой политической системы. Однако, активизация религии в АР не означает, что она должна заполнить идеологический вакуум в обществе.

РЕЛИГИОЗНЫЙ РИВАЙВЕЛИЗМ

Современное понятие религиозной идентичности не является всесторонне разработанным и устоявшимся в социальных и гуманитарных науках. В современном азербайджанском религиоведении принято следующее определение: «Религиозная идентичность - это категория религиозного сознания, содержанием которой выступает осознание причастности идеям и ценностям, которые в данной культуре принято называть религиозными, а также осознание принадлежности к конкретной форме религии и религиозной группе». Таким образом, понятие религиозной идентичности включает как общее религиозное самоопределение человека, так и конкретную форму конфессиональной идентичности. Религиозная идентичность является способом осознания своей духовной ориен-

тации в ее соотнесенности с иной формой духовности. Интересен вопрос о соотношении разного рода идентичностей - этнической, гражданской, религиозной и т.д. В определенных культурных условиях либо в определенных обстоятельствах жизни конкретного человека религиозная идентичность может выходить на первый план, подчиняя или подавляя другие идентичности. В иных же условиях статус религиозной идентичности может снижаться до минимума в иерархии идентичностей. В целом процессы глобализации, идеи толерантности поликультурного общества содействуют размыванию религиозной идентичности. С другой стороны, можно выделить процессы, имеющие иной вектор направленности, и те факторы, которые содействуют интенсификации религиозной идентичности. В первую очередь, это этнический и религиозный ривайвелизм (ривайвелизм – от англ. revival, возрождение; религиозный ривайвелизм – совокупность христианских движений в англоязычном мире, придающих принципиальное значение личному обращению, покаянию и эмоциональной стороне веры, а также миссионерству (2)). Помимо ривайвелизма, связанного с национальным и культурно-религиозным возрождением, выделим крайние формы процессов, способствующих формированию религиозного самоопределения, – *фундаментализм и экстремизм*.

Фундаментализм выдвигает требования преодоления появившихся в ходе развития религиозной системы уклонов и восстановления первоначальной чистоты. Это консервативное религиозное течение в исламе направлено как против господствующей в современном мире секулярной идеологии за возрождение ритуалов, так и против любых попыток критического пересмотра и либеральной трактовки «священных текстов» и исходных религиозных понятий.

Религиозный экстремизм, напротив, ориентирован на конфронтацию со сложившимися традициями. Он формируется либо внутри конфессии в результате радикализации существующих догматов и норм, как, например, ваххабизм в исламе, либо вне традиционных конфессий в результате синкретизации различных вероучений и

создания новой догматики. Поскольку подобные тенденции тесно связаны с преобразованием системы экономических, политических, правовых, социальных, нравственных и иных отношений, для религиозного экстремизма характерно в процессе достижения своих целей обращение к средствам, выходящим за рамки общепринятых норм, что ведет к пренебрежению религиозными и светскими институтами и к правовому нигилизму.

Таким образом, в современном мире, в силу интенсификации процессов глобализации, значительно меняется ситуация с определением религиозной идентичности. Ее становление происходит в условиях разнонаправленных тенденций: с одной стороны, мы имеем дело с реальностью глобализации в ее различных сферах – культуре, политике, экономике и т.д., значительно осложняющей поиск национальной и религиозной идентичности в новых условиях, с другой стороны, усиливается тенденция роста этнорелигиозного сознания в различных формах. Религиозная идентичность является концентрированным выражением мировоззрения. Поэтому в конкретно исторических условиях определенного общества, с учетом его фундаментальных историко-культурных корней, представляется очень важным найти конструктивный ответ на вызовы современного многополярного мира, вовлеченного в процесс глобализации, с тем, чтобы сформировать модель новой духовной реальности, которая в будущем показала бы свою плодотворность и обогатила поликультурное пространство. Осознание индивидом своей идентичности также зависит от его внутреннего мира, ценностных установок, характера социальных связей и конкретных ситуативных обстоятельств.

В азербайджанском общественном сознании религиозная и этническая общность характеризуется в первую очередь такими признаками, как традиция и обычаи, язык, религия.

Этническая и религиозная идентичности органически взаимосвязаны, но этнокультурная идентичность является доминирующей. В жизни те или иные религиозные догмы, течения отвергаются, если они не соответствуют этническим нормам и ценностям, кавказской культуре

и образу жизни. В недавнем прошлом положение человека в азербайджанском обществе определялось, прежде всего, не религиозной, а соответствием или несоответствием личности требованиям норм культуры, существующей модели образа жизни. Другими словами, человек воспринимался через призму его соответствия трем основным параметрам: нормам этической культуры, нравственной культуры и деловой активности.

ДИАЛОГ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Строительство нации и соответственно национального государства - непростой процесс и самоидентификационные модели играют решающую роль в этом. По мнению известного американского социолога Иммануэля Валлерстайна: «Существование нации – это миф в том смысле, что все нации являются социальными образованиями, и основная роль в их создании принадлежит государству. Чтобы создать нацию нужно восстановить ее историю и долгую хронологию (многое при этом приходится придумывать), а также определиться с набором характеристик, даже если далеко не всем в группе эти характеристики подходят. К концепциям национального государства следует относиться как асимптоте (это математическое понятие обозначает линию, с которой кривая не может пересечься на ограниченном пространстве), к которой стремятся все государства. Некоторые государства утверждают, что они многонациональны и единая нация им не нужна, но даже они пытаются создать у себя идентичность, которая объединила бы все государство. Национализм, возможно, является основной статусной идентичностью, поддерживающей современную миросистему, которая, в свою очередь, опирается на структуру современных государств. Если посмотреть повнимательнее, то национализм наиболее силен в самых богатых странах, хотя публично к нему взывают гораздо реже, чем в странах послабее» (3).

В условиях неожиданно приобретенной независимости перед гражданами АР, равно как и перед другими народами Южного Кавказа,

возникла проблема понимания (самоидентификации) собственного «Я» в этом непростом регионе. Кто мы, азербайджанцы? Ответ, кажется, ясен и прост. Мы - азербайджанцы! Однако, стержневая, нациообразующая идентификационная карта – это гражданин АР.

Когда мы говорим о диалоге цивилизаций, нам важно обратиться к вопросу, что именно мы понимаем под «цивилизацией» и как проводим цивилизационные границы?

Известный историк Вильям Мак-Нил определяет цивилизацию через ее авторитетные тексты: термин «цивилизация» (4) следует, как правило, относить к тем народам, которые воспринимают как авторитет некий свод письменных текстов, предписывающих определенный образ жизни. Большинство таких почитаемых текстов являются религиозными, а некоторые, как, например, произведения греческих и римских философов и конфуцианские саги, не приписывают себе божественного авторитета. «Цивилизацию», следовательно, нужно понимать как определенный способ социальной организации, которая появляется в тот момент, когда свод авторитетных текстов становится нормативным среди духовенства. Такая цивилизация может расширяться в пределах границ, определяемых признанием авторитетности этих текстов, и может существовать до тех пор, пока содержащиеся в них нравственные нормы будут твердо храниться теми, кто их изучает и распространяет.

В самом деле, обратившись к исламской цивилизации, мы обнаружим достаточно очевидные критерии принадлежности, критерии, связанные в первую очередь с религиозной идентичностью. Цивилизацию, прежде всего, характеризуют ее святыни. Но что мы называем «исламской цивилизацией»? Каковы критерии принадлежности к ней? Где пролегают ее границы? Кто может говорить от имени ислама с представителями других человеческих цивилизаций?

Невозможно игнорировать тот факт, что АР, многие особенности ее языков, имена, которые носят ее граждане, ее культура, ее архитектурный ландшафт, ее восприятие мира и человека, коренится, прежде всего, в Коране. Очень важно отметить, что нередко конфликт

исламской цивилизации с неисламскими - есть ее внутренний конфликт, который проецируется вовне. Рассмотрим, например, случай с датскими карикатурами. Люди, которые оправдывают действия датской газеты, исходят из того, что не существует, и не может существовать чего-либо закрытого для критического осмысления. Это не было актом христианского мира, направленного против мусульман, это было демонстрацией свободы и прав гражданина.

Подлинный прогресс представляет собой развитие традиций, осмысление меняющейся жизни с точки зрения вечных истин, лежащих в основе цивилизации. Все те ценности, которые исламская цивилизация полагает принципиальными, такие как ценность и достоинство человеческой личности, растут из ее общечеловеческих ценностей.

Принятие решения в вопросе религиозной идентичности может только сам гражданин. Эта сфера должна быть свободна от любого вида аппаратного давления и политической целесообразности. Гражданин должен быть свободен в вопросе своего выбора и самоидентификации, а обществу остается признать его выбор. В этом вопросе каждый из нас имеет право иметь убеждение лишь о своей личной религиозной идентичности, и поэтому приоритет в религиозной идентичности гражданина общества никак не касается. Если люди из-за страха скрывают свою этническую и религиозную идентичность и стремятся доказать, что принадлежат к большинству, то такая атмосфера нетерпимости противоречит общечеловеческим ценностям, правам человека, демократии и свободе слова. Согласно международным правовым принципам, государство обязано иметь равное отношение к своим гражданам и не ставить между ними различия. Принцип равенства и запрещение дискриминации являются неукоснительными принципами международного права, и недопустимо применять этническое и религиозное происхождение в качестве негативного аргумента в отношении гражданина.

ИСЛАМСКИЙ ПОЯС

Конституция АР гарантирует каждому гражданину свободу совести и право самостоятельно определять свое отношение к религии, исповедовать какую-либо религию лично или совместно с другими лицами или же не исповедовать никакой религии, а также выражать и распространять свои убеждения, связанные с его отношением к религии (ст. 48) **(5)**. В АР религия отделена от государства, и все вероисповедания равны перед законом. Запрещено распространять и пропагандировать религии, унижающие человеческое достоинство и противоречащие принципам человечности. Государственная система образования носит светский характер (ст. 18) **(6)**.

Согласно Закону АР «О свободе вероисповедания», осуществление свободы вероисповедания может быть ограничено только по соображениям государственной и общественной безопасности и в случаях необходимости защиты прав и свобод граждан (ст. 1) **(7)**. Данный Закон был принят в 1992 г., и хотя в 1996-2009 гг. в него периодически вносились поправки, в обществе все чаще поднимается вопрос о необходимости совершенствования законодательной базы в данной сфере. В частности, необходимо обеспечить прозрачность финансирования религиозных общин, что представляется необходимым для успешной борьбы с религиозным экстремизмом.

К сожалению, по сей день, не решен вопрос прохождения альтернативной воинской службы по причине религиозных убеждений. Верховный суд АР постановил, что военнообязанные граждане не могут проходить альтернативную службу, пока Азербайджан находится в состоянии войны с Арменией. Хотя право на альтернативную службу по причине убеждений закреплено в Конституции АР (ст. 76) **(8)**.

Согласно приблизительным оценкам, 96% населения Азербайджана исповедуют ислам, 4% - последователи других религий. В Азербайджане интерес к исламу стал особенно заметен в конце 80-х - начале 90-х годов. К этому периоду относится и активизация

миссионеров в т. н. «исламском поясе» - в селах вокруг Баку, в Нахичевани и Ленкорани.

Наиболее активными среди которых были радикальные шииты, ваххабиты, нурситы и суфийские тарикаты.

Радикальный или политический шиизм, проникнутый, в том числе, религиозно-политическими идеями духовного лидера Ирана Хомейни, получил распространение, главным образом, в южных районах страны, где сосредоточена большая часть функционирующих мечетей. Сторонники этих взглядов также есть в пригородах Баку и Губинском районе.

Последователи ваххабизма распространились по всей республике, но большая их часть проживает в Баку, северных и северо-западных районах. В последние годы активность радикально настроенных ваххабитов заметно снизилась - во многом благодаря усилиям правоохранительных органов. Тем не менее, ряд происшествий показал, что религиозный радикализм продолжает оставаться серьезной проблемой.

Последователи Саида Нурси сосредоточены, главным образом, в Баку, Сумгаите, Шеки-Ширванской зоне. Нурситы активно продвигают своих сторонников в образовательную систему и властные структуры. В их руках сосредоточена немалая часть турецкого бизнеса на азербайджанском рынке, им принадлежит несколько общеобразовательных лицеев.

В северо-западных районах Азербайджана высокую активность проявляют последователи влиятельного дагестанского шейха - аварца Саида-эфенди Чиркеевского, обучающего по тарикатам накшбандия, шазилия и джазулия. В Азербайджане несколько тысяч его последователей, среди которых заметно преобладают аварцы.

Христианство в Азербайджане представлено православным, католическим и протестантским направлениями, а также различными сектантскими общинами. Православие представлено в республике русскими и грузинскими церквями. В Азербайджане также действуют молоканские общины, придерживающиеся традиций старообрядчест-

ва, но не занимающиеся религиозной проповедью. Общее количество составляет несколько сот человек и постепенно сокращается.

Религиозная община Римско-католической церкви зарегистрирована в Министерстве Юстиции АР в 1999 г. Общину обслуживают священники, назначенные Ватиканом в Римско-католическом храме – Церковь Непорочного Зачатия Девы Марии. Кстати, участок под строительство храма был безвозмездно передан общине во время визита в Баку Иоанна Павла II в 2003 г.

Зарегистрированные общины баптистов, объединяющие около 3 тысяч последователей, действуют в Баку, Сумгаите и Гяндже. На территории республики функционируют несколько общин адвентистов Седьмого дня, самые многочисленные из них располагаются в Баку, Гяндже, Нахичевани и Тертере. Также официально функционируют и три общины христиан веры евангельской (пятидесятников), занимающиеся активной миссионерской деятельностью.

Иудаизм в Азербайджане представлен общинами горских евреев, евреев-ашкенази и грузинских евреев. Согласно примерным оценкам, численность иудеев составляет 15-20 тыс. человек. Большинство еврейской диаспоры составляют горские евреи, причем около 4 тыс. из них проживают в Губинском районе. Евреев-ашкенази насчитывается 7-8 тыс. человек, большая их часть проживает в Баку и Сумгаите. Грузинских евреев насчитывается приблизительно 800 человек. Поселок Красная Слобода в Губинском районе – единственное на всем постсоветском пространстве место компактного проживания горских евреев.

Община бахаи была зарегистрирована в Министерстве юстиции АР в 1993 г. В столичном центре бахаи регулярно проходят встречи и собрания, посвященные памятным датам в истории этого верования. Бакинское отделение Международного Общества Сознания Кришны начало свою организованную деятельность с 1986 г. Община была зарегистрирована в 1990 г. и сейчас насчитывает более 300 адептов. Богослужения в столичном молитвенном доме проводятся ежедневно.

В Азербайджане действуют более 1300 мечетей, из которых свыше 500 паспортизированы и состоят на балансе государства. 150 мечетей были построены на средства иностранных организаций и благотворительных обществ. В Баку функционируют свыше 60 мечетей. Древнейшей и крупнейшей мечетью республики является мечеть «Джума» в Шемахе, основанная в 744 г. На территории страны функционируют свыше 50 церквей, молитвенных домов и синагог.

На протяжении последних лет в Азербайджане отмечается высокая активность нетрадиционных течений. К основным причинам этого явления можно отнести недоверие к муллам и традиционным религиозным деятелям; низкий уровень пропаганды традиционных ценностей; неблагополучие в социальной сфере и возможность трудоустройства в зарубежных компаниях. Сюда же можно отнести историческую память азербайджанского народа, в которой отражены периоды господства христианства, зороастризма и более ранних вероисповеданий.

В средних школах преподавание религии не ведется, хотя это не запрещено законом. В последние годы данный вопрос стал причиной разногласий между Государственным Комитетом по делам религии и Министерством образования, которое противится введению в учебную программу новой дисциплины. Но если в целом преподавание основ религии приветствуется общественностью, то идея обучения школьников, наряду с исламом, традициям других мировых религий, поддерживаемая правительством, была встречена неоднозначно. В конце 2005 г. глава государства утвердил государственную программу «Молодежь Азербайджана: 2005-2009 гг.», в которой затронута необходимость преподавания национальных духовных ценностей в средних школах в урочное и внеурочное время.

КАМУФЛЯЖНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

Деятельность общин должна быть направлена на укрепление гражданского единства; оказание духовной поддержки сиротам, беженцам

и вынужденным переселенцам; развитие гендерной сознательности и искоренение внутрисемейного насилия над женщиной. Общины располагают определенными ресурсами для сохранения и укрепления культурных традиций в семье и обществе в целом; борьбы с курением, употреблением наркотиков и алкоголя; повышения уровня духовной и интеллектуальной культуры как религиозной, так и нерелигиозной части общества.

Однако, недостаточное развитие гражданского общества не позволяет большинству религиозных деятелей придти к осознанию необходимости формирования полноценных общин, не просто объединяющих единоверцев, а являющихся центрами духовного оздоровления общества. Потребительская психология ставит общины в зависимость от местных властей или зарубежных доноров и фактически препятствует выполнению ими своего основного предназначения в социуме.

Осуществляемые руководством Азербайджана социально-экономические преобразования, а также намеченные меры по развитию гражданского общества позволяют надеяться на то, что религиозный фактор займет достойное место в общественной жизни. Основными задачами государственной политики в сфере религии – это обеспечение религиозной стабильности, укрепление основ толерантности, предотвращение религиозного радикализма и экстремизма, а также попыток использования религии в качестве политического инструмента.

АР удалось победить тенденции распада страны и стать государством, объединяющим разные культуры и религии (ислам, христианство, иудаизм). АР демонстрирует собой ту истину, что ислам является не враждебной, но искренне устремленной к мирному сосуществованию религией, способной значительно обогатить мультикультурные общества с открытым взглядом на мир. Ислам в АР – это в определенном смысле культурно-цивилизационная принадлежность, а не «религия» в классическом ее понимании. Обычно подавляющее большинство азербайджанцев идентифицируют себя как мусульмане, хотя и не выполняют никаких обязательных религиозных обрядов.

Причина подобной самоидентификации кроется не в дискредитации ислама, но лишь объясняет то, кем являются азербайджанцы, как они приняли ислам, чем ислам у них особенно уникален и как он отличается от известного нам религиозного понимания ислама. Ведь мусульмане в АР были изначально либо зороастрийцами до 4 века, либо христианами и хуррамидами до 9 века, которых насильно обратили в ислам в период арабского завоевания 9 века.

Сегодня мусульмане, в том числе и азербайджанские, не должны изображать из себя жертв, им следует продолжать быть живым примером устремленности людей к подлинному сосуществованию культур и наций, точки встречи Востока и Запада.

И все же исламская идентичность в Азербайджане остается несколько искусственной, «камуфляжной». Правда, ислам продолжает играть заметную роль в быту, его уважают как религиозное наследие, но им не руководствуются. Большее значение в Азербайджане, нежели религия, имеют другие факторы: язык, культура, традиционные связи. Азербайджанское общество в целом светское, и оно ближе по ментальности армянам, грузинам, европейцам, нежели иранцам и арабам.

В Азербайджане преобладает тенденция к секуляризму. Если в Азербайджане и наблюдается некоторый религиозный подъем, то шансы на утверждение здесь основанной на шариате «иранской модели» или «саудовской модели» равны нулю.

Террористические акты в США 11 сентября 2001 г. и последовавшая за ними антиталибская операция в Афганистане оживили в Азербайджане дискуссию об опасном росте ваххабизма. К рассуждениям о распространении среди азербайджанских мусульман экстремистских течений ислама добавился и ажиотаж по поводу угрозы терроризма. И все же страхи по поводу «исламской угрозы» в Азербайджане по большей части являются преувеличенными. Они вряд ли каким-то образом связаны с религиозным возрождением, а, скорее, продиктованы внутренней и международной конъюнктурой. Тем не менее, нельзя полностью исключить такого развития событий, при котором

ислам в Азербайджане может наполниться радикальным содержанием. Это может произойти вследствие экономического кризиса, опасного затягивания вопроса с судьбами беженцев, всплеска национал-патриотических и реваншистских настроений в случае, если в АР возьмут верх сторонники силового решения карабахской проблемы.

ГРАЖДАНСКАЯ ОБЩНОСТЬ И ЮЖНЫЙ КАВКАЗ

На протяжении 20 века в АР сохраняла свое влияние схема совпадения национальной и религиозной идентификации. В течение определенного времени конфессиональная принадлежность воспринималась как синоним национальной принадлежности. Так, азербайджанца на протяжении 19 и первой четверти 20 веков идентифицировали как мусульманина. Однако уже в конце 20 века данная модель идентификации начала разрушаться, но и в начале 21 века продолжает сохраняться представление о совпадении религиозной и национальной идентификации подавляющей части населения АР.

Вне всякого сомнения, что религии выступали и выступают субъектами влияния одной культуры на другую, сближения культур. Сама религия является одним из каналов продвижения современного общества к глобализации. По сути, глобализация ведет к выработке глобального сознания. В условиях, когда происходит проникновение культур и религий, возникших в странах Запада, в страны Востока и наоборот, можно предположить, что глобализационные процессы в религиозном сознании имеют взаимный характер. В результате происходит разрушение национальной и религиозной идентичности, а также традиционного религиозного сознания, но при этом формируется глобальное религиозное сознание. Но, если определенная часть азербайджанского общества будет утрачивать интерес к собственной, традиционной религиозной идентичности с сохранением национальной идентичности, то основная часть общества республики будет

сохранять традиционную религиозную идентификацию, связанную с национальной.

Поиск толерантного сочетания этнической, гражданской и религиозной идентичностей в современной АР актуален на национальном и региональном уровнях, т.к. является важным условием сохранения единства и стабильности в азербайджанском обществе.

До 1991 года азербайджанцы, армяне, грузины, абхазы и осетины жили в Закавказье, в настоящее время вышеперечисленные народы живут в регионе Южного Кавказа. Последнее, как идентификационная карта для жителей региона, в том числе АР, пока еще весьма абстрактная субстанция, не имеющая четких параметров. В частности, даже политическими элитами Азербайджана, Армении и Грузии понятие «Южный Кавказ» воспринимается как географический термин, используемый в последние годы за пределами региона, правда с соответствующими политическими и экономическими терминообразующими приращениями. В этом контексте появился термин «южно-кавказский регион», который в различных формулировках то появляется, то исчезает, но, по существу, это лишь термин, а не региональная идентификационная карта, и в большей степени отражает лишь внутреннее стремление государств региона к самоутверждению. Так, при обострении межэтнических противоречий в регионе актуализируется прошлое. Участники конфликта выстраивают историческую линию, восходящую к древней религии, древнему народу, древней государственности. Межэтнические противоречия могут вызвать у представителей определенной этнической группы чувства жертвенности, восприятия своей этнической общности как народа-жертвы.

Смена партийно-советской власти и восстановление азербайджанской государственности ознаменовались выдвижением национальных лозунгов, определением курса на суверенизацию республики. В экспертных оценках и все чаще в общественном мнении АР фиксируется представление, что престиж человека в азербайджанском обществе определяется не культурным статусом, а материальным достатком и

занимаемой должностью. Это справедливо воспринимается как падение общей культуры, деформация системы этнокультурных ценностей, хотя данный фактор может служить в перспективе условием формирования современного гражданского сознания и становления новых гражданских норм. Итак, оптимальным вектором развития этнической и религиозной идентичностей в АР могло бы стать гармоничное сочетание европейских и общечеловеческих ценностей. Формирование у населения Азербайджана чувства принадлежности к гражданской общности АР напрямую будет зависеть от нахождения оптимальной формы национальной и южно-кавказской интеграции в области политической и экономической жизни. Определенная часть граждан АР идентифицируют себя с Кавказом. Некоторые отечественные эксперты высказываются против рассмотрения Кавказа как целостного образования. Они выражают сомнение в правомерности использования понятий «кавказская цивилизация», «кавказская социокультурная система». Не развивая эту дискуссию, хотелось бы обратить внимание на существование многовековых представлений о культурной кавказской колыбели и кавказской идентичности. Какие же признаки определяют кавказскую идентичность в условиях существования религиозных и языковых различий?

В качестве основных показателей определения кавказской идентичности следует выделить два компонента: единая природно-географическая среда и социально-культурная система ценностей. Она отражает общность этических и социальных ценностей, правовой культуры и практики политической самоорганизации.

Сегодня существующие конфликты в регионе порождают противоречивые взгляды на перспективу развития Южного Кавказа, т.к. прерваны горизонтальные социально-экономические и культурно-образовательные связи. Все это сдерживает процесс развития кавказских народов на своей социокультурной основе, активного включения их в экономическое и общественно-политическое взаимодействие в пределах регионального, европейского и мирового сообщества. Южный Кавказ, как и другие регионы, находится на пересечении

культур Запада и Востока. Вряд ли оправданно строго разграничивать народы, как принадлежащие к западной или восточной культуре, особенно в переходных обществах. В одних сферах жизнедеятельности и по одним ценностям они могут быть близки к восточной, а по другим – к западной культуре. Так, народы Южного Кавказа, исповедующие христианство и ислам, по религиозным ценностям имеют духовную общность с народами Востока. Вместе с тем по другим чертам они ближе к западной культуре. Это социальные ценности – свобода, равенство, справедливость. Им также свойственна приверженность принципу самостоятельности, децентрализованности в политическом управлении, поощрения индивидуальной инициативы и ответственности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Интервью Его Святейшества далай-ламы XIV корреспонденту «Известий» С. Лескову, 30 марта 2004 года в Дели.
2. Реформация и протестантизм: Словарь.
3. Валлерстайн И. Миросистемный анализ: введение. М.: Изд. дом «Территория Будущего», 2006. С. 139-140.
4. Мак-Нил В. Цивилизация, цивилизации и мировая система // Цивилизации. М., 1993. Вып. 2. С. 18-26.
5. Конституция АР, 1995 г.
6. Там же.
7. Закон АР «О свободе вероисповедания».
8. Конституция АР, 1995 г.

Лингвистическая идентификация азербайджанского языка

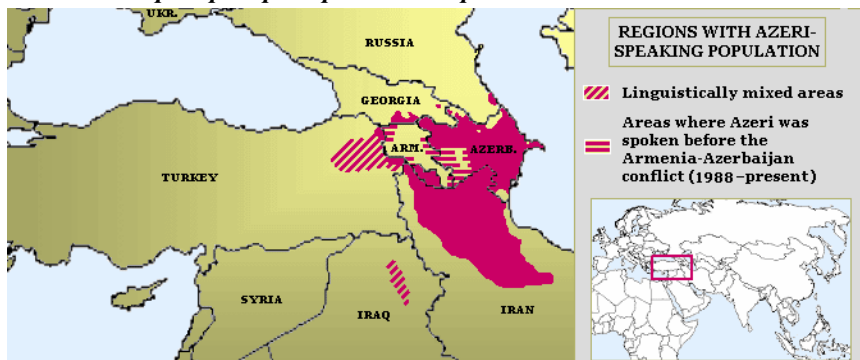
Азербайджанский язык является государственным языком Азербайджанской Республики (АР) и его населения (по данным 2010 года около 9 млн. человек), разговорным языком части населения Ирана (примерно 20 млн. чел.), а также средством общения азербайджанской диаспоры в различных странах (Россия, Грузия, Украина, Казахстан, Узбекистан и т.д.).

Азербайджанский язык относится к юго-западной ветви тюркских языков. Он восходит к языку огузских племён Центральной Азии 5-6 вв., который стал языком-предшественником для нескольких современных тюркских языков, в частности, для азербайджанского и турецкого языков. Хотя современная фонетическая, лексическая и грамматическая специфика азербайджанского языка ясно указывает на его огузское происхождение. Однако в дальнейшем в процессе развития эти языки изменились как в фонетической структуре, грамматическом строе, так и в словарном составе. Современный азербайджанский язык сформирован на основе влияния многих языковых факторов, что было обусловлено исторически и, естественно, исходя из истории, политически. В современном азербайджанском языке наблюдаются влияния кипчакской языковой группы, частично карлукской (уйгурской), и достаточно сильно влияние других языковых систем в лексике, таких как арабский, персидский и русский языки.

Малочисленные тюркские племена и народы населяли территории современного Азербайджана с 4 в. и ранее (хазары, болгары, кипчаки (половцы) и т. д.), большая масса тюркок-огузов пришла на территорию современного Южного Кавказа до сельджукских завоеваний 11-13 веков, в результате чего к 15-16 векам сложилось формирование азербайджанского языка, как отдельного языка тюркской группы.

В этот период азербайджанский язык (это название тогда ещё не использовалось) был в состоянии расцвета, на нём творили свои произведения великие поэты-классики той эпохи: Насими, Хатаи и Физули. В 16 – начале 19 веков большая часть Азербайджана была под властью Персидской империи, в которой правили шахи из тюркоязычной династии Сефевидов.

Карта распространения азербайджанского языка

В азербайджанском языке Кавказа выделяют 4 диалектные группы:

- * восточная: бакинский, шемахинский, кубинский, муганский и ленкоранский;
- * западная: карабахский, гянджинский и казахский (не путать с казахским языком) диалекты, айрумский говор;
- * северная: шекинский диалект, закатола-кахский;
- * южная: нахичеванский, ереванский, ордубадский.

Диалекты азербайджанского языка в Иране: тебризский, урмийский, хойский, кушчинский (Центральный остан), марагинский, мерендский, урьянтепинский (остан Западный Азербайджан), туркменчайский (остан Восточный Азербайджан), ардебильский, сарабский, мианский, а также анклавные: галугяхский (остан Мазендеран) и диалекты Лотфабада и Дергеца (остан Хорасан-Резави).

Восточные и северные диалекты в наибольшей мере испытали воздействие кыпчакского ареала. Различия в диалектах затрагивают

главным образом фонетику и лексику. Помимо этого на территории Ирана, Турции и других стран существует ряд наречий, иногда относимых к диалектам азербайджанского (например, афшарский, кашкайский, айналлу, шахсевенский, каджарский и др.). Говоры иракских туркмен также частично или полностью считаются диалектами азербайджанского.

По мнению многих тюркологов тюркские народы Передней Азии и Кавказа в ранний период истории в качестве письма пользовались древнетюркским руническим письмом, чему свидетельством являются Орхоно-енисейские памятники письменности. Эта письменность в дальнейшем развилась в венгерские и болгарские руны. Орхоно-енисейская письменность обслуживала единый литературный язык (наддиалектный койне) того времени, который называется языком орхоно-енисейских надписей.

Выделяются 7 групп: ленско-прибайкальская, енисейская, монгольская, алтайская, восточно-туркестанская, среднеазиатская, восточно-европейская. Соответственно, они принадлежат племенному союзу курыкан, Кыргызскому каганату, Восточно-тюркскому каганату, Западно-тюркскому каганату, Уйгурскому каганату в Монголии, Уйгурскому государству в Восточном Туркестане, булгарам, хазарам и печенегам.

1

2

3

№	Символ	Иероглиф	Символ	Иероглиф	№	Символ	Иероглиф	№	Символ	Иероглиф
1	𐰀	𐰀	𐰁	𐰁	11	𐰊	𐰊	21	𐰑	𐰑
2	𐰂	𐰂	𐰃	𐰃	12	𐰋	𐰋	22	𐰒	𐰒
3	𐰄	𐰄	𐰅	𐰅	13	𐰌	𐰌	23	𐰓	𐰓
4	𐰆	𐰆	𐰇	𐰇	14	𐰍	𐰍	24	𐰔	𐰔
5	𐰈	𐰈	𐰉	𐰉	15	𐰎	𐰎	25	𐰕	𐰕
6	𐰐	𐰐	𐰑	𐰑	16	𐰏	𐰏	26	𐰖	𐰖
7	𐰒	𐰒	𐰓	𐰓	17	𐰐	𐰐	27	𐰗	𐰗
8	𐰔	𐰔	𐰕	𐰕	18	𐰑	𐰑	28	𐰘	𐰘
9	𐰖	𐰖	𐰗	𐰗	19	𐰒	𐰒	29	𐰙	𐰙
10	𐰘	𐰘	𐰙	𐰙	20	𐰓	𐰓	30	𐰚	𐰚

Символ	Иероглиф	Символ	Иероглиф	Символ	Иероглиф	Символ	Иероглиф
𐰀	𐰀	𐰁	𐰁	𐰂	𐰂	𐰃	𐰃
𐰄	𐰄	𐰅	𐰅	𐰆	𐰆	𐰇	𐰇
𐰈	𐰈	𐰉	𐰉	𐰊	𐰊	𐰋	𐰋
𐰌	𐰌	𐰍	𐰍	𐰎	𐰎	𐰏	𐰏
𐰐	𐰐	𐰑	𐰑	𐰒	𐰒	𐰓	𐰓
𐰔	𐰔	𐰕	𐰕	𐰖	𐰖	𐰗	𐰗
𐰘	𐰘	𐰙	𐰙	𐰚	𐰚	𐰛	𐰛
𐰜	𐰜	𐰝	𐰝	𐰞	𐰞	𐰟	𐰟
𐰠	𐰠	𐰡	𐰡	𐰢	𐰢	𐰣	𐰣
𐰤	𐰤	𐰥	𐰥	𐰦	𐰦	𐰧	𐰧
𐰨	𐰨	𐰩	𐰩	𐰪	𐰪	𐰫	𐰫
𐰬	𐰬	𐰭	𐰭	𐰮	𐰮	𐰯	𐰯
𐰱	𐰱	𐰲	𐰲	𐰳	𐰳	𐰴	𐰴
𐰶	𐰶	𐰷	𐰷	𐰸	𐰸	𐰹	𐰹
𐰻	𐰻	𐰼	𐰼	𐰽	𐰽	𐰾	𐰾
𐰿	𐰿	𐱀	𐱀	𐱁	𐱁	𐱂	𐱂
𐱃	𐱃	𐱄	𐱄	𐱅	𐱅	𐱆	𐱆
𐱇	𐱇	𐱈	𐱈	𐱉	𐱉	𐱊	𐱊
𐱋	𐱋	𐱌	𐱌	𐱍	𐱍	𐱎	𐱎
𐱏	𐱏	𐱐	𐱐	𐱑	𐱑	𐱒	𐱒
𐱓	𐱓	𐱔	𐱔	𐱕	𐱕	𐱖	𐱖
𐱗	𐱗	𐱘	𐱘	𐱙	𐱙	𐱚	𐱚
𐱛	𐱛	𐱜	𐱜	𐱝	𐱝	𐱞	𐱞
𐱟	𐱟	𐱠	𐱠	𐱡	𐱡	𐱢	𐱢
𐱣	𐱣	𐱤	𐱤	𐱥	𐱥	𐱦	𐱦
𐱧	𐱧	𐱨	𐱨	𐱩	𐱩	𐱪	𐱪
𐱫	𐱫	𐱬	𐱬	𐱭	𐱭	𐱮	𐱮
𐱯	𐱯	𐱰	𐱰	𐱱	𐱱	𐱲	𐱲
𐱳	𐱳	𐱴	𐱴	𐱵	𐱵	𐱶	𐱶
𐱷	𐱷	𐱸	𐱸	𐱹	𐱹	𐱺	𐱺
𐱻	𐱻	𐱼	𐱼	𐱽	𐱽	𐱾	𐱾
𐱿	𐱿	𐲀	𐲀	𐲁	𐲁	𐲂	𐲂
𐲃	𐲃	𐲄	𐲄	𐲅	𐲅	𐲆	𐲆
𐲇	𐲇	𐲈	𐲈	𐲉	𐲉	𐲊	𐲊
𐲋	𐲋	𐲌	𐲌	𐲍	𐲍	𐲎	𐲎
𐲏	𐲏	𐲐	𐲐	𐲑	𐲑	𐲒	𐲒
𐲓	𐲓	𐲔	𐲔	𐲕	𐲕	𐲖	𐲖
𐲗	𐲗	𐲘	𐲘	𐲙	𐲙	𐲚	𐲚
𐲛	𐲛	𐲜	𐲜	𐲝	𐲝	𐲞	𐲞
𐲟	𐲟	𐲠	𐲠	𐲡	𐲡	𐲢	𐲢
𐲣	𐲣	𐲤	𐲤	𐲥	𐲥	𐲦	𐲦
𐲧	𐲧	𐲨	𐲨	𐲩	𐲩	𐲪	𐲪
𐲫	𐲫	𐲬	𐲬	𐲭	𐲭	𐲮	𐲮
𐲯	𐲯	𐲰	𐲰	𐲱	𐲱	𐲲	𐲲
𐲳	𐲳	𐲴	𐲴	𐲵	𐲵	𐲶	𐲶
𐲷	𐲷	𐲸	𐲸	𐲹	𐲹	𐲺	𐲺
𐲻	𐲻	𐲼	𐲼	𐲽	𐲽	𐲾	𐲾
𐲿	𐲿	𐳀	𐳀	𐳁	𐳁	𐳂	𐳂
𐳃	𐳃	𐳄	𐳄	𐳅	𐳅	𐳆	𐳆
𐳇	𐳇	𐳈	𐳈	𐳉	𐳉	𐳊	𐳊
𐳋	𐳋	𐳌	𐳌	𐳍	𐳍	𐳎	𐳎
𐳏	𐳏	𐳐	𐳐	𐳑	𐳑	𐳒	𐳒
𐳓	𐳓	𐳔	𐳔	𐳕	𐳕	𐳖	𐳖
𐳗	𐳗	𐳘	𐳘	𐳙	𐳙	𐳚	𐳚
𐳛	𐳛	𐳜	𐳜	𐳝	𐳝	𐳞	𐳞
𐳟	𐳟	𐳠	𐳠	𐳡	𐳡	𐳢	𐳢
𐳣	𐳣	𐳤	𐳤	𐳥	𐳥	𐳦	𐳦
𐳧	𐳧	𐳨	𐳨	𐳩	𐳩	𐳪	𐳪
𐳫	𐳫	𐳬	𐳬	𐳭	𐳭	𐳮	𐳮
𐳯	𐳯	𐳰	𐳰	𐳱	𐳱	𐳲	𐳲
𐳳	𐳳	𐳴	𐳴	𐳵	𐳵	𐳶	𐳶
𐳷	𐳷	𐳸	𐳸	𐳹	𐳹	𐳺	𐳺
𐳻	𐳻	𐳼	𐳼	𐳽	𐳽	𐳾	𐳾
𐳿	𐳿	𐴀	𐴀	𐴁	𐴁	𐴂	𐴂
𐴃	𐴃	𐴄	𐴄	𐴅	𐴅	𐴆	𐴆
𐴇	𐴇	𐴈	𐴈	𐴉	𐴉	𐴊	𐴊
𐴋	𐴋	𐴌	𐴌	𐴍	𐴍	𐴎	𐴎
𐴏	𐴏	𐴐	𐴐	𐴑	𐴑	𐴒	𐴒
𐴓	𐴓	𐴔	𐴔	𐴕	𐴕	𐴖	𐴖
𐴗	𐴗	𐴘	𐴘	𐴙	𐴙	𐴚	𐴚
𐴛	𐴛	𐴜	𐴜	𐴝	𐴝	𐴞	𐴞
𐴟	𐴟	𐴠	𐴠	𐴡	𐴡	𐴢	𐴢
𐴣	𐴣	𐴤	𐴤	𐴥	𐴥	𐴦	𐴦
𐴧	𐴧	𐴨	𐴨	𐴩	𐴩	𐴪	𐴪
𐴫	𐴫	𐴬	𐴬	𐴭	𐴭	𐴮	𐴮
𐴯	𐴯	𐴰	𐴰	𐴱	𐴱	𐴲	𐴲
𐴳	𐴳	𐴴	𐴴	𐴵	𐴵	𐴶	𐴶
𐴷	𐴷	𐴸	𐴸	𐴹	𐴹	𐴺	𐴺
𐴻	𐴻	𐴼	𐴼	𐴽	𐴽	𐴾	𐴾
𐴿	𐴿	𐵀	𐵀	𐵁	𐵁	𐵂	𐵂
𐵃	𐵃	𐵄	𐵄	𐵅	𐵅	𐵆	𐵆
𐵇	𐵇	𐵈	𐵈	𐵉	𐵉	𐵊	𐵊
𐵋	𐵋	𐵌	𐵌	𐵍	𐵍	𐵎	𐵎
𐵏	𐵏	𐵐	𐵐	𐵑	𐵑	𐵒	𐵒
𐵓	𐵓	𐵔	𐵔	𐵕	𐵕	𐵖	𐵖
𐵗	𐵗	𐵘	𐵘	𐵙	𐵙	𐵚	𐵚
𐵛	𐵛	𐵜	𐵜	𐵝	𐵝	𐵞	𐵞
𐵟	𐵟	𐵠	𐵠	𐵡	𐵡	𐵢	𐵢
𐵣	𐵣	𐵤	𐵤	𐵥	𐵥	𐵦	𐵦
𐵧	𐵧	𐵨	𐵨	𐵩	𐵩	𐵪	𐵪
𐵫	𐵫	𐵬	𐵬	𐵭	𐵭	𐵮	𐵮
𐵯	𐵯	𐵰	𐵰	𐵱	𐵱	𐵲	𐵲
𐵳	𐵳	𐵴	𐵴	𐵵	𐵵	𐵶	𐵶
𐵷	𐵷	𐵸	𐵸	𐵹	𐵹	𐵺	𐵺
𐵻	𐵻	𐵼	𐵼	𐵽	𐵽	𐵾	𐵾
𐵿	𐵿	𐶀	𐶀	𐶁	𐶁	𐶂	𐶂
𐶃	𐶃	𐶄	𐶄	𐶅	𐶅	𐶆	𐶆
𐶇	𐶇	𐶈	𐶈	𐶉	𐶉	𐶊	𐶊
𐶋	𐶋	𐶌	𐶌	𐶍	𐶍	𐶎	𐶎
𐶏	𐶏	𐶐	𐶐	𐶑	𐶑	𐶒	𐶒
𐶓	𐶓	𐶔	𐶔	𐶕	𐶕	𐶖	𐶖
𐶗	𐶗	𐶘	𐶘	𐶙	𐶙	𐶚	𐶚
𐶛	𐶛	𐶜	𐶜	𐶝	𐶝	𐶞	𐶞
𐶟	𐶟	𐶠	𐶠	𐶡	𐶡	𐶢	𐶢
𐶣	𐶣	𐶤	𐶤	𐶥	𐶥	𐶦	𐶦
𐶧	𐶧	𐶨	𐶨	𐶩	𐶩	𐶪	𐶪
𐶫	𐶫	𐶬	𐶬	𐶭	𐶭	𐶮	𐶮
𐶯	𐶯	𐶰	𐶰	𐶱	𐶱	𐶲	𐶲
𐶳	𐶳	𐶴	𐶴	𐶵	𐶵	𐶶	𐶶
𐶷	𐶷	𐶸	𐶸	𐶹	𐶹	𐶺	𐶺
𐶻	𐶻	𐶼	𐶼	𐶽	𐶽	𐶾	𐶾
𐶿	𐶿	𐷀	𐷀	𐷁	𐷁	𐷂	𐷂
𐷃	𐷃	𐷄	𐷄	𐷅	𐷅	𐷆	𐷆
𐷇	𐷇	𐷈	𐷈	𐷉	𐷉	𐷊	𐷊
𐷋	𐷋	𐷌	𐷌	𐷍	𐷍	𐷎	𐷎
𐷏	𐷏	𐷐	𐷐	𐷑	𐷑	𐷒	𐷒
𐷓	𐷓	𐷔	𐷔	𐷕	𐷕	𐷖	𐷖
𐷗	𐷗	𐷘	𐷘	𐷙	𐷙	𐷚	𐷚
𐷛	𐷛	𐷜	𐷜	𐷝	𐷝	𐷞	𐷞
𐷟	𐷟	𐷠	𐷠	𐷡	𐷡	𐷢	𐷢
𐷣	𐷣	𐷤	𐷤	𐷥	𐷥	𐷦	𐷦
𐷧	𐷧	𐷨	𐷨	𐷩	𐷩	𐷪	𐷪
𐷫	𐷫	𐷬	𐷬	𐷭	𐷭	𐷮	𐷮
𐷯	𐷯	𐷰	𐷰	𐷱	𐷱	𐷲	𐷲
𐷳	𐷳	𐷴	𐷴	𐷵	𐷵	𐷶	𐷶
𐷷	𐷷	𐷸	𐷸	𐷹	𐷹	𐷺	𐷺
𐷻	𐷻	𐷼	𐷼	𐷽	𐷽	𐷾	𐷾
𐷿	𐷿	𐷀	𐷀	𐷁	𐷁	𐷂	𐷂
𐷃	𐷃	𐷄	𐷄	𐷅	𐷅	𐷆	𐷆
𐷇	𐷇	𐷈	𐷈	𐷉	𐷉	𐷊	𐷊
𐷋	𐷋	𐷌	𐷌	𐷍	𐷍	𐷎	𐷎
𐷏	𐷏	𐷐	𐷐	𐷑	𐷑	𐷒	𐷒
𐷓	𐷓	𐷔	𐷔	𐷕	𐷕	𐷖	𐷖
𐷗	𐷗	𐷘	𐷘	𐷙	𐷙	𐷚	𐷚
𐷛	𐷛	𐷜	𐷜	𐷝	𐷝	𐷞	𐷞
𐷟	𐷟	𐷠					

4

5

4-5. Каменные памятники тюркской рунической письменности

Памятники древнетюркских писем (в основном эпиграфические, небольшое число рукописей сохранилось в Восточном Туркестане) были созданы в тех областях Центральной и Средней Азии и Сибири, в которых в раннем Средневековье располагались государственные образования восточных и западных тюрков, тюргешей, древних уйгуров, енисейских кыргызов, карлуков и др. Хотя они к тому времени уже говорили на разных языках или точнее различных диалектах, надписи были сделаны тюркским руническим письмом. Последний существовал в нескольких локально-хронологических вариантах, соотносимых с такими территориальными группами памятников, как орхонские, восточно-туркестанские, енисейские,

таласские, алтайские и некоторые другие. В них иногда проступают различия между живыми диалектами указанных древних этносов.

Памятники древнетюркского письма располагаются на территории таких современных стран как Россия, Казахстан, Киргизия, Китай и Монголия.

Один из редких рукописных рунических памятников – Книга гаданий.

6. Книга гаданий

В 1907 году «Книга гаданий» в числе других рукописей была приобретена археологом

А. Стейном у служителя храма «Пещера 1000 будд», приблизительно в двадцати километрах от оазиса Дуньхуан (провинция Ганьсу, Китай). Первые исследования и публикация принадлежат датскому тюркологу Вильгельму Томсену. Ныне хранится в Британском музее (Лондон).

И. В. Стеблева реконструировала в тексте книги стихотворную форму. В 2005 году был издан поэтический перевод «Книги гаданий» на русский язык, выполненный А. В. Преловским. Книга была предназначена для «младшего динтара» и «бурвагуру» - служителей манихейской общины, а также для рядовых членов общины. Она состоит из 65 поэтических миниатюр, содержащих описания различных объектов, существ, ситуаций, каждая из которых заканчивается выводом «это хорошо» или «это плохо». Как технически осуществлялось гадание по этой книге, неясно. По мнению ряда ученых, книга представляет собой сонник.

Алфавит классического периода (8 в. н. э.) в орхонской разновидности состоял из 38 букв и словоразделительного знака. Всего же, с учётом региональных и хронологических вариантов, насчитывается более 50 графем. Направление письма горизонтальное, справа налево. Словоразделительный знак ставится между словами, конец предложения не отбивается.

Древнетюркское руническое письмо – буквенная (не слоговая) система: отдельные знаки обозначают либо гласные, либо согласные звуки (всего 25-26 фонем); около десяти букв служат для передачи сочетаний двух согласных или гласного с согласным. Оригинальная особенность письма – наличие пар самостоятельных букв для большинства велярных и палатальных согласных. Это позволило построить систему письма таким образом, чтобы не выписывать широкие гласные корневых и в большинстве случаев – все гласные аффиксальных слогов, за исключением конечных открытых слогов, экономя на длине слов.

Близкие к древнетюркскому письму надписи 5-3 вв. до н. э. обнаружены в Казахстане - (Иссык - см. иссыкское письмо) и Киргизии - Талас, Балыкчи и др.

Отмечают совпадения многих знаков с тамгами, с возможным акронимическим происхождением звуковых значений. Сходство некоторых знаков (а также общий угловатый стиль, направление письма, совпадение фонетических значений), позволило предположить родство с ранними видами семитской письменности: библейской и финикийской.

По предположению ряда учёных, тюркские руны были созданы в начале VIII века на базе согдийского письма, возможно, с добавлением знаков из других алфавитных систем, путём трансформации курсивных начертаний букв в геометризованные формы. Предлагались также гипотезы о происхождении из фонетических знаков китайского письма, либо письма кхароштки (или наличие, по крайней мере, общего корня).

К временам монгольского нашествия (13 век) алфавит был вытеснен арабизацией под мощным арабо-мусульманским давлением и другими видами письма тюркских народов. В частности шедевр огузской литературы 7 века эпос «Китаби-Деде Горгуд» написан арабским алфавитом на огузском тюркском языке.

7. Страница «Книги-Деде Горгуд»

С азиатской тюркской руникой связывают восточноевропейские рунические надписи 9-10 вв. (гл. обр. из приазовско-донского региона), предполагая их принадлежность тюркоязычным хазарам, булгарам или печенегам. Однако европейские руны лишь в части знаков совпадают с азиатскими. Ввиду своей краткости и отсутствия параллельных текстов на других языках эти надписи не получили окончательной дешифровки и достоверной языковой интерпретации.

От орхоно-енисейских рун происходят многочисленные другие рунические письменности – в частности, письменность памятников на черепках из Саркела (Хазарский каганат), венгерские руны и др.

Первые сведения о памятниках тюркской письменности были получены во времена Петра I, а начало научного изучения тюркской рунической эпиграфики было положено в конце 19 века. 25 ноября 1893 года письменность была дешифрована датским лингвистом Вильгельмом Томсенем. Первое распознанное слово было - Тенгри (Бог), а первые опыты перевода орхонских и енисейских памятников опубликовал в 1894-95 годах известный востоковед Радлов.

Алфавит азербайджанского языка

latin.	kyrill.	latin.	kyrill.	latin.	kyrill.	latin.	kyrill.
A/a	А/а	G/g	К/к	Q/q	Г/г	S/s	С/с
B/b	Б/б	Ğ/ğ	F/ғ	L/l	Л/л	Ş/ş	Ш/ш
C/c	Ч/ч	H/h	Һ/һ	M/m	М/м	T/t	Т/т
Ç/ç	Ч/ч	X/x	X/x	N/n	Н/н	U/u	У/у
D/d	Д/д	I/i	Ы/ы	O/o	О/о	Ü/ü	У/у
E/e	Е/е	İ/i	И/и	Ö/ö	Ө/ө	V/v	В/в
Ə/ə	Ә/ә	J/j	Ж/ж	P/p	П/п	Y/y	Й/й
F/f	Ф/ф	K/k	К/к	R/r	Р/р	Z/z	З/з

Письменная фиксация эпоса «Китабе Деде Горгуд» (11 века), создания совершенного письменного языка на основе устного языкового опыта явилось совершенно естественным. Но, в отличие от устного литературного языка, подверженность письменного языка влиянию чуждых языков обуславливалось поочередным доминированием других языков (не тюркских по происхождению), выполняющих функции государственного языка.

В исторический период с 11 по 13 века в азербайджанском языке присутствовала сельджукская доминанта, что было естественно для того периода, т.к. огузский и сельджукский языки являлись родственными и очень близкими по всем лингвистическим характеристикам. Начиная с 13 века сельджукская языковая доминанта начинает распадаться на два самостоятельных языка: на азербайджанский и на

османский. Писателями, творившими в тот исторический период, были – Мовлана Джалаладдин, Султан Валаддин, Шайяд Хамза с произведением «Юсуф и Зулейха», Али с произведением «Сказания о Юсуфе».

В период государства Сефевидов (15 век) Шах Исмаил I уделял большое внимание родному языку. Так, международная переписка велась именно на азербайджанском языке. Именно в период правления династии Сефевидов азербайджанский язык трансформировался в доминантный как во дворце, так и в армии, в результате чего приобрел статус государственного языка.

28 мая 1918 года территория Северного Азербайджана обрела независимость и была образована Азербайджанская Демократическая Республика (АДР). Азербайджанский язык распространился также на территориях, находящихся в составе Османской империи. С присоединением Северного Азербайджана к России, для обозначения азербайджанского языка, как и для обозначения всех других тюркских языков, входящих в состав Российской империи, до 20-30-х годов 20 века употреблялся термин «тюрко-татарский язык». При этом азербайджанский язык считался языком межнационального общения на всём Кавказе, Иране, Анатолии и Средней Азии. А. А. Бестужев-Марлинский в рассказе «Красное покрывало» писал: «Татарский язык закавказского края отличается от турецкого, и с ним, как с французским в Европе, можно пройти из конца в конец всю Азию».

В 1936 году, после закрепления этнонима «азербайджанцы», термин «тюрко-татарский» был официально заменен на употреблявшийся различными авторами с середины XIX века (в разных фонетических вариантах) «азербайджанский язык».

По мнению части азербайджанских и большинства турецких ученых, это было сделано для дальнейшего отрешения и отсечения азербайджанцев и их языка от других тюркских народов. Как известно, в годы нахождения Азербайджана в составе царской России азербайджанцы пользовались арабским алфавитом, но после того как в апреле 1920 года Азербайджан был оккупирован Советской им-

перией, диктатура коммунистов-большевиков стала проводить космополитические эксперименты со многими обычаями и традициями азербайджанского народа, включая его язык и алфавит.

На протяжении 20 века письменность азербайджанского языка менялась четырежды: в 1929 году арабский алфавит был заменён письменностью на основе латиницы (планировалось ещё во времена независимости АДР в 1918—1920 гг.), в 1939 по указанию Сталина была введена кириллица (процесс русификации затронул все тюркские языки СССР), а в 1958 году, в процессе десталинизации, этот алфавит был дополнен вводом дополнительных букв, что обеспечило его большее соответствие к требованиям азербайджанского языка. В 1991 году государственный алфавит был восстановлен на основе латинской графики, которая отличалась от первичного варианта 1929-39 гг., и была приближена к орфографическим нормам турецкого языка. К концу 20 столетия, когда Азербайджан второй раз приобрел государственную независимость, вопрос о реформе алфавита был очень актуален. В действительности переход на новый алфавит намечался с первого года независимости – 1991 года. Но реалии того времени не позволили довести этот процесс до конца.

Начиная с середины 1990-х годов, одной из наиболее важных проблем было расширение роли государственного языка в стране. Существующие проблемы, в основном, были следующими:

- 1) Далеко не во всех государственных учреждениях независимой республики применение государственного языка было удовлетворительным.
- 2) Процесс перехода от кириллицы на латинский алфавит все еще не был завершен.
- 3) Существовали государственные чиновники, недостаточно владеющие государственным языком.

Лишь Указом президента Гейдара Алиева от 9 августа 2001 года был учреждён «День азербайджанского алфавита и языка». Данный Указ законодательно оформил следующую модель: 1) азербайджанский

язык – один из тюркских языков; 2) азербайджанский народ – один из тюркских народов.

Основу лексического состава современного азербайджанского государственного языка составляют тюркские слова. Наблюдается большее лексическое и грамматическое сближение с турецким языком вследствие тесных культурных и политических связей. Напротив, в азербайджанском языке населения Ирана ощущается много персидских слов и словосочетаний, а также есть большое различие в нормах литературного произношения.

После принятия Конституции АР в современной языковой ситуации страны наступил новый период развития. Республика получила возможность более последовательно заниматься проблемами культурно-духовной жизни.

Сегодняшняя языковая ситуация заключается в том, что Азербайджан – родина для всех этносов, живущих в Азербайджане. Каждый может говорить на желаемом языке, без каких либо ограничений, но языком государственного делопроизводства является азербайджанский язык.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аманжолов А.С. История и теория древнетюркского письма. Алматы, 2002.
2. Батманов И.А. Язык енисейских памятников древнетюркской письменности. Фрунзе, 1959.
3. Лившиц В.А. О происхождении древнетюркской рунической письменности.// Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана. - Алма-Ата, 1980. С. 3-13
4. Зейналов Ф. Основы тюркологии. Баку-1981
5. Мирзазаде Г. Историческая грамматика азербайджанского языка. Баку-1990
6. «Китабе-Деде Горгуд», Баку-1991

Роль и значение менталитета в социально-политических процессах

1. ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Проблема менталитета как теоретическая проблема появилась на «срезе» психологических, социально-философских и политологических исследований. В некотором смысле это проблема-«перекресток», некая теоретическая «матрешка».

Актуальность исследований в заданной области естественна и очевидна. Без раскрытия теоретической значимости данного явления невозможно более или менее адекватное исследование проблем государственности, основ национальной духовности, особенностей национальной идеологии и т.д. Изучение проблемы менталитета помогает системному анализу социально-политического поля. По сути дела, раскрытие содержания этого фактора имеет системообразующее значение.

В советской философско-политической науке проблематика менталитета, да и ментальности вообще, не занимала сколько-нибудь важного места. Во-первых, она не была востребована самим обществом. Во-вторых, она не «запускалась» государством; а раз не было директивы, значит, и не было исполнения. Но дело не только в невостребованности. Правящие круги советского общества относились к этой проблеме с недоверием и подозрением. От нее веяло буржуазностью и национализмом. Существовало понятие «советского народа» как некоей социально-этнической общности, которая обладала унифицированным «классовым сознанием», являлась носителем строго определенных (директивно утвержденных) идеологических установок. И хотя «расцвет» национальной культуры допускался (и далее

поощрялся), тем не менее конечная точка, так сказать «станция прибытия», определялась достаточно четко - единый (единообразный) советский народ.

И что интересно. Будучи (в идеале) явлением однородным в плане социально-идеологическом, гражданин СССР, а в целом и замысливаемый «советский народ» по большому счету не представлял из себя полноценного субъекта политики. Вернее, якобы был таким субъектом. Это «якобы» или «псевдо» совершенно очевидно. Что зависело от воли рядового советского гражданина? Да практически ничего. Все было «задиректировано» и «спущено» сверху (ЦК КПСС, ЦК союзной республики, горком партии, райком, партком, профкомитет и т.д. и т.п.). Могут возразить: а перестройка, а обновление, а гласность? Ведь все это происходило в советское время. А значит, советский народ был уже и не таким безгласным! На первый взгляд, все это верно. Но лишь на первый. Ведь перестройка как коренная политическая и экономическая реформа была задумана «сверху» и реализовывалась директивами Политбюро. Даже развал СССР как государства был предопределен волюнтаристским решением трех деятелей, из которых двое, самых влиятельных, опять-таки были членами Политбюро.

Таким образом, мы опять-таки приходим к изначальному тезису: в советском обществе, в советском государстве не было и не могло быть серьезного или даже объективного отношения к проблемам ментальности и менталитета. И уж тем более не могло быть (и даже мысленно не допускалось) их рассмотрения в плане соотношения с политической сферой общества.

Коренное изменение исследовательской ситуации произошло лишь в постсоветский период. Обретение независимости бывшими советскими республиками дало сильнейший импульс как вообще исследованиям в области общественно-политических наук, так и в проблематике ментально-национального - в частности.

После такого предварительного экскурса мы уже можем обратиться к сути проблемы – анализу понятий ментальности и менталитета. Но сначала к истории формирования проблемы.

2. ИЗ ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОБЛЕМЫ

У нас нет претензий на воссоздание всеобъемлющей картины того, как возникла и кристаллизовалась проблема менталитета в процессе развития обществоведческой и гуманитарной мысли. Однако есть убежденность, что определенная предыстория у нее есть, и наличествует необходимость проследить основные этапы ее развития.

Общепринятой является точка зрения, что понятия ментальности и менталитета впервые были введены в научный оборот в Европе во второй половине XIX века. Именно в это время историк-обществовед (некоторые считают его далее политологом) Алексис де Токвиль пишет небольшое исследование «Демократия в Америке», в котором пытается дать содержательный анализ общественного сознания (или, как он сам выражается, «общественного мышления») американцев в I половине XIX в. Токвиль пытается отыскать первопричины предрассудков, привычек и пристрастий, распространенных в американском обществе. Это и составляет, по его мнению, национальный характер американцев. Токвиль утверждал, что все жители Соединенных Штатов имеют сходные принципы мышления и управляют своей умственной деятельностью, опираясь на одни и те же представления и стандарты поведения. Это он называет *коллективной ментальностью*.

Особое внимание менталитету и ментальности уделяют ученые – приверженцы школы исторической психологии. Данная школа сформировалась на континенте в 30 – 50-х гг. XX столетия. В работах основателя этой школы (иначе ее называют школой «Анналов») Л. Февра исследуются проблемы коллективной ментальности.

В общем и в целом представители «Школы Анналов» (в том числе Ж. Гофф, Р. Мандру, Ж. Дюби и др.) отстаивают тот тезис, что одним из стержней исторической реконструкции является реконструкция ментальности, т.е. реконструкция способов поведения, выражения и даже умолчания, которые передают обществу миропонимание и мирочувствование данной нации, данного социума.

Окончательно и бесповоротно термин «менталитет» закрепился в научном обороте благодаря работам Леви-Брюля. Известный этнолог и этнопсихолог четко выделяет два типа менталитета - современный и первобытный, «примитивный менталитет». В своих «Записных книжках» (1949г.) Леви-Брюль характеризует современный менталитет как логический, рациональный, организованный. Примитивно-первобытный же менталитет - явление совершенно иного порядка. В основе его – «аффективная категория сверхъестественного». Примитивный человек, утверждал ученый, в своем практическом опыте использует элементы мистические и иррациональные. Это в первую очередь сновидения, культ усопших, заклинания и т.д. Причем в сознании первобытного человека реальное и сверхъестественное не противоречат друг другу, а сосуществуют и переплетаются как единое целое.

В конце XIX - начале XX вв. к проблеме ментальности и менталитета обратились психологи, в первую очередь В. Вундт, З. Фрейд и К. Юнг. У всех этих ученых понятие психического, ментального получило новое, оригинальное истолкование. Точнее было бы сказать, что термины «ментальность» и «менталитет» в их разработках конкретно не упоминаются. Однако высказанные ими мысли, предложенные ими концепции имеют самое непосредственное отношение к исследованию и истолкованию проблемы менталитета.

Особый интерес представляют разработки и подходы школы психоанализа. Основатель школы, З. Фрейд, впервые в истории психологии предложил рассматривать психику человека как *глубинную структуру*, действующую как минимум на трех уровнях: 1) на уровне бессоз-

нательного; 2) на уровне подсознательного; 3) на уровне собственного сознания. Согласно Фрейду, основой или фундаментом психического является «бессознательное». На этом уровне или в этой сфере сконцентрированы наиболее мощные энергетические потоки душевно-психического. З.Фрейд определяет их как «бессознательное» или, в другой интерпретации, «либидо». Последнее проявляется в изначальных, естественных инстинктах и влечениях.

У мужчин это прежде всего половой инстинкт, у женщин – материнский. Бессознательные психические явления как бы «пронизывают» всю толщу психического. Они выходят и в сферу собственно сознания. Энергетика бессознательного питает и творчество художника, и деятельность политика, и любую другую область, и которой субъект может сублимировать свой энергетический потенциал. Однако не всегда энергетика «либидо» находит легальные формы, легальные «выходы». Нередко бессознательное толкает человека на «постыдные», «запрещенные» действия, поступки, мысли. На уровне сознания и самосознания человек осознает эту «постыдность», «запретность» и как бы «вытесняет» все это в пограничную между сознанием и бессознательным сферу, т.е. в область подсознательного.

Таким образом, если обратить все вышесказанное на исследуемую нами проблему, т.е. проблему ментальности, то вывод будет следующим. Если ментальность - это склад ума человека, специфика проявления его основных психических характеристик, если менталитет - это глубинная структура психодинамики, то справедливость, адекватность фрейдистского подхода означает, что ментальность и менталитет в качестве своего источника, в качестве своей основы имеют не только сферу собственно сознания. Менталитет опирается и на бессознательное, и на подсознательное, т.е. менталитет имеет такую же сложную структуру, как и само сознание, хотя, конечно, последнее гораздо шире, объемнее понятия менталитета.

Свое дальнейшее развитие учение Фрейда получило в работах его самого одаренного последователя К.Юнга. В рамках разработанной

им концепции аналитической психологии Юнг выдвинул положение о том, что наряду с индивидуальным бессознательным, которым собственно ограничивался классический вариант фрейдизма, в психике человека существует еще более глубинный слой - коллективное бессознательное. Именно коллективное бессознательное, по Юнгу, и запечатлевает в себе совокупный опыт предшествующих поколений, в том числе память о природной среде, исторических событиях, моделях социальной деятельности и т.д. Содержание этого слоя психики составляют особые обобщенные первообразы, архетипы, представляющие собой коллективно наследуемые формы восприятия и понимания. Архетипы недоступны непосредственному наблюдению, но могут реконструироваться путем анализа их внешних проекций. При этом наиболее отчетливо глубины подсознания проявляются в сновидениях и в творческих интуициях, не регламентированных рациональным самоконтролем (мифы, художественные сюжеты, символы и т.п.). Часть архетипов, по Юнгу, носит общечеловеческий характер (например, любовь к матери). Однако некоторые из них связаны со специфическими особенностями национальной жизни и представляют собой своего рода порождающие структуры национального характера, национального сознания.

Внимательный анализ учения Юнга показывает, что ученый-психолог как бы "выводит" проблему человеческого психического за пределы собственно психики. По сути, он привлекает к объяснению тайн психического, в том числе и ментального, сферы социального и социокультурного. Такой подход был полностью воспринят, а затем и развит современными исследователями национально-этнического. В качестве примера рассмотрим концепцию видного российского этнолога С.В.Лурье. Наряду с другими авторами, Лурье - одна из основных разработчиц идеи этнической картины мира.

Что это за идея? По мысли ученой, вполне естественная. "Это,- пишет Лурье, - некоторое связанное представление о бытии, присущее членам данного этноса"¹. Данное представление некоторым объективизиро-

ванным образом выражается посредством мифологических символов, философских воззрений, литературных образов. Оно обнаруживает себя через мысли, поступки, поведенческие реакции. Этническая картина мира - и это важно - служит базой, основой для объяснения людьми своих действий и поступков.

Однако, по мысли автора, специфика взаимодействия этнической картины мира с ее носителями, субъектами достаточно своеобразна. Эта картина осознается членами этноса лишь частично и фрагментарно. Индивидуум осознает не содержание картины, а лишь а) ее наличие и б) ее целостность. В определенном смысле, замечает Лурье, этническая картина мира - психологический и этнокультурный фантом². То есть человеку скорее кажется, что он имеет некоторую упорядоченную систему представлений. На самом же деле, в реальности он имеет совсем иное: "ощущение наличия такой целостной, упорядоченной и гармоничной системы"³.

Этническая картина мира не есть нечто неизменное, стационарное. "Этническая картина мира, - утверждает Лурье, - сильно меняется с течением времени... Неизменными оказываются лишь логически необъяснимые, принятые в этнической картине мира за аксиому, блоки, которые внешне могут выражаться в самой разнообразной форме"⁴. Эти блоки представляют собой некие духовно-психологические инварианты или, выражаясь иначе, этнические константы. Таким образом, согласно Лурье, этническая картина имеет два генетических порождающих начала: с одной стороны, в ее фундаменте лежат этнические константы, с другой - на нее воздействуют (и в некотором смысле ее формируют) ценностные ориентации. Важно отметить при этом, что "этнические константы неизменны на протяжении всей жизни этноса, а ценностная ориентация может меняться, она является результатом свободного выбора людей"⁵.

Несколько подытоживая концепцию, представленную Лурье (вообще-то концепция намного богаче того изложения, которое мы представили, но ее подробное рассмотрение - это уже тема другой статьи),

можно утверждать следующее. На протяжении десятков лет существовали два конкурирующих направления в объяснении сути человеческого, его поведения, поступков и специфики жизнедеятельности - направление психологическое и направление социокультурное. С. В. Лурье и представленная ею школа пытаются объединить, неким образом синтезировать установки обоих направлений. Основным средством такого синтеза является введение, разработка понятия этнической картины мира. С одной стороны, это социокультурное явление, так как та призма, через которую социальный индивид оценивает и усваивает окружающий мир, - это призма этнической культуры. Именно культура формирует "ценностные конфигурации" сознания. Однако, тут имеется взаимосвязанность и взаимозависимость. Ибо ценности, ценностные ориентации в свою очередь являются материалом, на основании которого кристаллизуется та или иная этническая культура.

Но все это, как было отмечено выше, - с одной стороны. С другой же, все вышеозначенные структуры, "механизмы" имеют психологический подтекст, очевидную психическую природу. Что представляют из себя этнические константы, задается вопросом автор? И сама же отвечает: "Они являются теми механизмами..., которые снимают психологическую угрозу со стороны окружающего мира и обеспечивают члену этноса возможность действовать"⁶. И вообще должно быть очевидным, что "этническая культура детерминирована потребностью человека в психологической адаптации, так же, как деятельность по жизнеобеспечению этноса детерминирована его потребностью в физиологической адаптации"⁷.

Еще раз отметим, что основные понятия, теоретические конструкты, вводимые новой этнологической школой, следующие: понятие этнических констант, понятие этнической картины мира и, наконец, понятие этнического сознания. Характерно определение этнического сознания, которое дает С.В.Лурье: "Традиционное этническое сознание (менталитет) - система мировоззрения, основанная на этнической

картине мира, передающаяся в процессе социализации и включающая в себя представления о приоритетах, нормах и моделях поведения"⁸.

Очерченные выше подходы дополняются и иными точками зрения, обсуждаемыми в современной русскоязычной литературе. Так, ленинградский автор О.Г.Усенко⁹ предлагает определять ментальность как универсальную способность психики хранить в себе типические инвариантные структуры. Несколько иной подход у В.В.Козловского¹⁰, который определяет менталитет как способ мышления, тип мышления, склад ума. По мысли ученого, эти характеристики проявляются в познавательном, эмоциональном и волевом процессах, в особенностях поведения социального индивида. Менталитет, утверждает автор, выражает упорядоченность ментальности и определяет стереотипное отношение индивида к окружающему миру, обеспечивает возможность адаптации к внешним условиям.

Высказываются и иные точки зрения¹¹, которые, в принципе, можно обобщить. Для начала отметим, что в центре нашего исследования стоит проблема национального менталитета. Совершенно очевидно, что вопрос сути, духовной основы национального всегда был в центре внимания исследователей. Современный этап в рассмотрении данной проблемы характеризуется качественно новым подходом – интегративным и синтезирующим. Выделяется новый феномен – ментальность, и новое духовно-идеальное образование - менталитет.

Современный подход к явлению национального менталитета, в качестве отправной точки исследования, конечно же предполагает такие уже хорошо изученные феномены как национальный характер, национальный темперамент, национальное сознание и т.д. Однако на этом современные исследователи не останавливаются. Выделяя тот факт, что явление менталитета многослойно, "многоярусно", они выводят содержание национального не только из наличных, осознанных (можно сказать, рефлектируемых) явлений и сфер, но подключают к объяснению очерченного круга проблем такие духовно-психические образования как подсознательное и бессознательное. Соответственно

меняется и научный инструментарий, научные термины и понятия. Появляются такие понятия или теоретические конструкты как ныне общепризнанные (и всеупотребляемые) понятия этнических констант, архетипов, психодинамических стереотипов и т.д.

3. МЕНТАЛИТЕТ И СФЕРА ПОЛИТИЧЕСКОГО

Все предшествующее изложение не было собственно самоцелью. Мы постепенно подходим к сути поставленной проблемы, а именно к рассмотрению вопроса о том, как проявляется национальный менталитет в области политических явлений и процессов, какие связи и, возможно, взаимосвязи можно тут выявить?

Существует распространенное мнение, что в качестве самостоятельной формы ментальности можно выделить феномен политического менталитета. При этом указывается, что политический менталитет непосредственно связан с политическим сознанием нации, а также с повседневным опытом реальной жизни. Согласно такому подходу, политический менталитет включает в себя:

- 1) представления о политической реальности;
- 2) целостные политические ориентации;
- 3) политические установки.

Изложенный подход нам представляется недостаточно адекватным. Нет серьезных оснований выделять в качестве отдельной самостоятельной единицы этнического духовно-идеального политический менталитет. Ибо тогда придется выделять и экономический менталитет, и культурный, и военный и т.п., что выглядит уже достаточно абсурдно.

Как выше уже отмечалось, целесообразно говорить о различных сферах, областях проявления этнонационального менталитета: он

может проявляться в сфере экономической, культурной, военной и, конечно же, в сфере социально-политической.

Каков механизм этого проявления, каковы его основные формы и структуры? Для того, чтобы ответить на этот вопрос, надо выяснить, а каковы вообще основные формы, структуры функционирования и проявления политического? В современной политологии такими основными структурами, сферами политического являются *polity*, *policy* и *politics*.

Polity - это, по сути, форма политического, т.е. организационная структура политики. Сюда входит само государство как политический институт, все три ветви власти (исполнительная, законодательная, судебная), политические движения, партии (правящие, оппозиционные) и т.д.

Policy - это содержание политического процесса, его нормативная и ценностная база, технология принятия решений и способы их реализации. Сюда же относится и идейное обеспечение сферы политического: программы партий, их устав, идеология и т.п.

Politics - это сам реальный политический процесс, то есть реализация заявленного политического содержания в реальной политической практике: в конкретном процессе политического диалога или политического противостояния, практических способов и форм проведения выборов, референдумов и т.д.

Мы утверждаем, что во всех трех структурных образованиях политики национальная ментальность так или иначе проявляется. На уровне *polity* ментальность проявляется в том, как, например, граждане страны относятся к институту государства, на каком политическом языке, посредством каких методов само государство реализует свою власть, или, например, является ли судебная власть данной страны справедливой и независимой с точки зрения рядовых граждан. Или в какой тональности происходит Диалог между партиями, находящимися у власти, и политической оппозицией. От ментальности нации

зависит и тот важнейший вопрос, в какой степени в глазах граждан данной страны их национальное государство собственно является государством.

На уровне policy ментальность проявляется прежде всего при формировании базовых политических ценностей. От национальной ментальности во многом зависит интерпретация таких фундаментальных политических понятий как «общество», «свобода», «демократия», «равенство», «справедливость» и т.д. Важной составной частью policy является технология принятия решений. Понятно, что в Вашингтоне (США) применяется одна технология решений, а, скажем, в Туркменистане технология принятия решения совершенно иная. И во многом это обусловлено не только разным политическим строем, но и различной ментальностью.

На уровне politics ментальность проявляется в том, как, например, граждане страны относятся к политическим выборам или как в обществе реализуются заявленные политические программы и идеологические установки. Скажем, реализуются они в процессе политического диалога или политического противостояния, путем политических референдумов или посредством обструкций, и вообще, каковы процедуры, ход реализации политических программ? Реализуется все это на уровне общепринятого цивилизованного подхода или посредством силовых, «тычковых» методов?

Суть вопроса в том, что ментальность как на уровне сознания, так и на уровне подсознания создает, формирует ценностные установки и стереотипы поведения, которые не только существенно влияют на ход политических процессов, но иногда и определяют их.

4. РЕГИОН ЮЖНОГО КАВКАЗА: СТАНОВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ И МЕНТАЛИТЕТ

Весь изложенный материал имеет предварительный характер. Это как бы преамбула, введение в проблему. Суть же самой проблемы в

другом. Последние полтора-два десятилетия сильно изменили наше общество, изменили его структуру, качество, базовые ценности. Чтобы осмыслить эти изменения в их действительной глубине, масштабе, их надо сравнить, классифицировать. Только после этого возможна их объективная оценка. Именно в этом и заключается одна из целей настоящего исследования. Мы попытаемся рассмотреть процесс становления государственности в бывших советских республиках Закавказья и выявить определенные закономерности в происходящих там социально-политических процессах. Причем все это, так или иначе, будет связываться с национально-духовной составляющей или, выражаясь иначе, с менталитетом.

Очевидно, что с государственно-политической точки зрения для стран нашего региона (имеется в виду Южный Кавказ) основной проблемой является проблема выбора модели развития. И Грузия, и Армения, и Азербайджан выбрали путь евроинтеграции, и соответственно, в качестве политической парадигмы выбрали модель открытого, демократического общества. Однако опыт государственно-политического строительства в названных странах показывает, что упомянутая модель реализуется существенно различным образом. И различие это вызвано не только тем, что налицо разные стартовые условия (экономические, географические, демографические и т.д.), но не в меньшей мере факторами духовного, точнее, ментального характера.

Начнем наше изложение с констатации очевидного факта: процесс становления постсоветской государственности в южнокавказских республиках имеет много сходных черт. Все три республики образовались вследствие развала СССР. Социально-политические потрясения и в Грузии, и в Армении, и в Азербайджане были непосредственно связаны с этнонациональными конфликтами. В результате прихода к власти так называемых "национальных демократов" (Л.Тер-Петросян в Армении, Звияд Гамсахурдия в Грузии, Абульфаз Эльчибей в Азербайджане) в новосозданных государственных образованиях начался затяжной экономический, духовно-культурный и социальный кризис и т.д. и т.п. Однако отмеченные общности в

становлении республик Закавказья не должны заслонять и существенных отличий. А они имеются, и эти отличия немаловажны.

Не все они связаны с ментальностью и менталитетом. Но тем не менее корни многих проблем идут оттуда.

В рамках настоящей статьи мы не собираемся скрупулезно исследовать социально-политические процессы, происходящие в Азербайджане и Грузии. Но ряд замечаний общего порядка мы себе позволили. Исследование менталитета грузинской нации имеет давние традиции. В XX веке научные основы такого исследования заложил еще академик Н. Марр. Большинство независимых экспертов отмечают следующие характерные черты менталитета грузин: 1) ярко выраженное чувство личного и национального достоинства, 2) группоцентризм (отчасти, клановость), 3) “мозаичный” характер этнического сознания, 4) “имперское” отношение к иным этносам, населяющим Грузию.

Поясним сказанное. Сакартвело всегда была страной полиэтнической, причем этносы эти были существенно отличны друг от друга. Часто говорят о том, что в одном тбилисском дворе могли бок о бок жить, и жить дружно, представители 7-8 национальностей. Согласны, могли и жили. Но жили втуне оставаясь представителями своей национальной ментальности. Отсюда и “мозаичность”.

Начиная с эпохи раннего средневековья, Грузия активно вела процесс “собирая земля”. К XX в. страна представляла из себя этакую аккуратную мини-империю. Как известно, в любой империи составные части стремятся к автономии и даже независимости. То же самое происходило и в Грузии. Пока последняя входила в состав макроимперии – царской России, СССР, центростремительные тенденции были достаточно неочевидны. Положение круто изменилось после распада советской державы. Почувствовав “вольный ветер” демократии, этнические меньшинства (и не только в Грузии) резко активизировались. Кто-то потребовал автономии, а кто-то захотел и независимости. Очевидно, что в этой ситуации грузинские младемократы оказались не на высоте. Демократическим методам они предпочли силовые. Боясь, что федеративное устройство Грузии

превратится в конфедеративное, они решили “перемонтировать” страну в унитарное государство. И... получилось то, что получилось. Обойдемся без комментариев.

Несколько иная специфика прослеживается в республике Азербайджан. Обратим внимание на некоторые параллели. Как известно, за последние полтора десятилетия и в Армении, и в Грузии власть менялась трижды и, за малым исключением, цивилизованными способами. В Азербайджане смена властей происходила весьма и весьма негладко. Но мы хотим обратить внимание на другую особенность президентских выборов в Азербайджане: практически все победители президентских выборов получали от 80% до 87% голосов избирателей. И это при том, что в Грузии и Армении этот процент, начиная с 1995г., редко когда превышал 65%.

Осветим вопрос президентства с другой стороны. Как известно, политический аксакал, Гейдар Алиев, сделал все, чтобы передать власть в стране своему сыну, Ильхаму. Последний добился изменений в законодательстве АР и теперь может избираться президентом когда захочет и сколько захочет. На всем постсоветском пространстве подобное наблюдается только в Средней Азии, в частности, в Туркмении и Узбекистане. Западные политологи утверждают, что все это сильно напоминает монархию, причем неконституционную. Некоторые из них выражаются еще жестче. Они считают, что по сути за последние VII – VIII столетий в среднеазиатских государствах мало что изменилось. Стиль правления, форма правления – ханская. Меняются политические ярлыки: хан, султан, эмир, секретарь ЦК, президент. Но не меняется суть – практически неограниченная власть. К этому постепенно “скатывается” политическая система в Азербайджане.

И наконец, в заключение нашего исследования ряд замечаний относительно специфики социально–политических процессов в Армении. Отсчет новейшего времени в Армении начался в 1988 г. с первыми волнами движения за независимость Нагорного Карабаха. По итогам всенародного референдума 20 февраля 1988 г. областной Совет

народных депутатов НКАО подавляющим большинством голосов принял решение обратиться к Верховным Советам СССР, Армении и Азербайджана с просьбой санкционировать выход НКАО из Азербайджана и присоединить ее к Армении. Однако Баку, естественно, категорически отверг эту просьбу. Начались выступления в Ереване, куда в марте 1988 года были введены дополнительные воинские подразделения. В Армении был сформирован комитет "Карабах", который вскоре возглавил будущий президент республики Л.Тер-Петросян. 15 июня Верховный Совет Армянской ССР принял постановление, удовлетворившее просьбу областного Совета НКАО о воссоединении НКАО с Арменией. Сессия областного Совета НКАО 12 июля 1988 г. приняла решение о выходе из состава Азербайджана и воссоединении с Арменией. Верховный Совет АзССР незамедлительно объявил это решение незаконным. К этому времени фактически разорвались все экономические и политические связи НКАО с Баку. В стремительно разгоравшийся конфликт вынуждена была, хотя и с некоторым опозданием, вступить Москва. 22 ноября 1988 г. армянский парламент был фактически распущен, и в Ереване был установлен режим чрезвычайного положения. Эти события положили начало череде кровавых этнонациональных и территориальных конфликтов на Кавказе. По-видимому, дополнительным фактором, усугубившим как социально-экономическую, так и политическую ситуацию в регионе, явилось происшедшее в Армении 7 декабря 1988 г. землетрясение, унесшее жизни 25 тыс. человек.

Важной вехой в становлении 3-ей армянской республики стало принятие в августе 1990 г. "Декларации о независимости" Армении. Основные принципы, заложенные в декларации, были реализованы осенью 1991 г., когда сначала в Армении был проведен референдум по вопросу о выходе из СССР, а затем, в октябре месяце, был избран первый президент демократический Армении Л.Тер-Петросян.

Процесс построения демократического общества в Армении не проходил гладко и безболезненно. Первой ласточкой стало запрещение в 1994 г. старейшей национальной партии "Дашнакцутюн". В 1996 г.

были проведены вторые президентские выборы в Армении, которые показали, что лидеры новосозданного государства в лице президента Л.Тер-Петросяна и силовых министров ни с кем властью делиться не собираются. Лишь в конце 1997-начале 1998гг. правящая группировка сменилась; Л.Тер-Петросян "добровольно" ушел в отставку, открыв дорогу новому триумvirату: Р. Кочаряну, В. Саркисяну и К. Демирчяну. Однако события 27 октября 1999 г. показали, что системный политический кризис в Армении не был преодолен. Пожалуй, лишь начиная с 2001 г. политическая жизнь в Армении обрела более или менее стабильные черты. Страна с большим трудом, медленно, но верно преодолевает путь, ведущий к действительно демократическому государству. Хотя, с другой стороны, возможно, большая часть этого пути еще не пройдена¹².

А теперь ближе к сути проблемы. Какое отношение имеет вышеизложенный материал к проблеме менталитета и ментальности? Самое непосредственное. Хотим обратить внимание на следующий факт – все руководители новосозданной демократической государственности в Армении живы, здоровы и живут у себя на родине. Они имеют свои офисы, резиденции. Охрану, челядь и т.д. О чем это говорит? О политической толерантности. А откуда последняя? Ответ очевиден – из традиционной армянской терпимости и как это ни странно, уравновешенности. Армяне, с одной стороны, конечно же, восточная нация, т.е. нация темпераментная, но с другой стороны (парадокс?!), нация взвешенная, не склонная к скоропалительным решениям. Мы не только медленно запрягаем, мы и медленно ездим. Но ездим верно.

Другая характерная черта армянского этноса – это трудолюбие. Попробуйте перенести грузинского или азербайджанского крестьянина в те климатические условия, на те скудные земли, которые прилежно обрабатывает армянский земледелец. Поверьте, они долго не выдержат. Армяне выдерживают столетиями. Этому помогает и армянское долготерпение. Это просто невероятное долготерпение.

Наверное в этом качестве с армянами может сравниться только другая древняя нация – евреи.

Не хотелось бы чтобы у читающего эти строки неармянина возникло бы умилительно-лубочное представление об армянской душе, об армянской ментальности. Как и всякая другая нация, армяне конечно же имеют в наборе национальных качеств определенные отрицательные черты. Как известно, почти тысячу лет армяне не имели полноценной государственности. Основные причины этого явления известны, они объективны и исторически обусловлены. Но, возможно, есть и другая причина – субъективная и кроется она в некоторых особенностях армянской ментальности. Некоторые историки прямо говорят о присущем нашей нации индивидуализме и эгоцентризме.

Последние в немалой степени способствовали размыванию, отчуждению навыков государственного мышления, когда интересы сообщества необходимо поставить выше личных интересов. Каждый из армян считает себя самобытным носителем права на истину. Как отмечал известный деятель армянской культуры К. Калантар, "Армяне считают индивидуалистами и это, в общем, справедливо. Не вдаваясь в причины, отметим, что результаты индивидуальной деятельности армянина, как правило, много выше результатов коллективных. Так, в индивидуальных видах спорта армяне преуспели значительно больше, чем в коллективных. Иной раз даже закрадывается мысль, что понятия "команда", "коллектив" вообще противопоказаны армянину, которому трудно подчиниться чьему-либо верховенству, сообразовать свои идеи с общими интересами. Он почти всегда уверен, что умнее или, по крайней мере, не глупее самого умного, что может руководить не хуже своего начальника"¹³.

Сильно вредят национальным интересам, их реализации традиционный армянский группоцентризм и земляческая спайка.

Словом, армянская ментальность – это некий сплав как положительных, так и не совсем положительных качеств и свойств. Ментальность армян, с одной стороны, весьма схожа с европейской, с другой –

содержит в себе очевидные черты восточного менталитета. Ментальность армян достаточно фрагментарна: армяне живут компактными колониями в семидесяти трех странах мира и члены каждой колонии – диаспоры вольно или невольно усваивают быт и привычки титульной нации. А это в конце концов может привести и к изменениям в ментальности.

Но пока что зафиксируем следующее. Почти двадцать лет тому назад народ Армении решил взять судьбу в свои руки, то есть самостоятельно строить государственность. На этом пути у нас были и потери и приобретения. Западные эксперты отмечают, что государственность в Армении постепенно обретает все более определенные контуры. Ее основы, структура имеют четкий вектор – построение демократического общества. Шаг за шагом, медленно, но верно, Армения идет по избранному пути.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Лурье СВ. Историческая этнология, М., 1997 г., с. 222.
2. Там же, с. 222-223.
3. Там же, с. 223.
4. Там же.
5. Там же, с. 226.
6. Там же, с. 224
7. Там же, с. 226.
8. Там же, с. 228.
9. Усенко О.Г. К определению понятия «менталитет». // Русская история: проблемы менталитета. М., 1994.
10. Козловский В.В. Понятие ментальности в социологической перспективе. // Социология и социальная антропология || СПб., 1997.
11. Полетаев Д.В. Ментальность и менталитет как часть и целое. // Психология Петербурга и петербуржцев за три столетия. Цшб., 1999., Гушкарев Л.Н. Что такое менталитет (Исторические заметки). О.И.. 1995. № 3
12. Об этом свидетельствуют, в частности, печальные события марта 2008г.
13. К. Калантар. Бал индивидуалистов // Новое время // 8 апреля, 1999г.

**Современный мир и процесс идентификации –
Кавказская идентичность. Соотношения: нация,
национальный характер, национальные традиции,
историческая и культурная идентичности**

В сегодняшнем многообразном и динамичном мире рассматриваемая тема стала очень актуальной. Она по своей структуре является многогранной, начиная с личностной и этнической, заканчивая гражданской и религиозной (не полный перечень). Этническая самоидентификация, этнические рефлексия, и избирательность/индифферентность, этнические автостереотипы и гетеростереотипы, этническая и конфессиональная толерантность, включенность в реальные межэтнические отношения и взаимодействия. Отдельная тема - этнические группы, которые сопоставляются также по их политическим ориентациям и предпочтениям, оценке различных аспектов национальной и миграционной политики государства, отношению к федерализму и унитаризму, к идеологемам патриотизма, национализма, интернационализма, придает актуальность названной теме.

Современные нации встречаются с небывалыми ранее вызовами – глобализация экономических, политических, культурных связей, установление определенных стандартов во всех сферах жизни, протянувшиеся независимо от границ. Коммуникативные технологии ставят под угрозу сохранение индивидуально-национального (термин Н.А. Бердяева). В этом контексте существование национального характера, равно как и национального самосознания, выступают условиями обеспечения нации самой себя. В том, что касается Грузии, осмысление исторического опыта ушедшего столетия, анализ причин этнических конфликтов, переоценка внешнеполитических реалий современного мира возродили интерес к проблеме национального

характера, которая волнует сегодня как зарубежных, так и национальных исследователей, опирающихся в дискуссиях по этому поводу на наследие прошлого.

В современных условиях происходит сложный процесс изменения социально – культурных моделей, обеспечивающих воспроизводство национальных социумов, характеризующийся «возрождением этничности» и становящийся проблематичным в связи с тем, что национальная идентичность зачастую трактуется как факт частной жизни, результат личного выбора. Самоидентификация личности происходит сегодня в значительно более сложных условиях. Если ранее относительно устойчивая национальная культура являлась основой для формирования мировоззренческих установок и норм, то современная социальная ситуация предлагает индивиду самостоятельный выбор ориентиров идентификации в условиях культурного плюрализма.

В поисках путей выхода из кризисного состояния грузинского общества (что разделяется политическими элитами) в общественном сознании укореняется идея, что одним из основополагающих средств преодоления кризиса является совершенствование духовного мира человека (в этом большая заслуга Православной церкви Грузии, ее предводителя блаженнейшего Илии второго) на основе сохранения основополагающих национальных ценностей. В современной социальной теории содержание анализа национального характера определяется позицией некоторых исследователей по вопросу о сущности нации. В современной науке, в *«рамках позиции, активизирующей подход к проблеме «национального», сосредоточены исследования ряда философов (А.Арутюнян, Л.М: Дробижсва, С.Лурье, С.Калтахчян), которые признают за нациями существование вне и независимо от человеческого сознания, которое в состоянии их более или менее полно отразить».* В рамках данного направления национальная идентичность отражает субъективные моменты, обусловленные лич-

*ностью индивида, которые редуцируются, как правило, к «этнической самоидентификации».*¹⁸⁵

Представители другого направления — «релятивистской теории нации» — рассматривают «нацию как внутригрупповую дефиницию, как семантико - метафорическую категорию, которая обрела эмоциональную и политическую легитимность, и, следовательно, ставят под сомнение жесткую связь истории, государства и национальных интересов, опираясь на реальное многообразие становления этносов и наций (А.Здравомыслов, Е. Барабанов, Н. Матвеева, и др.)».¹⁸⁶

Центральной категорией такого подхода является понятие, определяющее осознание народом самого себя как некоторой общности, отличающейся от других – национальная идентичность и производные от него – национальный характер и национальное самосознание.

На основе определения взаимосвязи между понятиями «нация», «национальная идентичность» и «национальное самосознание» выдвинута трактовка категории национального характера;

Определены ценностные основания национального характера, которые не являются постоянными данными, находясь в процессе постоянного изменения, испытывают влияние объективных факторов социально-экономического, политического и культурного уровня;

Проблема национального характера возникает в результате выяснения того, что отличает одну социально-этническую общность от другой. В свою очередь, социально-этническая общность получает две формы проявления: субъективную и объективную, разница между которыми не носит абсолютного характера.

¹⁸⁵ Шапиро В.Д., Герасимова М.Г., Азербайджанские, армянские, грузинские подростки в Москве

¹⁸⁶ Сьянова Н.Б. Этническая самоидентификация и включенность в межнациональные отношения. Диаспоры. 2007. № 3.

Субъективированной формой проявления национального специфического является национальное самосознание или, иными словами, чувство принадлежности к определенной социально-этнической общности, выражающееся в рациональном осознании принадлежности к определенной нации, в наличии представлений о ее свойствах как единого целого с общим историческим прошлым, «привязанным» к определенной территории, в осознанном отношении к духовным ценностям своего народа и ориентации на них.

Объективированной формой проявления национально специфического является национальный характер, который выступает как внешнее, проявляющееся в особенностях ментальности и социальном поведении, отличие одной национальной группы от другой. Понимание национального характера как духовного образования, представляющего собой совокупность идей, интересов и ценностей, чувств и настроений, отражающих место нации как субъекта истории, специфики ее языка, особенностей психологического склада, морали и религии, имеющего стадии зарождения, становления, торможения, дисперсии, кризисы¹⁸⁷.

Национальный характер – это взаимосвязанный ряд установок, ценностей, усвоенных мотивов, стремлений, эгозащитных механизмов; это – особенности как общих психологических черт индивидов, составляющих нацию, так и ментальных характеристик; эти особенности могут быть выражены в свойствах социального поведения; национальный характер проявляется как на уровне нации, так и на уровне индивида.

Национальный характер обладает важной социальной функцией – он выполняет структурирующую роль, то есть является средством вос-

¹⁸⁷ И.Храмов Игорь Владимирович. Национальный характер и его ментальные основания

производства системы ценностей и норм, специфических для данной общности, выступает контекстом, позволяющим в ходе социокультурных преобразований сохранить самоидентичность нации. Национальный характер есть единство устойчивости и изменчивости, изменяясь и модифицируясь вместе с индивидом во времени.

Грузинскому национальному характеру присущи жизнеспособность, такие особенности, как соборность (меньше-всеединство), этническое разнообразие, единство в многообразии, высокая преданность своей нации. Традиционной чертой грузинского (собирательный образ) образа жизни является часто упоминаемое трудолюбие, а точнее говоря, непрерывный, непрекращающийся труд на земле, в своем доме. Это некое ядро этических ценностей (в субъективном представлении само собой разумеется), которые определяют внутренний образ грузинской культуры. Я уверен, что сохранение таких ценностей уберегло бы нас от многих пороков и изъянов современной глобалистской цивилизации.

В отличие от политически стабильных государств, в Грузии необходимым условием процесса сохранения национального характера является импульс к утверждению оснований действительной духовной власти, способной вернуть чувство национального достоинства и самоуважения ее граждан. Думается, духовные начала определяют бытие не меньше, чем экономика, а в определенных критических ситуациях духовный настрой общества может оказаться первопричиной глубочайших обновлений общественного организма. Формирование новых ценностных приоритетов возможно лишь при опоре на традиции, обращенные к лучшим областям грузинской и духовной культуры.

Наш регион, по нашим представлениям, — это те места, где традиционное сознание еще достаточно выражено, где есть живая традиция. Когда мы произносим слова “традиционное сознание”, то подразуме-

меваем обычно нечто фольклорное, связанное с этнографией, с далеким прошлым — с XVIII, XIX веками, сказками, преданиями... Но не нужно забывать о том, что в традиционном сознании современного грузина толстым слоем залег националистический пласт.

Да, разумеется, в нашем менталитете имеются также и народные, традиционные, этнические слои, однако именно тот слой, где заложены представления о собственном величии становится для нас мощным препятствием на пути к современности. И когда мы говорим о формировании нового человека - это означает, что нам надо меняться самим. Не общество менять, а каждому начинать с самого себя. И сознание в этом случае играет колоссальную роль. Поэтому наша прямая обязанность - создавать новые духовные ценности.

Одна из тем - проблема адаптации носителей традиционного сознания к современному модернизирующемуся обществу. Действительно, мы все в той или иной степени являемся носителями традиционного сознания¹⁸⁸. У нас, в Грузии все еще живо понятие “носители традиционного сознания”, и в большей степени оно ассоциируется с названием не только грузинского (в этом богатство культурного многообразия населения Грузии) этноса. Сами понятия “традиция” и “традиционное сознание”, на наш взгляд, являются, безусловно, положительными. Почему, чтобы построить что-то новое, нужно разрушить, уничтожить старое? Примером разумного, органичного сочетания национальной традиции и инноваций являются Япония и Корея (даже их футбольные команды доказали это своими выступлениями на последнем чемпионате мира).

Будучи грузином, в современном мире глобализации, снова и снова сталкиваешься с вопросом о национальной идентичности и каждый раз, пытаясь ответить на этот вопрос, чувствуешь некую раздвоен-

¹⁸⁸ www.lib.ua-ru.net/diss/cont/91534.html

ность. Причина этого легко объяснима. ”Вопрос о национальной, точнее о культурной идентичности, в сегодняшнем понимании этого слова, является вопросом о прошлом, о досовременной культурной традиции, которую тащит на себе ее носитель, находясь на пути в современность. При этом ожидается, что свойства этой традиции зависят прежде всего от этнического, вернее, национального происхождения ее носителя”.¹⁸⁹ Хотя в прошлом и сегодня национальная идентичность «рядового» сегодняшнего, постсоветского грузина - вовсе не изменилась. Или изменилась, то совсем ненамного. Прошлое сегодняшнего грузина глубоко национально. Его культурная идентичность - национальная идентичность. А это означает, что сегодняшний грузин приходит в настоящее время из прошлого, с определенной национально-культурной традицией. Отсюда вытекает его неловкость, проявляющаяся когда его спрашивают о его культурной идентичности, - ведь у него двойное чувство - он является носителем многообразия идентичностей - европейской, восточноевропейской, грузинской, черноморской (те, кто живут на побережье Черного моря), кавказской, северо-кавказской и южно--кавказской. А внутри этих идентичностей - идентичность местная - абхазская (эта уже сугубо национальная), сванская, кахетинская, имеретинская, гурийская, городская и так далее. Ему неловко от этого факта, поскольку нынче очень модно говорить об европейской идентичности («у продвинутой» части, особенно, молодежи). Мы сегодня живем в мире, в котором число идентичностей растет, и каждая отдельная из этих идентичностей становится все значительнее. Невольно вспоминаешь средние века в Грузии, когда каждый, средней руки, князь мог возводить свою генеалогию от царя Давида. Таким образом, сегодняшний грузин по вопросу о грузинской идентичности чувствует некую раздвоенность - с одной стороны, под давлением извне считает себя обязанным ориентироваться на будущее, с другой - под давлением исторической и культурной идентичностей, он несет в себе их многообразие.

¹⁸⁹ kuraev.ru/smf/index.php?topic=34273.15;wap2

Можно быть грузином по своим родителям и языку (или просто по субъективному самоопределению), европейцем по географическому месту рождения и гражданином мира по менталитету. В этом случае грузинское общество, сохраняя базовые этнические ценности, сможет осмыслить себя частью более широкого универсума.

Кроме того, тема нации справедливо связывалась с темой демократии: эти два понятия в самом деле порождены духом времен царицы Тамар (12 в.), когда впервые появилась попытка создания парламента (Дарбази). Правда эта затея была провалена эриставами («предводителями родов»-родовыми князьями). Во времена многочисленных междусобных войн грузинские цари мобилизовали национализм в своих целях и в интересах государства. Вековая история государственности Грузии, однако, перемещалась с современными националистическими идеями, кстати, не имеющими ничего общего с западными ценностями.

Таким образом, сегодняшний грузинский национализм пытается перенять западную политическую идеологию национального государства, чтобы приблизиться к Западу, чтобы быть “нормально национальным”, как все остальные. В успешном вступлении на этот путь такой “национализации” современного общества и в ходе движения по нему западный взгляд на Грузию играет решающую роль.

Восстановление независимости страны заставило грузин задуматься о национальной идентичности. Для большинства грузин Грузия - не азиатская страна, а страна с европейскими устремлениями, географически расположенная и в Азии тоже, и благодаря этому исключительному положению, имеющая возможность быть полноправным членом постзападного мира. Осознание европейской идентичности Грузии всегда было велико (поход послов Грузии в 19 веке в Европу, выбор Грузинских царей развития государства в сторону Византии), но никогда не было столь сильно, как в XX-XXI веках.

К вопросу об идентичности добавляется вопрос о том, не построено ли это стремление на песке. И хотя вне Грузии представляется активно развивающейся демократической страной, реальное положение дел оставляет желать лучшего. Разворачивающиеся в Грузии события, дискуссии о политических реформах в сферах судебной и исполнительной систем, о влиянии властей на электронные медиа, о коррупции во властных структурах, свидетельствуют о том, что процессы трансформации далеко не завершены и государству предстоит еще долго идти, прежде чем оно полностью обретет себя.

Время бросает вызов. А как развиваться обществу — решаем мы. Иногда кажется, что это решают правительства, иногда кажется, что это решают главы государств, но на самом деле в обществе накапливаются частицы каждого отдельного мышления и от каждого отдельного человека зависит, появится ли тот коллективный эгрегор, который пересилит силы Зла, и силы Добра будут помогать и обществу в целом, и каждому отдельному человеку более рационально, более разумно на каких-то добрых началах строить среду, в которой будет комфортно жить каждому человеку независимо от его этнической или социальной принадлежности.

Современный мир — это не только Западная Европа и Северная Америка, это еще и Восток во всей его многоликости, с богатыми и древнейшими культурно-философскими традициями. Собственно говоря, процесс взаимопроникновения, пересечения духовных осей “Восток — Запад”, “Север — Юг” происходит уже давно. Поэтому и после падения и крушения разных империй, можно и нужно строить культуру на национальной сущности, не отгораживаясь от мира как целого..

Цивилизации Запада и Востока на протяжении веков и тысячелетий не только враждовали, но и обогащали друг друга. Важно учитывать, что

человеческая культура состоит из отдельных культур, и каждая культура — это часть человеческого генофонда.

Сегодня культуры ведут борьбу за выживание в современном мире. Надо отметить, что старые грузинские традиции носили толерантный характер, дабы не подвергать опасности других наций, то есть становились наднациональными. Исходя из этого, характер власти находил свое отражение в многонациональном государстве Грузии. К сожалению, существенный вклад негрузинского населения в историю Грузии, теоретиками новой грузинской идентичности (читай-европейской), забывается и вытесняется. Наши соседи по Южному Кавказу “на пути в Европу” в большинстве своем не забывают о своем участии в создании истории других государств. Мы должны уважительно и терпеливо относиться друг другу. Только при этом условии диалог состоится. И ещё он состоится, потому что внутри каждой культуры найдется достаточно конструктивного начала, которое она сможет мобилизовать. Мобилизовать ради собственного выживания. Ведь если мы не будем меняться и приспосабливаться к современным условиям, то исчезнем.

Один из самых злободневных вызовов современности — национализм. Подспудное стремление сохранить традиции приобретает формы национализма. Если из политики не убрать национальный момент — он вторгается в политику, и мы сразу же неизбежно скатываемся на рельсы национализма и экстремизма. Этническое сознание с научной точки зрения — это абсурд. Если мы начнем говорить об этнической психологии, значит — мы расисты. Необходимо употреблять термин “национальные особенности психологии”.¹⁹⁰

Грузия представляет собой широкое полиэтничное сообщество. Грузинское население составляет в стране примерно треть населения.

¹⁹⁰ www.lib.ua-ru.net/diss/cont/288418.html

Причем все части населения подверглись в свое время мощному воздействию со стороны доминирующей русской культуры и русского языка. Хотя, надо признать, что в последнее время английский язык выходит на передовые позиции, а русский постепенно выходит из общения, а молодежь, практически не владеет им, к сожалению.

Необходимо отметить, что в Грузии никогда не был приоритетным путь национализма, то есть попытка воссоздания моноэтнической национальной среды в современном обществе за счет предоставления определенных преимуществ представителям титульного этноса... Хотя в официальных структурах в местах компактного заселения негрузинского населения доминирование грузинского языка является очевидным, из-за неудачной политики властей по созданию благоприятных условий для интеграции национальных меньшинств в грузинское общество, однако было бы несправедливым сказать, что власти в этом направлении бездействуют. Но, очевидно, что нужны более плодотворные усилия в этом направлении. На самом деле эти усилия имеют очень мало общего с традицией и входят в противоречие с другой идентичностью, носителем которого являются национальные меньшинства, чем зачастую пользуются заинтересованные в этом стороны, чтобы сконструировать «исторические прецеденты, исторические обиды» и так далее.

Сохранить глубинные ценности традиционного сознания и отбросить отжившие стратегии действия. А это значит — в каждой ситуации — искать новое решение.

Грузинская элита (находящаяся в своем большинстве под влиянием извне) до сих пор не может внятно сформулировать цели и задачи развития нации. Сама национальная самоидентичность, как считают последователи «релятивистской теории нации», постепенно уничтожается под влиянием глобализма и властей. «Общая слава в прошлом, общая воля в настоящем, стремление, совершив вместе великие дела,

творить их в будущем — вот главные условия для того, чтобы быть народом. Существование нации — это повседневный плебисцит, так же как существование индивида — это постоянное утверждение жизни”. Наверное, мы весьма далеки от этого, пусть в некоторой степени идеализированного, представления о своей нации. Плохо зная свою историю в Большом Времени, мы воспринимаем прошлое как призрак, боимся настоящего, а будущее для нас — это некая темная дыра, то есть тоже угроза. Соответственно мы не утверждаем жизнь, что, конечно же, плохо сказывается на национальном самочувствии”.¹⁹¹

Современный человек не сможет выжить, если он не будет существовать на разных уровнях. На уровне мировом, региональном, государственном, местном. И он обязан научиться так жить, хотя каждая система ценностей с другим уровнем несовместима. Можно сказать — японец на производстве — самый современный. А в семье — хранит меч.¹⁹² Такая черта характерна и для нас - граждан Южного Кавказа. Это эклектика. Но и форма выживания.

Багратион был русский генерал. Но отлично помнил, что он грузин. У нас есть все, чтобы сохранялись традиционное сознание и современное, потому что они все время меняются местами.

¹⁹¹ Э. Ренан, “Что такое нация?” .1882) г. magazines.russ.ru/druzhba/2003/1/krug.html

¹⁹² www.7sky.pp.ua/Svadebnye-tradicii-2/Kulturnaya-Kartina-...

История и идентичность (о преподавании мировой истории в современной средней школе)

“История это продолжительный диалог между настоящим и прошлым.” Эдвард Халлет Карр¹⁹³

Педагогическая практика показывает, что при ознакомлении со вступительной частью курса Истории Мира, пути восприятия и понимания этого предмета профессиональными историками и учениками старших классов часто диаметрально отличаются друг от друга. Для профессионального историка не существует ничего наиболее привлекательного, чем история, но для учеников, в особенности, если данный курс для них обязателен, весь процесс учения истории превращается в томительный процесс. Но картина может измениться, если вступительную часть педагог преподнесет таким образом, что с ее помощью ученики увидят и осознают всю привлекательность истории и разделят вышеупомянутое восхищение своего учителя. Более того, понятно сбалансированное ознакомление с материалом, как правило, приводит к обоюдному сотрудничеству учеников и учителя в ходе изучения Истории Мира и подчеркивает большую значимость этой дисциплины.¹⁹⁴

Профессиональные историки любят свой предмет по многим причинам. Во-первых, история предоставляет перспективу и видение дальнейшего формирования личностного восприятия путей развития человечества. Во-вторых, история учит необходимости изучения фактов и событий разносторонними подходами, акцентируя всю сложность и взаимосвязь этих событий и дает возможность выра-

¹⁹³ E. H. Carr, *What Is History?* (Harmondsworth, Middlesex: Penguin Books, 1964), 30.

¹⁹⁴ H. Spodek, *The World's History*, vol. I: To 1500 (Upper Saddle River, NJ: Prentice Hall, 2000), I-3.

ботать определенные парадигмы для лучшего понимания человеческой деятельности. В-третьих, историки очень любят демонстрировать, что их интерпретации определенных парадигм и важности событий являются самыми аккуратными и самыми удовлетворительными, в плане их соответствия между существующими историческими данными и теориями. В-четвертых, историки еще любят и детективный характер своей профессии, касается это изучения старых архивов или же добывания и ввода в употребление новых источников информации, наряду с реинтерпретацией задолго проигнорированных источников.¹⁹⁵ В последнее время историки все больше обращаются к устной истории, старым церковным записям, фотографиям, наскальным рисункам, данным индивидуальной переписи и реинтерпретации мифологии.¹⁹⁶

Исторические записи не являются простым перечнем событий и фактов. Посредством их анализа историки вникают в суть изучаемых событий и фактов давая начало собственным интерпретациям. Но так как интерпретации неоднозначны, один и тот же исторический факт может быть рассмотрен под самыми разными углами.¹⁹⁷ Поэтому изучение истории теснейшим образом связано с изучением *ценностей*.¹⁹⁸ Создавая свои интерпретации, историки тщательно анализируют именно такие *ценности*, какими являются мотивы, желания, стремления и видения людей, живших и творивших в прошлом. Интерпретируя эти *ценности*, историки должны сопоставить и выставить им свои собственные *ценности*, сравнивая их с *ценностями* людей из исторического прошлого. Например, историки задают вопрос: как рассматривают разные люди феномен рабовладения в

¹⁹⁵ P. N. Stearn, Why Study History, in:

www.studentsfriend.com/aids/curraids/articles/stearn

¹⁹⁶ Паата Рамишвили, Вступление в Историю, Учебник 10 класса, Издательство “Диогене,” Тбилиси, 2006, 10-12. (на груз. яз.).

¹⁹⁷ Паата Рамишвили, Вступление в Историю, Учебник 10 класса, Издательство “Диогене,” Тбилиси, 2006, 106-107. (на груз. яз.).

¹⁹⁸ H. Spodek, The World's History, vol. I: To 1500 (Upper Saddle River, NJ: Prentice Hall, 2000), I-3.

рабовладельческих обществах прошлых времен? Подсознательно они сравнивают и сопоставляют те старые *ценности* с *ценностями*, принадлежащими современным людям и, в особенности, со своими собственными. Они задают вопрос: как и почему меняются *ценности* или же наоборот сохраняются нетронутыми на протяжении долгих времен?¹⁹⁹ Каким образом можно сравнить свои *ценности* с *ценностями* прошедших столетий?²⁰⁰ Посредством подобных вопросов, предлагаемых учителями, ученики значительно лучше начинают разбираться в сложных лабиринтах человеческой истории. Можно выделить три фундаментальных вопроса: ***Что мы знаем? Как мы знаем? Какие выводы сделали?***

Эти вопросы подчеркивают огромную значимость историографии - процесса создания исторических записей.²⁰¹ Ученики воочию убедятся, что эти записи - первый шаг к пониманию и интерпретации исторического прошлого. Они так же осознают, как историки формулируют вопросы при изучении материала. И что самое важное, ученики научатся формулировать свои, собственные вопросы о прошлом и о настоящем.

Профессиональные историки историю считают королевой всех дисциплин. Синтезируя свои концепции с концепциями таких наук как антропология, социология, география, экономика, политология — историки создают более интегрированную и всеобъемлющую интерпретацию прошлого. А взаимное сотрудничество социальных и гуманитарных наук дает изучению истории солидный масштаб, глубину, значимость и конечно же профессиональное удовлетворение.²⁰²

¹⁹⁹ А. Валлон, История Рабства в Античном Мире, Москва, 1941.

²⁰⁰ D. M. Laushey, A Discussion of the Values of History, in: Teaching History: A Journal of Methods, vol. 13, N1, 18-21, Spring 1988.

²⁰¹ Д. Дэвид, Джери Дж., Большой Толковый Социологический Словарь, 2000.

“Историография это история написания истории, сопровождаемая обсуждением методологических вопросов, поднятых исследованиями.”

²⁰² H. Spodek, The World's History, vol. I: To 1500 (Upper Saddle River, NJ: Prentice Hall, 2000), I-4.

На данном этапе внимание историков заострено на вопросе, как учить Историю Мира в школах. Почему именно История Мира? Как должны учителя истории учить “тинэйджеров” старших классов Историю Мира и каким должно быть содержание такого курса? На эти вопросы, скорее всего, существует несколько ответов.

Во-первых, ни по содержанию и ни по педагогике не существует четко сформулированной, оптимальной модели такого рода учебника. Подавляющее большинство уже написанных и употребляемых учебников, по существу, представляют опыты по изучению западноевропейской истории, с дополнением сегментов, покрывающих историю остальной части света. История Мира, с точки зрения мультиперспективного изучения взаимоотношений всех регионов мира, увиденная глазами всех этносов планеты, и поныне остается нетронутой целиной.²⁰³

Во-вторых, для граждан мультикультурных и многоэтнических наций, таких как Соединенные Штаты Америки, Канады, Южной Африки, Индии, Австралии, Великобритании, Российской Федерации и частично для таких стран как Китай, Турция, Грузия и др., курс Истории Мира предлагает возможность по *достоинству* *понять и оценить* национальные и культурные истоки разных этносов, проживающих в этих странах.²⁰⁴

В третьих, так как весь мир, благодаря высокоразвитым коммуникациям, все больше сближается во многих аспектах, становится совершенно очевидным необходимость его изучения в интегрированном

²⁰³ В этом направлении Закавказскими историками уже сделан первый шаг, см. Очерки Истории Стран Южного Кавказа — Мультиперспективный Взгляд на Историю, Издательство “Эдит Принт,” Ереван, 2009.

²⁰⁴ Однако, по *достоинству* *понять и оценить* национальные и культурные истоки разных этносов, проживающих в пределах бывших или нынешних империй, в большинстве случаев, “**не получается**” имперским историкам. Наглядный пример тому, книга русских историков “Национальные окраины Российской империи. Становление и развитие системы управления,” Москва, Славянский диалог, 1998. Раздел этой книги, касающийся Кавказа, по своему содержанию гораздо реакционный, чем например, труд известного русского историка XIX в. Н.И. Костомарова “Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей.”

плане.²⁰⁵ Новая реальность тесных взаимоотношений в сфере бизнеса, политики, культуры, экологии и др., подсказывает создание нового академического подхода в деле изучения Истории Мира.²⁰⁶

Как было отмечено выше, историю не следует рассматривать как сухой перечень разных имен, дат и мест. Исторические записи - это результат деятельности множества людей. Из всех событий и фактов, имевших место в истории человечества, историки выбирают те, которые по их мнению, соответствуют их исследовательским целям и откладывают в сторону те, которые не попадают в сферу их интересов. В своих оценках значимости событий мнение историков в основном расходятся. Эти различия очень важны, потому что они отражают многоликое понимание во что превратилось человечество, каким образом это произошло, и во что все это трансформируется в обозримом будущем. Дебаты и дискуссии историков вокруг этих оценок определенным образом формируют появление одной, очень важной части историографических записей.

Но все вышеперечисленные решенные и нерешенные вопросы преподавания Истории Мира переходят на второй план, когда речь заходит о таком болезненном вопросе, каким является понимание истории и идентичности. Поэтому, прежде чем углубиться в суть этого феномена, необходимо представить хотя бы общее видение данной проблемы.

История по правде считается одной из самой спорной научной дисциплиной, вокруг которой постоянно бушуют страсти, так как подавляющее большинство людей и отдельных групп именно в *свою* историю помещают существенную часть *своей* идентичности. Американцы, например, испытывают большую национальную гордость за то, что они создали отлаженно действующую модель представительной, конституционной демократии, существующей более чем 200

²⁰⁵ П. Рамишвили, Н. Ахметели, Г. Чхиквишвили, Д. Сартания, История Мира и Грузии, Издательство "Диогене," Тбилиси, 2007. (на груз. яз.).

²⁰⁶ H. Spodek, The World's History, vol. I: To 1500 (Upper Saddle River, NJ: Prentice Hall, 2000), I-4.

лет. В то же время, они могут быть огорчены или пристыжены из-за 250 летнего рабства, также имевшего место в их стране, вследствие чего в Америке возникло расовое неравенство, продолжающееся и по сей день.²⁰⁷ Христиане могут гордиться 2000 летней миссией сострадания бедным и угнетенным. Однако, католический мир может быть огорчен или пристыжен за продолжительные религиозные войны и за гонение инаковерующих.²⁰⁸

В современном мире множество этнических, религиозных, социальных и гендерных групп активно включены в общественно-политическую жизнь, и все они стараются понять не только ту историю, которая сделала их тем, кем они и являются, но и пытаются убедить остальных понять историю также, как это видится им самим. Не говоря уже о выше перечисленных группах, две такие мощные супердержавы как Россия и США, борясь за мировое лидерство, и по сей день методично проводят политику мозгопромывания (Россия – жестко, кнутом – без пряника, а США – сравнительно гибко) по отношению бывших и нынешних колоний и т.н. “политсоюзников”, заставляя их воспринимать историю так, как это видится им, “большим боссам-покровителям”.²⁰⁹

Бурный всплеск вокруг проблемы истории и идентичности с новой силой развернулся на самых разных уровнях с начала 90-х годов XX века в целом западном мире и в бывшем Советском Союзе, включая ее бывшие колониальные страны и народы. Этот процесс, в первую очередь, стихийно отразился в новых учебниках истории и географии для школ и вузов. На эту тему начали проводить и по сей день проводятся многочисленные национальные и международные конференции, семинары, круглые столы, пишутся книги, статьи,

²⁰⁷ Randall G. Shelden, *The New American Apartheid*, in:

<http://www.zcommunications.org/the-new-american-apartheid-by-randall-g-shelden>

²⁰⁸ Christopher Tyerman, *The Crusades: A Very Short Introduction*, Oxford University Press, London, 2004.

²⁰⁹ В. Трепавлов, *Грузинские Историки Перечеркивают Цивилизационный Фактор России в Развитии Грузии*, в ИА Осинформ, <http://new.new.new.osinform.ru/18011-vadim-trepavlov-gruzinskie-istoriki.html>

делаются официальные заявления, публикуется большое число интервью в печатной и электронной меди и т.д.²¹⁰ И если внимательно изучить весь этот материал, создается впечатление, что некоторые большие нации (не говоря уже о малых), подчеркивая ряд важных аспектов глобализации (в политическом и экономическом смысле), в то же время, в один голос сетуют о нависающих угрозах их национальной идентичности. На лицо классическая ситуация о палке с двумя концами. Но если в западных материалах эта проблема рассматривается со свойственной им мягкостью и деликатностью и стремлением найти общекомпромиссную альтернативу, то в Российской Федерации размывание национальной идентичности русского народа в подавляющем большинстве случаев объясняется непрекращаемым нашествием нерусских народов в большие города РФ, которые занимают рабочие места в самых разных секторах. И вместо того, чтобы искать пути разрешения данной проблемы, правящая элита протовопоставляет “инородным элементам” вооруженные банды скинхэдов и принимает дискриминирующие законы ультрафашистского толка, например, массовая депортация грузин из России. Не

²¹⁰ K. C. Barton, L. S. Levstik, "It wasn't a good part of history": Ambiguity and Identity in Middle Grade Students' Judgments of Historical Significance. *Teachers College Record* 1998, 99, 478-513.

Stefan Berger, *History and National Identity: Why They Should Remain Divorced*, History and Police Papers, November 2007. Simon Kuper, *Football Against the Enemy*, Orion Books, London, 1994.

Anthony D. Smith, *National Identity (Ethnonationalism in Comparative Perspective)*, Penguin Books, London, 1991. J. Brindle "History and National Identity in the Classroom" *History Today*, vol. 47, Issue 6, 1997, 6-8.

Anthony D. Smith, *Nations and Nationalism in a Global Era*, Cambridge: Polity Press, 1995.

А. А. Дерябин, "Русский проект": конструирование национальной истории и идентичности <http://psyberlink.flogiston.ru/internet/bits/tp.htm>. Юрий Зарецкий, История, память, национальная идентичность Журнал "ИНТЕЛПРОС – Интеллектуальная Россия". http://www.intelros.ru/readroom/nz/nz_59/2677-istorija-pamjat-nacionalnaja.html

Российский народ и национальная идентичность "Русский проект: каким ему быть". http://www.park.ru/google/doc_info.parkru?urn=10695757. В.А. Ачкасов "Миф Запада" в российской политической традиции: поиск идентичности, http://anthropology.ru/ru/texts/achkasov/georgia_03.html. Nodar Sarjveladze, Interview to Newspaper "Sakartvelos Respublika," # 219, Thursday, October 29, 2009.

случайно ведь родились в России такие термины и выражения как “лица кавказской национальности” или “мочить в сортире” и т. д. Естественно, все эти события оседают в сознании людей всех национальностей, и поэтому возникает столько вопросов, особенно, у молодежи. Какое объяснение можно найти подобным действиям и как строить в дальнейшем межнациональные отношения как с северным, так и с остальными непосредственными соседями, и вообще со всеми народами мира? Но прежде чем найти разумный ответ на эти злободневные вопросы, следует определить самый главный – “кто я такой?,” иными словами возникает тема самоидентификации не только на личностном, но в первую очередь, в национальном плане. Твердый фундамент национальной идентификации должен основываться на глубоком понимании и знании собственной истории. К сожалению, по ряду веских причин, политическая изоляция от Европы, длительная потеря государственности, в том числе, особенно, автокефалии, серьезно выбила Грузию из колеи нормального государственного развития. И несмотря на *de jure* обретенную независимость в 90-х гг. XX века, мощный политический нажим извне (отторжение военной силой исконно грузинских провинций – Абхазии и Самачабло) вкуче с внутренним экономическим и социальным кризисом, не дает возможности полноценного становления государственности, что прямым образом отражается и на развитии культуры, неотделимой частью которой является система образования. И не секрет, что краеугольным камнем в этой системе является именно история. Огромной миссией этого предмета является - как приподнести подрастающему поколению не раз уже упомянутый вопрос взаимосвязи истории и идентичности.

В интегрированных учебниках нового поколения по истории Мира (как бы талантливо не были они написаны) полноценно не удается сфокусироваться на вопросе истории и идентичности, хотя бы из-за формата или лимитированного объема листажа для такого рода учебных пособий. Поэтому эту нелегкую миссию на себя должен взять учитель истории и создать для своих учеников “хэндауты” на

основе первичных и вторичных источников, включая самые яркие примеры, разъясняющие суть истории и идентичности по отношению не только своей родной страны, но и порубежья и дальнего зарубежья. Естественно, это сложная задача и ее удачная реализация всецело зависит от высокой профессиональной квалификации учителя и от опыта, накопленного в сфере международного сотрудничества коллег по разным вопросам истории.²¹¹

Как было отмечено выше, первичные источники, наряду с вторичными – доходчиво объясняют ученику значение идентичности в истории родной страны и в окружающем мире. Например, изучая историю Грузии, до разума и сердец молодых людей особенно глубинно доходит эпизод из “Картлис Цховреба” (“История Картли”), о возникновении царства Картли, где четко прослеживается тема национальной идентичности в этом первичном источнике.

Парнаваз первый царь Картли

“И этот Парнаваз был первым царем в Картли (Грузии) из племени Картлоса.

Он распространил язык грузинский и больше уж не говорили в Картли на ином языке, кроме грузинского. И создал он грузинскую письменность, и умер Парнаваз и похоронили его перед идолом Армази...”

“Картлис Цховреба” (“История Картли”)

У Ирана, политического лидера в Малой Азии, появился в те годы еще более грозный соперник – государство македонцев. Их интересы

²¹¹ История Европы (книга написана 12 историками европейских стран), Издательство “Просвещение,” Москва, 1996; The Black Sea History Interactions, Gyldendal Publishers, Oslo, 2004; Очерки Истории Стран Южного Кавказа — Мультиперспективный Взгляд на Историю, Издательство “Эдит Принт,” Ереван, 2009; Положительные примеры из истории сосуществования народов и стран Южного Кавказа, Издательский дом “Антарес,” Ереван, 2009;

сталкивались и на Кавказе. Обе державы придавали большое значение тому обстоятельству, под чье влияние подпадает Кавказ, и в частности - Грузия. Это, разумеется, прекрасно чувствовали и государства-соперники, и правящие круги Грузии. Как всегда бывает в подобных случаях в правящих кругах образовались, прибегая к современной терминологии, две партии: одна придерживалась иранской ориентации, другая – греческой. У враждующих государств наверняка была агентурная связь с одной и другой партией. Эта тайная дипломатическая война была, по всей видимости, не менее напряженная, чем те кровопролитные сражения и столкновения, которые случались между греками и иранцами.

После того, как войнство Александра Македонского овладело Картли, правителем там был назначен его родственник Азон. Азон постепенно расширял свои владения – “он овладел всеми границами Картли”, от Кахети до Черного моря, т.е. покорил даже и Эгриси (Колхиду). Добрался он и до северокавказских народов, обложил данью осетин, лезгин и др.

“Картлис Цховреба” рассказывает, какой жестокий режим установил Азон в Грузии, как безжалостно обращались он и его подручные с местным населением. Ясно, что в этой ситуации греки прибегли к негибкой и неразумной политике, т.к. не считаясь с природой и характером народа, доверили управление Картли не подходящему для этой должности человеку, отличающемуся деспотичным и жестоким нравом. Ничего удивительного, что местное население очень скоро взбунтовалось против тех самых греков, на которых еще недавно взирали с надеждой. Следовательно, в выигрышном положении теперь оказалась другая сторона – сторонников Ирана и сам Иран. Иранцы собирались сделать царем Иберии тогдашнего правителя Мцхета - Самара или его брата, чье имя история не сохранила. Некоторые исследователи считают, что Самара и его брат впоследствии пали на поле битвы. Но вот, что пишет Вахушти Багратиони: “Он (Александр Македонский) уничтожил всех язычников, кроме карталинцев и иудеев, но и среди потомков

Картлоса убил непокорных, таких как отец Парнаваза, его дядюшка и прочие”. Так вот, брат Самара успел до своего ареста предупредить преданного слугу: “Немедленно увези моего трехлетнего сына и укрой его в горах. Помни о том, что он должен отомстить. Он должен стать царем Картли”. Слуга, помимо того что был верным и благородным, оказался еще и умным, и сметливым. Он тотчас укрыл жену и сына своего повелителя в горах.

Почти все забыли о существовании ребенка, кроме нескольких знатных заговорщиков, которые скрывались во время тирании Азона и действовали крайне осторожно. Воспитатель ребенка поддерживал с этими людьми постоянную связь и время от времени сообщал им, что мальчик растет, становится все крепче и красивее, обещает стать доблестным воином, умным, благородным и справедливым человеком. Надо полагать, что ребенку в детстве внушали чувство мести. И вот этот мальчик возмужал. Летописец пишет об этом так: “Этот Парнаваз был умным человеком, храбрым воином и искусным охотником”.

Мальчика, будущего первого картлийского царя, звали Парнаваз... Когда мальчик вырос, заговорщики решили вывести его на арену действий. К тому времени Азон постарел, он мог охотиться целыми днями и, где бы не увидел хорошего охотника, непременно зачислял его в свою свиту... Парнаваза тоже приняли в числе приближенных Азона. После этого заговорщики активизировались. Они вступили в тайные переговоры с правителем Эгриси (Западной Грузии) – Куджи, который тоже был весьма притесняем Азоном.

Юный Парнаваз действовал осторожно, но уверенно. Ему было поручено прощупать почву в специальных отрядах самого Азона, состоявших исключительно из чужеземных солдат. Жестокий тиран был таким же бездушным и по отношению к своим соотечественникам, чем настроил их против себя. Заговорщики чувствовали, что определенную часть войска можно переманить на свою сторону. Обстоятельства складывались благоприятно. И в этот момент мать Парнаваза не выдержала. Ей показалось, что Азон догадался о

происхождении юноши. Она и прежде умоляла сына бежать из Картли и искать приюта в Иране, у ее братьев. Теперь же ее требование звучало категорически. Парнаваз был вынужден подчиниться. Автор хроники описывает, что в ту ночь, когда Парнаваз подчинился матери и решил бежать в Иран, ему приснился сон. Как будто он оказался в каком то пустом доме. Как ни пытался из него выйти – не мог найти двери. Закручинился Парнаваз, и в это время в дом проник солнечный луч, опоясал юношу и вынес его в окно. Когда Парнаваз вышел в поле, он увидел странное зрелище: солнце склонилось совсем низко над землей. Парнаваз дотянулся рукой до дневного светила, снял с него росу и омыл ею лицо. В это мгновение Парнаваз проснулся.

Находясь под впечатлением своего странного сна, юноша отправился на охоту. Неподалеку от Мцхета, в поросшей лесами Дигомской долине и в окрестностях теперешнего Тбилиси, были замечательные охотничьи угодья. Встревоженный и растерянный, Парнаваз поехал на охоту один. Возле Дигоми напал он на след оленя и преследовал его... Здесь Парнаваз поднял лук, выпустил стрелу, израненный олень свалился у подножья скалы. Юноша бросился за добычей, и тут как раз разразился ливень. В скале Парнаваз заметил пещеру. Взял свою секиру и вновь пробил дверь в пещеру, заложенную издревле. Именно здесь поджидало его чудо – несметные сокровища: золото, серебро и драгоценные камни. Этот клад вскоре пригодился.

После этого Парнаваз послал своего слугу к правителю Эгриси – Куджи и предложил ему военный союз. Куджи с радостью принял предложение Парнаваза. Вскоре Парнаваз тайно посетил Куджи вместе со своей мамой и сестрами и взял с собой найденное сокровище, сколько смог. Куджи с большой теплотой и любовью встретил Парнаваза, его семью и при встрече во всеуслышание заявил: “Ты есть сын главы Картли и тебе принадлежит право руководить мною“. И вправду Куджи и Парнаваз подружились на веки и начали осуществлять великое дело. Посредством большого

богатства они увеличили свое войско, чтобы выступить против врага... Отъезд Парнаваза в Иран не состоялся.

Узнав о неожиданном решении Парнаваза, его друзья заспешили, перенесли поближе срок восстания и при энергичной поддержке Куджи выступили против Азона. На сей раз заговор оказался хорошо подготовленным. Его поддержали и другие кавказские народы, угнетаемые Азоном, в частности, осетины и лезгины. Парнавазу удалось также переманить на свою сторону тысячу человек из окружения Азона. Объединенное войско при поддержке всей Картли легко одолело тирана.

Однако Азон бежал в Кларджети, куда вызвал из Греции вспомогательное войско. Год спустя он вновь выступил против Парнаваза. Но и Парнаваз все это время не сидел сложа руки. Изгнав греков, он в первую очередь укрепил все четыре крепости Мцхета. Затем занялся всей Картли, и в каждой крепости, в каждом городе поставил верных людей. Одновременно Парнаваз отправил посла к сирийскому царю Антиоху с богатыми дарами, уверил его в своей солидарности и попросил поддержки. Антиох поддержал Парнаваза, послал ему царский венец и назвал своим сыном.

Таким образом, обновленное войско Азона Парнаваз встретил во всеоружии. Решающее сражение произошло у Артаани (Южная Грузия), которое в те времена называлось Каджт-Калаки. Битва была нелегкая, но в конце концов грузины одержали победу, а греки были разбиты. Азона убили. Победивший Парнаваз с несметной добычей вернулся во Мцхета.

Так было положено начало династии грузинских царей – Парнавазианов.

Страна ступила на новый путь, началась новая эра. Парнаваз оказался подготовленным для своей миссии. Он разумно и мудро повел дело. Его внешняя политика началась с того, что он наладил отношения с одним из сильнейших греческих государств – с так называемым государством Селевкидов.

После того, как мир на юге был гарантирован, Парнаваз решил укрепить дружеские отношения с северными соседями родственными узами: свою сестру он выдал замуж за осетинского царя, а сам женился на дочери царя дзурдзуков (одно из северокавказских племен).

Совсем иное положение было на западе. Это государство – Эгриси – нельзя даже назвать соседним, ибо оно было кровным братом Картли – второе грузинское царство. И чем скорее Парнаваз узаконил бы это братство, тем полезнее было бы для всей Грузии. Военный союз с Эгриси был заключен еще тогда, когда готовился заговор против Азона. После одержанной победы, Парнаваз отдал в жены эгрисскому правителю Куджи свою вторую сестру, подарил ему также территорию Сванети...

Важным моментом внутренней политики было деление страны на эриставства. Умный правитель сразу же учел этнографическое своеобразие живших в этих местах грузинских племен и поделил страну административно, исходя из этого признака. Это деление было разумно и обдуманно, так предусмотрены все исторические и этнографические особенности населения каждого края, что в последующие века оно не только не нарушилось, но укрепилось, сформировалось четче, утвердилось и в более позднюю эпоху стало основой для административного деления Грузии. Это административное деление еще и потому имело особое значение, что способствовало формированию Грузии как цельного, монолитного государства.

Кроме Эгриси, которое следует отметить особо, Парнаваз выделил в стране семь эриставств и в каждом назначил правителя-эристава. О восьмом, самом главном, Эгрисском эриставстве уже было сказано выше. Осталась внутренняя Картли, определенная ее часть - от нынешнего Тбилиси - Арагви до Ташикари-Паравани. Здесь Парнаваз назначил спаспета. Это был первый после царя человек в государстве.

Много сделал Парнаваз и для укрепления военной мощи страны. В

первую очередь он восстановил мцхетскую стену, ранее разрушенную греками. Восстановил и укрепил также крепости на всей территории Грузии и возвел новые.

Подобное разделение Грузии, как мы уже сказали, было гарантией более прочного единства. Царю так легче было осуществлять оперативное руководство. Летописец не забывает упомянуть о том, что время от времени царь посещал эриставства и осуществлял руководство на месте.

Не проявил царь неблагодарности и по отношению к той тысяче греков, которая в решающий момент поддержала его и выступила против Азона. Но, как видно, Парнаваз все же был осторожен и не оставил чужеземцев вместе - он пожаловал им азнаурство (дворянство) и расселил по разным уголкам страны.

Не забыл Парнаваз и религию. Когда было покончено с неотложными делами, он поставил близ Мцхета, на так называемой картлийской горе, идола и нарек его Армази. В связи с этим гора тоже стала называться Армазской.

Но самым главным и значительным в деятельности Парнаваза, его величайшей заслугой перед потомством явилось то, о чем “Картлис цховреба” передает нам скупое, в двух словах: “Он (Парнаваз) распространил грузинский язык... И он создал грузинскую письменность.”

То что Парнаваз поставил себе целью объединение грузинских племен в одно государство и так много для этого сделал, конечно, следует считать величайшей его заслугой. Но то, что краеугольным камнем такого воссоединения он сделал язык и письменность - это уже верный признак его дальновидности как политка и опытного дипломата.

Шестьдесят пять лет царствовал Парнаваз и умер глубоким стариком. Как сообщает летописец, его похоронили перед Армазским идолом. Парнаваз правил в III в. до н.э. Некоторые исследователи датируют

время его правления 302-237 гг. до н.э. Парнаваза сменил его сын Саурмаг.²¹²

Другой наглядный пример проявления национальной идентичности приходится на 1790 год, когда в критической ситуации, для политически раздробленной и дезориентированной Грузии, возродилась идея восстановления государственной целостности страны.

Трактат единства иверийцев

Главные пункты Георгиевского Трактата 1783 года, согласно международным правовым нормам феодальной эпохи, подразумевали установление покровительства Российской империи во внешних делах Грузии, с сохранением суверенных прав во внутренних делах царства Картли и Кахетии. Но Трактат заключал большую угрозу будущей независимости Грузии, так как Россия все глубже укореняла свои позиции в Закавказье и становилась главной политической силой в овладении Кавказского плацдарма, постепенно вытесняя Османскую Турцию и Сефевидскую Персию из этого важного геостратегического региона. Стоящие за спиной Турции и Персии Англия и Франция серьезно были озабочены подобным успехом царской России и натравили Турцию на Грузию, в частности, пашу Ахалцихе и все мусульманские ханства Кавказа. Обеспокоенный крайне неблагоприятной ситуацией, сложившейся вокруг Грузии, посол Гарсеван Чавчавадзе особенно подчеркивал, **“что в такой беде Грузия еще не оказывалась никогда”** и просил Императора о военной помощи. Однако, Россия питала Эрекле II только обещаниями, не выполняла свои обязанности, оговоренные условиями Трактата, и вдобавок в 1787 году вывела военные силы из Тбилиси. Несмотря на попытки грузинского монарха действовать во внешней политике независимо от России (оформление мирного договора Картли и Кахетии с пашой

²¹² Вахтанг Челидзе, "Исторические хроники Грузии," Издательство "Мерани," 1980.

Ахалцихеи, переговоры с Ага Магомет Ханом), в целом, не изменилась его внешняя ориентация в отношении России.

Восстановление политической целостности Грузии всегда оставалось приоритетным стремлением правителей Грузии, но с XVI и до первой половины XVIII веков эта идея оставалась практически невыполнимой. Единение Грузии противоречило интересам завоевателей, и это понятно: держать в подчинении раздробленную страну было гораздо легче. Но даже в период разделения страны на маленькие “Грузии” не пошатнулось сознание целостности, что хорошо видно, например, в титулах грузинских царей: **“Мы, царь Грузии, т. е. Картли и Абхазии”**. Это содержание было вложено и в название всей Грузии – Иверии. “Верхняя Грузия” и “Нижняя Грузия” упомянутая в историографии того времени, подразумевала историческую и этническую целостность обеих частей, а что касается Кахетии, Имеретии, Самегрело, Сванетии и др., то они представляли ее отдельные провинции.

Реально благоприятная обстановка для политического объединения страны наступила с 80-х годов XVIII века. После кончины царя Имерети Соломона I в 1784 году, его преемник - Давид (сын Гиоргия) не был в силах управлять этим царством. Подходящей кандидатурой назвали внука Эрекле II – Давида (сына Арчила) и после совершеннолетия, он должен был царствовать в Имерети. С этим не мог примириться Давид (сын Гиоргия) и начал плести интриги против внука Эрекле II, доведя царство до кризисного состояния. Среди аристократии Имерети созрела идея воссоединения западной и восточной Грузии и передачи бразды правления в руки Эрекле II. С этой целью представители имеретинской знати в 1789 году встретились с царем. В

Делегацию, наряду с гелатским и кутаисским священнослужителями, входили военачальник Каихосро Церетели, князя Иоаннэ Абашидзе, Сехниа Цулукидзе и др. Они предложили Эрекле II: **“соблаговолить и присоединить в свое царство Имерети, как было это в былые времена”**. Эрекле II вынес вопрос на обсуждение “дарбази,” (совещательный орган феодалов при царском дворе Грузии в XI-XVIII веках).

На заседании “дарбази” насчет объединения Грузии противостояли друг другу две позиции. За единую Грузию горячо ратовали советник царя Соломон Лионидзе, Чабуа Орбелиани, военачальник Давид Каплианишвили, моурав (управляющий) Кизики (регион в Кахети) Закариа Андроникашвили и др. Против выступили Иоаннэ Мухранбатони вместе со своими единомышленниками. По их мнению, Эрекле II едва управлял делами Картли и Кахети, и поэтому нереальным казалось брать государственную ответственность за западную Грузию. Противников объединения активно поддерживала царица Дареджан – супруга Эрекле II. После раздумий, Эрекле II посчитал правильным решением воцарение на трон Имерети своего внука. Таким образом, победили противники единения, но сторонники объединения не сдавались и в 1790 году по инициативе Соломона Лионидзе был создан военный союз между восточной и западной Грузией. **“Трактат об единстве иверийцев” имел жизненно важное значение для грузин, о чем подчеркнуто указывали слова Чабуа Орбелиани и Каихосро Церетели: “Счастье нации требует единства, и могущество царя связывает воедино всю нацию...воссоединение Имерети с Картли станет прочной основой крепости царя и ежели желаем непобедимость страны нашей от врага, то должно быть единство”.** И хотя реально консолидация грузинской нации не свершилась, “Трактат об единстве иверийцев” стал историческим фактом огромного значения, послуживший основой для дальнейшей борьбы Грузии за восстановление государственности.²¹³

Третий, тоже очень важный пример проявления грузинской идентичности связан с книгой великого педагога, публициста и детского писателя Иакоба Гогешаши (1840-1912) – “Ключ к природе”. Возглавляемое Ильей Чавчавадзе национально- освободительное движение в Грузии с 60-х годов XIX века, медленно, но последовательно выводило грузин на путь борьбы за восстановление государственности и национальной независимости. Среди лучших сыновей страны

²¹³ Акакий Сургуладзе, Паата Сургуладзе, История Грузии 1783-1990, Издательство Общества Давида Агмашенебели, Тбилиси, 1991 (на груз.яз.).

в этой борьбе самым активным образом участвовал и Иакоб Гогешашвили. В этой поучительной книге для детей он простым и понятным языком напоминал им и их родителям о национальной идентичности грузин, методично размыиваемую колониальной политикой Царизма. В сноске к главе “Короткое географическое описание Грузии”, автор советует учителям, прежде чем начать ознакомление детей с данным разделом, доходчиво рассказать о самых главных исторических вехах родной страны.²¹⁴ Далее Иакоб Гогешашвили лаконично беседует о природе, границах, населении страны, за которым следует описание всех уголков и их жителей, традиций, нравов, многовековых хозяйственных типов и т. д. **И несмотря на большую разницу в жизненном укладе этих уголков, обусловленную гео-климатическими факторами, автор логическим образом приводит юных читателей и их родителей к самой главной мысли, что, невзирая на очевидную разницу, все жители низменных и горных регионов Грузии на протяжении долгой истории крепко были связаны друг с другом общей этнопсихологией, являющейся краеугольным камнем национальной идентичности.** Конечно, можно было привести и множество других источников, касающихся понимания и восприятия грузинами истории и идентичности, но думаем, в данной статье совершенно достаточны и вышеуказанные примеры. Подытоживая изученный материал, можно заключить, что для полноценного понимания истории и идентичности других народов надо глубинно знать свою собственную, определив ее достойное место в контексте истории Мира.²¹⁵

²¹⁴ Иакоб Гогешашвили, “Ключ к природе,” Издательство С. Лосаберидзе, Тбилиси, 1912, 419.

²¹⁵ В ближайшем будущем, автор намерен собрать и интерпретировать первоисточники о понимании истории и идентичности не только в соседних странах, но и дальнего зарубежья.

History and Identity: The South Caucasus and Other Regions in Transition

2010

231

Contents

Preface

Rauf Rajabov, Stepan Grigoryan and Vakhtang Kolbaia.....235

Chapter 1. Positive Examples of Coexistence of the Peoples and States in the South Caucasus241

Aydin Aslanov: On the History of Relations between the States and Peoples of the Caucasus.....243

Haykaz Hovhannisyan: Notes on History of the South Caucasus: Are There More Commonalities or Disappointments?256

Paata Bukhrashvili: Towards Understanding of the Georgian-Armenian Relations267

Maia Barikhashvili: Cultural-Educatory Work of the Georgian Diaspora in Azerbaijan at the End of 19th and Beginning of 20th century285

Chapter 2. The Positive Experience of Non-state-forming Nations in the South Caucasus and the European Experience in Dealing with National Identity Issues291

Ketevan Abuladze: The Rights and Religious Confession of the Jews in Georgia293

Armen Grigoryan: Identity Building in Hungary and Slovakia and the Status of the Hungarian Minority in Slovakia.....298

Chapter 3. Regional, National, Civic and Ethnic Identities of the Peoples and States in the South Caucasus337

Farida Rajabova: The Problem of Interaction between National, Civic and Ethnic Identities339

Mikayel Zolyan: The Caucasus and “the Caucasians”:
Cultural Construction of the Region and Regional Identity.....349

Paata Bukhrashvili: The Russian Colonial Perception and the Ethno-Political Reality in the Transcaucasia356

Chapter 4. National, Cultural, Linguistic and Religious Identities of the Peoples of the South Caucasus.....	371
Rauf Rajabov:	The Caucasian Identity: Freedom, Equality and Justice. Correlation between Ethnic, Civic and Religious Identities373
Elchin Gumbatov:	Linguistic Identification of the Azerbaijani language387
Gagik Hovhannisyan:	The Role and Significance of Mentality in Social and Economic Processes.....397
Vakhtang Kolbaya:	Contemporary World and Identification Process, the Caucasian Identity. Correlations: Nation, National Character, National Traditions, Historical and Cultural Identities414
Paata Ramishvili:	History and Identity: On Teaching of the World History at Modern Secondary School422

Preface

Rauf Rajabov

Stepan Grigoryan

Vakhtang Kolbaia

Preface

The Analytical Centre on Globalisation and Regional Cooperation (Armenia) and its partners, the Public Union of the Azerbaijani Historians and the Caucasus Dialogue Foundation (Georgia) organised two working meetings of Armenian, Azerbaijani and Georgian historians and civil activists. The meetings took place in Tbilisi on 24-27 December 2009 and 29 April – 1 May 2010 with support of the Finnish Ministry of Foreign Affairs.

The choice of such model of cooperation was not accidental: the experience derived from recent developments in the South Caucasus has shown that many problems between peoples of the region have roots in different interpretation of historical facts, different views and approaches towards many events, as well as in lack of joint historical works of scholars from the South Caucasian countries. So, there is a need to organise meetings and to develop cooperation between Armenian, Azerbaijani and Georgian historians and civil activists.

The main outcome of the working meetings, the debates and discussions may be stated as follows:

- Meetings of civil activists and historians of the South Caucasian countries are useful, as such meetings help to promote mutual respect and confidence;
- We understand the importance of immediate contacts between professionals, as such contacts facilitate exchange of news and important information about global and regional developments and the developments in the South Caucasian countries;
- We consider important to look for unifying elements in the historical past of the South Caucasus, as well as in the processes of democratisation and European integration;
- We are interested in a deeper study of the European experience in overcoming the historical problems, as it may contribute to the

reconciliation and creation of an atmosphere of peace and neighbourly relations in the South Caucasus;

- We are interested in publishing joint articles and essays in scientific and policy journals, as proposed by some of the participants of the working meeting.

We have also discussed the articles written by Armenian, Azerbaijani and Georgian authors on identity issues, as well as discussed the preparation work for publication of this book, *History and Identity: The South Caucasus and Other Regions in Transition*.

Unfortunately, the social, scientific and educational capabilities of the South Caucasian countries are presently almost not used for realisation of joint projects, while science and education have serious capability for building mutual confidence and may be a fine tool for development of neighbourly relations and regional cooperation.

The problems are also aggravated by the unsolved conflicts; the present phase of the conflicts complicates the situation further. There are many positive examples of coexistence and cooperation between the peoples of the South Caucasus, and we consider it very important to find such examples and remind our societies about them. So, we believe that it is important to re-establish contacts and cooperation between historians and civil activists of Armenia, Azerbaijan and Georgia, especially because nowadays there are few trilateral formats for cooperation.

This book, *History and Identity: The South Caucasus and Other Regions in Transition*, includes articles written by distinguished scholars and civil activists from Armenia – **Haykaz Hovhannisyan, Gagik Hovhannisyan, Mikayel Zolyan and Armen Grigoryan**, from Azerbaijan – **Aydin Aslanov, Farida Rajabova, Elchin Gumbatov and Rauf Rajabov**, and from Georgia – **Paata Ramishvili, Paata Bukhrashvili, Maia Barikhashvili, Ketevan Abuladze and Vakhtang Kolbaya**. Most of the

articles deal with the history of relations between Armenians, Azerbaijanis and Georgians. By means of archive work and scientific enquiry, the authors found a number of positive examples of coexistence of the peoples living in the South Caucasus, including non-state-forming peoples. Remarkably, such examples occur both in the short periods when Armenia, Azerbaijan and Georgia were independent and in the periods when our peoples struggled for independence, preservation of national identity and culture.

In this book, special attention is paid to regional, civic, national, cultural, linguistic and religious identities of the peoples of the South Caucasus. In a turbulent, fast-changing, globalising world the peoples of our region, certainly, consider the issue of keeping their unique identities. A clear understanding of one's place and the neighbours' place in the world may contribute to development of cooperation and peace-building in the South Caucasus.

This book would be interesting for a wide auditory, first of all, for civil society institutions, academic community, state institutions, youth and journalists in the South Caucasian countries, as well as for international organisations dealing with reconciliation, peace-building and international cooperation.

We believe that the time has come to reconsider all issues and to attempt living in accordance with contemporary ideas, categories and approaches. The time and the future of the South Caucasian peoples require that.

In conclusion, we express our deepest gratitude to the Finnish Ministry of Foreign Affairs and to **H.E. Petri Salo**, Ambassador of Finland to Armenia, Azerbaijan and Georgia, for supporting our initiatives and making possible publication of this book.

Rauf Rajabov, political scientist, vice-chair of the Public Union of the Azerbaijani Historians

Stepan Grigoryan, chairman of the board of the Analytical Centre on Globalisation and Regional Cooperation

Vakhtang Kolbaya, chairman of the board of the Caucasus Dialogue Foundation

25 June 2010

Chapter 1. Positive Examples of Coexistence of the Peoples and States in the South Caucasus

- Aydin Aslanov:** On the History of Relations between the States and Peoples of the Caucasus
- Haykaz Hovhannisyan:** Notes on History of the South Caucasus: Are There More Commonalities or Disappointments?
- Paata Bukhrashvili:** Towards Understanding of the Georgian-Armenian Relations
- Maia Barikhashvili:** Cultural-Educatory Work of the Georgian Diaspora in Azerbaijan at the End of 19th and Beginning of 20th century.

On the History of Relations between States and Peoples of the Caucasus

INTRODUCTION

The history of the Caucasian region has always been the history of confrontation of geopolitical interests of great powers. The region had repeatedly been invaded by legions of Rome, armies of Parthia and Sasanides, Byzantine and Arab caliphate, Seljuk and Mongol, Ottoman and Russian Empires. Scores of tribes came across the Derbend and Daryal passages, ravaged this land of plenty and mixed with the local population.

The history of the Caucasus saw numerous expansionist wars which greatly damaged the region, brought calamities and deprivations to the peoples. At the same time, the history of the region was characterized by the fruitful collaboration of the Caucasian peoples throughout many centuries. Note that the mutual support and co-existence of the Caucasian people covers a great space of time. This is most apparent both in the ancient times and Middle Ages, and the newest time as well, the period of independent South Caucasian Republics.

The task of paramount importance today for the school course of the history is to study examples of mutual collaboration throughout history between the peoples of the region. The point is that the ignorance of native history, relations between Caucasian peoples have a negative effect of the destinies of the region. One cannot forget that the region is notable for numerous conflicts yet-unsolved.

Ancient period

A closer look at the historical past reveals that the collaboration between the peoples of the Caucasus goes back as far back as to the ancient period where the Atropatena kingdom was active on the territory of Azerbaijan (4 century B.C. – 3 century A.D.).

The second half of the 2-1 centuries B.C. saw the struggle between the two great powers of antiquity – Rome and Parthia for domination in the Western Asia. The Roman expansion posed a real threat to the Caucasian peoples.

In the period under consideration multilateral and close contacts were maintained between Atropatena and the Armenian Kingdom. Traditionally, marriages were contracted between representatives of Atropatenian and Armenian nobilities. Thus, the king of Atropatena Mitridat was married to a daughter of Tigran II. That predetermined much in the relations of the two allied rulers. Suffice it to say that a 15-year period of the history of the two states proved to be the epoch of alliance, friendship and concord between Atropatena and Armenia.

In 69 B.C. the Roman army headed by Lucullus invaded Armenia. Tigran II (95-55 B.C.) mustered a great army which included, among others, Albanians and Atropatenians as allies of the Armenian King. Plutarch reports that Tigran II was assisted by “Kings of Meds” (Atropatenians – A.A.) and Adiabens came from the sea and that in Babylon there were lots of Arabs and Albanians (from the Caspian coast and bordering Ibers; there were also scores of tribes without chiefs and grazing cattle on the banks of Arax, with some of them induced by desire to help; others – by aspiration to be gifted”.¹

A fragment from the ancient author above gives no grounds to believe that the army of Tigran II consisted of “subordinated vassal kingdoms and principalities”.² Of the same view was the prominent Armenist N.Adonts.³

¹ Plutarch, Lucullus. XXVI, 6

² Manandyan Y.A. Tigran II and Rome. Yerevan, 1943, p.112

³ Adonts N. Armenia in the Epoch of Justinian. S.-Pt., 1908, p.411

It should be noted that Tigran II entrusted the command of the right wing of the army to his son-in-law – king of Atropatena. The main line of the army was re-manned with 17,000 strong armored and spear-equipped cavalry. According to Plutarch, Tigran II pinned “his particular hopes” on the troops of the Atropatenian King”.⁴

However, despite an overwhelming majority of the Tigran’s army, Romans defeated their opponents utterly in Autumn 69 B.C.

Subsequently (68-67 B.C.), Tigran II, assisted by Mitridat of Atropatena, assembled a huge army consisting of Armenians, Ibers, Mards and Atropatenians and gained several impressive victories over the Roman troops.⁵

The first victory was gained in 68 B.C. under the river Aratsania. Actively involved in the battle was the Atropatenian cavalry.⁶ To make further progress, the allies invaded the Asia Minor by defeating Romans utterly. Mitridat from Atropatena showed enhanced activity to pursue and rout the Roman legions.⁷ In 67 B.C. Tigran II jointly with his son-in-law Mitridat invaded Cappacodia and destroyed it.⁸ The same year Lucullus was recalled from Asia.

Medieval period. Its beginning marked an emergence of the huge Sasanid Empire (3-7 centuries) that pursued an active political line with respect to the South Caucasus. As distinguished from South Azerbaijani lands (Adurbadagan) as a part of the Sasanid province, North Azerbaijani lands (Albania) succeeded in preserving their statehood and kings from the Arshakid dynasty. To protect their northern borders, Sasanides erected strong defensive work in Albania. It was the population of South Caucasus, in the first turn, of Albania that shouldered a burden of this construction. The author of “The History of Agvans” wrote that “Persian kings ravaged our

⁴ Plutarch, Lucullus. XXVII

⁵ Ibid.

⁶ Manandyan. Op.cit, p.150

⁷ Ibid, p.165

⁸ Ibid, p.167-168

country, exploited architects and consumed various building materials for the construction of an amazing erection with which they managed to block passages between the Caucasian mountains and the Eastern Sea (Caspian).⁹

Under the Sasanid shah Yezdigerd II (438-457), living conditions of the population increasingly aggravated, taxes rose twice, Zoroastrianism was forcibly implanted in the countries of South Caucasus. These led to the All-Caucasian insurrections of 450-451 and 457. A new anti-Sasanid movement broke out in the Caucasus 481-484 which made Iranian rulers to radically change their religious policy and conclude the Nvarsak treaty with the Caucasian peoples. The treaty put an end to the policy of religious persecutions.

A new Empire arose in the East, 7 century – Arab caliphate (632-1258). The invasion of the Arab horde shook the Sasanid power and led to the collapse of the once powerful Empire. Availing themselves of the Sasanid collapse were rulers of South Caucasus – Albanian prince Javanshir (642-681) and the king of Iberia Atrnersekh (605-641) who concluded “unbreakable alliance” against the Sasanides and gained impressive victories over the Iranian troops.¹⁰

In mid- 11 century Azerbaijan and some other counties of the East were conquered by Seljuks who faced no resistance. It was the Shirvan state headed by skilful politician Shirvanshah Fariburz I (1063-1096) that succeeded to uphold its independence. Having paid them a great indemnity, Shirvanshah compelled Seljuks to abandon Shirvan.

In the 12 century the Shirvan state maintained its independence. In the reviewed period, the Georgian kingdom turned into a strong Christian state of the Caucasus. Note that the geopolitical conditions of Georgia were very hard: it was surrounded by powerful Moslem states – Iraqi and Konya Sultanates, state of Atabeks-ILdenizides, etc. Under these circumstances

⁹ The History of Agvans, p.105/83. See Buniyatov Z.M. Azerbaijan in the 7-9 centuries. Baku, 1965, p.42

¹⁰ Moses Kalankatuyskiy. The History of Albania.

Georgian Bagratides sought to find an ally in the Caucasus to help them hold out against enemies. This proved to be Shirvanshahs Kersanides. Both states had common enemies, so Bagratides and Kersanides had to act together and thus uphold their independences.¹¹ It was common cause to get rid of the Seljuk dependence that contributed to the rapprochement between the Shirvan state and Georgia.¹² As far back as in the 1920-30s, the historical sources stressed that Shirvan-Georgian relations were of allied nature.¹³

It should be added that the allied relations between the two parties were secured by dynastic marriages. In 1111, David IV (1089-1125) married her daughter Tamar to the son of Shirvanshah Afridun I (1106-1120), future ruler of Shirvan Manuchehr III (1120-1160).¹⁴ This dynastic marriage “was to have a wholesome effect on the political position of Georgia “which thus secured itself against any threats from the Shirvan state.¹⁵ In doing so, the Georgian king tried to reach complete meeting of minds with Shirvanshah and enlist his support in the struggle against Seljuk Turks.¹⁶ By marrying his son to the Georgian princess, Shirvanshah Afridun pursued political purposes: he established ties of relationship with the Georgian court, neutralized and drew on his side Kypchaks, military strong and posing threat to Shirvan, and Georgian as well.¹⁷

Subsequently, Demeter I (1125-1156) sought to establish alliance with Shirvanshahs Kersanides for the same reason.¹⁸ Also, Shirvanshah Ahsitan I

¹¹ Huseynov R.A., Aliyarov S.S. From the History of Allied Relations of Azerbaijan and Georgia in the 12 century//Transactions of the ASU. History and Philosophy, 1977, #6, p.25

¹² Lordkiparidze M.D. The History of Georgia in the 11-earlier 12 centuries. Tbilisi, 1974, p.106-107

¹³ Sysoyev V.M. A Brief History of Azerbaijan. Baku, 1925, p.62; Chaykin K.I. Georgian-Iranian Relations//Collected articles “Rustaveli”, Tbilisi, 1938, p.22

¹⁴ Meskhia Sh. A. Didgor Battle. Tbilisi, 1974, p.47-48; Krymskiy A.E. Nizami and His Contemporaries. Baku, 1981, p.159-160

¹⁵ Buniyatov Z.M. Shirvan in the 12 – first half of the 13 century (Article I)//Izvestiya of the AS Azerb. SSR, History, Philosophy and Law, 1975, \$4, p.36-37

¹⁶ Berdzenishvili I.A. On the Past History of Eastern Kahetia, Tbilisi, 1953, p.69

¹⁷ Ashurbeyli S. The State of Shirvanshahs. Baku, p.118

¹⁸ Huseynov R.A., Aliyarov S.S. Op.cit., p.25

(1160-1196) who married to the niece of the king of Georgia III (1156-1184).¹⁹

Ahsitan I pursued a far-sighted and prudent policy in respect of his neighbors. An eloquent testimony to this is his marriage to Ismat ad-Din who was a niece of the Georgian king, on the one hand, with her father Emir Abul Muzaffar Seyf ad-Din as ruler of Derbend, on the other hand. Thus, benefiting by this diplomatic marriage, Shirvanshah consolidated his kindred and allied relations with the Georgian court and concurrently became related with the ruler of Derbend. In so doing, he succeeded to parry the threat of assault from Georgia and Derbend, as well as intensify Ahsitan's influence on hostile Kypchaks.²⁰

The reign of Ahsitan I was noted for growth of Shirvan's economy, flourishing of towns, handicrafts and trade. That was a period of tranquility, peace and allied relations with neighboring Georgia, rulers of this country with whom Ahsitan was related through his mother Tamar. These friendly and allied relations, having nothing in common with relations of vassalage, were mirrored in the poetical works by Khaqani. The poet pointed out that Shirvanshah made his way for Georgia to pacify feudals and nobility, dissatisfied with the rule of King George III and seeking to dethrone him.²¹ In 1173, Ahsitan headed the Shirvan army in Georgia to restore order at the court of his cousin – Georgian king and thus contrived to keep the state of Bagratides from collapse.²²

In 1174/5, Shirvan was attacked by Kypchaks and Ruses. These events found their parallel in three odes by Khaqani dedicated to Ahsitan I and glorifying his triumph. The poet narrates about invasion of Ruses, prates from Volga, who came up to the Island of sari on board of 75 vessels, then went upstream the river Kura and reached Lemberan. At the same time

¹⁹ Ashurbeyli S. Op.cit., p.127

²⁰ Ibid, p.129

²¹ Gafar Kendli. Two new letters of Khaqani Shirvani (in Persian). Tabriz, 1349, p.314-328

²² Ashurbeyli S. Op.cit., p.127

Kypchaks captured the town of Derbend and seized the citadel Shabaran.²³ Shirvanshah asked his relative George III to help him. The united Georgian-Shirvan troops defeated the enemy utterly. The pirates were routed, and Shabaran and Derbend liberated to become a part of Shirvanshah's possessions.

It should be noted that relations between kingdoms of Shirvan and Georgia went on later as well. In 1178, George III arrived in Shamakha where he signed a treaty on friendship with Ahsitan I, then he returned to Georgia.²⁴ Following the death of the Georgian King in 1184, Ahsitan I kept on maintaining kindred and allied relations with George's daughter – tsarina Tamar (1184-1213).

There is also another episode to illustrate relations between peoples and states of the Caucasus in the 12 century. Sources say that in August 1161 the Georgian army led by George III invaded the country of Islam and captured Dvin, the town in the outskirts of Azerbaijan, near the country of ar-Rum. They ravaged and killed about 10,000 residents of the town. Numerous women and children, naked and barefooted, were taken prisoners. When the Georgians returned home, their women protested against atrocities with respect to Moslem women as saying: "In doing so, You will make Moslems to behave similarly with us". After that, the women captured were given their clothes back".²⁵

In other words, "allied relations based both on military cooperation and marriages between dynasties of Georgian Bagratides and Shirvanshahs had long been maintained since the 12 century. Economic aspect of these relations has not been studied so far, however, Shirvan with its oil and

²³ Barthold V.V. *The Place of Caspian Provinces in the History of Moslem World*//Works, V.II, part 1, Moscow, 1963, p.692

²⁴ Gafar Kendli. *Two new letters by Khaqani Shirvani*, p.314-315

²⁵ Ibn al-Asir, *al-Kamil fi-t-tarikh* ("Perfect in History". Cairo edition, IX, p.79-80; Vardan. *The Universal History*. Translated from the Old Armenian by N.Emin. Moscow, 1862, p.155; Yakut al-Hamavi. *Mudjam al-buldan* ("Alphabetical Index of Countries"). Cairo edition, IV, p.112; Abu-l-Fida, *al-Muhtasar fi ahbar al-bashar*, III, p.39; See Buniyatov Z.M. *The State of Atabeks of Azerbaijan (1136-1225)*, Baku, 1978, p.53

developed silk trade mattered most as economic center”.²⁶ Bagratides sought to benefit by the Shirvanshahs economic potentiality. In general, Azerbaijan, Armenia and Georgia maintained close economic relations with each other in the 12 century and with other West Asian countries, for the trade, like other forms of economic ties, knew no confessional bounds.²⁷

It would be appropriate to recall that the economic and cultural upsurge of the South Caucasian countries earlier 13 century was negatively affected by the Mongol invasion. The Mongols first appeared in Azerbaijan in 1220. Faced with this threat, rulers of Shirvan and Georgia suggested Atabek Uzbek to combine efforts and jointly oppose the enemy. However, they failed, for the Mongols proved to be the first to forestall the allies.

In hard times when towns and villages of the South Caucasus were pillaged and devastated, local feudal lords and rulers did their utmost to create an alliance against the formidable enemy. A Georgian chronicle reports on the arrival of the Georgian King George IV Lash in Baku to contract a marriage of his sister Rusudana with Fariburz III (1225-1243), successor to Shirvanshah Gershasp I (1204-1225). However, the nuptials took no place, for king George IV fell ill and died.²⁸ As a result, talks between Shirvan and Georgia were ruptured, and the army of Khorezmshah Jalal ad-Din Mankburny invaded the Caucasus and the region fell under the foreign yoke.

In the 14 century, the South Caucasus ran the invasion of Central Asian emir Timur (1370-1405). In the reviewed period, Shirvan was headed by wise statesman, Shirvanshah Ibrahim I (1382-1417). In realizing his inability to oppose the Timur's horde and expecting the collapse of the state and the extermination of the population, Shirvanshah obeyed Timur. He won “iron lame's” favor and his consent on domestic independence of the Shirvan state. Suffice it to say that during his Georgian campaign of 1399 and 1402 emir Timur mercilessly dealt with Georgians who dared to resist

²⁶ Chaykin K.I. Op.Cit., p.22

²⁷ Huseynov R.A., Aliyarov S.S. Op.cit., p.28

²⁸ Katlis Iskhovreba, V.I, p.371; v.II, p.166

him. Despite petitions of the Georgian king George VII (1303-1407) who sent missions to emir with valuable presents supplicating for mercy, Timur remained inexorable. But when Shirvanshah Ibrahim I interceded for the Georgian king, emir Timur pardoned George VII though laying him under heavy tribute. With the Georgian treasure in his possession, emir Timur left Georgia.²⁹

The death of great Gurkhan (1405) slackened the power of Timurides. Cherishing a hope to unite Azerbaijani lands, Ibrahim I maintained close relations with residents of various regions of the country. He was backed by ruler of Sheki Sidi Ahmed with his army, emir Yar Ahmed from the tribe of Karamanlu in Karabakh and ruler of Ardebil, emir Bistam Jagir from the tribe of Jagirlu. The united army crossed the river Kura, liberated Karabakh, Gyandja and Barda from the enemy. At the same time, an armed revolt broke out in neighboring Georgia whose King George VII entered into alliance with Shirvanshah.³⁰

In 1408, Timurides were routed by troops of Kara Koyunlu and ousted from the South Caucasus. Following this victory, head of Kara Koyunlu – Kara Yusuf demanded from Shirvanshah Ibrahim I to obey him implicitly. However, Shirvanshah declined from obeying Kara Yusuf and decided to fight for independence of his state. He enlisted the support from the Georgian king Constantine II (1407-1412) and ruler of Sheki Sidi Ahmed.

A decisive battle took place in 1412. The army of Kara Koyunlu outnumbered by far the troops of Shirvan and its allies.³¹ Despite a heroic resistance and an unparalleled bravery of the allies, Kara Yusuf gained a victory. As a consequence, the united forces of Ibrahim I and his allies were defeated. Shirvanshah his seven sons, brother and many representatives of Shirvan nobility were captured. The Georgian King and his 300 aznaurs

²⁹ John the Galonifontibus. Information about Caucasus Peoples, 1404. Baku, 1980, p.23-24

³⁰ Petrushevskiy I.P. States of Azerbaijan in the 15 century//Collected articles on the history of Azerbaijan. Issue I, Baku, 1949, p.154

³¹ Ibid, p.160

were taken prisoners as well. Shirvan was devastated, and Shirvanshah had to acknowledge his dependence on Kara Yusuf.

It was community of interests that frequently urged local Azerbaijani rulers to apply joint efforts. That became apparent in the 15 century when the army of Khorasan ruler Abu Said Timurid invaded Azerbaijan. Guided by common interests, local Azerbaijani rulers set up an alliance to unite Shirvanshah Farruh Yasar (1462-1500) and Uzun Hasan Aq-qoyunlu (1468-1478). As a result, united Azerbaijani forces managed to crush the enemy.

Uzun Hasan maintained close, even kindred relations with rulers of the South Azerbaijani town of Ardebil. He married his sister to Sheikh Guneyed, and his daughter to Sheikh's son Haydar. As a result of this marriage, future Shah Ismail I (1501-1524), founder of the powerful Safavid Empire, the largest state formation on the territory of Azerbaijan, came into the world.

Of interest are travel notes of Venetian Mario Angelello about the childhood of Shah Ismail I.³² In his words, Sheikh Hayden's children had for three years been brought up at an Armenian monastery Ahtamar, on an island on the lake Van. After his accession to the power Rustam Aq-qoyunlu sent his people to the monastery with the purpose of taking the children away and killing them.³³ In an attempt to save Ismail and his brothers, Ahtamar monks demanded from them a written sanction of Padishah. A messenger went to Tabriz for the sanction, while the monks took the children secretly to Karabakh.³⁴

As is known, the 16 century saw a fierce confrontation between Safavides and the Ottoman Empire. As a result, incessant military actions between the parties, in 1578 Azerbaijan was lost for Safavides. Note that Ottomans occupied Armenia and Georgia as well. In the reviewed period, the Kartli

³² A Narrative of Italian Travels in Persia in the XV and XVI centuries, p. 101–103. См.: Эфендиев О.А. Образование Азербайджанского государства Сефевидов в начале XVI века. Баку, 1961, с. 23, 80.

³³ Petrushevskiy I.P. Op. cit., p.209

³⁴ Efendiyev O.A. Op.cit., p.80

king Simon (1565-1598) waged guerilla warfare against Ottomans on the side of Safavides. Headed by Hamza-Mirza, the Safavid army, jointly with the troops of the Kartli King Simon routed Ottomans in Karabakh.³⁵

The newest history

Collaboration between the Caucasian peoples covers a modern period as well. Following the disintegration of the Russian Empire in the Caucasus, there came up newly independent Republics. A territorial dispute between Azerbaijan and Georgia over the Zakatala district was settled peacefully. On June 26, 1918 the National Council of the Zakatala district, “taking into account that by their cultural-economic, domestic and religious conditions, by their line of business, industry and language the Zakatala district and Azerbaijan are homogeneous elements and that relations and exchange of commodities with the large trade-industrial centers of the Zakatala district is possible via Azerbaijan only and that the joining to the Azerbaijan Republic meets interests and objectives of the Zakatala district”,³⁶ unanimously resolved to annex the Zakatala district to the AR.

Owing to the assault of the Voluntary Army of Gen.A.I.Denikin on Dagestan and Georgia, interests of Georgia and Azerbaijan grew closer, and on June 27, 1919 a military-defense agreement was concluded between them for a term of three years. The parties “undertook to act jointly using armed forces and means to repulse any assault threatening independence or territorial integrity of one or the both contracting Republics”.³⁷

Armenia was suggested to join the agreement within two weeks.³⁸

It would be appropriate to add that the relations between the Caucasian peoples embraced not only political sphere but also cultures of these peoples. Suffice it to say that the Azerbaijani poetry enjoyed great popularity among the peoples of the region. Many Armenian, Georgian and

³⁵ Petrushevskiy I.P. Op. cit., p.272

³⁶ SHA of the AR, f.970, op.1, f.6, sh.10

³⁷ Ibid, f.87, sh.31

³⁸ Ibid, sh.32

Dagestan ashlygs composed songs in Azeri, for instance, outstanding son of the Caucasus, ashlyg-poet Sayat-Nova who composed verses in Azeri, Armenian and Georgian.

Conclusion

Key aspects of the teaching of the history in many countries of the Caucasian region are as follows:

- study of the tangible past, particularly, relations between neighboring countries and ethnic groups within a country;
- study of the recent past particularly, the period of Communist rule and a subsequent stage of democratic transformation.

One of the major criteria to assess educational system's devotion to the values of democratic pluralism is the teaching of history at comprehensive secondary schools.

The point is about the interpretation of various dramatic and memorable events in the history of a country when "victims" and "judges" often changes their roles. In this respect, it is essential to develop bilateral and multilateral collaboration projects, including curricula, preparation of manuals and exchange of students.

Teaching of the history is a matter of honor, transparency and impartiality. When throwing light on historical facts, it is crucial to tell the truth even if it is inconsistent and distressing. It is also important to adjust for different points of view, i.e. unveil the seamy side of history. When examining manuals of history, one is faced with premeditated or unintentional errors, especially in cases where an emphasis is laid on relations between countries which had long been at war or conflict with each other.

A transparent approach to the teaching of history and the compilation of manuals of history is of paramount importance for the research into the events of the recent past.

A mission of an honest, fair-minded teacher of history and a serious manual is to arouse interest of students in their country's history; provide various assessments of the past events; enable the rising generation to critically look at historical developments and study them independently.

As for our region one can add that many people conceive the Caucasian countries as a single whole while, in fact, differences between them rather essential. At present, there are not many publications and, especially manuals of history of each of the Caucasian country to deal, among others, with the history of its Caucasian neighbor.

Despite political transformations that had taken place in the Caucasian countries since 1991, there is not a special course of the history of the Caucasian countries. The time is ripe for combining efforts of historians and political figures, good will intellectuals aimed at issuing a collective manual (a school tackles)

- to fill up the gaps in the history of the Caucasian countries;
- to mirror common features, differences and elements of reciprocal influence of the Caucasian cultures.

The projects hallmark is the creation of Caucasian manual of the history to be issued first in Russian, then be translated into three Caucasian languages and English. Besides, teachers' attendance of joint seminars will contribute to the learning of additional knowledge to share with their colleagues.

Along with the manual of the Caucasian history, there is a great need in creating a manual for teachers and activists to propagate changes in the political, educational and cultural environment. This would allow to broaden public's range of vision of the history of the Caucasian region and issue a new school tackle.

Notes on History of the South Caucasus: Are there More Commonalities or Dissappointments?

History of the Caucasus occupies an important place in world history. The Caucasus region has been a constant arena of a clash between the political interests of greater powers and lesser actors both in ancient times and in our days. The Caucasus today remains in the centre of attention of greater powers and international public opinion, however this attention has been largely conditioned by unfavorable circumstances. The Caucasus remains in a state of volcanic activity because, apart from the interests of greater powers, the local peoples also have conflicting interests. For ages the territory of the Transcaucasia has been an arena of devastating wars, the peoples of the Transcaucasia have been under domination of foreign powers, including the Romans, Persia, Byzantium, the Arabs, the Seljuk Turks, Tatar-Mongolians and other conquerors. In Armenian manuscripts of 13-15th centuries, as well as in Georgian sources there is an enormous amount of material regarding the brutalities perpetrated by the invaders, the joint struggle of the peoples of the region against their conquerors in ancient times, when Armenians, Georgians and Azerbaijanis desperately sought for assistance from the outside and, without receiving it, perished in scores in an uneven battle against the more numerous invaders, or left their native lands and sought for refuge in a foreign country.

And if we look further back in history, the Armenian-Georgian cooperation dates back to 5th century, when the Georgian king Vakhtang who fought against the Persian rule asked assistance from an Armenian military leader Vahan Mamikonyan. And in this were many Armenian warriors sacrificed their lives on the Georgian soil, fighting for the freedom of the Georgian people.

We should also remember the Armenian-Georgian alliance of the late 12th century – early 13th century, when the alliance between the Armenian

princes of Zacharid dynasty and the Georgian kings David the Builder and Queen Tamara liberated both peoples from Seljuk rule.

We can also claim that the peoples of the Transcaucasia, particularly Armenians and Georgians, faced with cruel challenges of destiny, were able to preserve their physical existence and unique culture, among other things, thanks to the common struggle against numerous conquerors.

The peoples of the South Caucasus at various times came under domination of Turkey and Persia, suffering all kinds of oppression, social and national tyranny. Religious persecution, deportations of native population – all this, as a matter of fact, made the South Caucasus a backward region. The common fate of the peoples of the Caucasus to a large extent defined their common interests and aims of the struggle for liberation, during which the foundations of friendship between them were created. Naturally, their political orientations were also quite close to each other. Many times Georgian kings and Armenian catholicoses, striving to restore the independence of their countries searched for help from other Christian peoples.

In its turn, Russia was striving to strengthen its ties with Georgia, with the aim of using its territory as a base for subsequent actions against Iran. From the beginning of the 17th century the South Caucasus remained an arena of acute military clashes between Persia and Turkey. Georgian kingdoms, though they managed to survive, as a matter of fact, were in a state of dependence from the Persian shah, who kept trying to subjugate them completely. Their power over Armenia and Azerbaijan was also getting stronger. In the Middle East England became active, whose economic and political interests clashed with those of Russia, Turkey and Venice.

The conflict between Persia and Turkey, which remained unsolved throughout the 16th century, was transferred to the next century, bringing sorrow and grief to the peoples of the region, who paid for this struggle with their blood. Many cities were burnt, hundreds of thousands of people were killed. Armenian lands suffered especially strongly as a result of these invasions. The central part of Armenia – the Ararat valley was completely devastated. “Persians did not give a break to the people even for a minute,

hitting them with mortal blows, chopped off their ears and noses, cut off their heads and put them on spikes ...”, according to the Armenian historian Davrizhetsi.³⁹

The fate of Georgian and Azerbaijani population was similar. Tens of thousands of people were deported from Kakheti and Azerbaijan. “Before that, when the shah Tahmasp ruled, they [Georgians – author] were under the domination of the Persians. Later, the Ottoman sardar Lala pasha came, conquered Georgian cities, built fortresses there... and forced Simon-khan to flee”.⁴⁰

Deported from their native lands, Armenians in the beginning of the 17th century concentrated in the Persian city of Isfahan, where they formed a populous colony, which later played an important role in the Armenians’ struggle for liberation, as well as in the establishment of trade contacts with Russia.

Georgians resisted the Persian invaders with courage. Under the leadership of George Saakadze they several times defeated the Shah’s armies. Heroic struggle of George Saakadze for unification of Georgia found its reflection in the historical poem of Joseph Tbileli “Didmouraviani”. Characterizing the state of affairs in Georgia at that time [the same can be said about the whole South Caucasus- author] the author of the book “Russia and the Peoples of the Transcaucasia” writes: “blood was still spilt in Georgia, there was no security, neither in the cities, nor in the villages, the farmer plowed the land armed with weapons, but never bowed to the Alcoranim, which the Persians and Turks tried to enforce.”⁴¹

The end of the 17th century was marked by significant events in the lives of the peoples under Turkey’s domination, which not only helped to advance their struggle for liberation, but also created a situation that favored Russia’s advancement southward. In spite of the failures in the wars with Turkey, Russia was not going to cede its influence in the South Caucasus.

³⁹ Ն՝ . Ն՝ ÷ . Ածաեաեա Աաածեաեաե, Է՛ ռա ենո՛ժեե. Ի ., 1973, ռ.54.

⁴⁰ Ibid, p. 103.

⁴¹ Ն՝ . Աաե՛յի Ա.Ա. Ծ՛մնե՛յ ե ի ած՛աւ Շաեաեաեաւ, Ի . 1976, ռ.48.

On March 2 1711 Peter I issued a decree, which stated “Persian trade should be increased, Armenians should be encouraged and their conditions should be eased as much as possible, in whatever is appropriate, in order to increase their desire for immigration”.⁴² Peter I was striving to join unify the South Caucasus with Russia not only in order to strengthen his positions in the south and advance the Russian trade to the borders of Persia, but also to prevent these provinces from being conquered by Turkey. In August 1722 the Russian army took Derbent, which since the ancient times was called “the Caspian gate”. They formed armed regiments, raised rebellions and thus weakened the positions of Turkey and Persia.

The Georgian king Vakhtang VI played a significant role in the strengthening of Armeno-Georgian links. Struggling for political unification of Georgia, he also did a lot for strengthening the unity of the peoples of the South Caucasus in their common struggle against the Persian and Turkish yoke. Armenian catholicos Esayi Hasan Jalalyan was working in close contact with Vakhtang. Even before the arrival of the Russian army Armenians and Georgians formed armed regiments and rebelled against the Persians. Moreover, Davit Beck and his courageous commanders were trained and matured in a Georgian environment.

However, endless wars, unbearable taxes, cruel exploitation and endless feudal strife that resulted in violent deportations completely destroyed the economy and impoverished the peasants of the South Caucasus. In 1738 in Azerbaijan and Dagestan an uprising against the Persian shah Nadir began. It was suppressed by only through use of substantial regiments. In several years the uprising encompassed almost all of Georgia. Anti-Persian uprisings continued in Armenia.

The process of break-up of Nadir’s state, which began at the time, lead to a new activization of the struggle for liberation against him. Many of the lands of the South Caucasus that were formerly dominated by Persia received relative independence.

⁴² Ibid, p. 58

During the second quarter of the 18th century a mass migration of Armenians into Russian-dominated territories takes place – Astrakhan, Kizlyar, Mozdok and other cities. The Russian government continued to welcome Armenians.

At the same time the internal and international situation of Georgia deteriorated. While the expansionist policies of Turkey and Iran were becoming more active, and against the background of constant incursions of the highlanders from the north and internal wars within the country, the king Irakli II was looking for support from Russia. On July 24 1783 the Georgievsk tractate was signed. It found the most positive reception among the Armenian and Azerbaijani peoples. The meliks of Karabakh and Ararat, the Armenian archbishop Joseph Argutinski, Imereti's king Solomon welcomed that step of Irakli, seeing it as opening the perspectives of liberation from the centuries old domination of Turkey and Iran. The strengthening of Georgia encouraged the Yerevan and Ganja khans to acknowledge the supreme sovereignty of Irakli.

In the end of 18th century and especially in the first half of 19th century the Transcaucasia found itself in the center of attention of Russia's vital military and political programs. One of the main directions of the Russian foreign policy was the Eastern Question and the Caucasus was one of its most important elements. Russia's attempts to acquire these territories through peaceful means were not successful. Russia had to solve the issue through military means. A new Caucasian front was formed, which for almost two centuries brought Russia to clashes with two long-time adversaries in the region: first with Persia, later mostly with Turkey. The successes of the Russian military helped Alexander to establish the Russian presence in the region. Russia acquired new extensive territories. The Caucasus was conquered.

Russia was able to present its conquests as defense of the Christian population of the region, which in turn played an important role in the victory of the Russian army. Local Christian peoples, first of all Armenians and Georgians, supported Russians through all possible means, hoping to be liberated from centuries-long Turkish and Persian rule. At the same

time, the Russian court was solving important geopolitical problems of the Russian Empire. First, enlargement of the Russian borders opened wide perspectives for Russian trade on Asian markets. Second, acting as a benefactor of the local peoples, the Russian government acquired not only a political ally but also a hardworking and industrious population, which was useful for the economic development of the southern regions of Russia. Third, the Russian imperial court realized that by taking its borders to Koura and Araks rivers, it would secure its southern borders not only from Persia and Turkey, but also from Britain and France who had their own interests in the region. Moreover, there was a clear understanding that Transcaucasia would become a power base for Russia in order to spread its influence in the countries of the Middle and Near East. These considerations brought Russia to the great battle for the Caucasus.

According to the Turkmenchay treaty, signed on February 10, 1828 between Persia and Russia, Persia relinquished its claims to the South Caucasus, and ceded the territory of Yerevan and Nakhijevan khanates to Russia. From the Yerevan and Nakhijevan khanates that were joined to Russia, on March 21 1828 the “Armenian region” (“oblast”) was formed. It included also the district (“okrug”) of Ordubad.

Turkmenchay marked the end of the process of the unification of Georgia, North Azerbaijan and Eastern Armenia with Russia. But large chunks of territory of these countries continued to remain under the domination of Persia and Turkey. The treaty significantly strengthened the position of Russia in the east. The South Caucasus was not only a raw material source for Russian industry, but also became a bastion of Russian influence on its southern borders.

The unification of Georgia, North Azerbaijan and Eastern Armenia with Russia, beyond doubt, encouraged the faster development of economy and culture of these countries. Also, the process of ethnic consolidation of the Azerbaijani people intensified, as a result of which many Turkic and non-Turkic ethnic groups fused with the Azerbaijanis.

However, we also need to note that beginning from the 1830s it became obvious that czarism had a new policy with regard to the peoples of the

newly acquired provinces: a policy of open social and national oppression. In 1831 secret police became instituted in the Transcaucasia. The czarist authorities instituted “meticulous control” over those, who according to them were dangerous. The lack of legality was obvious everywhere: “the local administration oppressed the population of the Transcaucasian region in the following way: the bread that was to be paid as a tax was collected in abundance... the local administrators forced the population to pay different levies and duties specially for themselves... The population could not protest against the burden of these arbitrary taxes... the local administrators in the Transcaucasian region were an example of breaking the laws, rather than keepers of the laws...” – was said in a document from these times.⁴³

The peasants of the South Caucasus sometimes silently, sometimes openly expressed their dissatisfaction with the policy of czarism. The arbitrary behavior of czarist bureaucrats became the reason for peasant uprisings in Kartli in 1804, in Kakheti in 1812, in Imereti in 1819-1820. In 1829 Azerbaijani peasants revolted, in the same year the peasants of the Akhaltsikhe uyezd, in the 1830s – in the Armenian region, etc. Thus, the fate of the peoples of the South Caucasus was the same, since in these uprisings Armenians, Georgians and Azerbaijanis struggled side by side.

As a matter of fact, the relations between Armenian, Georgian and Azerbaijani populations were quite normal, it is even possible to say, friendly. In Tbilisi, in Baku, in the center of Eastern Armenia, Armenians, Georgians and Azerbaijanis lived side by side, developed their businesses, built factories, opened their shops, and when problems arose, solved them. If we add to this the facts of the activities of the Armenian entrepreneurs in Baku and Tbilisi, this will prove that in these cities Armenians had all the favorable conditions for economic activity. To sum up, their nationality did not have large significance. The cities Tiflis and Baku during the 19th and the beginning of the 20th centuries were important centers of development of Armenian culture. At the same time, the presence of Armenian

⁴³ Նի . Անու, մի ամսի ինչ Երևանի քաղաքի քաղաքացիները անհարկաբեկ-անհրե էին քննել /ԱԵԱԵ/, ծ.VIII, թ.11.

entrepreneurs and intellectuals in these cities, naturally, had a beneficial influence on both Georgian and Azerbaijani industry and cultural life. In other words, all the three peoples were gaining something. On the other hand, because of the same imperial policy, the inter-ethnic relations between these three peoples were changing fast, naturally towards the worst.

Everything said above means that the essence of the problem is the opportunity for free and independent life for each people, since only independence can guarantee the possibilities for formation of a people and its further development. In the historical conditions of the 19th century not a single people could count on the social and national liberation without joining their efforts with those of the other peoples, first of all – their neighbors. Thus, the unification of the peoples of the Transcaucasia within one state in the beginning of the 19th century, irrespective of the aims of czarism, had progressive significance not only in terms of their economic and spiritual development, but also for their subsequent consolidation and strengthening of the bonds between them. It was a great achievement of the progressive leaders of the struggle for liberation in the Transcaucasia that they clearly understood this circumstance and did not perceive the interests of their people as being opposing to the interests of other peoples. Without a doubt, in Georgia, Azerbaijan and Armenia different social-political currents existed that differed from one another in their specific expressions, conditioned by the peculiarities of historical development and by their traditions.

However, as czarism was getting weaker and revolutionary processes began in Russia, the relations between Armenians, Georgians and Azerbaijanis changed completely. Czarist government and high-ranking officials were looking for ways to break the unity of the peoples of the Transcaucasia. They even utilized such criminal methods as enflaming the religious and national hatred between these peoples. On February 6 1906, with the encouragement of the Baku governor, Armenian-Azerbaijani clashes began, which lasted for several days. Clashes took place also in other regions of the Transcaucasia. Backward groups of population were easily enflamed by

the calls of the so-called “leaders” and took part in the pogroms. The provocations of the czarist government created a fertile ground for inter-ethnic strife. The wave of pogroms started in November in Baku and then reached Georgia and Armenia. Only in September 1906 the czarist government took the measures necessary for stopping the bloodshed, since it was no longer necessary to destabilize the situation. At the same time, we have to state the fact that during the Armenian-Azerbaijani clashes, calls for restoring the friendship could be heard coming from the democratic circles of both peoples, especially the Armenian poet H. Toumanyán and Azerbaijani poet M. Sabir.

As czarism collapsed in Transcaucasia national (nationalist) tendencies became more articulate. National councils and political parties that were active in Transcaucasia focused mostly on territorial problems. In the Georgian areas of Transcaucasia the influence of the party of the Mensheviks was evident, respectively in the Armenian-populated areas – the influence of Dashnaktsakans, in the Muslim regions – the influences of the beks.

With the creation of separate independent republics in 1918, the national issues in the Transcaucasia not only were not resolved, but, moreover, lead to a stalemate. Territorial claims created tension in the relations between Armenia, Georgia and Azerbaijan. After the proclamation of independence territorial disputes emerged between Armenia, Georgia and Azerbaijan. Thus, the struggle for borderland territories in December 1918 lead to a short Armeno-Georgian war. Allied powers interfered. In January 1919 Armeno-Georgian conference was convened, which was supposed to solve all territorial issues. The issue of disputed territory was finally resolved in 1921, when Akhalkalaki was given to Georgia, and Lori – to Armenia.

The relations between Armenia and Azerbaijan took a different course. The relations with Azerbaijan were tenser. However, Armenia sought to solve the disputed issues through peaceful means. Negotiations between Armenia and Azerbaijan were carried out. Among the disputed issues in the relations between Armenia and Azerbaijan were the problems of Nagorno-Karabakh, Zangezur and Nakhijevan. Though, with the mediation of Soviet Russia,

these issues were somehow solved, a lasting peace between Armenians and Azerbaijanis was never established. With the break-up of the Soviet Union these issues resurfaced in more acute form. Thus, already in the new conditions, that fact that the problem of Nagorno-Karabakh was not solved lead to a bloody war.

Therefore, when we make a journey into the past (and also, comparison with our times), the essence of many unresolved issues of the South Caucasus becomes more obvious. Whatever the course the events in our region take in the future, there is one undisputed truth: Armenians, Georgians and Azerbaijanis lived side by side for ages and will live in this way forever.

Conclusion

- Common life and multi-faceted development of Armenian, Georgian and Azerbaijani peoples needs to occur in this region, irrespective of the territorial and ethnic problems that have emerged between them. Unlike political problems, business and cultural links between those peoples existed in an atmosphere of willingness to seek compromise and agreement. Therefore, it is necessary to further deepen the entrepreneurial and cultural links, which, at least to a certain degree, will, hopefully, assist in achieving a lasting political agreement in the region.
- The peoples of Transcaucasia have to understand that the newly acquired independence and development have a higher priority than territorial contradictions, which, as history suggests, can be protracted;
- As an important step in order to solve the political questions, I suggest to hold discussions between the immediate sides of the conflict, in an atmosphere of mutual self-restraint, and, what is the most important, to undertake steps aimed at eradicating the atmosphere of hatred and misunderstanding. To sum up, the issue is the formation of positive public opinion.

- Continue meetings and discussions between intellectuals representing different spheres of culture of these peoples, regarding the issues listed above, with a special focus on the positive sides of these links. This is especially important, since, as it is well-known, our societies are not yet ready for dialogue, let alone compromise (especially when it comes to territorial problems).
- These are the issues and directions in which the public opinion makers in our countries have serious problems, therefore international organizations and European structures need to double their mediator efforts in the region. Tomorrow will be too late, since conflicts have a tendency to develop. In the end, the Caucasus is our common home and this home needs to have a reliable foundation under a peaceful sky.

There is a saying that the lessons of history do not get old, they only leave the stage temporarily and then return with a vengeance. They definitely do.

Towards Understanding of the Georgian-Armenian Relations

Georgians and Armenians, the most ancient representatives of the Caucasian civilization, are connected through long history of relationship. The leaders of these nations have always comprehended the value of each other and did their best to strengthen the versatile connections, dictated by the course of their lives. It is significant that in the Middle Ages the Georgian historiography elaborated the theory of common origin of the Caucasian peoples. An original solution of this question how could the Caucasian people find common sense, one can find in the work of the famous Georgian historian - Leonti Mroveli. This was the phenomenon that Korneli Kekelidze meant, when he noted that: “the idea of brotherhood of the peoples of the Transcaucasia, particularly of Georgians and Armenians, was a progressive idea, which played an important beneficial role in the further history of these peoples.”⁴⁴ The necessity of studying of the past of Georgia and Armenia in interconnection was first noted by famous Kartvelologist Mari Brosse. To enrich the basis of the Georgian historical documents, from the 1860s he started studying of the Armenian sources. As a result he translated and published 12 Armenian sources, studied in detail the old Armenian literature, the monuments of the Armenian material cultural, Armenian numismatics, sphragistics, etc., and afterwards held special researches in the field of these subjects. Generally, he dedicated last two decades of his life to investigation of the problems of Armenian studies. Such a deep education allowed him to examine substantially the historical relationships of Georgians and Armenians and, in the essays he paid a special attention to studying and analyzing of the materials gathered in the area of Akhpat-Sanaian and adjacent territories, which were the places of Armenian-Georgian meeting. Thus, academician Mari Brosse was

⁴⁴ K. Kekelidze, *Etudes from the History of Old Georgian Literature*, III, Tbilisi, 1955, 107

factually the first to attempt studying the relationships of Georgians and Armenians on the scientific level and created the solid basis for the future generations.

Political, economic, social and cultural interconnection of Georgia and Armenia in the remote past was the subject of special interest of the another scholar - Niko Marr. His researches were mainly related to study of the questions of the primary sources. Although Niko Marr has not created any special work concerning historical relationships between Georgia and Armenia, but his numerous philological and historical studies provide scholars with the number of in-depth scientific observations and certain conclusions, which have still not lost their value.

The great Georgian historian Ivane Javakhishvili also paid a great attention to studying of the issues of historical relationships between Georgians and Armenians. He considered the history of Armenia as one of the most serious means to study the past of Georgia, and in this respect he studied in details the history of the ancient and the Middle Ages Armenian state and law, historical writings, primary and secondary sources, paleography, epigraphy, historical geography, etc. While studying the history of Georgian economics, Ivane Javakhishvili noticed, that the majority of the ploughing equipment, especially technically improved ones, are of Georgian origin or had been brought to Armenia from Georgia. He also pointed out that some of the grape varieties had also been imported and spread in Armenia from Georgia. On the basis of the relevant materials Georgian historian not only proves the fact of economic collaboration between the neighbors, but also clearly shows the nature of this collaboration – “the influence of the highly developed agriculture of Georgia on the system of farming of the neighbors.”

Ivane Javakhishvili was the first among the Georgian scholars who profoundly assessed the numerous complicated and cardinal issues existing in the history of the Georgian and Armenian nations. According to his

conclusions, the issue of religious unity or schism of Georgians and Armenians considerably depended on whether Georgians would hold with the eastern – Persian or western – Greco-Roman Christian religious traditions and ideology. In comparison with political orientation, dogmatic and national elements of the conflict seemed to be a minor issue.⁴⁵

The fight for conquest of Kartli in IX-X cc. gradually acquired common-Caucasian significance. About involvement of the Armenian rulers into this fight, Ivane Javakhishvili wrote: “If up to now only the Georgian rulers fought to each other, since this moment, the involvement of the Armenians widened the boundaries and the scale of the fight. If previously the fight was supposed to determine the Georgian sovereign, who would become the ruler of Georgia, since now, the fight could determine who should become the ruler of Georgia and Armenia, i.e. of the entire Caucasia. Kartli was the heart of the country and it was extremely important for the political future of each of the rulers to conquer this place.”⁴⁶

From the second quarter of the XIII c. when the Transcaucasia became the object of permanent invasions of the nomad tribes, the qualitatively new stage started in the relationships between Georgia and Armenia, especially since XV c. Torn apart from Georgia and placed within hostile environment, Armenia becomes the part of various political unions of the invaders and that’s why the pattern of social development so resembles to the patterns of the foreign oppressors, without prospect to retain the historical links with Georgia. But, at the same time, aggravated political situation makes Armenia to restore the lost links with Georgia for the sake of its national interests. In accordance to the changed political conditions, new forms of relationships established, developing in parallel with the interests of the of the Georgian state. The leadership of Georgians in the fight for liberation becomes absolutely natural, at least due to the fact that by that period Georgian is the only country in the South Caucasia able to

⁴⁵ Ivane Javakhishvili, *The History of the Georgian Nation*, vol. I, Tbilisi, 1928, 355.

⁴⁶ Ivane Javakhishvili, *The History of the Georgian Nation*, vol. II, Tbilisi, 1948, 48.

retain its statehood. These objective conditions mainly determine the nature of the historical relationship between Georgian and Armenian nations in the XIII-XV cc.

It is recognized that the natural conditions are extremely important for general development of any society. In this regard, outstanding Georgian historian Niko Berdzenishvili conducted a most important observation of the specificity of historical development of Georgian and Armenian nations. He marks out, that due to favorable agricultural conditions “the same as Ararat valley created the basis for shaping of the Armenian nation, development of the Georgian nation was preconditioned first of all by Kvemo Kartli, then Mtskheta and Zena Sopeli (together with Kvemo Kartli).” The same as Armenian people, living in Ararat Valley, assimilated many non-Armenian tribes and made Armenized them, the tribe Karti similarly assimilated and Kartized various non-Karti tribes.⁴⁷

Comparing Georgian and Armenian feudal relationships, first of all one should get acquainted with the geographic environment and the specificities of the natural conditions, which influenced the agricultural and social development of these nations.

Georgia and Armenia are mountainous countries. Despite the visual similarity of the relief, these two countries have significant differences, which inevitably impacted the lives of the two neighbors, especially on their economic of development. The first evident difference can be noticed according to vertical zoning. 90% of the entire territory of Armenia is situated at more than 1000m above the sea level, while 50% of the territory of Georgia is within this zoning. Due to this fact, the lands in Armenia, apart from Ararat Valley, are situated much higher than in Georgia.

From agricultural point of view, the difference of climatic conditions is even more evident. Georgia is mainly characterized by more moderate

⁴⁷ Niko Berdzenishvili, *Issues of the History of Georgia*, vol. VIII, Tbilisi, 1975, 249-250.

climate, but climate in Armenia is inclement and continental. Central part of Armenia – Sevan grassy hollow (between mountains), Shirak and Aparan plateaus – is characterized by very hot summers and cold winters. In Georgia the climate allows practice of non-irrigated agriculture, but in Armenia, due to severe droughts, non-irrigated agriculture is absolutely impossible at 1500m above the sea level. Compared to Georgia, construction of artificial irrigation schemes are impeded by one more difficulty – the specificity of hydrographic network. Rivers here flow mainly in deep gorges, due to which fact, for irrigation of their banks and adjacent areas it was necessary to construct numerous small and major canals almost from the river heads. Moreover, the mudflows, characteristic for almost all rivers in Armenia were very harmful for agriculture. Therefore, unlike Georgia, the main factor determining the specifics of agriculture in Armenia, was the dependence upon artificial irrigation of cultivated lands. Due to extremely dry climate, agriculture in Armenia was initially linked to irrigation systems. This feature made Armenia similar to Near Eastern countries, where the main condition for agriculture was artificial irrigation.

The deep specificity, characteristic for the above agricultural system must also be taken into consideration, which means that, as a rule, artificial irrigation always created serious challenges for occurrence and development of private property on the land. Therefore, if the character of the Ancient Eastern civilizations were mainly determined by irrigation agriculture, later, the same irrigation agriculture in the same regions became the reason of a social lag. Large despotic states, which were so essential to regulate the process of irrigation, suppressed any manifestation of private initiative and widely limited the development of private property.

Unlike Armenia, the natural conditions in Georgia were not able to limit the development of agriculture by communal relationships. In Georgia, together with irrigation agriculture, non-irrigation agriculture was also widespread, which in its turn influenced the ways of social development.

Non-irrigation agriculture does not require the labor of big community, and that's why the communal organization does not have firm grounds here, and therefore the conditions for limitation of development of private property is not strong enough. But, on the other hand, it requires more complicated agrotechnical methods in comparison to irrigation agriculture and therefore means higher level of development of the society (deeper ploughing, development of selection, artificial fertilization, etc.).

As it was pointed out by Niko Berdzenishvili, irrigation by full-flowing rivers, conducted only by the kings, is interesting by the effect it had for further development of the country, rather than the use in this process the slave labor. It is well-known, this did not give birth to Eastern slavery and despotism in Georgia. These type of early relationships facilitated development of feudalism and private property on land. In social terms the highland communities maintained leadership in the competition with the valley, and this was the specificity of the Georgian feudalism.⁴⁸ The agricultural conditions were different in Georgian and Armenia, and to due this fact the social development in these countries had different direction, relevant to specificity of their agriculture.

There are two different opinions about the nature of the supreme political power in Armenia. According to the first one, feudalism in Armenia had the Eastern, or Asian form, for which is characteristic private and collective ownership on land and not private ownership. The entire state lands were considered as the ownership of the absolute and sovereign monarchs. This opinion is normally opposed by the opinion that the Armenian feudalism was mainly similar with the western-European feudalism.

Generally speaking, the natural-climatic environment of Armenia created the agricultural conditions similar to Eastern one, and so existence of Eastern type land ownership (or the patterns very similar to it) is quite expected here.

⁴⁸ Niko Berdzenishvili, *Issues of the History of Georgia*, vol. VIII, Tbilisi, 1975, 163-164.

Individualization of the production and a smaller portion of collective forms of farming, which was mainly conditioned by natural conditions of Georgia, became the characteristic specificity of the Georgian society and mainly preconditioned the higher level of the institution of private property compared to our neighbors.

Therefore, different agricultural conditions predetermined different rate of the feudal development of Georgia and Armenia.

Very soon the institution of community disintegrated and finally disappeared in Georgia (in lowlands), and widely opened the way to previously developed institution of private property. Georgian feudal lords finally became the owners of the lands as well as of the farmers. Thus the Georgian feudal relations reveal close similarity with the western feudalism.

In Armenia, due to its great economic significance, the community institution retained the strength and endurance, which to certain extent limited widespread of private property and its free functioning. All these gave to feudal relations in Armenia slight oriental nuances and impeded deepening of the feudalization process and completion of development of feudal institutions.

It should be stressed that XIII-XIV cc. (as well as XII c.) was a particularly important stage in the history of the Georgian and Armenian peoples. During this period, the developed and established forms of relations determined the further relationships between these two peoples: the period, when Armenian lands were the part of the Georgian feudal monarchy, influenced the minds of the contemporary society so that when in the later period (XVIII c.) the Armenian political circles discussed the issue of

liberation of the Armenian lands and revival of the Armenian state, the latter was considered only within the joint Georgian-Armenian state.⁴⁹

Despite the unfavorable foreign situation, by the end of the X c. till the middle of the XI c. the ultimate goal – internal unification and creation of unified Georgian kingdom – was solved successfully for the Georgian feudal society. This was a serious step towards solution of more important issues of the entire Caucasus scale. Unlike Armenia, Georgia resisted attack of Byzantium and in the battles against Turks not only retained the state organization and structure, but also managed to grab the reins of the liberator of the whole Caucasia. The necessity of consolidation of the Caucasian peoples against the Turk-Seljuks stimulated creation of a unified multinational state within the Caucasia and speeded up its practical implementation. After ousting the Turks from the South Caucasia, the territories with dominating Christian population became a part of the united Georgian state. Among them, liberation of the Armenian lands and their inclusion into the administration of the Georgian Monarchy was completed in the beginning of the XIII c.

During this great cultural process (i.e., the process of Georgian, Armenian and other cultures coming closer and enriching each other), number of ethnic, political and cultural concepts and terms changed their initial meaning and transformed into more overwhelming ideas. During this period, the words “Georgia” and “Georgian” transformed into collective names and in addition Georgians themselves and their country, meant a new political and cultural union – the world of feudal Caucasia. In the opinion of Queen Tamar’s first historian (the author of “The Histories and Glorification of Crowned”), this world was spread from “Nikopsia (mod. Tuapse) to Darubandi” (mod. Derbent) “Georgia” was also perceived as a large country by other authors of the same period. Analyzing the data, provided by these authors, Niko Berzenishvili concludes, that in their perception,

⁴⁹ Guram Maisuradze, Relationship of Georgian and Armenian Peoples, XIII-XVIII cc. Tbilisi, 1982, 79.

Georgia was a multinational country, but at the same time remaining as a whole country – Georgia, where the relatives of Georgians is the defining phenomenon.⁵⁰

Consequently, Armenia, politically dependent upon Georgia, sought for retaining of its national identity in religious differences, and that's why the politics, ignoring religious originality, encountered significant resistance from their part. According to Stepanos Orbeliani, in those times, all sharing the views of “Georgians and Greeks” were publicly cursed at the meetings of Armenian national church. To defend the national religion the theoretical writings were created within the Armenian religious circles. These writings attempted to prove the truth of the Armenian denomination and justify impossibility of religious unification with Georgia.

Although, it was not easy to turn Armenians into Georgians, as Armenians, having great history and high cultural values, had their own religious identity by this period, but obviously, the implemented national policy still provided general results, favorable for the state. According to the reference of a Georgian chronicler, after one of the well-known religious dispute in Tbilisi, many Armenians came to be baptized. After this the Chalcedonian positions within the Armenian society become even stronger.

Thus, Georgian Christianity and Georgian feudal culture in general was an effective ideological means for unification of the peoples living in the Christian states of the Caucasus. Success of this unification was predetermined by common interests of feudal lords and specificities of development in the Caucasia.

In this very salutary situation, when Armenia, as a part of Georgia, developed socially, culturally and economically without any barriers, the Armenian population, absolutely lawfully perceived the Georgian feudal monarchy as their own statehood, thus recognizing cultural and political

⁵⁰ Niko Berdzenishvili, *Issues of the History of Georgia*, vol. VIII, Tbilisi, 1975, 295.

unity with it. As it was noted by prominent Georgian historian Simon Janashia, “The ideological and even psychological sides of the issue are expressed by the fact that the Armenian population perceived the Georgian statehood with its administrative apparatus as their native statehood.”⁵¹

In the 20-ies of XIII c. the challenging times started for the population of the Caucasia. The reconnaissance attacks of Mongols were the first bad omen for the country, relaxed by victories. In the difficult times the fatal nature of developed feudal state was fully revealed. Facing the danger, private interests of feudal lords prevailed over the state interests and instead of bringing together the defense force of the country, the nobles of Georgia gave away in order to retain their own lands.

It is characteristic, that despite the disconnecting policy of the Mongol rulers, the nobles of the Armenian part of Georgia still tended towards the Georgian royal court and could not finally part themselves from the Georgian feudal relations. Therefore, the social-economic and political life of Caucasian Armenia was still directly linked to the Georgian state even in the hard times of the Mongol rule and in this regard no dramatic change was made by outer influence.

The Mongol invasions made a significant harm to the economy of the developed agricultural country. The Armenian communities of Georgia suffered most of all, where the conditions were most favorable for nomad lifestyle principles. That is why the fertile valleys of Iori, Alazani and Mtkavri rivers became the main target of Mongol hordes, but Mongols occupied even wider areas in Armenia.

The same picture was maintained in the period of Tamrlane’s invasions. In Armenia, where the farming population was seriously oppressed by nomad tribes, as a result of violence of the new invaders the community of the

⁵¹ Simon Janashia, *About one Example of Misinterpretation of Historical Truth*. Tbilisi, 1947, 47.

local land owners was almost fully replaced by nomad aristocracy. Even in the heart of the country, the Georgian nobles were forced to give away their land ownership to the Turkmens and abandon their ancestors' lands. The reduced number of Armenian feudal lords, having been deprived of their lands, were not any more able to join the Georgian army and defend the "Christian Land" together.

Later, especially as from the XV c. the political developments taking place in the near East and Armenia, made a huge harm to the national organism of Armenia both physically and in terms of internal development. The areas adjacent to Ararat valley and Arax river were almost totally deserted and the places abandoned by local population were settled by other ethnic groups. Massive migration of Armenians, which started in XIV-XV cc. of course acted adversely for their ethnic development. Enough to say, that by the end of the XVIII c. Armenians made only 20% of local population in the East Armenia.

It is natural that in the various Armenian colonies, spread all over the world, the conditions for living and development were different, which accordingly influenced the national identity of Armenians living there. In such a situation, the territorial and economic life was disintegrated, and without such integrity retention of ethnic signs of local Armenians and their development was jeopardized. As it was noted, as the times passed, Armenian colonies living in seaside cities of Netherlands, Poland and Italy fully assimilated with the local populations, and naturally could not play any role in life of Armenian. The reason of such consequences was considered the existence of political oppression of Armenians in these countries and in the countries, where brute assimilative policies were implemented, the self-preservative instinct made Armenians to retain their original identity. This originality of the Armenians, thrown far away from their country was quite conditional, as sooner or later in the foreign social, political and cultural environment the loss of originality was almost inevitable. By the opinion of Niko Marr, the Armenians' historically

developed tend towards trading was proportional to their denationalization. In this case, Niko Marr meant the specific conditions of living and working of the Armenian merchants, which conditions forced them not only to adapt to the strange environment, but also to give up national interests for economic benefit.⁵²

National identity in Armenian colonies woke up relatively later, when the strong competitiveness of the European capital and destructive economic policies of Eastern despotic states forced the Armenian trading circles to take care of their own base to lean on. It is worth of noting, that the Armenian society of the later period connected the possibility of their national development to Georgia and Georgian statehood. The reason for that should be sought not only in the fact that Georgia was culturally close for Armenia, having common political goals, but also because of the fact that in the perception of an Armenian, the Georgian state, fighting for the saved independence, included a strong impulse for revival of old and creation of new. Therefore, Armenians, who came to Georgia, did not feel strangers and felt they were the lawful builders of this country together with the local population. Neither the Georgian statehood ever limited this trend of the Armenians.

In such a favorable environment, all the layers of the Armenian feudal society had their own conditions of living in Georgia. As it seems, confessional contradictions were also significantly reduced. In the sources dating back to XIV-XV cc. almost no data is encountered showing religious oppositions.

During this period, Georgia, busy with the struggle with Turkmens, faced a new, very dangerous neighbor – the Turk-Ottoman military-feudal state. The problem of its neutralizing had a vital significance not only for Georgia, but also for the other Muslim countries of the Near East. And this

⁵² Guram Maisuradze, Relationship of Georgian and Armenian Peoples, XIII-XVIII cc. Tbilisi, 1982, 289.

was an extremely serious problem, which became also one of the most important issues even for the European diplomacy.

As from the beginning of the XVI c. a long struggle for ruling the Near East starts between Safavid Persia and Ottoman Empire. The outlined goal required from the opposing parties first of all to conquer the Caucasia, mainly for the international trade routes and favorable strategic location. Since XVI c. till the 30-ies of the XVII c., apart from minor exceptions, these major conquerors never stopped attacking the Caucasia.

Suppression of unpunished invasion of the enemy was possible only in case of consolidation of the forces of the Caucasian peoples. This simple truth was clearly understood in the Caucasia, especially in Georgia, where this great political idea had been on the agenda since XII c. Although since XVI c. the situation for implementation of this great idea was the most unfavorable. It had been a long time that in the neighboring Armenia there was not local political force, based on historical and cultural traditions. The eastern neighbors – Shaki and Shirvan, weakened by internal wars, turned into ordinary provinces of Iran. And Georgia itself was politically disintegrated and engrossed in internal wars. It was clear that organization of the struggle against the common enemy should start with the struggle for unification of Georgia, which would also mean final reunification of the Caucasia. Therefore, the selfless struggle of Georgians was not just sympathized but also actively supported by other nations of the Caucasia. This great struggle was led by the kingdom of Kartli, which did not recognize the fact of political discomposure of the country⁵³

At the edge of the XVI-XVII cc. in the Near East the balance of power was changed in favor of Iran. However, this time it was not only Iran and Ottoman Empire fighting for the Caucasus, but Russia also interfered in this fight. It publicly claimed the right for ruling the Christian peoples of the Caucasia.

⁵³Essays on the History of Georgia. Tbilisi, 1973, 85.

During this period, in the course of the struggle for independence, the nature of the Georgian-Armenian relationship was clearly defined. The king of Kartli Teimuraz I lined the state borders of the Georgian feudal monarchy and claimed to be the political leader in the South Caucasia. Movses, one of the most respected Catholicos in the Armenian history, himself offered Teimuraz I to be blessed as the king of Georgia and Armenia and stated that the Armenian noblemen are for the rule of Teimuraz I in Armenia.

The Georgian reality allowed only for the unification of the Georgian kingdoms and principalities. But the most important thing is that these separate political units for the Armenian Catholicos Movses still represent one whole country – “The Christian Land,” seriously opposing the Muslim world. That is why struggle for revival of the Christian Land for the Armenian noblemen meant the struggle for liberation and revival of the Armenian state. It should be noted that establishment of political hegemony in the Caucasia and unification of the Christian Caucasian peoples as one state was planned by the governors of Georgia in agreement with political circles of Armenia.

So, in the XV-XVII cc. the relationships of Georgia and Armenia was adversely influenced by extremely difficult external conditions, which finally destroyed the cultural and political integrity, achieved during the previous centuries and streamed their future into different directions. The task of the neighboring nations was to restore the status quo – revive the Christian country in the Caucasia. The leadership of the Georgian state in this liberation struggle mainly determined the nature of the relationships of Georgia and Armenia in the given period, according to which major part of Armenians perceived Georgia as their supporter and shelter. That is why Armenian aristocracy and mainly the majority of Armenians supported the Georgian statehood and devotedly collaborated with it.⁵⁴

⁵⁴ Guram Maisuradze, Relationship of Georgian and Armenian Peoples, XIII-XVIII cc. Tbilisi, 1982, 162.

In the second half of the XVII c. agricultural growth of the South Caucasia preconditioned development of economic relations between the neighboring countries. By this period, one of the most important forms of economic relationship of Georgia and Armenia was attraction of Armenian population to Georgia and their active involvement into the industrial economic life of the country.

Attraction of population from other countries was firstly predetermined by economic motives and its goal was to revive agricultural and urban life. Armenian sources mention creation of favorable living conditions for Armenian population by Georgian kings with gratitude. Creation of the above-mentioned conditions is mainly connected to the kingdom of king Rostom, when relatively long peaceful period starts, which allowed the kings, descendents of Bagrationi branch from Mukhrani to implement wide scale rehabilitation activities in the country.

The Armenian population in Georgia did not just come to Georgia according to their own choice, but the Georgian government had sometimes to take special measures for that, e.g., in 1779, while attacking Yerevan, Erekle II resettled population of 8 Armenian villages to Georgian villages and towns. This measure taken by Erekle II was dictated by economic considerations.

From the economic point of view, involvement of the resettled Armenians into trading was the most important part. This was probably stimulated by the fact that a resettled person in this situation did not require farming space, like land and created the material basis by trading, thus avoiding social conflict with local population.

By this period, the economic relationship between Georgia and Armenia is represented in the form of certain connection of the Echmiadzin land ownership organization to the Georgian feudal ownership and trading and production in the Georgian cities. In the relationship of Echmiadzin with the Georgian government linked the counter-determining economic and

political interests, which in its turn played a positive role for the neighbourship of these two nations.

In the XVII-XVIII cc. the main characteristic form of economic relations between Georgia and Armenia was still trading, favorable conditions for which was first created in Kakheti as from the XVII c., and then in the 30-ies of XVII c. in the kingdom of Kartli. The biggest center for craftsmen production was the capital – Tbilisi, where almost all the field of crafts were represented.

There were several trade and transit routes, connecting Georgian and Armenian cities. Out of them the most significant were the following routes: 1. Shemakha-Arashi-Ganja-Tbilisi-Yerevan and Baku-Nukha-Kakheti-Tbilisi-Yerevan. These routes, which connected major trading centers of the South Caucasia and then ran to Iranian and Turkish main trading routes, were collected in Tbilisi.

Armenian merchants, particularly the representatives of Arez and Ispahan trading companies simultaneously acted as diplomatic representatives of Georgian kings, assisted them in establishing connections with monarchs and major political officials of various countries. Accomplishing these duties, this part of the Armenian merchants related possible strengthening of Georgia for the sake of the future of their own country. The idea of creation of a united federal state of Georgia and Armenia was conceived and developed in within these circles.⁵⁵

As from the second half of the XVII c. despite the instable internal and external conditions, the social layer of the merchants still develops and grows. In Georgian sources the ethnic term “Armenian” is often identified with the social term “merchant.” As it was defined by Davit Batonishvili “Armenians make a group and deal with commercial activities both within

⁵⁵ Guram Maisuradze, Relationship of Georgian and Armenian Peoples, XIII-XVIII cc. Tbilisi, 1982, 193.

and beyond Georgia... this nation is perceived in Georgia only as merchants.” Similar references are made by foreign travelers, too. According to one of such reference: “Local (Georgian) noblemen have an aversion to handicraft and trading... these businesses are for foreigners, Armenians, Jews – there are plenty of them in the country.” However, using the ethnic term “Armenian” for the entire social layer is supposed to mean the prevalence of the element in trading and not the fact that this ethnicity had full monopoly in this field.

Thus, in the Georgian sources, the ethnic term “Armenian” used as a synonym for a “merchant” considerably widens its meaning in the Georgian reality of the XVII-XVIII cc. and obtains social meaning as well. Moreover, “Armenian” becomes mainly a social term, due to which fact it is used for the entire social layer, which often includes almost the whole city population.

Another social term “Georgian” was seen as an opposite term to “Armenian” and was mainly used for feudal aristocracy. This social circle was given an ethnic name due to prevalence of Georgians in it and this determined also the confessional belonging, characteristic for them (Georgian Orthodox).⁵⁶

It is also worth of mentioning, that non-Armenian individuals involved in trading normally “became” Armenians – changed their confession for Gregorian. Georgian merchants and craftsmen did the same. Professional unions of Georgian cities, due to prevalence of Armenians in trading, were connected to the monophysite Church. That is why, becoming a member of these unions and obtaining certain privileges was possible only by changing the confession for Gregorian.

⁵⁶ Guram Maisuradze, Relationship of Georgian and Armenian Peoples, XIII-XVIII cc. Tbilisi, 1982, 306.

Historians point out that both of these social groups, together with the others, made the unified Georgian feudal society, in which further development of the Georgian ethnic and social unity could be appropriate for the nature of advancement of the industrial powers and the society of the country. Most significant is the fact, that the speaking and writing language of the Armenians living in Georgia in this period is mainly Georgian. This resulted in occurrence and development of trilingual Ashug city poetry, representatives of which (Saiat-Nova, Shamchi-Melko, Gurji-Ogli, etc.) were extremely popular.

The results of relationship of the Georgian and Armenian peoples were to certain extent reflected in long-term ethnic and cultural processes. The nature and intensity of these processes were directly dependent upon the specificity of social development of the neighboring countries, apart from specific local conditions, it was also predetermined by creative work of both nations and selfless struggle against invaders. In Georgia, saved statehood of the Georgian nation stimulated Armenians to struggle for future development. In the later period (XVI-XVII cc.), the Armenian trading capital influenced the social and economic development of Georgia, which resulted by changing of the confession for Gregorian by one major part of the Georgians involved in this field. On the other hand, according to social advancement of the country, major part of Armenians living in Georgia, being advanced in state and administrative structures, became Georgians – changed their confession for Orthodox and became part of Georgian ethnic and social element. Of course, these events supported regulation of social and ethnic relations within the country, which in its turn preconditioned internal stability and strength of the country.

Cultural-Educatory Work of the Georgian Diaspora in Azerbaijan at the End of 19th and Beginning of 20th century

The present essay describes the cultural and educatory activities of Georgians living in Azerbaijan at the end of XIX and beginning of the XX centuries. Due to certain circumstances, in the article there is not discussed the situation of Georgians in Hereti from this angle. In the mentioned period the historical Zakatala county did not make a part of Azerbaijan. In the Russian Empire it was considered as part of Georgia.⁵⁷

As from the second half of the XIX c. Georgians massively settled in various cities of Azerbaijan: Baku, Ganja, Agstafa, etc.

In the XIX c. the oil production, developed on Apsheron Peninsula, transformed Baku into the biggest industrial centers of the South Caucasia. In 1872, the government sold the oil fields to physical persons through public sales. Among them were Georgians, too: Stepane Zubalashvili, Aleksandre Eristavi, Jakeli, etc.⁵⁸ Since 1877, the Baku oil drove out European and American oil companies first from the South Caucasia and then from the Russian Empire. In 1901, proportion of oil extraction in Azerbaijan to the world market was 50,7%.⁵⁹ Thousands of people from the South Caucasia and Russia came to industrially developed Baku to seek for employment. Georgians also did and their number increased every year.

By 1904, 3149 Georgian lived in Baku.⁶⁰ They lived compactly in one neighborhood and created the “Colony of Georgians in Baku.”⁶¹ They were mainly laborers. Georgians worked in Baku in various Treasury institutions. Apart from them, some famous Georgian Bolsheviks: Ioseb Stalin, Philippe

⁵⁷ Newspaper “Tsnobis Purceli” (Newsletter), 1899, issue No 717, 2.

⁵⁸ Paata Gugushvili, “Beginnings and Development of Capitalism in Georgia and the South Caucasia,” 1941, 277.

⁵⁹ Paata Gugushvili, “Beginnings and Development of Capitalism in Georgia and the South Caucasia,” 1941, 277, 284.

⁶⁰ Newspaper “Sakhalkho Gazeti” (People’s Newspaper), 1914, No 1103, 3.

⁶¹ Newspaper “Iveria,” 1903, No 61, 4.

Makharadze, Aleksandre Tsulukidze, Mikha Tskhakaia, etc. They were not involved in cultural and educational activities of Georgians living in Baku.

The Georgians in Baku had their own printed media in Georgian languages. On the 14th of January 1910 a weekly Georgian newspaper “Martsvali” (Grain) was issued, which had political-literary and scientific-historical direction (only 10 issues were issued).

Since January 1, 1913, another Georgian weekly political-literary magazine “Tskaro” (Spring) comes out, which at the beginning was not the means of propaganda of one political group. As from March 1913 it transformed into Bolshevik propaganda magazine “Chveni Tskaro” (Our Spring). Letters about national issues written by Noe Zhordania and Philippe Makharadze were published in this magazine.

Part of Georgians in Baku lived in hardship and in order to help them local Georgian intelligentsia held charity evenings every year.

“A charity evening was also held in 1899. Besides Georgians, it was attended by representatives of other nations.”⁶² The Georgian evenings were quite profitable, as representatives of almost all the ethnicities attended them with great pleasure.

In 1914, the “Sakhalkho Gazeti” (“People’s Newspaper”) wrote: “The Georgian Evenings in Baku turned into a tradition. It has been twenty three years that these evenings are being held. Therefore, in two years, probably a jubilee celebration will be held in Baku. Local Georgians love these evenings. Each family believes it’s their duty attend such evenings and contribute to them. Previously, when there were less Georgians in Baku, the main income was generated from non-Georgians. But now, major part of what the evening earns, comes from the pockets of Georgians. Before and now, locals used the income to manage their cultural institution. Almost none of the evenings during these 23 years have earned less than 400 rubles net.”⁶³ Despite of such an income, this money was not enough for Georgians living in poverty. For the purpose of protection of the compatriots, on March 3, 1903 a special assembly of Georgians was held, and it was decided to create “The Society of Assistance

⁶² Newspaper “Tsnobis Purtseli” (*Newsletter*), 1899, No 717, 3.

⁶³ Newspaper “Sakhalkho Gazeti” (“People’s Newspaper”), 1914, No 1103, 3.

to Georgians Living in Baku and Vicinity.”⁶⁴ The Charter of this Society included the following articles:

1. The necessity of communication between the Georgians permanently or temporarily residing in Baku and adjacent areas has long ago become obvious for the community of the Georgians in Baku.
2. The main task of the Society was to organize material and spiritual assistance and provide material and moral help to Georgians living in poverty through educational and other institutions.
3. For the purpose of improvement of economic conditions of living of its members, the Society provided material assistance to those, who lost their jobs or livelihood; it helped the members and their families in case of emergency, issued one-time aid or loans for them and shared all the details of economic life of its members.

Local government grossly interfered into the activities of the Society of assistance of the Georgians in Baku. However, their performance was very fruitful.

Since the 1880s, theatrical group has been gradually established in Baku. Many of the actors in this group were non-professionals. In the 1890s several professional actors joined the group and in the beginning of the XX c, the creative group of the Georgians in Baku established the Georgian theatre. The theatre was actively involved in charity: “in 1904, the Valerian Gunia’s play “Siblings” was performed. Many people came to the performance and the income was very big. In 1905, “The Faded Hopes” and the 5th act of the “Motherland” were staged. Two thirds of the income of these plays were given to the fund for the victims of the Armenian-Azeri conflict of February and one third was spent for cheap library. The second play was performed for the benefit of the people of Guria (province in western Georgia) which suffered because of tsarist repressions. Significant part of the income was again used to fill the Russian-Georgian library.”⁶⁵ The Georgians in Baku always helped the Society for the Spreading of Literacy Among Georgians. In 1909, a branch of this Society was opened in Baku. It was very active in terms of cultural and educational activities in Baku. On April 5, 1909, on the 25th anniversary of the Society for the Spreading of Literacy Among Georgians, Stepane Zublashvili

⁶⁴ Newspaper “Iveria,” 1903, No 61, 4.

⁶⁵ L. Kurulashvili, “The Georgian Theatre in Baku”, Tbilisi, 1947, 36-37.

from Baku granted 10 thousand rubles to Baku branch of this Society.⁶⁶ Financial aid to the Society for the Spreading of Literacy Among Georgians, was provided by Georgians living in Zakatala, Ganja, Agstafa, Evlakh, Geogcha, Salian, Kuba and Lenkoran.⁶⁷

By the Manifest issued by the Russian Emperor Nikolai II on October 17 1905, the people were granted the freedom of establishment of contacts. In 1907, the Baku Professional Society, Assistance Society, various women's circles, etc. were created. The Baku Group of Georgian Women conducted diverse activities. The members of this Group collected donations from well-off Georgians and distributed among those living in poverty, they held performances. In 1913, they opened a vocational school for girls, to teach them knitting, embroidery, sewing, hand spinning, etc.

Not only Georgians were admirers of Georgian culture, but also a part of Azerbaijanian intelligentsia. A famous lady Liza Khanum Mukhtarova and her husband Murthuz Mukhtarov treated Georgians and their culture with sincere love. In 1914 they donated 500 rubles to the Georgian school in Baku and the cultural and educational activities of the Georgian Diaspora in Azerbaijan. In 1912 they became permanent members of the Society for the Spreading of Literacy Among Georgians.

The Georgians in Baku were not imperturbable observers of the events taking place in Georgia. In 1914, by the initiative of the Society for the Spreading of Literacy Among Georgians, a Special Committee was established at the Baku branch of the Society. The Committee collected 2000 rubles and sent the money to support the people in Adjara (province in the south-west Georgia). In 1909, there were more than 4 thousand Georgians living in Baku. Their number was increasing every day. They were integrated with the representatives of other ethnicities, which led to losing or distortion of their native language. The representatives of the Georgian intelligentsia in Baku realized this and were trying to find some way out. In 1908, the Society for the Spreading of Literacy Among Georgians, developed a new Charter, which made it possible to open branches in different places. Based on this amendment, people in Baku

⁶⁶ M. Giulmamedov, "The Society for the Spreading of Literacy Among Georgians in Azerbaijan," Tbilisi, 1985, 12.

⁶⁷ The Caucasian Calendar, 1906, 322.

expressed the desire to open a new branch there. They requested the management of the Society to allow opening of a new branch.

In Ma 1909, the Chair-person of the Society notified the Georgians in Baku on permission to open a new branch in Baku. In 1910, the Board of the Baku branch already had the annual report and the plan of activities, clearly setting the priorities. The goal of the Baku Branch was to open Georgian schools, free libraries, book depositories and reading halls. The Board deemed it appropriate to also to lecture on culture and history of Georgia, as the Georgian youth did not have the opportunity to learn Georgian language and history. In order to open the school, the Assembly of the Baku Branch elected a Temporary School Committee, the purpose of which was to open the school together with the Board. As a result of their intense attempts, on October 4, 1909, the Georgian school was opened in Baku, which school had two departments – one for girls and one for boys of the age between 7 and 13. There were 45 children in the school – 22 boys and 23 girls. The number of applicants to the schools gradually increased and in the school year of 1911-1912 the third department was created and the fourth one was opened by the beginning of the next school year. Together with donations, one of the income sources of the school was the income generated through holding the Georgian Evenings.

On December 1, 1918, due to the political processes taking place in Baku, the Georgian school was closed. But it was reopened on September 1, 1920.

After Baku, the biggest number of Georgians lived in Ganja. Georgians came to Ganja from different parts of Georgia to seek for employment. As from 1894, Georgians held Georgian evenings there and donated the income (up to 400 rubles) to the Society for the Spreading of Literacy Among Georgians.

In 1904, 705 Georgians lived in Ganja.⁶⁸ Local Georgian Intelligentsia often held meetings and evenings for Georgians living there, although they faced serious difficulties. By the end of 1912, the Georgian Folk Choir and Dance Group was created. The Group held the evening of Georgian dances and music on February 2 1913, and donated the income earned to the Society for the Spreading of Literacy Among Georgians.

⁶⁸ The Caucasian Calendar, 1906, 322.

In November 1913, the Ganja Branch of the Society for the Spreading of Literacy Among Georgians was established in Ganja. The meeting held by the branch discussed the issue of opening of a Georgian school. After having solved the financial issue, the meeting decided, that the school should be opened in 1914. Due to certain political reasons opening of a Georgian school in Ganja was not possible.

Georgians also lived at Agstafa station of the Ganja province, where they had a Georgian reading hall. The Society for the Spreading of Literacy Among Georgians supplied the reading hall with Georgian books. In 1888-1901, the reading hall received from Tbilisi books of famous Georgian writers and textbooks in their native language. Agstafa was mainly populated by Georgian laborers. Every year they donated money to the Society for the Spreading of Literacy Among Georgians.

Thus, by the end of the XIX and the beginning of the XX century, the Georgian diaspora in Azerbaijan managed to retain their national identity. From this point of view, the situation of Georgians living beyond the boundaries of Georgia was twice as difficult. In that period Russia prohibited education in native language for minor nations. Residing in any of Russian regions, created all favorable conditions for russification of Georgians living apart from the Georgian environment. The new Charter of the Society for the Spreading of Literacy Among Georgians. allowed Georgians living abroad to open branches of this organization locally, which was indeed extremely important. The Baku branch created in 1909 conducted huge work for revival of national self-esteem among Georgians living in this city. They established Georgian school, library, theatre and choir, which was the necessary condition for retention of the national identity of the diaspora.

Due to the political developments in Azerbaijan in 1918-1920, major part of Georgians living in Baku left the city. Part of them emigrated to other countries and part returned to Georgia. For the reason of reducing number of the Georgian population, on December 15, 1936, the People's Commissariat of Education of Azerbaijan closed the Georgian theater in Baku and in 1960 the same happened to the Georgian schools.

Chapter 2. The Positive Experience of Non-state-forming Nations in the South Caucasus and the European Experience in Dealing with National Identity Issues

Ketevan Abuladze: The Rights and Religious Confession of the Jews in Georgia

Armen Grigoryan: Identity Building in Hungary and Slovakia and the Status of the Hungarian Minority in Slovakia

The Rights and Religious Confession of the Jews in Georgia

The first wave of the Jews in Georgia arrived in the VI c. B.C., after the Babylonian king Nebuchadnezzar conquered Judea. Migration of the Jews to Georgia happened consciously; seemingly they new Georgia, Georgian people and the situation before settling here.

Tolerance in Georgia has deep roots. In the VI c. when Christianity was declared as a state religion, in Mtskheta, in the capital of Georgia (which was on the crossroad of the Europe-Asia trade routes), there was a Jewish shrine, evidenced in Georgian hagiographic work.⁶⁹

The view that the Jews were distinguished, divinely selected ethnos, existing in the world from the ancient times, was also known to Georgians. That is why the Bagrationi kings (Georgian royal dynasty ruling in X-XVIII cc. before Russia abolished the kingdom after annexation) connected their genealogy to the Biblic characters. They were called “Iesian-Davitian-Solomonians” (meaning “Of Joseph, David and Solomon”), in the bosom of which the Christ was born and that is where the ideology of the country derived from. According to the Georgian historical tradition, the shroud of Christ was given to Georgians. Certainly, there was no room for expulsion and extermination of Jewish people in a country like Georgia.

The Georgian Jews were organically involved into the Georgian feudal relationships. The sources evidence existence of Jews, cultivating land, which was combined with handicraft and trading.

In the XVIII-XIX cc. a Jew,⁷⁰ owning serfs is attested in the Georgian primary sources, who served this country with candle and bread, which is not encountered in the history of any other states.

⁶⁹ Kartuli Mtserloba (Georgian Writing), Tbilisi 1987, vol. I, 259.

⁷⁰ Eldar Mamistvalishvili, History of Georgian Jews, Tbilisi 1995, 239.

The Georgian Jews do not have any document or historical fact evidencing their discrimination in terms of rights or religion.

Any Georgian Jew has never betrayed Georgia, although they often had such an opportunity, as they travelled a lot to foreign countries for trading purposes. So, a Jew could be a patriot of the country where he lived and was not rejected by local society. Jews has never been used as an image of an enemy of Christians in Georgia, they were not forced to wear special clothes, or live in ghetto. The warrant of peaceful coexistence of Georgians and Jews was the state policy of Georgia and Georgian people.

Among Georgian Jews and Georgians themselves the Bible preserved in Breti and Laliashi synagogues was very popular. It was used to swear and for special prayers for defeating the enemy.

The communication language of Georgian Jews was Georgian. That is why Georgian could often be heard in the chapels, especially during preaching.⁷¹

This situation radically changed after the Russians intrude into the Caucasia, their policy to “divide and rule” broke the comfort created by the centuries of peaceful co-existence of the national minorities in Georgia. The Russian chauvinist policy reached also the Georgian Jews, which was followed by anti-Semitism.

Religions confession became even more difficult in the Communist times, as they declared war to religion, as the instrument for oppression of the working class, which by their opinion adversely influenced human health, mind and moral.⁷²

In 1928, by the Decree of the Georgian Soviet Government, going to church, synagogue, mosque or teaching children religious disciplines was subject to criminal responsibility. Before that, in 1923, 1500 churches and tens of synagogues were closed in Georgia. In those times there were 72 synagogues in Georgia.⁷³

The fight against religion was identified with the struggle for socialism. Articles were published about the reactionary nature of Jewish religious

⁷¹ Zakaria Chichinadze, *Georgian Jews in Georgia*, Tbilisi 1904, 42.

⁷² Personal Archive of Georgia, part 13, Part I, folder 3035, 149.

⁷³ Personal Archive of Georgia, part 13, Part I, folder 3035, 149

holidays and nationalist-chauvinist propaganda of rabbis. Heads of enterprises took control of Saturdays, as it was a Jewish day-off.

Despite the anti-religious propaganda, Georgian Jews remained devoted to the traditions and customs of synagogue.

Synagogue helped those who lived in poverty. “Sometimes, they did not even stop reading the Torah, until all the well-off Jews announced the amount, granted by them for charity,”⁷⁴ which increased the authority of synagogue for people even more.

In 1928, the Communist Party of Georgia established the Committee of Poor Jews, which was supposed to help poor Jews with money, food, provide free medical aid, find jobs for them and thus weaken the influence of synagogue. But even such an attractive condition could not prove to be enough for spiritual integrity of the Jews. Even the poorest Jews conducted religious rituals with dedication. Moreover, the Jews in Kutaisi rehabilitated the synagogue, burnt in 1927. In 1932, Jews from Surami retrieved chapel, handed over to a club.

In the 1930s, Georgian Jews continue their religious life, went to synagogue, despite the pressure from the part of Communist Party, which fact is evidenced by the archive materials. And the Soviet Government, as it could not just ignore this reality, claimed that “the Jews went to synagogues to entertain themselves and their religiousness was expressed only by following the rules blindly.”⁷⁵

Tolerance of the Georgian people is evidenced by the fact that as a result of the struggle of the Georgian intelligentsia the “Ritual Case,” imposed by Tsarism, could not develop in Georgia, although it was provoked twice.

The ideologists of the Soviet Georgia believed, that development of anti-Semitism in Georgia was impeded by the socialist movement, although in the previous centuries, non-existence of this ideology had not interfered in respectful and friendly relationship of Georgians and Jews.

⁷⁴ Lili Magal, Maghalashvili, *Traditional Life and Culture of Georgian Jews*, Dissertation, Tbilisi 1993, 160.

⁷⁵ Newspaper “Akhlagazrda Komunisti” (“Young Communist”), January 9, 1930.

The first Zionist organization was created in Georgia in 1897 under the leadership of Dr. Shtreikher. The goals and purposes of this organization were met with enthusiasm by the majority of Jews. After Georgia became a soviet state the above organizations moved to underground; active members were arrested.

The Soviet government declared fight against rabbi David Baazov, who was the supporter of Jewish people. He was accused for Zionism and he was mainly blamed for awakening of the national identity of the Jews.

In the Soviet Georgia Abkhazia, Adjara and so called “South Osetia” (national minorities) obtained territorial and cultural autonomies. With such a background, David Baazov demanded opening of a Jewish school, teaching of Jewish language (which was not taught) and literature, which would support their education with Jewish customs and culture. The supporters of “Cultural Autonomy” were accused of protection of religion, propaganda of Jewish nationalism, although the demand of David Baazov did not stipulate inviolability of religion.

Representatives of the Soviet government could not explain why the demand of education in Jewish language was considered as nationalism of the Jews, while for other national minorities in Georgia – Armenians, Russians, Azeri that was expression of internationalism.

David Baazov could see, that “the political rights of the Jews were interlinked with Georgians and they would not spare anything for the Jews,”⁷⁶ he could afford saying that due to centuries of friendly relations between these two nations.

David Baazov was one of the first to present Georgia to the Jews of the world. In 1913, the reporters of the International Zionist Conference in Frankfurt on Main unanimously spoke about the facts of oppression of the Jews. David Baazov announced at the conference: “Brothers, I am from the country, where Jews have lived for 2500 years and have never felt enmity.

⁷⁶ Newspaper “Makaveli,” 1924, No 2, 1.

There is no Ghetto, oppression or discrimination in Georgia.”⁷⁷ These words were followed by overwhelming applause.

General Liffman, the chairman of the conference added with tears in his eyes: “My sons, take this as my testament, always do your best to express as much of your love as possible towards the Georgian people,”⁷⁸ this speech was covered by media.

The religious comfort of Georgian Jews was not violated even in the soviet times.

According to traveler Amie Mlia Vi (Ben Ami), in the 1960s, “on Saturdays and holidays the chapels were so crowded that even a needle could not be pinned there.”⁷⁹ In the XX c. in Russia there were 15 synagogues per 770 thousand Jews, and in Georgia – 14 per 55 382 Jews,⁸⁰ and this fact is quite meaningful.

Georgian and Georgians still retain the assessment of David Baazov and general Liffman, which is evidenced the statement made by a Jewish writer G. Batiashvili at the International Congress of the Jews in Washington, D.C.: “Experts report the rise of anti-Semitism in various countries, fortunately, I cannot provide you with similar information – Georgia is a country, where anti-Semitism did not find fertile ground, anti-Semitism cannot be seen neither on the level of the government nor within the society.”⁸¹

Georgians and Georgian Jews are still able to maintain respect and friendliness to each other, but this was only the consequence of their peaceful co-existence which was tested by 26 centuries, rather than the result of the policies implemented by the soviet government.

⁷⁷ T. Gelashvili, Davit Baazov – The Symbol of Friendship of Georgians and Jews, 1998, 10.

⁷⁸ T. Gelashvili, *ibid.*, 10.

⁷⁹ Lili Magali, Maghalashvili, Traditional Life and Culture of Georgian Jews, Dissertation, Tbilisi 1993, 157.

⁸⁰ A. Batoshvili, From the History of Jewish People, Tbilisi 1991, 40.

⁸¹ Newspaper “Sakartvelos Respublika” (The Republic of Georgia), March 17, 1994.

Identity Building in Hungary and Slovakia and the Status of the Hungarian Minority in Slovakia

Slovak-Hungarian relations have been troubled because of bitter memories about some historical events on both sides. Rudolf Chmel, former ambassador of the Czecho-Slovak Federative Republic to Hungary (1990-1992), notes that the connection between border and minority issues, on the one side, and stereotypes and prejudices determining Hungary's relations to its neighbours having large ethnic Hungarian communities, on the other side, existed since 1920 and became strongly accentuated again since the beginning of 1990s. The neighbouring countries experienced a permanent phobia of border revision, restoration of the so-called Great Hungary in the historical Hungarian lands, or a phobia of territorial autonomy for ethnic Hungarians.⁸² Chmel's argument is upheld by Tomáš Strážay, editor-in-chief of the Slovak Foreign Policy Affairs: "the political discourse in Slovakia and Hungary, as well as the Slovak-Hungarian relations after 1989 have been dominated by two basic myths: the so-called myth of the Hungarian threat casting shadows on Slovak political discourse, and the myth or syndrome of Trianon, which has dominated on the Hungarian side."⁸³

Indeed, the Treaty of Trianon (1920) concluded between Hungary and the victors of World War I is perceived by a large number of Hungarians as an act of historical injustice: it meant a loss of near two-thirds of the Hungarian territory and the change of status from the dominant nationality to a minority for millions of Hungarians. However, the Slovak-Hungarian relations are also strongly influenced by the Beneš decrees issue. The

⁸² Rudolf Chmel, 'Syndrome of Trianon in Hungarian Foreign Policy and Act on Hungarians Living in Neighboring Countries', *Slovak Foreign Policy Affairs*, vol. III No. 1, spring 2002, p. 93.

⁸³ Tomáš Strážay, 'Nationalist Populism and Foreign Policy: Focus on Slovak-Hungarian Relations', *Slovak Foreign Policy Affairs*, vol. VI No. 1, spring 2005, p. 53.

decrees signed by the President of Czechoslovakia in exile Edvard Beneš during World War II presumed collective guilt of ethnic Hungarian population of Czechoslovakia (as well as of the Sudeten Germans) and resulted in deprivation of citizenship,⁸⁴ confiscation of property, forced labour and deportations in 1945-1948. Hungarians perceive the effects of the Beneš decrees as injustice and demand that the decrees should be revoked.

From October 1948 citizenship was renewed for all Hungarians remaining in Czechoslovakia. However, when since 1990 citizens whose property had been confiscated by the communist regime got the right to restitution, the members of the German and Hungarian minorities and their heirs were excluded on the basis of the Beneš decrees (laws 229/1991 and 330/1991). These laws were confirmed by the Supreme Court of Slovakia in 1999, causing further disappointment among the Hungarian minority.⁸⁵

On the other side, the memories about the Magyarisation policy in the former Austro-Hungarian Empire between 1867 and 1918 are painful for the Slovaks. During that period, usage of Slovak language in education and in the public sphere was forbidden. Another ground for resentment is the annexation of the southern part of Slovakia by Hungary in 1938, following the annexation of the Sudetenland by Nazi Germany.

1. The influence of the issue of Hungarian minorities abroad on Hungarian politics

During the first free parliamentary elections in Hungary in 1990, the Hungarian Democratic Forum (MDF) won 165 of 386 seats and formed government coalition with the Independent Smallholders' Party (FKGP), with 43 seats, and the Christian Democratic People's Party (KDNP), with

⁸⁴ The decree No. 33/1945.

⁸⁵ Erika Harris, 'Management of the Hungarian Issue in Slovak Politics: Europeanisation and the Evolution of National Identities', *POLIS Working Paper* No. 7, University of Leeds, February 2004, p. 23.

21 seats.⁸⁶ József Antall, an MDF representative, became prime minister. Antall's public statement about his wish to be the prime minister of 15 million Hungarians (population of Hungary was about 10.4 million at the time) caused some degree of discomfort in neighbouring countries with significant Hungarian minorities – Czechoslovakia, Romania and Yugoslavia. After signing an agreement with Ukraine, which particularly dealt with inviolability of borders, Antall proclaimed that “the article on inviolability of national borders could be taken as no leading case for the other neighboring countries.”⁸⁷

Following the parliamentary elections in 1994, new coalition government was formed by the Hungarian Socialist Party (MSZP) – the successor of the reformed Communist Party – and the Alliance of Free Democrats (SZDSZ). MSZP, which had won 33 parliamentary seats in 1990, won a comfortable majority of 209 seats in 1994, and SZDSZ won 69 seats. MDF's representation was reduced to 38 seats.⁸⁸

The popularity of MDF declined because of several reasons, particularly, the death of Antall, high unemployment and division in the party: a rigid nationalist faction had left the MDF and established the Hungarian Justice and Life Party (MIÉP).

MSZP's success has been explained in terms of voters' interest in social and economic development. As John Mueller notes, “politicians found that calls to help Hungarians in other countries were ineffective with a troubled electorate, which responded, ‘What about the Hungarians *within* Hungary?’”⁸⁹ Chmel also considers that the voters were “expressing their social attitudes rather than the historical and national ones.”⁹⁰

⁸⁶ Hungary: Parliamentary Elections 1990, *Inter-Parliamentary Union* (undated), viewed on 16 January 2010, <http://www.ipu.org/parline-e/reports/arc/2141_90.htm>.

⁸⁷ Chmel, p. 96.

⁸⁸ Hungary: Parliamentary Elections 1994, *Inter-Parliamentary Union* (undated), viewed on 16 January 2010, <http://www.ipu.org/parline-e/reports/arc/2141_94.htm>.

⁸⁹ John Mueller, ‘Democracy, Capitalism, and the End of Transition’ in Michael Mandelbaum (ed), *Postcommunism: Four Perspectives*, Council on Foreign Relations, New York, 1996, p. 142.

⁹⁰ Chmel, p. 96.

Socialist Prime Minister Gyula Horn said he was not going to be a prime minister of fifteen million Hungarians.⁹¹ Horn signed basic agreements with Romania and Slovakia in 1995, so inviolability of borders was affirmed. At the same time, the agreements included provisions on internationalisation of minority agenda, as Horn insisted on including clauses on autonomy and collective rights of minorities in the agreements. Chmel notes that

solution was not satisfactory enough, especially for political parties supporting nationalism or the ones tending towards it, in countries concerned. The then political opposition in Hungarian Parliament (that ascended to power after 1998) found only minimum of their claims included into the agreement hence they were fundamentally against its completion. At the other side, nationalists in neighboring countries understood these international agreements to be a disastrous death trap. Slovakia felt endangered also by ethnic autonomy rights [...] Ethnic autonomy was in general the term getting countries in Hungary's neighborhood quite nervous, even traumatized – they felt endangered by a possibility of separation of some border territories and their integration to Hungary.⁹²

László Kovács, minister of foreign affairs in Horn's government, stated that the agreement with Romania affirming inviolability of borders showed that the fear of possible territorial claims was false, once and forever.⁹³ Kovács also stated in an interview to the Slovak newspaper *Pravda* in January 1996: "this country is not willing to jump to some adventures. There is no intention, for example, to widen Hungary's territories since the country became as small as it is also in consequences of similar ambitions."⁹⁴

⁹¹ *ibid.*

⁹² *ibid.*, p. 97.

⁹³ Interview for *Népszava*, 17 August 1996.

⁹⁴ Chmel, p. 98. Cf. *Pravda*, 22 January 1996.

The right-wing opposition criticised the government's "thinking in terms of the national borders instead of the nation itself", in words of György Csóti, deputy chairman of the parliamentary foreign affairs committee (MDF representative).⁹⁵ Zsolt Németh, representative of another opposition party, the Alliance of Young Democrats (FIDESZ), also criticised the government's foreign policy: "A concept of national interests covers common interests of both the country itself and Hungarians' communities beyond the borders since the boundaries of Hungary and the ones of Hungarian nation are not identical."⁹⁶

Despite the attitudes of Horn's government in Hungary, the 'Hungarian threat' narrative continued to play an important role in Slovak politics. As noted by Strážay,

[t]he Hungarian minority in Slovakia was labeled as the fifth column of the Hungarian government and its leaders were often accused of betraying the interests of the "Slovak" state and nation. The so-called Hungarian threat reappeared in the political language of the Slovak ruling elite, which was at that time led by Prime Minister [Vladimír] Mečiar.⁹⁷

The 1998 parliamentary elections in Hungary resulted in a success for FIDESZ. It had originally been a liberal party but changed its attitude towards conservatism. FIDESZ had gained 21 seats in 1990 and 20 seats in 1994, but as it moved towards the right, it became the main opposition to Horn's government after the 1994 elections. Professor of comparative constitutional law Renáta Uitz describes FIDESZ's attitude as

⁹⁵ *Új Magyarország*, 29 June 1996.

⁹⁶ Zsolt Németh, 'Külpolitika és nemzeti érdek' ['Foreign Policy and National Interest'], *Pro minoritate*, vol. V No. 2, summer 1996, viewed on 16 October 2009, <<http://www.hhrf.org/prominoritate/1996/nyar01.htm#E13E5>>.

⁹⁷ Strážay, p. 52.

unique mixture of strong patriotism, with strongly romanticized and often slightly archaic rhetoric, fused with ethnic nationalism and reminders about the need to retain unity with ethnic Hungarians living abroad. This milder line is every now and then intensified with stronger opposition against anything non-Hungarian and dark visions of the death of the Hungarian nation.⁹⁸

In 1998 FIDESZ won 148 seats and formed a coalition with the FKGP (48 seats) and MDF (17 seats).⁹⁹ Promotion of interests of ethnic Hungarians abroad was an important issue for the FIDESZ's political campaign. One of its key politicians, Zoltán Rockenbauer, argued in 1998: "The Horn government has not been stubborn enough to promote interests of the ethnic Hungarians beyond the borders."¹⁰⁰

On 19 June 2001 the National Assembly of Hungary adopted the Act LXII on Hungarians Living in Neighbouring Countries (also known as the Hungarian Status Law) by 92% of votes; the socialist opposition also voted in favour. A representative of FIDESZ welcomed adoption of the Act LXII saying: "all national politics nowadays aims in creation of an institutionalized fifteen million community."¹⁰¹

The Preamble of the Act particularly stated that it was adopted "[i]n order to comply with [...] responsibilities for Hungarians living abroad [...] prescribed in paragraph (3) of Article 6 of the Constitution of the Republic of Hungary"¹⁰² and "to ensure that Hungarians living in neighbouring

⁹⁸ Renáta Uitz, 'Hungary' in Grigorij Mesežnikov, Olga Gyárfásová and Daniel Smilov (eds), *Populist Politics and Liberal Democracy in Central and Eastern Europe*, Institute for Public Affairs, Bratislava, 2008, p. 64.

⁹⁹ Hungary: Parliamentary Elections 1998, *Inter-Parliamentary Union* (undated), viewed on 16 January 2010, <http://www.ipu.org/parline-e/reports/arc/2141_98.htm>.

¹⁰⁰ Chmel, p. 104.

¹⁰¹ Attila Várhegyi, 'Gyökeres változás a magyarság életében' ['A Radical Change in the Life of Hungarian Nation'], *Magyar Nemzet*, 21 August 2001.

¹⁰² Article 6 paragraph 3: "The Republic of Hungary bears a sense of responsibility for the fate of Hungarians living outside its borders and shall promote and foster their relations with Hungary." *Parliament of Hungary* (undated), viewed on 11 January 2010, <<http://www.parlament.hu/angol/angol.htm>>.

countries form part of the Hungarian nation as a whole.” The Act applied to the ethnic Hungarians residing in Croatia, Romania, Slovakia, Slovenia, Ukraine and Yugoslavia – countries where Hungarians occurred in the minority status as a result of the Treaty of Trianon provisions. Relation of the Act to the consequences of the Treaty of Trianon may be observed also in Article 1, according to which the Act applies to persons who “have lost their Hungarian citizenship for reasons other than voluntary renunciation.”¹⁰³ Austria was excluded from the provisions of the Act, as the Ministry of Foreign Affairs of Hungary explained, because only 10% of ethnic Hungarians in Austria would benefit from opportunities provided by the Act, since the remaining kept their Hungarian citizenship or renounced it voluntarily.

According to the Act, persons covered by it became eligible for a number of benefits: special identification cards – “Certificate of Hungarian Nationality”, work permits, participation in state-funded higher education and vocational training in Hungary, travel discounts applied within Hungary. Opportunities for training of Hungarian teachers living abroad were provided, as well as support for parents educating their children in Hungarian schools abroad.

In an explanatory note on the Act, the Ministry of Foreign Affairs of Hungary stated: “The benefits [...] are provided explicitly and exclusively in the territory of the Republic of Hungary. Thus the law [...] has no extraterritorial force.” The ministry quoted the Report of the Venice Commission of the Council of Europe: “A State may issue acts concerning foreign citizens inasmuch as the effects of these acts are to take place within its borders.” The ministry also stated that the legislation took into account existing examples of national laws aiming to support minority

¹⁰³ Act LXII on Hungarians Living in Neighbouring Countries: Interests and Goals, *Ministry of Foreign Affairs of Hungary*, January 2002, viewed on 11 January 2010, <http://www.mfa.gov.hu/NR/rdonlyres/A08A8619-B08C-450F-A70B-0949A5467BAB/0/Statusz_EN.pdf>.

identity adopted by Bulgaria, Greece, Romania, Slovakia and other countries.¹⁰⁴

The Act met critical attitudes in Hungary and abroad. Csaba Tabajdi, a socialist opposition politician, argued that Hungary reached some integration maturity and regional importance, but the atmosphere of historical sentimentality, jealousy and arrogance still kept it away from the status of a regional centre.¹⁰⁵ Romania initially voiced strong opposition to the Act, but later argued mainly against ethnic based economic discrimination. At the end of 2001, an agreement between Romanian and Hungarian Prime Ministers was concluded, so all Romanian citizens (not only ethnic Hungarians) received the right to work in Hungary. At the same time, Slovakia opposed the clauses related to promotion of education, claiming that the Act would have extraterritorial force.¹⁰⁶

The Hungarian government formed in 2002, led by Socialist Péter Medgyessy, prepared an amended version of the Act, following a recommendation by the European Union. Still, the Slovak Prime Minister Mikuláš Dzurinda rejected it, saying: “If this law is applied it would mean that our country’s sovereignty would be infringed upon and there would be discrimination on an ethnic basis.”¹⁰⁷ Strážay argues that “[b]y categorically rejecting the amended version of the act [...] Prime Minister Dzurinda sent a clear message to his (ethnic Slovak) voters. He presented himself and his party [the Slovak Democratic and Christian Union] (SDKÚ) as the protector of the interests of the Slovak nation [...] just before municipal elections, in which SDKÚ candidates gained significantly more votes than they expected.”¹⁰⁸

The issue of Hungarian minorities in neighbouring countries triggered a heated dispute in Hungary and abroad once again in 2004. In March, the World Federation of Hungarians (MVSZ), a non-governmental

¹⁰⁴ *ibid.*

¹⁰⁵ Csaba Tabajdi, ‘Újragondolt közép-európaiság’ [‘Central European Identity Reconsidered’], *Népszabadság*, 2 November 2001.

¹⁰⁶ Chmel, p. 101.

¹⁰⁷ Strážay, p. 57.

¹⁰⁸ *ibid.*, pp. 57-8.

organisation committed to the idea of united Hungarian nation and correction of the consequences of the Treaty of Trianon (under the popular slogan “Justice for Hungary”), initiated a referendum that aimed to oblige the Parliament to adopt a law on dual citizenship for ethnic Hungarians residing outside Hungary. As 200,000 signatures were collected, the Parliament had to discuss the issue. The coalition government led by Ferenc Gyurcsány, who had replaced Medgyessy in 2004, was against granting ethnic Hungarians abroad dual citizenship. However, the coalition had a narrow majority of 198 MPs in the 386-seat parliament, and the proposal was adopted. It was then challenged in the Constitutional Court, which found no legal obstacles. So, the referendum was called for 5 December 2004, with the following question:

Do you want the Parliament to pass an act allowing Hungarian citizenship with preferential naturalization to be granted to those, at their request, who claim to have Hungarian nationality, do not live in Hungary and are not Hungarian citizens, and who prove their Hungarian nationality by means of a “Hungarian identity card” issued pursuant to Article 19 of Act LXII/2001 or in another way to be determined by the law which is to be passed?¹⁰⁹

The government urged the voters to abstain from voting. Prime Minister Gyurcsány accused the opposition of promoting nationalist populism; he also estimated that 800,000 ethnic Hungarians might migrate to Hungary if granted citizenship, so welfare expenditures would increase by \$2.9 billion a year and economy would be devastated.¹¹⁰

¹⁰⁹ National Election Office of Hungary (undated), viewed on 8 February 2010, <http://www.valasztas.hu/en/parval2010/197/197_0.html>.

¹¹⁰ Michael A. Weinstein, Hungary’s Referendum on Dual Citizenship, *Global Policy Forum*, 13 December 2004, viewed on 9 February 2010, <<http://www.globalpolicy.org/component/content/article/171-emerging/29823.html>>.

Eventually, the proposal was not adopted because of low turnout: 18.9% of all citizens eligible to vote answered 'yes', while a proposal would be adopted if at least one quarter of the total number of eligible voters voted in favour.¹¹¹

In January 2005, Gyurcsány made a statement in support of autonomy for ethnic Hungarians living abroad instead of dual citizenship. Gyurcsány's statement provoked negative reactions in Romania, Serbia, Slovakia and Ukraine, as the dual citizenship proposal had done shortly before.

Since 2007, a new nationalist force, the Movement for a Better Hungary (Jobbik) has been gaining strength in Hungary. Uitz notes that initially Jobbik had been a youth movement cooperating with the FIDESZ. It had mobilised support for FIDESZ at universities before the 2002 and 2006 elections. However, as Jobbik became a political force on its own, its leaders started criticising FIDESZ. Already in 2008 there were suggestions that Jobbik might revive the extreme nationalism, get past the threshold and enter the parliament in the 2010 elections.¹¹²

Jobbik has been expressing openly racist, anti-Semitic and anti-Gypsy views. It is also believed to be the main driving force behind several violent anti-government protests actions that occurred since September 2006. Jobbik became a bitter critic of the FIDESZ despite their early stage connection. Among the accusations against FIDESZ was that it "does not do everything in its power against Ferenc Gyurcsány (namely, it does not employ unconstitutional means) because the party is under Jewish influence" and that FIDESZ is "the 'sister party' of the Israeli Likud." Several FIDESZ leaders have been labelled as 'Zionists'.¹¹³ A paramilitary 'self defence' group associated with Jobbik, the Hungarian Guard (Magyar Gárda), managed to recruit thousands of members in short time and originated serious concerns among the political establishment and

¹¹¹ National Election Office of Hungary.

¹¹² Uitz, p. 64.

¹¹³ 'Anti-Semitic Manifestations Hostile to the Hungarian opposition', *Budapest Analyses*, 15 December 2008, viewed on 14 February 2010, <http://www.budapestanalyses.hu/docs/En/Analyses_Archive/analysys_208_en.html>.

international commentators, particularly because its members used to wear uniforms with nationalistic insignia similar to that of pro-Nazi groups from the World War II period. The Hungarian Guard was disbanded by the court decision in 2009, but soon reappeared as the “Hungarian Guard Foundation”.

In 2009, Jobbik won three seats at the European Parliament (FIDESZ won 14 seats, MSZP – four seats, MDF – one seat). A week after the elections, on 13 June 2009, newly-elected MEP Csanád Szegedi participated in a rally in Budapest organised by the Sixty-Four Counties Youth Movement (HVIM), another radical political movement in Hungary advocating for a revision of the Treaty of Trianon. Szegedi stated that one of the Jobbik’s goals was that “the Trianon borders should be dropped within a few generations or as soon as possible” and that three Jobbik MEPs would demand abolishment of the Beneš decrees.¹¹⁴

2. Slovak politics before 1998

Slovakia’s state-building in the 1990s was mostly shaped by Vladimír Mečiar. He served as prime minister from June 1990 to May 1991, June 1992 – March 1994 and December 1994 – October 1998. He led Slovakia to independence after negotiations with his Czech counterpart Václav Klaus.

After establishing of the independent Slovak Republic in 1993, historical memories have been playing a significant role in Slovak politics. Some statements made by Hungarian politicians and acts adopted by the parliament and government of Hungary revitalised the myth of the ‘Hungarian threat’. At the same time, Slovak nationalist and populist politicians were ready to use any opportunity to promote their agendas by exploiting the ‘Hungarian threat’.

¹¹⁴ ‘Radical nationalist Jobbik for Toppling Trianon Borders, says MEP’, *The Budapest Times*, 14 June 2009, viewed on 25 September 2009, <http://www.budapesttimes.hu/index.php?option=com_content&task=view&id=12240&Itemid=219>.

Mečiar was displaced from the office in March 1994 as eight MPs left his party, the Movement for a Democratic Slovakia (HZDS), and the government coalition lost the majority in parliament. The parliament had been elected in 1992, but extraordinary elections were scheduled for October 1994. Mečiar's success at the elections and resuming the post of prime minister in December 1994 may be largely attributed to his nationalist and populist rhetoric. In two cabinets led by Mečiar, in 1992-1994 and 1994-1998, the HZDS was in coalition with the nationalist Slovak National Party (SNS). Anti-Hungarian sentiments became ground for practical moves.

Between 1995 and 1998, Mečiar's government dismissed a number of ethnic Hungarians from posts in public administration. Administrative boundaries between regions and districts of Slovakia were changed, so the number of districts where Hungarians formed a majority was significantly reduced. Museums had to replace Hungarian-language signs with English; Hungarian-language theatres in Košice and Komárno were closed. The use of minority languages in schools was restricted; particularly, Hungarian-language report cards and school records were banned. Hungarian local government representatives lost the power to appoint school principals.¹¹⁵

The practices of Mečiar's government were criticised internationally, by the OSCE High Commissioner on National Minorities, the Council of Europe and the European Union. The issues regarding the use of minority languages were mentioned as factors slowing the process of Slovakia's accession to the EU.

Before the parliamentary elections in 1998, a broad right-left coalition was formed in Slovakia, as the opposition had a firm intention to displace Mečiar. The growing authoritarian tendencies and the government's failure to move the country towards integration with the NATO and EU motivated the opposition to unite. Slovakia had not been invited to join the NATO in 1997 together with the Czech Republic, Hungary and Poland. Then, after

¹¹⁵ Diana Némethová and László Öllös, 'Hungarians in the Slovak Government' in Monica Robotin and Levente Salat (eds), *A New Balance: Democracy and Minorities in Post-Communist Europe*, OSI, Budapest, 2003, p. 124.

the EU Luxembourg summit in December 1997, Slovakia had been excluded from entry negotiations, as Mečiar's government failed to meet the political conditions. The instability of Slovakia's institutions and the shortcomings in the functioning of democracy had been mentioned as grounds for the EU decision. The agreement to open negotiations for EU membership from February 2000 would be reached later, at the Helsinki summit (December 1999), as the result of efforts of Slovakia's new government.¹¹⁶

In September 1998 elections the HZDS received the largest share of votes – 27% and, accordingly, 43 seats out of 150 in the parliament. However, it was unable to form a government coalition, as the only party willing to form a coalition with the HZDS was the SNS, which won 9.07% of votes (14 seats). The Association of Workers of Slovakia (ZRS) that had been the third coalition partner in 1994-1998 did not pass the threshold.¹¹⁷

3. Hungarian minority's participation in the Slovak government

Ethnic Hungarians constitute the largest minority group in Slovakia. According to the results of census conducted in 2001, the Hungarian minority represented 9.7% of the Slovak population.¹¹⁸ In the southern strip of Slovakia adjacent to Hungary, stretching from Bratislava to the Ukrainian border, the number of Hungarians exceeds 10% of the population in 555 localities, including Košice and Nitra, the second and fourth largest cities of Slovakia. In 2003, Hungarians represented over 50% of the population in 432 localities, of which in 340 localities – over 70%. Ethnic

¹¹⁶ Geoffrey Pridham, 'Slovakia's Relations with the European Union 1998-2002: Political Conditionality, Its Effects and Its Limitations', *Slovak Foreign Policy Affairs*, vol. III No. 2, autumn 2002, p. 75.

¹¹⁷ Slovakia: Parliamentary Elections 1998, *Inter-Parliamentary Union* (undated), viewed on 27 January 2010, <http://www.ipu.org/parline-e/reports/arc/2285_98.htm>.

¹¹⁸ Martin Bútora, Miroslav Kollár and Grigorij Mesežnikov (eds), *Slovakia 2005. A Global Report on the State of Society*, Institute for Public Affairs, Bratislava, 2006, p. 15.

Hungarians constitute the majority of the population in the districts of Dunajská Streda (87.2%) and Komárno (72.2%).¹¹⁹

Following the 1998 elections, the Hungarian Coalition Party (SMK) entered the government of Slovakia for the first time. The SMK received 9.12% of votes, won 15 parliamentary seats and became part of the government coalition of four parties led by Mikuláš Dzurinda. SMK chairman Béla Bugár was elected one of the deputy chairmen of the National Council. The SMK gained positions in the government, including deputy prime minister for human and minority rights (Pál Csáky) and two ministerial posts, as well as posts on regional level.

President of the Institute for Public Affairs Grigorij Mesežnikov describes the SMK as

not a political actor of the national-populist type. Although some party officials present rather radical views regarding select issues (particularly the issue of various forms of autonomy), this party that relies on the phenomenon of ethnic Hungarians' ethnic voting patterns remains primarily a moderate non-populist political force.¹²⁰

In July 1999, the Slovak parliament passed the Law on the Use of Minority Languages (in effect from 1 September 1999). The law allowed using minority languages in public administration (particularly giving the right to address local public administration bodies in minority languages and to receive bilingual responses), official questionnaires, village chronicles, street signs, and for other purposes in locations with a 20% or larger minority population. SMK had requested a 10% limit, so it criticised the adopted law, claiming that the negative impact of the existing Law on the

¹¹⁹ Némethová and Öllös, p. 115.

¹²⁰ Grigorij Mesežnikov, 'National Populism in Slovakia: Actors, Issues, Strategies' in Grigorij Mesežnikov and Oľga Gyárfášová, *National Populism in Slovakia*, Institute for Public Affairs, Bratislava, 2008, p. 25.

Official Language was not reduced.¹²¹ In 2001, more opportunities for the use of minority languages became available as Slovakia signed the European Charter for Regional or Minority Languages and adopted appropriate constitutional amendments.

After the 2002 parliamentary elections the SMK became the second largest party of the new centre-right government coalition, with 11.16% of votes, 20 parliamentary seats and three ministerial posts.¹²² Prime Minister Dzurinda suggested that SMK chairman Bugár might become Chairman of the National Council, as there had already been a tradition to assign that post to a representative of the second largest coalition party. However, Bugár remained deputy chairman of the parliament because the leader of new vocal opposition, the Smer-Social Democracy Party, Robert Fico strongly opposed appointing a member of the minority to chair the Slovak parliament.¹²³

Fico founded Smer after splitting from the Party of the Democratic Left (SDL) in 1999, and managed to receive 13.46% of votes in the 2002 elections, while the SDL, which had been the second largest coalition party in the first Dzurinda government in 1998-2002, did not pass the threshold. Nationalistic and anti-minority sentiments remained an important element of Smer's political communication while in opposition (in 2002-2006) and in the government (from 2006 till the present), as will be demonstrated later.

In 2003, deputy prime minister, minister of human rights, minorities and European integration Pál Csáky (SMK) proposed additional measures for implementation of the European Charter for Regional or Minority Languages. Again, it was proposed to allow the ethnic minorities to use their mother tongue in official contacts if minority members constituted 10% of municipality's inhabitants. Smer representative Dušan Čaplovič

¹²¹ Némethová and Öllös, pp. 127-8.

¹²² Grigorij Mesežnikov, 'Domestic Politics and the Party System' in Grigorij Mesežnikov, Miroslav Kollár, and Tom Nicholson (eds), *Slovakia 2002. A Global Report on the State of Society*, Institute for Public Affairs, Bratislava, 2003, p. 45.

¹²³ Harris, p. 8. Cf. *TASR*, 27 September 2002 and 3 October 2002.

voiced his party's opposition, arguing that implementation of the proposal would lead to discrimination against 90 percent of the country's population.¹²⁴

In 2004, Fico alleged that the Dzurinda administration left control over southern Slovakia to the Hungarian minority not only in local state administration, self-governance organs, education and culture but even in the judiciary and let the SMK to gradually assimilate Slovaks from the south.¹²⁵ Fico also accused the SMK for alleged cooperation with the FIDESZ in order to reopen the issue of the Beneš decrees.¹²⁶ SNS chairman Ján Slota claimed that unless somebody in the government put an end to SMK's efforts to proclaim autonomy, Slovakia would lose southern territories within a year and might just be divided between Poland, the Czech Republic and Hungary.¹²⁷ President Ivan Gašparovič (representative of the non-parliamentary Movement for Democracy (HZD) elected in 2004 mainly due to Smer and SNS support) alleged that deputy prime minister Csáky "often traveled to Hungary to inform that country's politicians of what had been discussed by the Slovak government."¹²⁸

Slovak analysts note that between 1998 and 2006, when the SMK was a member of the coalition government, ethnic tension in Slovakia declined, but involvement of the SMK let leaders of Smer to "play the ethnic (i.e. anti-Hungarian) card when criticizing government policies and ruling parties."¹²⁹

¹²⁴ 'Smer: Odmietajú návrh zmien pri používaní menšinových jazykov' ['Smer: Refuses Proposed Changes to Use of Minority Languages'], *SITA*, 15 August 2003.

¹²⁵ 'Fico: Vláda umožňuje SMK postupne asimilovať Slovákov na juhu' ['Fico: Cabinet Allows SMK to Assimilate Slovaks in the South'], *SITA*, 28 July 2004.

¹²⁶ Grigorij Mesežnikov, 'Domestic Politics and the Party System' in Grigorij Mesežnikov, Miroslav Kollár (eds.), *Slovakia 2004. A Global Report on the State of Society*, Institute for Public Affairs, Bratislava, 2005, p. 69.

¹²⁷ 'Slota: O rok bude Slovensko bez južných území' ['Slota: Slovakia Will Lose Its Southern Territory within a Year'], *SITA*, 12 August 2004.

¹²⁸ Mesežnikov, *Slovakia 2004. A Global Report on the State of Society*, p. 69.

¹²⁹ Grigorij Mesežnikov, Oľga Gyárfášová, Martin Bútora and Miroslav Kollár, 'Slovakia' in Grigorij Mesežnikov, Oľga Gyárfášová and Daniel Smilov (eds), *Populist Politics and Liberal Democracy in Central and Eastern Europe*, Institute for Public Affairs, Bratislava, 2008, p. 119.

4. The Slovak National Party phenomenon

The SNS participated in two government coalitions led by Vladimír Mečiar, in 1992-1994 and 1994-1998, and has been the second largest member of the coalition formed in 2006, together with Smer and People's Party – Movement for a Democratic Slovakia (ĽS-HZDS; HZDS was renamed in 2000). In 1998-2002, the SNS was in parliamentary opposition, and in 2002-2006 it remained outside the parliament as it had been divided into two factions in 2001 after a conflict between its leaders, Ján Slota and Anna Belousovová. Slota left the SNS and established the Real Slovak National Party (PSNS); both parties did not pass the threshold in 2002. In 2003, merger into SNS under Slota's leadership took place.

The SNS is known for multiple offensive racial slurs against Hungarians and Gypsies since its appearance on the political scene. It has been described by Slovak political analysts as “typical single-issue nationalist party”¹³⁰ and

national-populist subject [...] a force of radical nationalism [...] a sworn opponent of the civil concept of political nation as it advocates the concept of ethnically-defined nation.

The SNS perceives the Slovak Republic as a national state of ethnic Slovaks and furthers the concept of assimilation with respect to ethnic minorities that is based, among other principles, on *a priori* questioning ethnic Hungarians' loyalty to the Slovak Republic.¹³¹

In 2001, when Slovakia signed the European Charter for Regional or Minority Languages, representatives of the SNS objected, saying it was “a

¹³⁰ Oľga Gyárfášová, ‘National Populism in Slovakia: Political Attitudes and Views of the Public’ in Grigorij Mesežnikov and Oľga Gyárfášová, *National Populism in Slovakia*, Institute for Public Affairs, Bratislava, 2008, p. 36.

¹³¹ Mesežnikov, *National Populism in Slovakia*, pp. 9-10.

step towards territorial autonomy, to the separation of southern parts of Slovakia.”¹³²

When Hungary passed the Act on Hungarians Living in Neighbouring Countries in 2001, a group of Slota’s supporters in the Slovak parliament submitted a proposal to renounce the Basic Treaty on Good Neighbourly Relations and Friendly Cooperation between Slovakia and Hungary. Slota also appealed to the cabinet to suspend the diplomatic relations with Hungary. He made similar appeals also in 2003 and 2004, describing Hungary’s foreign policy as ‘Great Hungarian’, ‘criminal’ and ‘chauvinist’.¹³³

SNS’s reaction was especially fierce when Hungarian Prime Minister Gyurcsány made a statement in support of autonomy for ethnic Hungarians living abroad in 2005. Slota again proposed to suspend the diplomatic relations with Hungary, filed an appeal to dissolve the SMK and said that Hungarians should be “kicked out of Slovakia.”¹³⁴

Before the 2006 elections, SNS leaders said that Slovaks from southern Slovakia felt like an “oppressed minority”, that it was the time to “bring the situation in Southern Slovakia from head to feet” and Slovakia should limit minority rights and adopt the slogan “one nation, one country, and one language.”¹³⁵

In August 2008 Slota proposed to intensify training of the Slovak army in order to defend the country’s territory against leader of the FIDESZ, former Prime Minister of Hungary Viktor Orbán who, according to Slota, intended to create another Kosovo in Slovakia. In September 2008 Slota warned against construction of road infrastructure and new bridges between Slovakia and Hungary, warning that the bridges might one day serve to bring armoured vehicles from Hungary to Slovakia.¹³⁶ In this respect, it may also be noted that the Maria Valeria bridge connecting Esztergom

¹³² Némethová and Öllös, p. 131.

¹³³ Mesežnikov, *National Populism in Slovakia*, p. 28.

¹³⁴ ‘Slota: Podá návrh na generálnu prokuratúru na zrušenie SMK’ [‘Slota: Will File Motion with General Attorney’s Office to Dissolve the SMK’], *SITA*, 20 January 2005.

¹³⁵ Mesežnikov, *National Populism in Slovakia*, p. 20.

¹³⁶ *ibid.*, p. 28.

(Hungary) with Štúrovo (Slovakia), which had been destroyed during the World War II, was rebuilt only in 2001: after the fall of the communist regime, Mečiar's government opposed reconstruction of the bridge and works began only when Dzurinda was in office.

When referring to the SMK, SNS leaders use only negative characteristics: "a super-nationalistic, extremist and Great Hungarian chauvinist party whose program objective is to liquidate Slovak statehood", "a subject of [...] instability and irredentism", "an extended arm of FIDESZ", a party that uses "terrorism methods", "turns ethnic Hungarians ... into hostages of its irredentist policy", "opposes existence of the sovereign Slovak Republic", intends to "question the Treaty of Trianon", and so forth. Mesežnikov notes that for SNS leaders "the SMK embodies the archenemy of Slovakia and the Slovaks."¹³⁷

Slota's latest scandalous statement was made on 23 March 2010, when he claimed that the Hungarian army was doing exercises, planning to invade neighbouring countries and alter the borders set in 1920 by the Treaty of Trianon.¹³⁸

5. Political developments in Slovakia following the 2006 parliamentary elections

Six parties won seats in the parliament elected in June 2006: Smer (50 members), SDKÚ-DS (31 members), SMK (20 members), SNS (19 members), ĽS-HZDS (16 members) and the Christian Democratic Movement (KDH, 14 members).¹³⁹ New coalition government was formed by Smer, SNS and ĽS-HZDS.

The outcome of the 2006 elections may be seen as confirmation of Strážay's forecast: "Another case confirming the use of nationalist-populist

¹³⁷ *ibid.*, p. 26.

¹³⁸ 'Slota: Maďarská armáda cvičí prechod vodných tokov' ['Slota: The Hungarian Army Does Exercises for Crossing Rivers'], *SNS website*, 24 March 2010, viewed on 26 March 2010, <<http://www.sns.sk/aktuality/slota-madarska-armada-cvici-prechod-vodnych-tokov>>.

¹³⁹ Martin Bútora, Grigorij Mesežnikov and Miroslav Kollár (eds), *Slovakia 2006. A Global Report on the State of Society*, Institute for Public Affairs, Bratislava, 2007, p. 19.

appeals in so-called voter hunting might be reproduction of a several years old scenario concerning the creation of an ethnic Slovak, anti-SMK coalition.”¹⁴⁰ Mesežnikov also notes that the decision to form the Smer – SNS – ĽS-HZDS coalition “cannot be perceived and interpreted outside the context of national populism as the main tool of voter mobilization and a cultural-political binding agent of a certain part of Slovakia’s party elite.” He considers the shift in power brought by the 2006 elections “the most important factor catalyzing the recent revival of national populism in Slovakia.”¹⁴¹

After the 2006 elections, tensions in interethnic relations began to grow. Incidents of verbal and physical violence against ethnic Hungarians occurred in Slovakia.¹⁴²

Slota provoked a huge scandal by his interview to the Czech daily *Lidové Noviny* a few days after inauguration of the new government. He claimed that the SMK oppressed the majority Slovak nation on its sovereign territory (since ethnic Hungarians constituted a majority in some regional parliaments and municipal councils), suggested outlawing the SMK as its leaders “consider Greater Hungary, not Slovakia, as their homeland”, alleged that “southern Slovakia was invaded by about a thousand Hungarian firms that received special subsidies from the Hungarian government to penetrate Slovakia’s southern regions and take control over everything there” and said he envied the Czechs for deportation of the Germans after World War II.¹⁴³

Soon afterwards, the largest coalition party, Smer, was suspended from provisional membership in the Party of European Socialists (PES). First, PES expressed its reservations to Smer’s cooperation with the SNS. Prime Minister Fico reacted by a claim that the PES attitude had been ‘ordered’

¹⁴⁰ Strážay, p. 58.

¹⁴¹ Mesežnikov, *National Populism in Slovakia*, p. 7.

¹⁴² Ondrej Dostál, ‘Ethnic Minorities’ in Martin Bútora, Grigorij Mesežnikov and Miroslav Kollár, (eds), *Slovakia 2006. A Global Report on the State of Society*, Institute for Public Affairs, Bratislava, 2007, p. 182.

¹⁴³ *ibid.*, p. 181. Cf. ‘Vyhnání Němců vám závidím’ [‘I Envy You for Expulsion of the Germans’], an interview of Luboš Palata with Ján Slota, *Lidové Noviny*, 22 July 2006.

by representatives of Slovak centre-right parties in the European Parliament and triggered by activities of Hungarian socialist MEPs.¹⁴⁴ In October 2006, Smer's membership was suspended. PES President Poul Nyrup Rasmussen stated: "basic political principles cannot be sacrificed. The PES does not believe that its member parties can enter Government at any price. [...] compromising with extreme nationalism and xenophobia."¹⁴⁵ Fico claimed that Rasmussen "made his statement immediately after meeting with Hungarian prime minister and chairman of the Hungarian Socialist Party and did not deem it necessary to inquire about the position of Smer."¹⁴⁶

In January 2008, Mesežnikov expressed the following view about the functioning of the ruling coalition:

I consider it quite troublesome, even dangerous for the whole country that Smer actually gives the SNS – and its nationalist agenda – free rein in return for its loyalty. As the SNS always supports Smer's proposals, even in all of the internal coalition disputes, the SNS invariably remains on Smer's side. This party leaves the nationalism of the SNS unnoticed. Now it is even evident that Smer itself has become influenced by this agenda.¹⁴⁷

Later in 2008, Mesežnikov also noted:

Two years after the 2006 elections, [...] Smer began to show a more perceptible inclination toward presenting nationalist positions on matters related to interethnic relations,

¹⁴⁴ Mesežnikov, Gyárfášová, Bútora and Kollár, *Populist Politics and Liberal Democracy in Central and Eastern Europe*, p. 112.

¹⁴⁵ 'SMER suspended from PES political family', *PES website*, 12 October 2006, viewed on 13 May 2009, <<http://www.pes.org/en/news/smer-suspended-pes-political-family>>.

¹⁴⁶ Mesežnikov, Gyárfášová, Bútora and Kollár, p. 112.

¹⁴⁷ 'Nationalism has simply asserted itself much easier', an interview of Ľuba Lesná with Grigorij Mesežnikov, *The Slovak Spectator*, No. 1, 7 January 2008.

implementation of minority rights and interpretation of national history. [...] Smer in 2008 matched and in some respects even eclipsed the radicalism of its positions presented in the period of 2000-2006, when it was an opposition party.¹⁴⁸

Both Smer and the SNS have been emphasising the importance of promoting patriotism. The SNS, devoted to its favourite issue, stresses that the Slovaks need to distinguish themselves from Hungarians. Smer's main claim is the need to overcome the attitudes of non-nationally (i.e. civically) oriented and cosmopolitan, 'non-patriotic' members of the majority population.

In April 2008, Fico stated that there was a duty to build Slovak pride and encouraged the Slovaks to draw inspiration from "the Russians whose pride was restored by President Putin." When reminded about Russia's democratic deficit, Fico responded that he did not understand what national pride had to do with democracy.¹⁴⁹ In July 2008, Fico emphasised the need to strengthen solidarity of the Slovaks as a "sturdy barrier against activities of the peculiar sort of adventurers who undermine Slovakia's spiritual integrity."¹⁵⁰ Mesežnikov notes that "[d]ividing the Slovaks into true, nationally-oriented citizens and those who inadequately identify themselves with independent Slovakia is typical of all parties of the incumbent administration" and that in the state-building process Fico "views national (or ethnic) element to be much more important than the quality (or democratic substance) of the regime."¹⁵¹

Adoption of the amendments to Slovakia's State Language Act in June 2009 may be attributed to the phenomenon described by Mesežnikov, i.e. adoption of the SNS's nationalist agenda by Smer. The amended law provides that fines of up to €5,000 may be imposed for use of 'incorrect'

¹⁴⁸ Mesežnikov, *National Populism in Slovakia*, p. 12.

¹⁴⁹ Mesežnikov, *National Populism in Slovakia*, p. 14. Cf. 'Fico sa pýtal, kto tu žil' ['Fico Asked Who Lived Here'], *Sme*, 22 April 2008.

¹⁵⁰ Mesežnikov, *National Populism in Slovakia*, p. 14. Cf. 'Politici vyzývali na vlastenectvo' ['Politicians Appealed on Patriotism'], *Sme*, 7 July 2008.

¹⁵¹ Mesežnikov, *National Populism in Slovakia*, p. 14.

Slovak language, or use of minority languages in government and other public services. Slovak also should be used first at cultural events at which only minorities are present.

A protest rally against the amended law was organised by the SMK on 1 September, when the law came into effect. SMK leader Pál Csáky claimed that the amendments to the State Language Act ‘criminalise’ the use of the Hungarian language in Slovakia. There was a protest rally in Budapest, too; the protesters delivered a petition to Slovak Ambassador Peter Weiss. Many Slovak politicians, including opposition politicians whose parties (SDKÚ-DS and KDH) traditionally cooperated with the SMK, were sceptical about its rally, however, they stressed that the amended law was dangerous and helped to escalate the tension. SNS leader Slota, as usual, blamed Hungary for “using its ‘loyal servants’ from SMK to escalate the tension between Slovakia and Hungary.”¹⁵²

The amended law was also criticised by the vice-chair of the European Parliament’s foreign affairs committee Michael Gahler as not conforming to EU standards as it discriminates against minority languages.¹⁵³ After several meetings of the OSCE High Commissioner on National Minorities Knut Vollebaek with Slovak and Hungarian delegations, the Slovak government adopted the Principles for the Implementation of the amended State Language Act, effective as of 1 January 2010. Then, Vollebaek issued a statement saying: “steps taken to promote the State Language do not undermine linguistic rights of persons belonging to national minorities.”¹⁵⁴

In late January 2010, the Hungarian government decided to allocate 50 million forint (€184,000) to a fund that would be used to cover penalties against ethnic Hungarians in Slovakia for being in breach of the State

¹⁵² Michaela Stanková, ‘Tension over Language’, *The Slovak Spectator*, 7 September 2009, viewed on 12 September 2009,

<http://www.spectator.sk/articles/view/36418/2/tension_over_language.html>.

¹⁵³ ‘German MEP Slams Slovak Language Law’, *EurActiv*, 10 July 2009, viewed on 14 February 2010, <<http://www.euractiv.com/en/culture/german-mep-slams-slovak-language-law/article-183982>>.

¹⁵⁴ ‘OSCE High Commissioner on National Minorities Issues Statement on Slovakia’s Language Law’, *OSCE*, 4 January 2010, viewed on 17 February 2010, <<http://www.osce.org/item/42279.html>>.

Language Act. The Slovak government viewed it as interference in Slovakia's internal affairs.¹⁵⁵

The most recent illustration of the Slovakia's ruling coalition's appeal on national populism has been adoption of the Patriotism Act drafted by the SNS in March 2010. According to the law, all sessions of local, regional and national parliaments, as well as sporting events must start with the playing of the national anthem; the anthem must also be played at the beginning of each week in state offices and schools. Besides, in all classrooms of public schools the coat of arms, the national flag, the words of the national anthem and the preamble to the constitution must be displayed.¹⁵⁶

Historian Milan Zemko criticised the Act, saying that “[t]he pride about one's motherland cannot be conditioned by any law and particularly not by one like the parliament passed. [...] The law [...] will in the better case be indifferent for the public and in worse case it will raise dissatisfaction and intentional ignoring.”¹⁵⁷ Another historian, Roman Holec, also was sceptical:

The Patriotism Act is typical for the ‘long’ 19th century as the century of nationalism, or for the totalitarian era, which always felt the need to enter the conscience of the people and regulate their feelings. [...] The Patriotism Act is directed mainly at the youth, and it will cause much greater harm in their conscience [...] The law formalises something that should be cultivated

¹⁵⁵ Michaela Stanková, ‘Hungary to Pay Language Fines’, *The Slovak Spectator*, 8 February 2010, viewed on 14 February 2010,

<http://spectator.sme.sk/articles/view/37840/2/hungary_to_pay_language_fines.html>.

¹⁵⁶ Michaela Stanková, ‘Schools Will Be Checked for Symbols’, *The Slovak Spectator*, 15 March 2010, viewed on 18 March 2010,

<http://spectator.sme.sk/articles/view/38211/2/schools_will_be_checked_for_symbols.html>

¹⁵⁷ An interview of Michaela Stanková with Milan Zemko, *The Slovak Spectator*, 15 March 2010, viewed on 18 March 2010,

<http://spectator.sme.sk/articles/view/38245/2/pride_about_motherland_cannot_be_conditioned_by_any_law.html>.

and formed naturally and what should be the inner affair of every individual. It strongly evokes in me the methods the totalitarian regimes used for working with the youth.¹⁵⁸

The Patriotism Act was criticised by the opposition parties, NGOs, as well as by school staff, which noted that schools simply do not have financial means needed for decoration of all classrooms with national symbols. Mass protests were organised by student unions. On 19 March, President Gašparovič decided not to sign the law and returned it to the Parliament. The president said that he welcomed the law, but schools had not enough time to fulfil the requirements set by the law.¹⁵⁹ It has been noted that Prime Minister Fico asked the president to veto the law for the same reason. Change of his attitudes probably followed the mass protests after adoption of the law, which surprised the ruling coalition.¹⁶⁰

At the 2009 European Parliament elections, the incumbent government coalition parties' aggregate result was slightly more than the opposition's aggregate result: Smer has five MEPs, SNS and ĽS-HZDS have one MEP each, while SDKÚ-DS, KDH and SMK have two MEPs each. It remains to be seen whether the opposition will be able to mobilise enough voter support to win the parliamentary elections in June 2010. National populism remains a powerful tool of political communication, and there is a strong tendency to continue using it:

Since the national-populist type of appealing to voters and preference of confrontational policies is deeply rooted in all

¹⁵⁸ An interview of Michaela Stanková with Roman Holec, *The Slovak Spectator*, 15 March 2010, viewed on 18 March 2010, <http://spectator.sme.sk/articles/view/38246/2/positive_deeds_are_the_best_tools_for_raising_patriotism.html>.

¹⁵⁹ Rob Cameron, 'Slovak President Gasparovic Sends Back Patriotism Law', *BBC News*, 19 March 2010, viewed on 21 March 2010, <<http://news.bbc.co.uk/2/hi/europe/8577338.stm>>.

¹⁶⁰ Jeremy Druker, 'Slovakia's Ill-Timed 'Patriotism'', *ISN Security Watch*, 22 March 2010, viewed on 24 March 2010, <<http://www.isn.ethz.ch/isn/Current-Affairs/Security-Watch/Detail/?ots591=4888caa0-b3db-1461-98b9-e20e7b9c13d4&lng=en&id=113994>>.

three parties of the incumbent ruling coalition (particularly in the SNS and Smer), it would be naïve to expect a real improvement in conditions for intercultural civic dialogue in Slovakia while these parties remain dominant ruling forces. Their evolution toward more moderate forms of appealing to voters is very unlikely as long as they preserve their status; on the contrary, they may further step up their aggressive rhetoric under certain circumstances (e.g. lingering problems in Slovak-Hungarian relations, potential social and political turmoil caused by world economic crisis or declining voter support). In the long term, only declining voter support for national populists may create favorable conditions for resuming mutual dialogue and cooperation between representatives of different social groups.¹⁶¹

The presidential election campaign held in 2009 showed that nationalist, anti-Hungarian sentiments played a serious role. That might be observed in the campaign against Iveta Radičová, representative of the SDKÚ-DS, who was supported also by KDH, SMK and non-parliamentary centrist and liberal parties but lost on 4 April against incumbent President Ivan Gašparovič.

6. Affirmation of the unalterable status of the Beneš decrees and reaction in Hungary

In 2001, Prime Minister of Hungary Viktor Orbán in his speech at the Assembly of the European Parliament demanded that Slovakia should repeal the Beneš decrees in order to join the European Union. As a result, a meeting of prime ministers of the Visegrad Four countries was cancelled.¹⁶² In 2002, Orbán repeated his request at an EU meeting in Brussels.

¹⁶¹ Mesežnikov, *National Populism in Slovakia*, p. 33.

¹⁶² Strážay, pp. 56-7.

However, the official opinion of the EU was that “the EU Treaty requires Member States and EU institutions to judge applicant states on their present, not their past performance.”¹⁶³

SNS leader Slota used to be an ardent supporter of the effects caused by the Beneš decrees since the beginning of his political career. For example, in 2002 Slota declared that he would like to renew the Beneš decrees, to “let those who wish to own Hungarian passports promptly leave Slovakia.” Between 2002 and 2005, he appealed the cabinet several times, asking for a confirmation of the Beneš decrees, but all attempts were unsuccessful.¹⁶⁴

In 2004, few weeks before Slovakia joined the European Union, the ĽS-HZDS also advocated for confirmation of the Beneš decrees, proposing a resolution on the unalterable status of the decrees to be included in the EU accession treaty. The ĽS-HZDS argued that the post-war resettlement of ethnic Hungarians from Slovakia’s territory was not endorsed by Slovak official organs, so Slovaks were not responsible for the act.¹⁶⁵

In September 2007, Slota again proposed a motion, and the decrees were reaffirmed by the Slovak National Council with votes in favour received from all parties, except the SMK. The ĽS-HZDS and Smer openly supported the decision, while the SDKÚ-DS and KDH took, as Mesežnikov put it, “an accommodating approach”. The SNS used the public debate to advertise its concepts of Slovak-Hungarian relations.¹⁶⁶

SMK’s former coalition partners – SDKÚ-DS and KDH – voted in favour, probably, because of two reasons. First, the government coalition could anyway pass the bill while accusing the opposition for ‘lack of patriotism’ and ‘yielding to Hungarian nationalists’. Second, it should be remembered that Slovakia’s attitude to the Beneš decrees is similar to the Czech Republic’s attitude, which has been denying the possibility of restitution for the Sudeten Germans; the Czech Republic and Slovakia have kept

¹⁶³ Balázs Jarábik, ‘Recent Developments in Slovak Political Life’ in Monica Robotin and Levente Salat (eds), *A New Balance: Democracy and Minorities in Post-Communist Europe*, OSI, Budapest, 2003, p. 146.

¹⁶⁴ Mesežnikov, *National Populism in Slovakia*, p. 24.

¹⁶⁵ *ibid.*

¹⁶⁶ *ibid.*

solidarity on the issue of decrees and acted accordingly. In 2009, the Czech President Václav Klaus insisted on an opt-out regarding the application of the EU Charter of Fundamental Rights before signing the Lisbon Treaty: Klaus claimed that the Charter would make his country liable to property claims by the 2.5 million ethnic Germans expelled from Czechoslovakia after World War II and their descendants.

The Slovak parliament's decision caused negative reaction in Hungary. President of Hungary László Sólyom said that the decision was unacceptable; Prime Minister Gyurcsány called his counterpart Fico and expressed his concern, saying the decision was harmful for good neighbourly relations.¹⁶⁷ Speaker of the Hungarian Parliament Katalin Szili cancelled a trip to Slovakia in protest.¹⁶⁸ As the Hungarian officials condemned the Slovak parliament's decision, Slovak MEP Irena Belohorská (ĽS-HZDS) said it was necessary because the Hungarian Guard was demanding border changes.¹⁶⁹

Few public figures in Slovakia openly expressed opinions against the Beneš decrees. Essayist Eduard Chmelár has been the only open opponent of the decrees on the left side of Slovakia's political spectrum.¹⁷⁰ Among the centre-right politicians, František Mikloško, member of the Slovak parliament from the KDH, publicly apologised to ethnic Hungarians in June 2005. He noted that deprivation of citizenship and property in 1945-1948 caused suffering to innocent people and admitted that the Slovak parliament was not ready for an official apology yet. The KDH (at that

¹⁶⁷ 'Sólyom: Elfogadhatatlan a szlovákok döntése' ['Sólyom: The Slovaks' Decision Is Unacceptable'], *Index/MTI*, 21 September 2007, viewed on 19 February 2009, <<http://index.hu/kulfold/benes0921>>.

¹⁶⁸ Sean Sampson, 'Benes Decrees Still Cause Tension after 60 Years', *The Budapest Times*, 1 October 2007, viewed on 12 September 2009, <http://www.budapesttimes.hu/index.php?option=com_content&task=view&id=755&Itemid=27>.

¹⁶⁹ Sampson, *op. cit.*

¹⁷⁰ Juraj Marušiak, 'В полутени двух тоталитарных режимов: сведение счетов с прошлым в Словакии' ['In the Penumbra of Two Totalitarian Regimes: Getting Even with the Past in Slovakia'] in Martin Bútora, Grigorij Mesežnikov and Miroslav Kollár (eds), *Опыт демократических преобразований Словакии* [Slovakia's Experience of Democratic Transformation], Institute for Public Affairs, Bratislava, 2007, p. 179.

time, member of the government coalition), expressed its support to Mikloško and declared that a similar gesture from the Hungarian side would be welcome. Other politicians, including President Gašparovič, disapproved Mikloško's action.¹⁷¹ Then, during an official visit to Slovakia in December 2005, President of Hungary László Sólyom stated that the Magyarisation policy in the former Austro-Hungary was wrong.¹⁷² After reaffirmation of the Beneš decrees in 2007, Slovak political scientist Miroslav Kusý told the Czech daily *Hospodářské noviny* that Slovakia should apologise for what it did to Hungarians between 1945 and 1948.¹⁷³

7. The present stage of bilateral relations

When the present stage of the Slovak-Hungarian relations is considered, the history of identity formation must be taken into account. As Mesežnikov notes, the activities of the leading figures of national populism and their impact on the interethnic relations in Slovakia may be described from the perspective of general socio-political and historic factors. The socio-cultural environment in which national populists built their political communication was influenced by the fact that in the 20th century the Slovaks formed part of five constitutional entities (the Austro-Hungarian Empire, the first Czechoslovak Republic, wartime Slovak State, renewed Czechoslovak Republic and independent Slovak Republic).¹⁷⁴ Essayist Lajos Grendel presents a rather similar view, noting that Central Europeans have some common elements of identity, in particular, because the region was often under occupation by different foreign forces and because during

¹⁷¹ Ondrej Dostál, 'Ethnic Minorities' in Martin Bútora, Miroslav Kollár and Grigorij Mesežnikov (eds), *Slovakia 2005. A Global Report on the State of Society*, Institute for Public Affairs, Bratislava, 2006, pp. 141-2.

¹⁷² 'Prezident Sólyom: Maďarizácia v Uhorsku bola veľmi nesprávna' ['President Sólyom: Magyarisation in the Hungarian Kingdom Was Very Wrong'], *Sme*, 9 December 2005.

¹⁷³ Sampson, op. cit.

¹⁷⁴ Mesežnikov, *National Populism in Slovakia*, pp. 7-8.

the recent eight decades the national identity of many Central Europeans was violated, sometimes for several times.¹⁷⁵

It may also be noted that Hungarian foreign minister Péter Balázs admitted in an interview: “The anti-Hungarian behaviour has not been born nowadays; it has already existed amidst the oppressed Slovaks. The Hungarian language was hammered into Slovak children’s head by ‘rattans’ during the years of the Monarchy.” Balázs also noted that extremists on each side provoke each other, causing harm to the bilateral relations. He particularly expressed his concern because of the activities of the Sixty-Four Counties Youth Movement, which was at the moment recruiting members among ethnic Hungarians in Slovakia.¹⁷⁶

Mesežnikov argues further that

the effectiveness of national populists’ mobilization strategies has an ethnic-nationalist dimension as well as a social one. Strengthening populist parties’ position in Slovakia in recent years should be viewed in the context of socio-economic developments in a country that implemented thorough liberal reforms after 1998 but especially between 2002 and 2006. Some population groups’ aversion to these reforms’ (actual or fictitious) social effects combined with lingering anti-capitalist and anti-liberal moods created a generally favorable social environment for populists.¹⁷⁷

When the status of the Hungarian minority in Slovakia and the Slovak-Hungarian relations are discussed, it should be remembered that in both

¹⁷⁵ Lajos Grendel, ‘Центральная Европа и ее призраки’ [‘Central Europe and Its Ghosts’] in Martin Bútorá, Grigorij Mesežnikov and Miroslav Kollár (eds), *Опыт демократических преобразований Словакии* [Slovakia’s Experience of Democratic Transformation], Institute for Public Affairs, Bratislava, 2007, pp. 49-50.

¹⁷⁶ Péter Balázs: Nationalism Is Still Alive in Europe, interview for *EurActiv Hungary*, 27 April 2009, viewed on 5 February 2010, <<http://www.euractiv.com/en/priorities/pter-balzs-nationalism-alive-europe/article-181610>>.

¹⁷⁷ Mesežnikov, *National Populism in Slovakia*, p. 32.

countries the formation of civic, or political, nation has not been completed. This may be observed, for example, from statements made, on the one side, by a Slovak analyst:

In Slovakia, the process of national self-identification is still more on the ethnic and cultural side than on the civic and territorial one and therefore minorities cannot be fully accommodated. Slovak reality can be characterized by the notion “Kulturnation”, rather than “Staatsnation”. [...] the starting position of countries with prevalence of ethnic and cultural self identification is more problematic than of those where civic and territorial self-identification prevails.¹⁷⁸

On the other side, Hungarian President Sólyom stated in an address at the unveiling of a statue of Saint Stephen in Komárno, Slovakia (the president’s address was read by Hungarian ambassador to Slovakia Antal Heizer, as Slovakia had denied admission to President Sólyom):

Ethnic Hungarians today live in eight countries as natives of those lands. Therefore, the unity of the Hungarian nation must be conceived as a community bound by an ethnic, linguistic and cultural identity; in other words as what we consider a cultural nation. This is why we must clarify the relationship between the nation and the state.¹⁷⁹

In both Hungary and Slovakia, large population groups and influential political forces continue to define ‘national interests’ not as state interests defined by citizenship but as interests of ethnic communities – the Hungarian nation beyond the state borders on the one side, and the

¹⁷⁸ Dostál 2006, p. 144.

¹⁷⁹ Address by President László Sólyom, *Office of the President of the Republic of Hungary*, 21 August 2009, viewed on 9 September 2009, <http://www.keh.hu/speeches20090821_address_komarno.html>.

dominant Slovak ethnic group on the other side. Director of the Europe in the World Centre at the University of Liverpool Erika Harris notes that

[T]he Hungarian minority in Slovakia has always been viewed as an extension of Hungary and consequently, the main target of Slovakia's nationalist mobilisation. The tense relationship between the Slovak majority and the Hungarian minority has been compounded by Hungary who has consciously pursued the role of 'external homeland', often to the detriment of Slovak-Hungarian relations between the states [...] If the accusation of overzealous kin policies can be levied at Hungary, then Slovakia can be accused of overreaction and the projection of historical events onto the contemporary politics.¹⁸⁰

It may be expected that 2010 parliamentary elections in both countries (scheduled for April in Hungary and for June in Slovakia) may result in stronger tension in bilateral relations, as national populist rhetoric will be used for mobilisation of voter support. Predictable success of the Hungarian right wing should be expected to contribute to campaigning of the SNS and other populist forces in Slovakia.

¹⁸⁰ Harris, p. 27.

LIST OF ABBREVIATIONS

FIDESZ	Alliance of Young Democrats (Hungary)
FKGP	Independent Smallholders' Party (Hungary)
HVIM	Sixty-Four Counties Youth Movement
HZD	Movement for Democracy (Slovakia)
HZDS	Movement for a Democratic Slovakia (before 2000 – see LS-HZDS)
Jobbik	Movement for a Better Hungary
KDH	Christian Democratic Movement (Slovakia)
KDNP	Christian Democratic People's Party (Hungary)
LS-HZDS	People's Party – Movement for a Democratic Slovakia (since 2000 – see HZDS)
MDF	Hungarian Democratic Forum
MIÉP	Hungarian Justice and Life Party
MSZP	Hungarian Socialist Party
MVSZ	World Federation of Hungarians
PES	Party of European Socialists
SDKÚ	Slovak Democratic and Christian Union (before 2006)
SDKÚ-DS	Slovak Democratic and Christian Union – Democratic Party
SDE	Party of the Democratic Left (Slovakia)
Smer-SD	Smer – Social Democracy
SMK	Hungarian Coalition Party (Slovakia)
SNS	Slovak National Party
SZDSZ	Alliance of Free Democrats (Hungary)
ZRS	Association of Workers of Slovakia

REFERENCES

- Bútora, Martin, Miroslav Kollár and Grigorij Mesežnikov (eds), *Slovakia 2005. A Global Report on the State of Society*. Institute for Public Affairs, Bratislava, 2006.
- Bútora, Martin, Grigorij Mesežnikov and Miroslav Kollár (eds), *Slovakia 2006. A Global Report on the State of Society*. Institute for Public Affairs, Bratislava, 2007.
- Cameron, Rob, 'Slovak President Gasparovic Sends Back Patriotism Law', *BBC News*, 19 March 2010, viewed on 21 March 2010, <<http://news.bbc.co.uk/2/hi/europe/8577338.stm>>.
- Chmel, Rudolf, 'Syndrome of Trianon in Hungarian Foreign Policy and Act on Hungarians Living in Neighboring Countries'. *Slovak Foreign Policy Affairs*, vol. III No. 1, spring 2002, pp. 93-106.
- Dostál, Ondrej, 'Ethnic Minorities' in Martin Bútora, Miroslav Kollár and Grigorij Mesežnikov (eds), *Slovakia 2005. A Global Report on the State of Society*. Institute for Public Affairs, Bratislava, 2006.
- Dostál, Ondrej, 'Ethnic Minorities' in Martin Bútora, Grigorij Mesežnikov and Miroslav Kollár, (eds), *Slovakia 2006. A Global Report on the State of Society*. Institute for Public Affairs, Bratislava, 2007.
- Druker, Jeremy, 'Slovakia's Ill-Timed 'Patriotism'', *ISN Security Watch*, 22 March 2010, viewed on 24 March 2010, <<http://www.isn.ethz.ch/isn/Current-Affairs/Security-Watch/Detail/?ots591=4888caa0-b3db-1461-98b9-e20e7b9c13d4&lng=en&id=113994>>.
- Grendel, Lajos, 'Центральная Европа и ее призраки' ['Central Europe and Its Ghosts'] in Martin Bútora, Grigorij Mesežnikov and Miroslav Kollár (eds), *Опыт демократических преобразований Словакии* [Slovakia's Experience of Democratic Transformation]. Institute for Public Affairs, Bratislava, 2007.
- Gyárfášová, Oľga, 'National Populism in Slovakia: Political Attitudes and Views of the Public' in Grigorij Mesežnikov and Oľga Gyárfášová, *National Populism in Slovakia*. Institute for Public Affairs, Bratislava, 2008.
- Harris, Erika, 'Management of the Hungarian Issue in Slovak Politics: Europeanisation and the Evolution of National Identities'. *POLIS Working Paper* No. 7, University of Leeds, February 2004.
- Jarábik, Balázs, 'Recent Developments in Slovak Political Life' in Monica Robotin and Levente Salat (eds), *A New Balance: Democracy and Minorities in Post-Communist Europe*. OSI, Budapest, 2003.

Lesná, Ľuba, interview with Grigorij Mesežnikov. *The Slovak Spectator*, No. 1, 7 January 2008.

Marušiak, Juraj, 'В полутени двух тоталитарных режимов: сведение счетов с прошлым в Словакии' ['In the Penumbra of Two Totalitarian Regimes: Getting Even with the Past in Slovakia'] in Martin Bútora, Grigorij Mesežnikov and Miroslav Kollár (eds), *Опыт демократических преобразований Словакии* [Slovakia's Experience of Democratic Transformation]. Institute for Public Affairs, Bratislava, 2007.

Mesežnikov, Grigorij, 'Domestic Politics and the Party System' in Grigorij Mesežnikov, Miroslav Kollár, and Tom Nicholson (eds), *Slovakia 2002. A Global Report on the State of Society*. Institute for Public Affairs, Bratislava, 2003.

Mesežnikov, Grigorij, 'National Populism in Slovakia: Actors, Issues, Strategies' in Grigorij Mesežnikov and Oľga Gyárfášová, *National Populism in Slovakia*. Institute for Public Affairs, Bratislava, 2008.

Mesežnikov, Grigorij, Oľga Gyárfášová, Martin Bútora and Miroslav Kollár, 'Slovakia' in Grigorij Mesežnikov, Oľga Gyárfášová and Daniel Smilov (eds), *Populist Politics and Liberal Democracy in Central and Eastern Europe*. Institute for Public Affairs, Bratislava, 2008.

Mueller, John, 'Democracy, Capitalism, and the End of Transition' in Michael Mandelbaum (ed), *Postcommunism: Four Perspectives*. Council on Foreign Relations, New York, 1996.

Németh, Zsolt, 'Külpolitika és nemzeti érdek' ['Foreign Policy and National Interest'], *Pro minoritate*, vol. V No. 2, summer 1996, viewed on 16 October 2009, <<http://www.hhrf.org/prominoritate/1996/nyar01.htm#E13E5>>.

Némethová, Diana and László Öllös, 'Hungarians in the Slovak Government' in Monica Robotin and Levente Salat (eds), *A New Balance: Democracy and Minorities in Post-Communist Europe*. OSI, Budapest, 2003.

Pridham, Geoffrey, 'Slovakia's Relations with the European Union 1998-2002: Political Conditionality, its Effects and its Limitations', *Slovak Foreign Policy Affairs*, vol. III No. 2, autumn 2002, pp. 75-89.

Sampson, Sean, 'Benes Decrees Still Cause Tension after 60 Years', *The Budapest Times*, 1 October 2007, viewed on 12 September 2009, <http://www.budapesttimes.hu/index.php?option=com_content&task=view&id=755&Itemid=27>.

Stanková, Michaela, 'Tension over Language', *The Slovak Spectator*, 7 September 2009, viewed on 12 September 2009,

<http://www.spectator.sk/articles/view/36418/2/tension_over_language.html>.

Stanková, Michaela, 'Hungary to Pay Language Fines', *The Slovak Spectator*, 8 February 2010, viewed on 14 February 2010,

<http://spectator.sme.sk/articles/view/37840/2/hungary_to_pay_language_fines.html>.

Stanková, Michaela, 'Schools Will Be Checked for Symbols', *The Slovak Spectator*, 15 March 2010, viewed on 18 March 2010,

<http://spectator.sme.sk/articles/view/38211/2/schools_will_be_checked_for_symbols.html>.

Stanková, Michaela, interview with Milan Zemko, *The Slovak Spectator*, 15 March 2010, viewed on 18 March 2010,

<http://spectator.sme.sk/articles/view/38245/2/pride_about_motherland_cannot_be_conditioned_by_any_law.html>.

Stanková, Michaela, interview with Roman Holec, *The Slovak Spectator*, 15 March 2010, viewed on 18 March 2010,

<http://spectator.sme.sk/articles/view/38246/2/positive_deeds_are_the_best_tools_for_raising_patriotism.html>.

Strážay, Tomáš, 'Nationalist Populism and Foreign Policy: Focus on Slovak-Hungarian Relations', *Slovak Foreign Policy Affairs*, vol. VI No. 1, spring 2005, pp. 47-59.

Tabajdi, Csaba, 'Újragondolt közép-európaiság' ['Central European Identity Reconsidered'], *Népszabadság*, 2 November 2001.

Uitz, Renáta, 'Hungary' in Grigorij Mesežnikov, Oľga Gyárfášová and Daniel Smilov (eds), *Populist Politics and Liberal Democracy in Central and Eastern Europe*. Institute for Public Affairs, Bratislava, 2008.

Várhegyi, Attila, 'Gyökeres változás a magyarság életében' ['A Radical Change in the Life of Hungarian Nation'], *Magyar Nemzet*, 21 August 2001.

Weinstein Michael A., Hungary's Referendum on Dual Citizenship, *Global Policy Forum*, 13 December 2004, viewed on 9 February 2010,

<<http://www.globalpolicy.org/component/content/article/171-emerging/29823.html>>.

Unattributed articles

Act LXII on Hungarians Living in Neighbouring Countries: Interests and Goals, *Ministry of Foreign Affairs of Hungary*, January 2002, viewed on 11 January 2010, <http://www.mfa.gov.hu/NR/rdonlyres/A08A8619-B08C-450F-A70B-0949A5467BAB/0/Statusz_EN.pdf>.

Address by President László Sólyom, *Office of the President of the Republic of Hungary*, 21 August 2009, viewed on 9 September 2009, <http://www.keh.hu/speeches20090821_address_komarno.html>.

‘Anti-Semitic Manifestations Hostile to the Hungarian opposition’, *Budapest Analyses*, 15 December 2008, viewed on 14 February 2010, <http://www.budapestanalyses.hu/docs/En/Analyses_Archive/analysys_208_en.html>.

Constitution of the Republic of Hungary.

‘Fico sa pýtal, kto tu žil’ [‘Fico Asked Who Lived Here’], *Sme*, 22 April 2008.

‘Fico: Vláda umožňuje SMK postupne asimilovať Slovákov na juhu’ [‘Fico: Cabinet Allows SMK to Assimilate Slovaks in the South’], *SITA*, 28 July 2004.

‘German MEP Slams Slovak Language Law’, *EurActiv*, 10 July 2009, viewed on 14 February 2010, <<http://www.euractiv.com/en/culture/german-mep-slams-slovak-language-law/article-183982>>.

György Csóti quoted in *Új Magyarország*, 29 June 1996.

Hungary: Parliamentary Elections 1990, *Inter-Parliamentary Union* (undated), viewed on 16 January 2010, <http://www.ipu.org/parline-e/reports/arc/2141_90.htm>.

Hungary: Parliamentary Elections 1994, *Inter-Parliamentary Union* (undated), viewed on 16 January 2010, <http://www.ipu.org/parline-e/reports/arc/2141_94.htm>.

Hungary: Parliamentary Elections 1998, *Inter-Parliamentary Union* (undated), viewed on 16 January 2010, <http://www.ipu.org/parline-e/reports/arc/2141_98.htm>.

Interview with László Kovács, *Népszava*, 17 August 1996.

National Election Office of Hungary (undated), viewed on 8 February 2010, <http://www.valasztas.hu/en/parval2010/197/197_0.html>.

‘OSCE High Commissioner on National Minorities Issues Statement on Slovakia’s Language Law’, *OSCE*, 4 January 2010, viewed on 17 February 2010, <<http://www.osce.org/item/42279.html>>.

Péter Balázs: Nationalism Is Still Alive in Europe, interview for *EurActiv Hungary*, 27 April 2009, viewed on 5 February 2010, <<http://www.euractiv.com/en/priorities/pter-balzs-nationalism-alive-europe/article-181610>>.

‘Politici vyzývali na vlastenectvo’ [‘Politicians Appealed on Patriotism’], *Sme*, 7 July 2008.

‘Prezident Sólyom: Maďarizácia v Uhorsku bola veľmi nesprávna’ [‘President Sólyom: Magyarisation in the Hungarian Kingdom Was Very Wrong’], *Sme*, 9 December 2005.

‘Radical nationalist Jobbik for Toppling Trianon Borders, says MEP’, *The Budapest Times*, 14 June 2009, viewed on 25 September 2009, <http://www.budapesttimes.hu/index.php?option=com_content&task=view&id=12240&Itemid=219>.

‘Slota: Maďarská armáda cvičí prechod vodných tokov’ [‘Slota: The Hungarian Army Does Exercises for Crossing Rivers’], *SNS website*, 24 March 2010, viewed on 26 March 2010, <<http://www.sns.sk/aktuality/slota-madarska-armada-cvici-prechod-vodnych-tokov>>.

‘Slota: O rok bude Slovensko bez južných území’ [‘Slota: Slovakia Will Lose Its Southern Territory within a Year’], *SITA*, 12 August 2004.

‘Slota: Podá návrh na generálnu prokuratúru na zrušenie SMK’ [‘Slota: Will File Motion with General Attorney’s Office to Dissolve the SMK’], *SITA*, 20 January 2005.

Slovakia: Parliamentary Elections 1998, *Inter-Parliamentary Union* (undated), viewed on 27 January 2010, <http://www.ipu.org/parline-e/reports/arc/2285_98.htm>.

‘Smer: Odmietajú návrh zmien pri používaní menšinových jazykov’ [‘Smer: Refuses Proposed Changes to Use of Minority Languages’], *SITA*, 15 August 2003.

‘SMER suspended from PES political family’, *PES website*, 12 October 2006, viewed on 13 May 2009, <<http://www.pes.org/en/news/smer-suspended-pes-political-family>>.

‘Sólyom: Elfogadhatatlan a szlovákok döntése’ [‘Sólyom: The Slovaks’ Decision Unacceptable’], *Index/MTI*, 21 September 2007, viewed on 19 February 2009, <<http://index.hu/kulfold/benes0921>>.

Chapter 3. Regional, National, Civic and Ethnic Identities of the Peoples and States in the South Caucasus

- Farida Rajabova:** The Problem of Interaction between National, Civic and Ethnic Identities
- Mikayel Zolyan:** The Caucasus and “the Caucasians”: Cultural Construction of the Region and Regional Identity
- Paata Bukhrashvili:** The Russian Colonial Perception and the Ethno-Political Reality in the Transcaucasia

The Problem of Interaction between National, Civic and Ethnic Identities

The identities are reputed among problems which are vividly responsive to political changes in the Azerbaijan Republic (AR) and the world as a whole. The same is true of the problem of interaction between state, civil and ethnic identities. It was the developments of the later 20-earlier 21 centuries on the Soviet and later the post-Soviet expanse that essentially modified conceptual approaches to the idea of state identity.

In France, Great Britain, the United States and Switzerland, the rebirth of political nation as political communities consolidated within the framework of constitutional state with its own political-contractual nature is attributable to the ideas of democracy and sovereignty of self-governing people. In her frequently cited monograph “Nationalism: Five Roads to Modernity” (1) the US researcher L. Greenfield is prone to term the nation’s sovereignty as independence and self-government of community that draws its freedom from the freedom and dignity of the personality. In turn, the freedom and dignity are personified in the political institutions.

Conflicts of identities

Unfortunately, no intensive advancement toward the formation of the above-mentioned system of varying identities and ensuing comprehensive of problems are observed in present-day Azerbaijan. The problem is that unless the civil community above is an aim of the considered politics, the AR risks being transformed into an area of permanent conflict of identities which, regrettably, takes no form of tolerant discussions. The threat of religious extremism and ethnic separatism calls not so much for strengthening of the structures of law-enforcement body as for changes in

the political line in respect of national minorities and, first of all, maximum efforts to promote the civil identity.

In the AR, the concept of social justice should be regarded as a standard to assess civil mechanisms of society regulation. The principles of social justice are as follows: first, every citizen has the equal right for enjoying civil and political freedoms consistent with the ones enjoyed by the rest of society; second, social-economic relations in the state should be arranged so as to serve interests of everyone.

In addressing the problem of self-identification in the AR, it is essential to base the social development on the consensus between the state and civil society. Hence, the modern AR is faced with the problem of paramount importance: restriction on state's surplus power in terms of state building the state is being transformed into effective instrument of country's civil development.

Civil self-consciousness

No special studies into formation of civil self-consciousness have so far been carried on in the AR. What is a citizen? A person capable of answering for himself and his nearest, and then for state affairs. Beyond any doubts, the present world bids defiance to the AR: will the nation (in European terms, a civil community is means) be able to get self-organized? As viewed by R.Emerson, "The nation (society) is seeking to own the state as political institution with which to protect and strengthen itself" (2). As a matter of fact, the point is about states with liberal democracy where the state does exist for the people. For this reason, the state identity in European countries is practically coincident with the civil one.

What is a nation? Views of the subject are classified into two large groups? The first group construes the concept of the nation after a race model, so the nation is posed as community predetermines an individual's identity with the very fact of birth – as "Azerbaijani", "Armenian", etc. From this standpoint, the present of an individual is foreordained by the past of his family. The second group defines the nation as contract which comes as

result free agreement of citizens. The choice of national identity is based on the principles above.

The so-called jingoism plays an essential role in shaping the national identity. Worthy of note is K. Marx's description of the French Empire under Louis Bonaparte: "a full-dress uniform was their own suit; war – their poetry; enlarged and rounded parcel – their fatherland; patriotism – an ideal form of the sense of property" (3). In doing so, an illusion of community comes into existence to follow from co-existence of emergencies and adoption of sacrifice. From this it follows: the national idea of the AR present-day statehood lies in the pragmatism of the state to the national ideology. This includes the assessment and support for cultural, ideological and political diversity with an emphasis on mediation functions and prevention of extremist and separatist manifestations.

The AR of the Soviet epoch was notable for high level of centralization and hierarchy of power and population which disallowed society's self-organization and set off the principle of citizenship against the principles of faithfulness. In considering the established historical cliché of notions, it is essential to discriminate between the state and civil self-consciousness. That makes possible to draw distinctions between the situation in Azerbaijan and those in France, the United States and Switzerland where the formation of political nation and state is attributable to the shaped of self-governing people. While the state and civil identities are formed as equipollent entities, the above is indistinguishable so far.

Typical for the young democracy is a despite on relations between the three subjects of the modern state – "personality – civil society-state". In the liberal society, a vector of power tends toward supremacy of personality and civil society; in the society of governable democracy – toward supremacy of state. The first case is characterized by effective system of contractual relations between state and citizen and the division of power; the second case is accounted for by toughly in-built vertical of power. In other words, the country's dynamic development is dependent upon the

political elite's ability to respond to challenges and potentialities of the new world order and appreciate it properly.

At present, the state identity is being formed at rates above those of the AR civil self-consciousness. The former's making is accounted for by political will of leader, political elite and political figures that generate ideas and statehood conceptions. Having controllable mass media in their hands, these entities are capable of influencing the educational system at the historically shortest period. The situation is more difficult around the shaping of civil self-consciousness which is bound with a complex of social-psychological prerequisites in society, substitution of historically established ideas among an overwhelming majority of the population, its re-orientation from paternalist sentiments into active self-organization and solidarity in terms of responsibility for its own and country's destiny.

The AR has just started differentiating the state and civil identities. For this reason, it would be inappropriate to define the Azerbaijani civil community as nation and give the people access to the use of terms "citizen" and "citizenship", since this would hardly solve problems of the formation of political nation as civil society capable of "exploiting the state as its instrument" (according to R. Emerson) (4). That's impossible without civil, not merely state, self-consciousness.

State identity

Where former citizens of the Soviet Empire lost their state identity and belief in the rightness of their historical choice and the reality of many achievements, and, furthermore, a considerable part of the population changes its habitual social status, it was the ethnic solidarity that provided a certain psychological support.

It should be noted that the ethnic identity in the poly-cultural environment assumes a particular sensitiveness both to self-appraisal and a detached view. The above is vividly echoed in the declarations of ruling elites, mass media, textbooks and fiction. A feeling of dignity is a customary and effective element of ethnic identity. Azerbaijanis, Talyshs, Jews,

Armenians, Lezghins, Avars, Udins and Russians put in the foreground (after equality/inequality factor) an opportunity to get a top quality education.

All authoritative experts and analysts agree that it is crucial to consolidate the Azerbaijani identity in the AR. On the other hand, experts disagree with the strategy and methods of its formation. A majority of country's population disposes of the concept of the Azerbaijani identity. Young and middle-aged are more confident in identifying themselves, while elderly not infrequently identify themselves as citizens of the Soviet Union. Scores of them long for their youth, stability, and habitual mode of life. Azerbaijani identifiers are to greater degree, satisfied with their position, working status, selection of work – “it is hard to live but one can suffer”. It is no mere coincidence that the Azerbaijan identifiers are greater in number.

It has to be kept in mind that the ethnic identity is primarily based on language, culture, nationality of parents historical past and territory. In the meanwhile, the state identity is based on the place in the world, geopolitical expanse, civilization progress, resource conceptions, cultural achievements and historical community. It is more dynamic than the ethnic one, the selection of which does not exclude the state identity, since they are apt to complement each other. This gives grounds to insist on compatibility of these identities. Note that the compatibility above is possible under certain circumstances. To match the state and ethnic identities, the state should build a system of relations based on mutual understanding. The state identity in the country with Azerbaijanis constituting overwhelming majority cannot help being based on the ethnic identity of majority. To make the civil identity attractive for other peoples of the AR, their AR-associated views, values and symbols should meet their interests as well.

The formation of civil consciousness and solidarity with value of human dignity, freedom and responsibility, respect to individual choice is to fuel the state and civil identities and thus make them attractive for all the AR peoples.

In 1995, touching upon ethnic conflicts that followed the confrontation of the two social systems before 1991, W.Kymlicka wrote in the introduction to his book "The Rights of Minority Cultures": "Though in the 1970-1980s the Anglo-American world witnessed "the rebirth" of normative political theory, including the new theories of justice, freedom, rights, society and democracy, i.e. problems bound up with cultures of minorities, which very infrequently were on the agenda of these discussions" (5). W.Kymlicka was successful in elaborating his own theory of multi-culturalism while problems of relations between various ethnic, religious and cultural minorities were on the agenda of a lot of political philosophers.

It should be recalled that questions of identity (or self-identification of individual with respect to a group) are directly associated with a problem of a group relations. Note that the identities are constructed both by majority (through the state language, demarcation of borders and compulsory national educational program, i.e. by dint of "nation building project", as generically termed by W.Kymlicka (6) and minority (mostly through "the organization from the culture of majority" (7).

The analysis of building processes and further development of identities is required to realize the fact of "the origination of minority and its growing into the ethnic confrontation and conflict. That's why the politicians of the ruling party is to be aimed at removing unjust consequences of "nation building for various minorities of society. In the end, the politics of social justice inspires minorities' confidence in the stability of their group identity. The point is that if any state is inevitably involved in the process of "nation building" and cannot keep to neutrality in cultural terms, it would be appropriate to apply all efforts to compensate various minorities for negative consequences of the "nation building" above. For this to happen, it is essential to rely on the system of civil rights. As a matter of fact, this politics has already been devised in some European countries; the question is about the multi-culturalism politics. In doing so, the merging of national identity and identities of minorities implies a compromise of the both parties: "though the national identities are subtilized to fit minorities,

the latter should deny values and models of behavior which come into conflict with those of community as a whole” (8).

Idea of citizenship

The civil identity, as distinct from the state and ethnic identity, does not imply the historical community, unified culture and value orientation or mythical “national territory”. However, this definition of citizenship calls for additional explanation.

“The classical” idea of citizenship is referred to in the works of various liberal and republican theoreticians, for example, Rousseau and Mill. However, a concept of citizenship, as construed by these thinkers, is not “subtle” enough to answer the multi-cultural status of value pluralism of modern society. As viewed by Rousseau, under the civil identity is meant “civil religion”: “... it is rather significant for each citizen of the state to profess a religion that would urge him to love his duties; however, dogmas of this religion are required by the state and citizens so far as these dogmas are attributable to morals and duties mandatory for their adherents with respect to others” (9).

To Miller’s thinking, the concept of citizenship is based on the national identity. In his “Considerations on Representative Government” Miller stressed the necessity of a unified national culture as a pre-requisite for vital capacity of the institutes of representative democracy. One can agree with D. Weinstock that this form of citizenship “seems to be discordant with strictly multi-cultural nature of many (majority) contemporary societies” (10).

In fact, in the form above the concept of citizenship is “underloaded from value standpoint” as compared with the national or state identity. A conclusion is as follows: the concept of the citizenship has to be modified to perform its functions in terms of multi-cultural society and “pluralism of values” of the modern civilization.

The “subtle” conception of the citizenship has recently been suggested by D. Weinstock to include basic elements as follows:

- 1) a status of citizen which is different from a status non-citizen. To be a citizen means to enjoy rights (for example, to take part in the elections) and bear duties;
- 2) a status of citizen is usually specified through rights only. The most important thing of the citizen's status is not so much duties as various rights of citizens to protect their civil and political freedoms;
- 3) self-government and autonomy. A citizen is a person capable of self-governing and exercising this autonomy in practice. To be a citizen does not mean to be a subject, i.e. governable. Therefore the idea of citizenship is integrally related to the idea of democracy. A state, willing to govern its citizens by means of authoritarian or totalitarian regime, strays from its purpose. The point is that the civil identity can shape in terms of free democratic society only;
- 4) democratic institutions are required to exist, using which the citizens may exercise their self-government and related rights;
- 5) "to be a citizen" means, to a degree, to identify himself with the political society and thus contribute to the stability and unity of this society" (11)

The status of citizen in the multi-cultural state should be granted on transparency and universally accessible basis. That radically distinguishes the citizenship from the national identity which implies "common history", "fore-fatherland", common faiths and myths which come by right of birth, even if it is not identified with ethnic (blood) identity. The status of citizen is of primarily procedural nature and, hence, open to general access. It would be appropriate to recall that most democratic countries apply citizenship procedures, even for illegal immigrants, gastarbeiters or, as Kymlicka puts it, "meteks". Even despite the fact that immigrants violate local laws by the very entry into a country, the general public clearly realize that crimes among marginal citizens of "second-rate people" tend to grow without transparent naturalization procedures (12).

As a whole, the concept of citizenship should contribute, not threaten, to the sustainable existence of ethnic, religious, gender, etc. identities. That's

to say that the status of citizen, i.e. bearer of group identities, should have an access to the public sphere as exponent of the identities above, not mere citizen. In this case, the civil identity will be perceived as resource, not obstacle with ensuing restrictions to be avoided legally. In such a contingency, the civil identity will favor solidarity, integration and tolerance in society. The citizenship provides any person (or ethnic group) with an opportunity to independently decide on his destiny, while it is deficient in the concept of governable democracy.

It is absolutely evident that until a population of a country is considered to be a totality of subjects or an object of PR-manipulation, no formation of really civil identity is possible. Under current circumstances, the only opportunity for citizens to uncover self-government potentials is provided by institutions of civil society. Note that the latter is conducive to self-government's effective manifestation, for the full performance of the civil identity *bene esse* is impossible without the institutions mentioned above.

The concept of citizenship, in addition to the institutions of civil society, provides for a number of accessible legal means of self-expression and instruments of influence on major decision-making. The said opportunities comprise an essential part of the so-called deliberative democracy, i.e. system of government under which any decision-making is preceded by broad debates. In turn, public discussions are to provide for the broadest participation of the representatives of various groups and making of a specific decision on the subject.

Finally, the civil identity implies certain relations between citizens, a sort of civil agreement, based on conscientious attitude. It is the confidence that predetermines moral condition for sustainability of civil society and basic civil freedoms of the state.

References

1. Greenfield L. *Nationalism: Five Roads to Modernity*. Cambridge, MA, 1992
2. Emerson R. *From Empire to Nation. The Rise of Self-Assertion of Asian and African peoples*. Cambridge, MA, 1960, p.96
3. On 18 Brumaire of Louis Bonaparte//Marx K, Engels F. *Selected Works in III Volumes. Vol. I, Moscow, 1980, p.512*
4. Emerson R. *Op.cit.*, p.65
5. Kymlicka, Will. *Introduction // The Rights of Minority Cultures*. Oxford University Press, 1995, p.1
6. Kymlicka, Will. *Western Political Theory and Ethnic Relations in Eastern Europe//Will Kymlicka and Magda Opalski, eds. Can Liberal Pluralism be Exported? Oxford University Press, 2001, p.18*
7. Paul W. Werth. *Big Candles and Internal Conversion?: The Mary Animist Reformation and its Russian Appropriations//R.P.Geraci, M.Khodarkovsky, eds. On Religion and Empire. Missions, Conversions and Tolerance in Tsarist Russia, Cornell University Press, 2001, p.144-172*
8. See Miller D. *Citizenship and National Identity*. Polity Press. Malden, Mass., 2000
9. Rousseau, Jean Jacques, *On Public Agreement. Treatises. M., 2000, p.320*
10. Weinstock Daniel M. *Citizenship and Pluralism//R.L.Simon ed. The Blackwell Guide to Social and Political Philosophy. Blackwell, Malden, Mass., 2002, p.242*
11. *Ibid*, p.244
12. See, for example, Kymlicka W. *Western Political Theory and Ethnic Relations in Eastern Europe//Can Liberal Pluralism be Exported? Oxford University Press, p.39-45*

The Caucasus and “the Caucasians”¹⁸¹: Cultural Construction of the Region and Regional Identity

There are concepts and terms that are perceived as self-evident. Thus, in everyday life we often perceive different forms of identity (national, ethnic, religious, etc.) as being primal, self-evident and stable. This perception of identity, which in academic literature is usually characterized as “essentialism”, ignores two important characteristics of identity. First of all, identity is not something that exists objectively, independently from the individual and from the society, but something that is created by the individual and by the society on the basis of certain objective realities, but also on the basis of perceptions, stereotypes, myths, etc. Second, identities are not stable and unchanging structures – they constantly go through changes, which might not be evident at the first glance, and therefore might not be explicitly acknowledged even by those who possess these identities.

One of these identities is the regional identity. In our case we are talking about the Caucasian regional identity. Naturally, this paper does not claim to offer a comprehensive scholarly analysis of the concept “Caucasian identity”. Rather it simply attempts to outline certain observations that can serve as a starting point for a discussion.

“The Caucasus”, discussed in this paper, is something from the realm of “symbolic geography”, analogous to such concepts as “the Balkans”, “Eastern Europe”, “Middle East”, etc. The conception of “The Caucasus” is not limited to a certain image of a certain territory and geographic borders of a region, it also presupposes a certain set of ideas regarding the

¹⁸¹ The term “Caucasian” in this paper is used strictly in the meaning of “inhabitant of the Caucasus”. It is necessary to keep in mind that the word “Caucasian” in some English-speaking countries, especially in North America, often has a completely different meaning, referring to people “belonging to white race” or, in other words, those with European ethnic descent.

political, cultural, social and other characteristics of the people, living in the region. In contemporary academic literature there are numerous studies that analyze how such concepts are constructed (among them Maria Todorova's research on "the Balkans", Larry Wolf's study of "Eastern Europe"¹⁸²). Some of this research originates from the seminal work of Edward Said "Orientalism", in which he analyzed the emergence of the concept of "the Orient" in western science and literature, as well as the relationship between the concept of "orientalism" and the colonial policies of the Western powers¹⁸³. The explanatory patterns suggested by these studies can be equally successfully applied to "the Caucasus". The authors of these studies, on the basis of material of archive documents, literary works and other historical sources analyzed the process of cultural construction of certain regions. They show how on the basis of certain characteristics (real or imagined) a plurality of peoples or countries, which previously might have not been perceived as parts of a single entity, are linked to each other and begin to be represented as a unified entity. In many cases such images emerged outside the borders of "the region", and later they were either enforced on the inhabitants of "the region", or appropriated by them voluntarily.

As in the cases mentioned above, the concept of "the Caucasus" includes a set of perceptions regarding certain geographic borders, certain characteristic qualities of the territory per se, as well as the culture and mentality of the people living on that territory, as well as a certain political context. The Caucasus is still waiting for its own Edward Said and Maria Todorova, researchers who would describe and analyze the process of formation of "the Caucasus" as a region that stretches from Russia's Stavropol region to the current borders of Turkey and Iran¹⁸⁴.

¹⁸² M. Todorova *Imagining the Balkans*, New York: Oxford University Press, 1997, L Wolff. *Inventing Eastern Europe: the map of civilization on the mind of the enlightenment*, Stanford: Stanford University Press, 1994.

¹⁸³ Edward W. Said. *Orientalism*, New York: Pantheon Books, c1978

¹⁸⁴ Only recently certain works emerged, which analyze certain aspects of the issues discussed here, e.g. B. Grant, *The Captive and the Gift: Cultural Histories of Sovereignty in Russia and the Caucasus*, Ithaca and London: Cornell University Press, 2009; B. Grant and

However, it is well-known among the historians that in the course of different historical periods “the Caucasus” did not always encompass all those territories that today are designated with the term. Particularly, that refers to “the South Caucasus” and “the North Caucasus”. Thus, in antiquity and middle ages the territories that are today considered to be a part of the Caucasus were not necessarily perceived as constituent parts of a single region. The territory of much of the modern South Caucasus constituted a part of several empires that replaced each other in the course of history (Persia, Rome, Byzantium, and so on), while the territory that is today the North Caucasus often remained unconquered or was under domination for only a short period of time. Moreover, sometimes the territories of what we today consider the North Caucasus were contrasted with what we call today South Caucasus as an “untamed” highland, from where certain “warlike” and “wild” tribes periodically invaded the lands of more “civilized” and “peaceful” neighbors in the south.

During these historical periods the Caucasus mountain range was sometimes perceived as the “border” between “civilization” and “wilderness”. Thus, during the years of Persian domination, Derbent was considered to be one of the most important fortresses of the Persian Empire, since it protected it from the invasions of the “wild tribes” from the other side of the Caucasus range. We can bring many examples of such perceptions in the Armenian literary tradition, it is quite safe to assume, I believe, that a one can find similar perceptions in the literary traditions of other peoples of the South Caucasus. Thus, a classic plot of Armenian literature, the legend about the Alans’ invasion of Armenia during the times of the king Artashes, ascribes to the Alans characteristics of a “noble savage”, affirming an image of the two sides of the Caucasus mountain range as different, and to an extent opposite worlds. Moreover, even the very idea of “South Caucasus” as a region that includes Georgia, Armenia and Azerbaijan, seen in a *longue durée* perspective is not as self-evident as it might seem. While modern Georgia, Armenia and

L. Yalcin-Heckman (eds), *Caucasus Paradigms: Anthropologies, Histories, and the Making of a World Area*, Berlin: LIT Verlag, 2007.

Azerbaijan fit the definition of “the South Caucasus” quite well, in a historical perspective it is not that simple, even from the point of view of geography, let alone the historical-cultural background.

The concept of “the Caucasus” in its modern meaning, i.e. a region encompassing the North Caucasus and the territory of the post-Soviet Georgia, Armenia and Azerbaijan (as well as the non-recognized states), receives a new meaning in the modern era, in a context related to the entrance of the Russian Empire into the region. Within the context of the Russian Empire, the idea of “the Caucasus” receives a new meaning, as the designation given to one of the empire’s southern territories, which possessed a set of qualities, distinguishing it from other regions, whether in the western or eastern parts of the empire. Among these qualities are the geographic conditions of the Caucasus (the mountainous terrain); a common “anthropological type” (the majority of the inhabitants of the region belong to what old-fashioned physical anthropology classified as “the south branch of the European race”); a certain set of similarities in traditional lifestyle (e.g. a highly ritualized culture of feast); certain similarities in the sphere of social norms (a high level of social conservatism, patriarchal family). Within the context of the Russian Empire these characteristics made different parts of the Caucasus seem similar and at the same time contrasted them with other regions of the Empire, including the Russian “heartland”, as well as other non-Russian regions, whether in the west (Poland, Baltics) or in the east (Central Asia, Siberia).

To an extent, the characteristics described above were based on objective realities of the region. However, two important circumstances need to be mentioned. First of all, even within the set of qualities, described here, significant variations existed. Thus, from the point of view of climate and geography, there is quite significant diversity in the Caucasus: from the snowy peaks of the Caucasus range to the fertile valleys of Araks and Kura, not to mention the subtropical landscapes of the Black Sea coast. The same diversity exists within the putative “anthropological” type of the inhabitants of the South Caucasus: from the relatively fair-haired and

fair-eyed inhabitants of the Black Sea coast to the mostly black-haired and relatively dark-skinned inhabitants of the Caspian coast. In the realm of the daily routine and lifestyle of the inhabitants of the Caucasus significant differences also existed, which often seemed to bear a secondary importance to outside observers, but had an immense significance from the point of view of the inhabitants of the region themselves. As for the political structures and types of political culture, in this field fundamental differences existed between the egalitarian pre-class societies that existed among some of the North Caucasus highlanders, many of which never had an experience of stable state power, and the societies of the South Caucasus, which went through centuries of experience of statehood. The terms “Caucasus” and “kavkaztsy” almost completely ignored the immense diversity that existed through the region in such spheres as language, literary tradition and religion, as well as significant differences in social structure and norms between the societies of the south and the north.

Another peculiarity of the putative “specifically Caucasian traits” is the following: though these characteristics make the Caucasus distinct from other regions that once were part of the Russian Empire, they at the same time connect the “peoples of the Caucasus” to other regions that never were a part Russia. Many traits considered specific for the Caucasus, especially the South Caucasus, at the same time link it to other regions: South-Eastern Europe, Eastern Mediterranean, Middle East.

Thus, the concept of the Caucasus, at least in its modern understanding, was formed and derived its meaning from the context of the Russian Empire; moreover, outside this context it would have lost its specific meaning. However, it would have been wrong to imagine the process of formation of a Caucasus regional identity as a process, in which the Russian Empire plays the role of the actor, and the role “kavkaztsy” played is that of “an object”. In other words, it would have been wrong to claim the Russian Empire created and forced on the inhabitants of the Caucasus a certain identity, which was absolutely alien to them. “The Caucasus” would have stayed an abstract geographic notion, had the

inhabitants of the Caucasus themselves not taken up the definition of “the Caucasian” and filled it with their own meaning. In the context of the Russian imperial state (and its successor, the USSR), the Caucasian identity proved to be useful to the inhabitants of the Caucasus, since it helped to find and preserve their own niche in the huge melting pot of a multi-national empire. The Caucasian identity was useful for people from the region on many different levels: from creation of social networks of mutual help in big Russian cities to providing an ideological legitimation for instances of uprising against the imperial center.

The break-up of the USSR and the formation of independent states on its territory lead to significant changes in the field of symbolic geography. The South Caucasus is one of the most vivid manifestations of those changes. Of course, the semantic fields of the concepts “North Caucasus” and “South Caucasus” (or “Transcaucasia”) in no historical period have been identical. An analysis of the relationship between these two concepts and the dynamics of their development would have been outside of the scope of an essay like this, therefore we shall limit ourselves to a couple of observations on that issue. The logic of the word “Transcaucasia” itself suggests a certain duality of its meaning. On the one hand the prefix “trans” presupposes a distinction between “Transcaucasia” and “the Caucasus proper”, on the other hand; in the word “Transcaucasia” it is the root “Caucasus”, which is the main meaning-bearing component. Throughout different historical periods the relation between concepts “the Caucasus” and “Transcaucasia” has been changing. With a certain degree of simplification it might be argued that, from the point of view of symbolic geography, both “the North Caucasus” and “Transcaucasia” were perceived as components of a larger concept “Russian Empire” (Soviet Union), whether in the region itself, in the imperial metropolis, or beyond the borders of the Empire (e.g. in the Western Europe, Middle East, etc.). The situation radically changed after 1991: while North Caucasus remains one of the regions of Russia, the South Caucasus, seen as a unit of symbolic geography, is today an autonomous unit. Moreover, the semantic field of the concept South

Caucasus in our times partly coincides with the semantic field of several meta-regions at the same time – “Eastern Europe”, “former USSR”, “Near East”, “Central Asia”, etc.

Let us sum up. The formation of the Caucasus as a region, or, more precisely, the images of the Caucasus as a region and its inhabitants, “the Caucasians”, as well as the formation of a “Caucasian” identity among the inhabitants of the region, is a result of a certain historical context, more precisely the context of the Russian Empire (later – the Soviet Union). However, the Caucasian identity was not forced on the inhabitants of the region from outside, as might have happened in some countries as a result of European colonization. The making of the region of the Caucasus is a result of a much more complicated and multi-layered process, in which the inhabitants of the Caucasus themselves were not completely objectified; rather they instrumentalized this process in order to preserve their distinctiveness within the social context of the empire.

After 1991 the independence of Armenia, Azerbaijan and Georgia brought about a number of new issues, which, probably, have not been completely acknowledged by these countries themselves. What does it mean to be “a Caucasian” outside the context of non-existent Russian Empire/ Soviet Union? How do the concepts “Caucasus” and “Caucasian” fit the realities of countries region that, while retaining an intensive relationship with the Russian context (whether this is a relationship of partnership or enmity), at the same time are included in processes of global and European integration. What is the relationship between the South Caucasus and the North Caucasus, do they remain parts of the same region? Finally, can terms, inherited from the past, such as “the Caucasus” and “the Caucasian”, become adequate tools that help to understand and describe our position in the modern world? Whatever the answers to these questions, one thing is obvious: it is up to the people of the Caucasus to search for and to find answers to these questions.

The Russian Colonial Perception and the Ethno-Political Reality in the Transcaucasia

The history of any empire, it goes without saying, represents a process of interethnic interaction. In order to grasp the dynamics of this phenomenon, it is first necessary to understand the colonizing ethnic unit's self-image within its own state, and how it generalizes the role of its own empire in the context of the world perception. The creation of an empire certainly implies the setting up of "own universe" and the subordination of others to this "universe" on the basis of inevitability of "justness." Bypassing these idealized causes ("justness") empire's leadership often neglects certain principles of utility and security. It is therefore important to clarify how the dominated nations regard this "imperative justness" and how they conceive the essence of the state in which they are obliged to reside. It is also acknowledged that the existence of an empire implies the presence of a certain soundproof "cultural" wall between the conquering and dominated nations, beyond which neither desires to see or listen to the other.

In 1813 Iran and Russia concluded a treaty according to which Iran, in favor of Russia, was surrendering the lands of the Georgian kingdom as well as the khanates of Karabakh, Ganja, Shaki, Shirvan and Talysh. In 1829 the same states concluded another - Turkmanchay treaty. This time Iran ceded Erivan and Nakchivan khanates to Russia. Thus, from 1930-ies Caucasia became part of the Russian Empire. Russia vigorously started to colonize this region settled with the peoples of various origin. These people differed by the level of development, tradition of statehood, language, culture, economic setup.

Before the analysis of these phenomena, it deems appropriate to first analyze the aggressive nature of the Russians and understand how the

colonial ideology and tactics of the Russian empire is related to it in general.

It has been mentioned a number of times that mass collective resettlement is not characteristic of the Russian practice. Russian colonialism was fundamentally different from analogical phenomena in Western Europe. This difference is apparent, first of all, in the nature of resettlement. Russians did not leave their own territory as emigrants but rather occupied the possessions of their former neighbors, which, was taken possession of by “their emperor” by force of arms. In other words, the key characteristic feature of Russian colonialism was the expansion of the state’s borders at the expense of conquering of neighboring territories, and as a consequence of which, in the perception of the Russian population these lands were referred to as Russian lands, representing a sort of “extension” of Russia in that word’s literal sense. They believed that the border of Russian state passes at the frontline of the Russian army. Such perception of the border of the Russian kingdom border is very vivid in, for example, Alexander Pushkin’s work. In his well-known work “Travel to Arzum,” Alexander Pushkin writes: “This is Arpachay, Cossack told me. Arpachay is our border! I rushed to the river filled with some strange feeling. I had never seen the land of aliens. The border was something mysterious for me. I complacently galloped my horse in the river and reached the Turkish bank, but this bank had too, had already been taken in by our army: I was still in Russia.”

In the perception of a Russian, the region where Russians live, which falls under the Russian rule is already Russia; but it becomes “Russia” definitively when a Russian church is built there. Often Russian peasants – new occupants whose hopes over a new lot would be dashed and they would even decide to leave this region, would ultimately remain there, unwilling to leave a newly built prayer house – a church. As a rule, Russian new occupants would settle in the vicinity of the local population, they would easily find a common language with them and did not feel

themselves in special – privileged condition. They would eagerly learn from the locals the ways of farming in new, foreign environment, would lease lands from them, promptly master local everyday language. By itself, these new occupier Russian peasants (“Muzhiks”) did not have the aim of russification of these regions, but it is known that “even the trace was wiped out Chuds, Vyatichs, Meshchers, so that these people did not become physically extinct, were not devastated as the Indians in America, but they got intermixed with the newcomer Russian population; they got degraded spiritually, losing own identity and the self.” All this happened gradually, creepingly, without extra haste. This “connection” of Russian new occupants with local population, in the most cases, was backed up by Russian eight-pointed cross. Russian monasteries, temples, churches were one of the main supports of the Russian colonization.

Russian colonizers felt uncomfortable only where they would encounter population with indigenous developed culture and national perception. This was the case, for example, in the Amur coast, where local Chinese lived in isolation from the incoming Russians and entered into almost no interaction with the new occupant colonizers. Similar was the case in the Transcaucasia.

The Russian population of the period prior to the 25 October coup is characterized by self-identification under the religious principle - “we” orthodox people (“Pravoslavnye”); and Orthodox, therefore - Russians.” In their imagination all Orthodox people in essence are Russians. Russia is an Orthodox state and its inhabitants are Orthodox. Ethnic origin here is not of decisive importance. Russia’s borders are the borders of an Orthodox state. Each new place where orthodox people will build their church is part of the “Holy Russia’s sacred borders, these borders are expanded by the Orthodox army, subsequently followed by orthodox people. The border separates the two realms – “Orthodox” realm and that of other religions (“Inovernny”, “Paganny”). The frontiers of Russia, as of the “Third Rome,” are the borders of autocratic invincibility. The Russians perceive what is within

these borders as a homogeneous territory which administrative division often is notional and of little significance. Further, ethnic origin of the indigenous population is of little importance. Eventually, this population is Russian; since it lives within the borders of Russia and falls under the Russian rule; it has the same rights and obligations as the rest of the population of the whole empire. The word “Russian” defines not an ethnic concept but state identity, citizenship.

During the period of Soviet modernized empire the self-identification under the religious characteristic in the perception of Russian population is replaced by self-identification tinted by social (“Proletarians of all countries, unite”) characteristic. At the contemporary stage of development, aggressive psychology of Russianism again tries to revive self-identification under the religious characteristic – this is especially apparent in the Russo-Chechnya war.

State colonial policy of the Russian empire was fully in line with the perception of the Russian population. It was primarily directed at the strengthening of the imperial rule in the annexed regions, which, first of all, was possible by settling Russian “Muzhiks” there. For this purpose, Russian government would establish the line, so called “linii” of fortified units that were used against the yet unsubordinated people fighting for liberty. Additionally, they were also fulfilling the functions of administrative and fiscal administration of the region. To ensure interconnection among these units and their connection with the center specially fortified military villages were set up (“Yamskye Poselenya”). And for supplying of servicemen (military) inhabitants of such settlements imperial authorities were specifically supporting the development of the so-called villages of “free ploughmen”. It is worth noting also that the population of such “villages” was mostly made up of the offenders, condemned and the exiled people. Despite their criminal record, government was specially supporting these people here, at the new lots – they were provided benefits for land use, were extended tax exemptions,

etc. Concurrently with such state, government-led colonization “free colonization” was also underway. Their unity was strengthening the overall colonial policy of the Russian empire.

Colonial administration was not at all concerned about the peculiarity and the original character of the local population. Locals - “Tuzemtsy”, were simply divided into two categories by the conquering – the so-called “peaceful” (that did not oppose Russian rule, studied Russian language, taking their children in Russian schools, etc.) and “tumultuous” (those who were opposing the Russian rule). So, for example, during the Caucasus war in the XIX century mountain people of indigenous origin are referred to in the documents drawn up by the administration of Russia under a common name “Circassian” and are described as robbers and wrongdoers.

Such negative attitude to local, indigenous peoples and their self-identity on the part of the Colonizers was primarily due to that in the life of the latter the fate of local inhabitants was already determined – all these peoples sooner or later would be merged with Russians and degenerate, or depart the land of their fore-fathers (Muhajirism, deportation) – even if annihilated. So the Russians had just ethnographic interest towards these people, at the level of the specialists; and their aim was to well understand the ethno-psychological types of locals to be able exterminate them on the basis of the developed methodology. Russian ethnographers, geographers, linguists, historians were acting in unison with the imperial authorities; they held military administrative positions in the office of the viceroy (for example, the well-known Russian linguist, Piotr Uslar).

Russians, of course, would consider “own” population of various conquered regions from a general imperial perspective. In these places traditional administrative units formed before Russian colonization were entirely abolished in favor of completely new units, often with fairly artificial boundaries and usually, as much as possible heterogeneous ethnic composition. All this was meant to kindle ethnic confrontation among local

population, in order for the Russian colonial administration to come in as the “peacemaker – master.” From the moment of entering in the Caucasus Russia was loyal to the main principle of imperial rule – “divide and rule.” Caucasia was subjected to administrative-territorial changes by the Russian rule a number of times; they were aimed at the unification of the region’s political and administrative system on the basis of the overall imperial principle. Therefore, they disintegrated all local self-government establishments to gradually introduce the units of the general Russian type in their place. The conquering took the same course in the case of the local system of judicial procedure. This principle of administration would continue later too, in the practice of a modernized empire – USSR.

“Unification” of population was preceded through social reforms as well. Finally, social hierarchy of the whole Caucasia was brought in line with Russia’s public hierarchy. The rights of nobles of Christian population of the conquered land were equated with the rights to Russian nobles. This event created a quite favorable setting for Russia: these equated nobles turned into the Russian emperor’s court servants (Alexander Chavchavadze, Grigol Orbeliani, Iase Palavandishvili). Local, russified nobles (with epaulettes fitted to the Caucasian coat) took active part in the operation of Caucasia’s Russian administrative units and would quite frequently determine imperial interests; they occupied high positions, would even command army corps, but on the whole they were representing Russian government. “Loris-Melikov was not an Armenian general, but a Russian general of Armenian origin” – as mentioned by his contemporary publicist. As a consequence, unified social, administrative and legal area was being created on the territory of the whole empire.

It should be mentioned also that the Russian authorities did not at all worry about the development and cultural advancement of the annexed territories, as was the case with, for example, the English colonies. This was not to be expected, for, as is known, the Russian empire was based solely on military power and the Russian people themselves were left neglected. Their

villages were in a dismal state, with prevailing poverty and miserable life. Let us recall a well-known poem by Akaki Tsereteli “Forced husband-to-be.” As befits a spiritually destitute country, Russian empire too, obsessed with mania grandiose, was concerned only about the expansion of the borders. It was mainly concerned about the size, not the quality, rightly called “a goliath towered on clay feet.” Even the Russian publicists would admit that the Russian rule was not capable of performing any civilizing function.

Although at times one could hear stereotypical phrases that Russia is to bring culture among the conquered peoples (“inorodtsy”), but, usually, this happened in a quite prosaic context, where the concept of culture implied modern forms of farming economics. And the state of Russian farming compared to the developed countries of that period (England, Germany, France) is well known. Therefore, the authorities of the Russian empire were not capable of extending to the population of the conquered areas anything other than fire and sword. Some of the population of these areas greedy about insignia and medals, were entering the service of the conquerors. While those who had national dignity and conception (relatively few in number, though) were continuing secret or visible resistance. This tendency is obvious in Ilia Chavchavadze’s famous phrase – “we did travel around Russia, but did not lean any trade; unlike you, we did not trade our country, killed by you, for insignia.”

For example, according to the publicist sources of that period “inhabitants of the newly annexed Kars district long for education and independent activity. But the Russian authorities do not encourage such aspirations. Individual activity and education is not assigned big attention even in the Central Russia hence, is it not surprising that they are neglecting these areas of social life.” Or also, one of the journalists rightly posed a question to the readers: “did we do anything beneficial for ourselves and the locals over fifty years of our rule in Caucasia?”

First and foremost that the conqueror was unable to attain in Caucasia and namely in Georgia was the failure change economic cultural models that had been formed here over millennia. The key to the salvation of this country was in their very sustainability. The nation would continue to pose spiritual and physical resistance. Its most prominent offspring, armed with a sword of Christianity would pose resistance to the enemy. They would either win, or strengthen the nation's striving by sacrificing to the holy cause (Aleksandre Batonishvili, Ilia Chavchavadze, Akaki Tsereteli, Vazha Pshavela, Kakutsa Cholokashvili, Merab Kostava, Zviad Gamsakhurdia and many known or unknown heroes). Later they, declared as the saints, continued spiritual struggle against the enemy of their native land from the heavenly Georgia, making huge impact on the spirit of those living, who, through economic-cultural models had entered into byocenosis with their permanent residence – Caucasia forming a solid whole with it.

In Georgia, ethnic Georgian population was mostly made up of landowners engaged in agricultural activities. The cities served the function of an administrative center (leader's residence), the primarily non-Georgian population of which led commercial and industrial activities. Although some capital was generated and accumulated here, but this capital could not play a decisive role in economic life of Georgians' land. The latter was mostly based on the agricultural activity of the population, which was led by ethnic Georgians.

Therefore, manufacturing and trade capital, which share in national income was fairly low and which was mostly concentrated in the hands of the city dwellers of other ethnicity had never posed threat to the statehood of Georgians. Therefore a Georgian farmer – landowner (the support for economic power of the country) was always loyal towards alien speculator-tradesmen – artisan that was in fact its service provider and supplier. Respectively, Georgia has not had either anti-Hebrew movement (majority of the tradesmen in Georgia were Jews), nor Anti-Armenian demonstrations (majority of artisans were Armenians), since, if an alien

would desire to settle on the land, he/she had to become a Georgian – had to become a native of Georgian territorial –religious realm and acknowledge himself as its “vassal.” The situation changed radically after the imposition of the Russian rule, when the colonial authorities undertook massive settlement of aliens - Armenians, Molocans, Germans on Georgians’ lands, thereby depriving Georgians the foundation of economic power; further, it created ethnic diversity of population, which was one of the strategic directions of Russia’s colonial policy and which we covered above.

Therefore, in economic respect Georgian statehood was based on agriculture, the national income, in the direct sense of this word, earned as a result of byocenosis of Georgian species with the land. Most importantly, all this was determined by spiritual, egzotherous and ezotherous links with the local land, local spirit, relations unified by kinship relations. All of the above, the unity of material and spiritual, would form national culture adapted with the God-bestowed nature, local environment, which identity and the unity of differences in world cultural studies is defined by a quite appropriate term – “cultural forehead”.

Such it continued until the founding of the Soviet empire. Even the tsarist Russia, by trying to unify local population under the general imperial whole, failed in its attempts for it did not try to modify farming – cultural model formed over the millennia in the Caucasia. In other words, here, indigenous Georgian population still, in larger or smaller degree, continued to own land and lead a regular way of life.

Caucasian and respectively Georgian spirit was subjected to a big blow after sovietization. “Russia’s modernized empire obsessed with “Mania Grandiose” started targeted activity to destroy traditionally formed norms and relations. For example, the campaign of artificial industrialization of Georgia led to destructive outcomes – villages were emptied, traditionally strong regions were left uninhabited, almost one third of the country’s

population was swept away and concentrated in Tbilisi and Georgian land appeared to be in the hands of aliens.

Next, another, stronger blow is being devised, when it is determined to turn the country in the so-called “corridor.” If this idea is realized, Georgia will finally become just a transit place without any benefit to the country. And Georgian nation, rather than being a true master of own land, will become a servant of those leading activities in the corridor, thereby losing thousands of years-long tradition of owning, patronage, looking after the country. All this will ultimately lead to the disappearance of the unity of the nation formed as a result of the biocenosis of race with the nature and the foe will have attained a heartfelt dream – Georgia without Georgians.

From a geographic sense Transcaucasia represents a bordering territory of Asia Minor which is separated from Russia by a system of high mountains system – Caucasus range. In the XIX century it was more difficult to overcome this natural barrier than to cross the sea. Therefore, it can be said that the Transcaucasia for Russia was some kind of “fortress” on another continent and was therefore viewed from a strategic perspective as well. For illustration it is sufficient to look at the cause of East, which, for this period was the subject of the dispute between the two large empires – England (sea) and Russia (land).

In the XIX century main strategic course of England’s eastern policy was to retain its rule over India. Hence, it was in England’s interests to close off land and sea access routes to India for other states, which was mainly possible through increased influence in South Iran and the the Persian Gulf.

It was in the interests of the Russian empire to conquer Turkey and Trans-Caspian regions; to retain and strengthen gained positions in Iran; establish hegemony in the Balkans; acquire the passageway through the Bosphorus and Dardanelles canals; annexation of the Armenia upland, which, in turn, would enable to exercise control over the Near East.

Therefore, one can identify main directions of the confrontation between England and Russia: Pamir, Iran, Armenia upland and Balkans and Constantinople.

Two of these courses passed on the territory of Transcaucasia: those leading to Iran and the Armenia upland. The first one was due to the aspiration of Iran – to stand up to Russia's move to India from the West, by establishing control over the Persian Gulf coasts. For Russia Iran was an end in itself, it was a desired object of colonization. As for the Armenia upland, as an object of further expansion, it had a special strategic importance for Russia; it was not at all viewed as of independent value.

Hence, the Caucasian Range for Russia was some kind of fortress wall which was securely protecting its southern frontiers, and Transcaucasia, separated from Russia by the ridge was less protected area, some kind of raiding field for all; it was a perfect base for accessing Iran and Turkey. Therefore, it is not surprising that Russia's domestic policy in annexed Transcaucasia was mainly determined by military-strategic views.

Moreover, Transcaucasia was characterized by quite complex ethnographic structure. Imereti and Kartli-Kakheti kingdoms were located in its Western part, mostly inhabited by Kartvelian ancestry peoples, as well as Persians, Turks and Armenians (up to 80% in Tbilisi); Guria, Samegrelo and Abkhazia provinces were located here as well. In the Eastern part of Transcaucasia there were several khanates administered by Iran. Some of them were represented by majority of Muslim, others - Armenian population. Here too, next to the Yerevan fortress Echmiadzin – spiritual center of all Armenians was located.

Hence, in Transcaucasia, due to its strategic and ethnographic peculiarities, protectorate was to be the most beneficial form of rule for Russia, but here

a question comes up – was this possible considering Russia’s conquering nature?

Although initially Russia seemingly did not demonstrate its actual intentions and behaved as if it was not against the retention of the independence of governance bodies in Transcaucasia, later it fully revealed its conquering aspirations: Transcaucasia was divided into several governing units, based on general imperial principles, even the social structure of the society was set up according to their own views, autocephaly of the Georgian Church was abolished. Finally, after implementing a number of reforms it achieved the social and administrative unification Transcaucasia with the remaining regions of Russia.

Back during the period of General Yermolov, in 1816-1827 up to 30 “headquarters” – military settlements were set up on the territory of Transcaucasia; which, in turn were to serve as the beginning of Russian colonization in the region; although, this was not followed by the “wave of colonization”, for the potential colonists were afraid of the Caucasian wars that were led over the decades. Russian authorities, it is true, would settling sectarians (Molocans, Starovers) on this territory, for “punishment”, which in itself was aimed at the strengthening of Russian population in the Caucasia, but this still was not enough: the share of the Russian population in the Transcaucasia did not go beyond 5% anyway.

Quite interesting situation was created in terms of legal and civil homogenization of the population of Transcaucasia. The involvement of Muslim population in the overall imperial mechanism was not at difficult for the Russian administration, for the imperial machine had already developed such mechanism of relating with them. In the words of one of the contemporaries: “their secret hostility towards us (Russians) was not surprising, they ultimately fully adapted to the Russian rule and accustomed to Eastern despotism, would tacitly submit to the new

leadership. Thus, in this regard, they represented a reliable element for the government.”

Situation with Georgians and Armenians was different. First of all, they were Christians, which was equalizing them with the Russians; secondly, they were not conquered formally, but they willingly entered the ranks of the Russian empire. Hence, all rulers of the Caucasia up to prince Golytsin had to admit that “locals” (“Tuzemtsy”) and especially Christians are those who willingly entrusted themselves to the Russian scepter and were to have full equality of rights. Even the more, some of them took active participation in annexation-subduing of Caucasia by the Russian army by (e.g., Grigol Orbeliani). The empire subjected Caucasia to its rule not only by way of the Russian arms and military forces, but through the arms and blood of the locals (“Tuzemtsy”) as well. This was another victory of the Russian foreign policy.

Russia’s secret services that would in the first place rely on the recommendations developed by Russian scholars - ethnographers, geographers, historians, achieved quite impressive results in the public life of Caucasia. By involving local “submissive” individuals in the offices of the imperial public offices, equipping them with insignia and medals, their job was made much easier and it further accelerated the integration of Caucasia with the Empire’s structure. The fresh-baked russified “vratsuas” (“vrats” in Armenian means “Georgian”) with the epaulettes on the Georgian coat already were no longer the patriots with a free spirit and dignity, the lack of which worried great Ilia Chavchavadze so much:

“But, my homeland, what worries me the most
what I find most regretting
that is not a single man on your land, among so many people
to whom I can confide my thoughts and feelings!...”

The strengthening and solidification of the time-serving people's institution had a destructive impact on the self-awareness of the nation; they and their offspring, would frantically attack everything independent. Such people are implied in Akaki's words – "it is better to perish on the battlefield than to turn a man of importance in slavery."

Ultimately, local population would get an illusion that they were self-governing; for the domestic public issues were mostly administered by the officials from among the locals. While in reality this was an illusion; in reality they were closely attached to the Empire so that the thought about liberty did not even come to their mind, with the exception of few patriots, who were horrified by the inactiveness of compatriots – "Oh, my God, sleep, and sleep, will we ever wake up?!..."

Bibliography:

1. P.F. Dubrovin, "History of the Russian Rule and Wars in the Caucasus", vol. I-VI, Saint Petersburg, 1871-1888 (in Russian).
2. Establishing Russian Rule in the Caucasus, ed. V.A. Potto, 1-12, Tiflis, 1901 (in Russian).
3. Conquered Caucasus, Studies of the History and Modern Times of the Caucasia, Saint Petersburg, 1904 (in Russian).
4. S.S. Esadze, Historical Article about Caucasian Administration, vol.1-2, Tiflis, 1907 (in Russian).
5. A.A. Kauffman, Exile and Colonization, Saint Petersburg, 1905 (in Russian).
6. V.P. Pogozhev, Studies of Caucasia. Saint Petersburg, 1910 (in Russian).

Chapter 4. National, Cultural, Linguistic and Religious Identities of the Peoples of the South Caucasus

- Rauf Rajabov:** The Caucasian Identity: Freedom, Equality and Justice. Correlation between Ethnic, Civic and Religious Identities
- Elchin Gumbatov:** Linguistic Identification of the Azerbaijani language
- Gagik Hovhannisyan:** The Role and Significance of Mentality in Social and Economic Processes
- Vakhtang Kolbaya:** Contemporary World and Identification Process, the Caucasian Identity. Correlations: Nation, National Character, National Traditions, Historical and Cultural Identities
- Paata Ramishvili:** History and Identity: On Teaching of the World History at Modern Secondary School

The Caucasian Identity: Freedom, Equality and Justice. Correlation between Ethnic, Civil and Religious Identities

“First: I am a human being on the planet Earth...Second: I am a Buddhist...Third: I am a Tibetan” - Dalai-Lama (1).

The dissolution of the Soviet Empire in 1991 was followed by changes in Azerbaijani society's attitude to the religion. Persecuted in the Soviet times, the religion has turned in the present-day society of the Azerbaijan Republic (AR) into the factor to provide the man with new expectations arising from the formation of global financial and new political system adapted to new challenges and threats. However, intensification of the religious life in the AR does not mean that the belief should fill in the ideological vacuum of society.

RELIGIOUS REVIVALISM

The modern definition of religious identity has not yet been thrashed out and established in social and humanitarian sciences. The definition below is used in the modern Azerbaijani religious studies: “The religious identity is a category of religious consciousness arising from concepts and values conventionally termed as religious; it is also the idea of affiliation to a specific form of religion and religious group». Thus, the definition of religious identity provides both for general religious self-identification of the man and a specific form of confessional identity. The religious identity is a means of realization of spiritual orientation to correlate with any form of spirituality. Of interest is a question of correlation of various identities – ethnic, civil, religious, etc. Under certain cultural conditions or specific

circumstances in the life of a specific man, the religious identity comes into foreground, subordinating and suppressing other identities. However, under other conditions, the status of religious identity may be minimized within the hierarchy of identities. As a whole, processes of globalization, ideas of tolerance and poly-cultural society are conducive to erosion of the religious identities. On the other hand, there are processes with different trend as well as factors contributing to the intensification of the religious identity. In the first turn, the point is about the ethnical and religious revivalism (revival, i.e. totality of Christian movements in the English-speaking world, which has a principled importance to the personal conversion, repentance and emotional aspect of the faith, as well as missionary work (2). In addition to the revivalism related to the national and cultural-religious rebirth, it would be appropriate to single out processes contributing to the shaping of religious self-determination: *fundamentalism and extremism*.

Fundamentalism stresses the necessity of removing of deviations that have appeared in the course of development of religious system and restoring the original purity. This conservative religious trend in Islam is directed both against the ruling secular ideology in the modern world, for revival of rituals and any attempt of critical revision and liberal interpretation of “holy texts” and basic religious notions.

Instead, **religious extremism** is aimed at confronting the established traditions. It is formed either inside confession following the radicalization of existing dogmas and standards, for instance, Vahhabism in Islam or beyond traditional confessions following the syncretization of various beliefs and creation of new dogmas.

Since tendencies of this type are closely attributable to the transformation of the system of economic, political, legal, social, moral and other relations, the religious extremism applies to methods beyond the limits of conventional standards, which is resultant in negligence of religious and secular institutions and legal nihilism to attain its purposes.

Thus, the situation around definition of the religious identity is visibly changing due to the intensification of globalization processes in the modern world. It is being formed in terms of different tendencies: on the one hand,

we deal with the reality of globalization in various spheres, including culture, politics, economics, etc., which appreciably complicates the search of national and religious identity under new conditions; on the other hand, there is tendency toward growth of ethno-religious consciousness in its various forms. The religious identity is a concentrated expression of world outlook. That said, under specific historical conditions of a specific society when adjusted for its fundamental historical and cultural roots, it is essential to find a constructive response to the challenges of the modern multi-polar world involved in the globalization process in order to shape a model of the new spiritual relation that would have demonstrated its effectiveness and enriched the poly-cultural expanse in the future. Individual's realization of his identity is also dependent on his inner world, values, nature of social relations and specific situations. The religious and ethnic community of the Azerbaijan social consciousness is characterized, in the first turn, by such distinctive features as traditions and customs, language and religion.

The ethnic and religious identities are integrally related with the ethno-cultural identity predominating. In ordinary life, both religious dogmas and trends are rejected, provided they run contrary to ethnical standards, Caucasian culture and mode of life. In the recent past, the man's status in the Azerbaijani society has been accounted for, first of all, not by religion but rather by compliance or incompliance of personality with requirements of culture, existing lifestyle. In other words, the man has been perceived through the prism of his compliance with three basic parameters: standards of ethic culture, moral culture, and business activity.

DIALOGUE OF CIVILIZATIONS

It has to be kept in mind that the building of nation and national state is not a simple process within which self-identification models play a key role. As viewed by well-known American sociologist Emmanuel Wallerstein, "Existence of the nation is a myth in the meaning that all the nations are social formations and that the state is a key factor of their creation. In order

to create the nation, it is imperative to restore its history and long-term chronology (in doing so, much has to be invented), and specify a set of definitions even in spite of the fact that the definitions above are not typical for each member of the group. Conceptions of the national state should be treated as asymptote (a mathematical notion of the line, which no curve can cross with on a limited space), which all states strive for. Some states allege that they are multinational and that they need no unified nation; even despite this, they are seeking to create an appropriate identity to unify the state. Nationalism is, perhaps, a basic status identity, which is supportive of the modern world system and in turn, reliant on the structure of modern states. A closer look at the nationalism reveals that the nationalism is the most spread in the richest countries even despite the fact that it is applied publicly to much rarer than in poorer countries” (3).

In terms of unexpectedly gained independence, the citizens of the AR, equally as other nations of the South Caucasus, were confronted with the problem of self-identification of “I” proper in this controversial region. Who are we, Azerbaijanis? The answer seems to be clear and simple. We are Azerbaijanis! However, a pivotal, nation-forming identification card is the citizen of the AR proper.

When dealing with the dialogue of civilizations, it is essential to find out the very notion of civilization and identify civilization boundaries. Note that well-known historian William McNeil is prone to define the civilization by dint of its authoritative texts: term “civilization” (4) has to be applied to nations where under “authority” is meant a certain code of written texts prescribing a specific mode of life.

Note that the majority of the authoritative texts above are of religious nature, while some others, for example, works of Greek and Roman philosophers and Confucian sagas are far from being ascribed a divine authority. Hence, “civilization” is to be interpreted as a certain means of social organization, which becomes necessary at a time where the code of authoritative texts becomes mandatory for the clergy. Such a civilization may be expanded within the limits of authoritativeness of the texts above to

exist until moral standards it consists of are stuck to by those who study and disseminate them.

Indeed, a closer look at the Islamic civilization reveals apparent criteria of religious identity. Note that the civilization is primarily defined by its sanctuaries. What is meant under “Islamic Civilization”? What are criteria of affiliation? Where are its boundaries? Who is responsible to speak on behalf of Islam to representatives of other human civilizations?

One can not ignore the fact that distinctive features of the languages and names of AR citizens, its culture, architectural landscape and world and human perception are rooted largely in Koran. Worthy of note is the fact that the conflict between the Islamic and non-Islamic civilizations is frequently an internal conflict being inspired from outside. Let’s consider a case of Danish caricatures. Those justifying actions of the Danish paper proceed from the fact there is and can not be anything closed for critical comprehension. That was not an act of Christian world directed against Moslems; that was a demonstration of human rights and freedoms.

A genuine progress is none other than development of traditions and changing life from eternal truths’ standpoint, which form the basis of civilization. All those values taken as fundamental for the Islamic civilization, including the value and dignity of human personality, grow out of universal human values.

It is a citizen only to decide on the question of religious identity. This sphere is to be freed from any official pressures and political expediency. A citizen is free in making his choice and defining self-identification, while it is for the society to accept his option. Each of us has the right to decide on a personal religious identity; therefore the society has nothing to do with priorities in religious identity of a citizen. When people are apprehensive of their ethnic and religious identity and try to prove that they belong to the majority, an atmosphere of intolerance arises to be inconsistent with universal values, and human rights, democracy and freedom of speech. Under international legal principles, the state should demonstrate its equal attitudes to its own citizens and draw no distinctions between them. In this respect, the principle of equality and inadmissibility of discrimination are

obligatory provisions of the international law, so it is unacceptable to apply the ethnic and religious origin as a negative argument with respect to a citizen.

ISLAMIC BELT

The AR Constitution provides every citizen with the freedom of conscience and the right to independently identify his attitude to the religion, and profess any other religion personally or jointly with other persons or even decline from any religion, or express and disseminate his convictions arising from his attitude to the religion (Article 48) (5). In the AR, the religion is separated from the state, and all the confessions are equal to the law. It is prohibited spreading and propagating any religion, which humiliates human dignity and enters into conflict with principle of humanity. It'd be appropriate to note that the state system of education is secular (Article 18) (6). Under the Law of the AR “On Freedom of Religion”, this freedom may be restricted only for the reasons of state and social security and the necessity of protection of human rights and freedom (Article 1) (7). The law was adopted in 1992 and even despite regular amendments in 1996-2009 the society insists on the necessity of improving the legislative basis in this sphere. In particular, it is essential to ensure transparency of financing of religious communities as a prerequisite for successful struggle against religious extremism. Unfortunately, no question of alternative military service has so far been solved for the reasons of religious convictions. The AR Supreme Court has decreed that conscripts can not serve in the army on alternative basis until Azerbaijan is at loggerheads with Armenia, though the right to alternative service on religious grounds is specified in the AR Constitution (Article 76) (8).

Under approximate estimates, 96% of Azerbaijan's population professes Islam; 4% stick to other religions. As for Islam in Azerbaijan, interest became particularly intensive later 1980-earlier 1990s. Pertaining to this period is the intensification of missionaries in the so-called “Islamic belt” around villages of Baku district, in Nakhchivan and Lenkaran. The most

active among them were radical Shiites, Vahhabits, Nursits, and Sufi Tarikates.

It should be noted that the radical or political Shiism imbued with religious-political ideas of Iranian spiritual leader Khomeini was widely spread mainly in southern regions of the country with predominating concentration of mosques. Those supportive of these ideals are also in Baku suburbs and Guba region.

It should be added that adherents of Vahhabism are presently spread across the Republic; however, their greater portion resides in Baku, northern and northwestern regions of the country. Over the past few years, activities of radical-minded Vahhabits have visibly reduced, largely due to the efforts of law enforcers.

The latest developments are indicative that the religious radicalism remains to be a serious problem for Azerbaijan.

Followers of Sayeed Nursi are mostly concentrated in Baku, Sumgait and Sheki-Shirvan area. Nursits are active in promoting their followers into educational system and enforcement structures. They are concentrating an essential part of the Turkish business at the Azerbaijani market, owning several comprehensive lyceums. Highly active in Azerbaijan's northwestern regions are followers of influential Dagestani Sheik, Avers Sayeed-efendi Chirkeyevsky, who teaches on the basis of Tarikat principles: Nakshbandiya, Shaziliya and Jazuliya. The number of his followers in Azerbaijan with predominance of Avars is several thousands.

As for Christianity in Azerbaijan, it is represented by Orthodox, Catholic and Protestant trends, as well as various sectarian communities. Orthodox is represented in the Republic by Russia and Georgian Churches. There are Molokan communities in the country, which adhere to traditions of the Old Belief but decline from religious preaching. Their number totals several hundreds and tends to reduce lately.

Also, the religious community of Roman Catholic Church was registered with the AR Ministry of Justice in 1999. The community is attended by Vatican-appointed priests of Roman Catholic temple - Church of Immaculate Conception of the Blessed Virgin Mary. By the way, a site

under the temple construction was freely granted to the community during the visit of Pope John Paul II in 2003.

It should be noted that Baptist communities that unite approx. 3,000 members are active in Baku, Sumgait and Ganja. Operating on the territory of the Republic are also several communities of the Seventh Day Adventists predominantly in Baku, Ganja, Nakhchivan and Terter. Officially registered are three Pentecostalist communities engaged in active missionary work.

The Judaism in Azerbaijan is represented by communities of Mountain Jews, Ashkenazi and Georgian Jews. Estimated number of Judaists is 15,000-20,000. A greater portion of the Jewish Diaspora is Mountain Jews with around 4,000 residing in Guba region. Ashkenazi numbers 7,000-8,000 with their greater part having settled down in Baku and Sumgait.

The number of Georgian Jews is some 800. The settlement of Krasnaya Sloboda, Guba region, is the only on the entire post-Soviet expanse where Mountain Jews compactly reside.

The community of Bahaists was registered with the Ministry of Justice of the Azerbaijan Republic in 1993. Meetings of Bahaists are regularly held at the Baku's center to mark memorable events in the history of this belief. Note that the Baku branch of the International Society of Krishna Consciousness started its activity since 1986. The community was registered in 1990 to number now above 300 adepts. Note that public worships are held every day at the city's prayer home.

Above 1300 mosques are presently active in Azerbaijan, of which more than 500 are passportized and state-funded; 150 mosques were built at the expense of foreign organizations and philanthropic societies. Active in Baku are above 60 mosques. The oldest and largest mosque of the Republic is «Juma» in Shamakha founded in 744. Active on the territory of the country are more than 50 churches, prayer homes and synagogues.

Over the past few years non-traditional trends are showing increased activity in Azerbaijan. This is largely being explained as being due to the fact that people are distrustful of Mullahs and traditional religious figures; low level of traditional values' propaganda; social adversity and finding

employment in foreign companies. These also include the historical memory of the Azerbaijani people which mirrored periods of domination of Christianity, Zoroastrianism and earlier beliefs.

No religion is taught at secondary schools, though the law puts no ban on the subject. For some time past, the issue gave rise to discrepancy between the State Religion Committee and the Ministry of Education. Note that the latter objects to introducing a new subject in the curriculum. The teaching of religion fundamentals being welcomed by the public notwithstanding, the very idea, together with Islam and traditions of other world religions, was received ambiguously. Later 2005, the head of the state approved a state program «Youth of Azerbaijan, 2005-2009» which stressed the necessity of teaching natural spiritual values in secondary schools at fixed and inopportune time .

CAMOUFLAGE IDENTITY

It has to be kept in mind that activities of the communities are to be directed to consolidating the civil unity; supporting orphans, refugees and forced migrants; developing gender consciousness and eradicating intra-family violence against woman. Communities dispose of certain resources to preserve and strengthen cultural traditions in the family and society as a whole; combat smoking, using drugs and spirits; raise a level of spiritual and intellectual culture pf religious and non-religious parts of society.

However, since civil society has not been sufficiently developed, most religious leaders have not understood the need to form communities that would not only unite people of the same faith, but would also become centers for spiritual revival of the society. Consumerist way of thinking makes the communities dependent on local authorities or foreign donors and, in fact, prevents them from fulfilling their main mission.

The economic and social reforms made by the Azerbaijani leadership and the measures for civil society development let us hope that the religious factor will get its proper place in the society. State policies in the religious sphere should include protection of stability, promotion of tolerance,

prevention of religious radicalism and extremism, as well as prevention of attempts to use religion as a political tool.

The AR succeeded to remove tendencies toward disintegration of the country to turn into an entity combining different cultures and religions (Islam, Christianity and Judaism). In the meanwhile, the AR political line is an eloquent testimony to the fact that Islam is not adverse but sincerely minded toward the peace co-existence of religions; it is capable of essentially enriching multi-cultural societies. In other words, Islam in the AR is, in a sense, cultural-civilization affiliation, not “religion” in its classical definition. As a rule, an overwhelming majority of Azerbaijanis tend to position themselves as Moslems though decline from obligatory religious rites. The reason of this self-identification lies not in discrediting Islam but rather explains, who Azerbaijanis are, how they adopted Islam; uncovers its inimitable features in the country to distinguish it from ordinary religious conception. The point is that the country’s population professed Zoroastrianism before the 4 century or Christianity and Hurranism till the 9 century. Following the Arab conquest of the 9 century the population was forcibly converted into Islam. Nowadays, Moslems, Azerbaijani included, should avoid posing as victims, instead, they’d better demonstrate their aspiration for genuine co-existence of cultures and nations; point of contact between the East and the West.

For all that, the Islamic identity in Azerbaijan remains to be somewhat artificial, «camouflage». True, Islam keeps on playing an essential role in everyday life; it is respected as religious heritage, yet, it is not guided by. Of greater importance in Azerbaijan are other factors, specifically language, culture and traditional ties. The Azerbaijani society is secular as a whole, and it is mentally closer to Armenians, Georgians and Europeans than Iranians and Arabs.

Prevalent in Azerbaijan is a trend toward secularism. Even despite some religious upswing in the country, chances for the establishment of Shari-based Iranian or Saudi models are practically equal to zero.

The 11 September 2001 US acts of terror followed by anti-Talib operation in Afghanistan reanimated debates in Azerbaijan around dangerous growth

of Wahhabism. The risk of spreading of extremist trends of Islam among Azerbaijani Moslems was aggravated by agitation around terrorism threat. However, fear of «Islamic threat» in Azerbaijan is largely exaggerated. It is hardly due to the religious revival but rather internal and international conjuncture. At the same time, the possibility of radicalization of Islam in Azerbaijan is not ruled out due to the economic crisis, unsettledness of refugee problems, upsurge of national-patriotic and revanchist sentiments in the event that hardliners gain the upper hand in solving the Karabakh problem militarily.

CIVIL COMMUNITY AND SOUTH CAUCASUS

Throughout the 20 century the national and religious identities coincided in Azerbaijan, following which the confessional affiliation was adopted as synonym of national identity. Thus, an Azerbaijani was identified as Moslem in the 19 - first quarter of the 20 centuries. However, later 20 century this model tending to degrade notwithstanding, an idea of coincidence of religious and national identity among greater part of the AR population is still extant earlier 21 century.

Beyond any doubts, religions come out as factors of influence of one culture upon another and rapprochement of cultures. The religion proper is a means of advancement of the modern society toward the globalization. As a matter of fact, the globalization is conducive to the development of global consciousness. In cases where cultures and religions that sprang up in the West penetrate into the East and vice versa, it may be supposed that globalization processes in the religious consciousness are interdependent. As a consequence, the national and religious identities, as well as the traditional religious consciousness are destroyed to shape the global religious consciousness. While a certain part of the Azerbaijani society is likely to lose interest in its own traditional religious identity together with preservation of the national identity, a main part of society is sure to conserve the traditional religious identification related to the national one.

An important prerequisite of unity and stability in the Azerbaijani society is a tolerant combination of ethnic, civil and religious identity in the modern AR.

Prior to 1991, Azerbaijanis, Armenians, Georgians, Abkhazians and Ossetians lived in Transcaucasia; at present, the peoples above reside in the South Caucasian region. The latter as identification card for residents of the region, including AR, is still an abstract substance with no strict parameters. In particular, even political elites of Azerbaijan, Armenia and Georgia perceive “South Caucasus” as a geographical term lately used outside the bounds of the region with due regard for appropriate political and economic adjustments. The above preconditioned a term «South-Caucasian region», which is used or unused in different formulations, but as a matter of fact, it is none other than a term only, not regional identification card, and reflective of domestic aspiration of region’s states to self-affirmation.

Thus, aggravation of inter-ethnic conflicts in the region gives impetus to the past history. Conflict participants lay an emphasis on historical line going back to the ancient religion, ancient people, ancient statehood, etc. Also, inter-ethnic controversies imbue representatives of a certain ethnic group with feeling of sacrifice and perception of their ethnic identity as victim-nation.

The change of Party-Soviet power and restoration of the Azerbaijani statehood were accompanied by national slogans and advancement toward Republic’s sovereignty. Predominant in the AR expert estimates is an idea under which the man’s prestige in the Azerbaijani society is accounted for not by his cultural status but material prosperity and official position. Experts are right in defining the above as degradation of general culture and deformation of the system of ethno-cultural values, though this factor may in future come out as precondition for shaping of modern civic consciousness and new civilian standards. In all probability, the most effective vector of ethnic and religious identity in the AR is harmonious combination of European and universal values.

The forming of civil community affiliation of the population of Azerbaijan will be dependent upon optimal form of national and South-Caucasian integration in the political and economic life. Note that certain part of the AR citizens identifies itself with the Caucasus. Some local experts object to considering the Caucasus as integral formation. They are doubtful of whether it is correct to use notions «Caucasian civilization», «Caucasian socio-cultural system ». Worthy of mentioning is the existence of centuries-long views on the cultural Caucasian cradle and the Caucasian identity. What are factors that predetermine the Caucasian identity from religious and linguistic differences standpoint?

There are two components that account for the Caucasian identity: common natural-geographical environment and social-cultural system of values. It mirrors common ethic and social values, legal culture and political self-organization practice.

Today's regional conflicts give rise to controversial views on the prospects of South Caucasus development, especially as horizontal social-economic and cultural-educational ties are ruptured. All these preclude the Caucasian peoples from proper development on their own socio-cultural basis, active involvement into economic and social-political interaction within the framework of regional, European and world community. In common with other regions, South Caucasus is at cross-roads of cultures of the West and the East. It would hardly be appropriate to draw a clear distinction between peoples pertaining to western or eastern cultures, particularly in transition societies. They may be closer to the eastern by one sphere of vital activity and values, and to the western by another. Thus, peoples of South Caucasus that profess Christianity and Islam are spiritually (by religious values) common with peoples of the Orient. At the same time, they are closer to the Occident by other indices. These include social values, such as freedom, equality and justice. They are also supportive of the principle of independence, decentralization in the political management, promotion of individual initiative and responsibility.

REFERENCES:

1. Interview of His Holiness Dalai-Lama XIV to «Izvestiya» correspondent S. Leskov, 30 March 2004, Delhi
2. Reformation and Protestantism: Vocabulary.
3. Wallerstein I. Multi-system Analysis: Introduction. M.: Publishing House «Territory of the Future», 2006. P. 139-140
4. McNeil W. Civilizations and World System // Civilizations. M., 1993. Issue 2. P. 18-26
5. The Constitution of the AR, 1995
6. Ibid.
7. The Law of the AR «On Freedom of Religion»
8. The Constitution of the AR, 1995

Linguistic identification of the Azerbaijani language

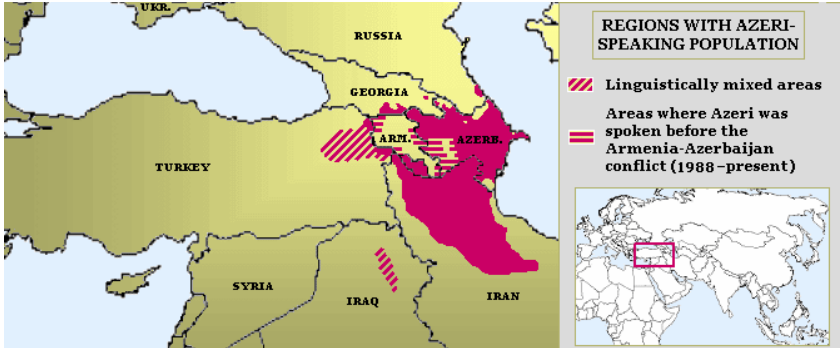
The Azerbaijani language is a state language of the Azerbaijan Republic (AR) and its population (9 mil as of 2010), spoken language of a part of the Iranian population (approx. 20 mil), as well as means of communication for the Azerbaijani diaspora abroad (Russia, Georgia, Ukraine, Kazakhstan, Uzbekistan, etc.).

The Azerbaijani language, or Azeri belongs to the south-western branch of the Turkic languages. It goes back to the language of Oghuz tribes of the Central Asia, 5-6 centuries as language-predecessor of many modern Turkic languages, particularly, Azeri and Turkish, especially as phonetic, lexical and grammatical specificities of Azeri are clearly indicative of its Oghuz origin. Subsequently, these languages underwent phonetic, grammatical and lexical changes. The modern Azeri came as a result of mutual influence of linguistic factors against the background of historical and political developments. Today's Azeri is characterized by influences of Kypchak linguistic group, partly Karluk (Uyгур), and other linguistic systems, including Arabic, Persian and Russian.

Not numerous Turkic tribes and peoples populated territories of modern Azerbaijan since the 4 century and earlier (Khazars, Bulgars, Kypchaks (Polovtsians), etc. and a large group of Oghuz-Turks came to the territory of modern South Caucasus before the Seljuk conquests of the 11-13 centuries, following which the formation of Azeri as separate language of the Turkic group was nearing its completion by the 15-16 centuries.

In the reviewed period, Azeri (this term was not used at that time) blossomed out; great classical poets of the epoch Nasimi, Khatai and Fizuli created their works in this language. In the 16 – earlier 19 centuries a greater part of Azerbaijan was under the power of the Persian Empire shahs of the Turkic-language dynasty of Safavids ruled.

Map of Azeri spreading

There are 4 dialect groups in the Caucasian Azeri:

- * Eastern: Baku, Shamakha, Quba, Mugan and Lenkaran;
- * Western: Karabakh, Gyandja and Qazakh (do not confuse with the Kazakh language); Ayrum sub-dialect;
- * Northern: Sheki and Zakatala-Qakh;
- * Southern: Nakhchivan, Yerevan and Ordubad.

Dialects of Azeri in Iran are as follows: Tabriz, Urmiya, Khoy, Kushcha (Central ostan), Maraga, Merend, Uryantepe (ostan Western Azerbaijan), Turkmanchay (ostan Eastern Azerbaijan), Ardebil, Sarab, Mian, as well as enclave ones: Galugyakh (ostan Mazenderan) and dialects of Lotfabad and Dergez (ostan Khorasan-Rezavi).

It has to be kept in mind that the eastern and northern dialects were most affected by the Kypchach influence. Dialectical differences primarily concern phonetics and vocabulary. Besides, there are some dialects on the territories of Iran, Turkey and other countries, sometimes attributable to the dialects of the Azerbaijani language (for instance, Afshar, Kashkay, Aynallu, Shahsevan, Qadjar, etc.). Sub-dialects of the Iraqi Turkmans are also, fully or partly, considered to be dialects of Azeri.

As viewed by many specialists in Turkic philology, the Turkic peoples of the Western Asia and the Caucasus used in the early period of their history the ancient Turkic runic writing as evidenced by the Orkhon – Yenisei writing monuments. Later on this writing evolved into Hungarian and

4

5

4-5. *Stone monuments of the Turkic runic writing*

Monuments of the ancient Turkic writings (mostly epigraphic; a small number of the manuscripts survived in Eastern Turkmenistan) were created in the regions of the Central and Middle Asia and Siberia that embraced in the early Middle Age the state formations of eastern and western Turks - Turgeshes, ancient Uygurs, Yenisei Kyrgyzes , Karluks and so on. In spite of the fact that in the reviewed period they had used different languages, or rather different dialects, the inscriptions in question were made in Turkic runic writing. The latter was found to have several local-chronological variants compatible with territorial groups of monuments, including Orkhon, Eastern-Turkestan, Yenisei, Talass, Altaic, etc. Sometimes, they are characterized by certain differences between living dialects of the ancient ethnos above. Note that the monuments of the ancient Turkic writing are located on the territories of the modern countries, including Russia, Kazakhstan, Kyrgyzstan, China and Mongolia.

Among the rarest manuscript runic monuments there is “The Book of Fortune-Telling”.

6. *The Book of Fortune-Telling*

In 1907, “The Book of Fortune-Telling” was acquired by archaeologist A. Stein from a minister of the temple “Cave of 1000 Buddha”, approx. twenty kilometers from the oasis Dunkhuan (province of Gansu, China). The first studies and publications were made by the Danish Turcologist Wilhelm Thomsen. “The Book of Fortune-Telling” is currently kept at the British Museum (London).

I. V. Stebleva succeeded in reconstructing a poetic form of the text of the book. In 2005, a poetic translation of “The Book of Fortune-Telling” was published in Russian by A.V. Prelovsky. The book was intended for “junior dintar” and “burvaguru – ministers of Manichean community, as well as ordinary members of community. It consists of 65 poetic miniatures that describe various objects, creatures, situations, each of which ends with a conclusion: that’s good or that’s bad. However, it remains unclear how the fortune-telling was carried out technically. As viewed by some scholars, the book is none other than a book of dream interpretations.

It would be appropriate to add that the alphabet of the classical period (8 century B.C.) in its Orkhon version consisted of 38 letters and a disjunctive sign. When adjusted for regional and chronological variants, there are above 50 graphemes; the line of the writing is horizontal, right to the left; a disjunctive sign was placed between words; the end of the phrase was not broken.

It should be noted that the ancient Turkic runic writing is a letter system (not syllabic), under which separate signs denote either vowels or consonants (total 25-26 phonemes); about 10 letters were used to denote a combination of two consonants and a vowel with a consonant. A distinctive feature of the writing is a pair of independent letters for most velar and palatal consonants. This enabled to design a system of writing that avoided the need in identifying root vowels, so in most cases all vowels of affixal syllables, except for open final syllables, and thus spare a length of words. Closer to the ancient Turkic writing are inscriptions of the 5-3 centuries B.C. discovered in Kazakhstan - (Issyk – see Issyk writing) and Kyrgyzstan - Talas, Balykchy, etc.

Note that many signs coincide with Tamga and probable acronymic origin of phonetic meanings. It was similarity of some signs (as well as some awkward style of writing and coincidence of phonetic meanings) that made it possible to suppose relationship with early types of Semitic writing, including Biblical and Phoenician.

According to some scholars, Turkic runes were created earlier 8 century on the basis of Sogdian writing, supplemented with signs from other alphabet systems by dint of transforming italics into geometrized forms. There were also hypotheses on its origin from phonetic signs of the Chinese writing or Kcharoshtkhi writing (or, at least, common root).

By the Mongolian invasion (13 century) the alphabet had been supplanted by Arabization that came as a result of strong Arab-Moslem pressure and other types of the Turkic writings. In particular, a masterpiece of the Oghuz literature of the century – epos “Kitabi-Dede Gorgud” was written on the Arabic alphabet in Oghuz Turkic language.

7. A page of “*Kitabi-Dede Gorgud*”

Note that the eastern European runic inscriptions of the 9-10 centuries (largely from Priazov-Don region) are ascribed to the Asian Turkic runic in holding that they go back to Turkic-speaking Khazars, Bulgars or Pechenegs. However, the European runes concur with the Asian ones just in some signs. It was their shortness and lack of parallel texts in other languages that these inscriptions failed to be deciphered and interpreted reliably from linguistic point of view. Originating from Orkhon-Yenisei runes are other numerous runic writings, particularly, writings of monuments on crocks from Sarkela (Khazar caganate), Hungarian runes, etc.

The monuments of the Turkic writing were first referred to during the Peter I reign, while the first attempts to start scientific research into the Turkic runic epigraphic were made later 19 century. On November 25, 1893 the writing was deciphered by the Danish linguist Wilhelm Thomsen. The first deciphered word was Tengri (God), and the first translations of the Orkhon-Yenisei monuments were made by the well-known orientalist Radlov in 1894-95s.

Alphabet of Azeri

latein.	kyrill.	latein.	kyrill.	latein.	kyrill.	latein.	kyrill.
A / a	А / а	G / g	К / к	Q / q	Г / г	S / s	С / с
B / b	Б / б	Ğ / ğ	Ғ / ғ	L / l	Л / л	Ş / ş	Ш / ш
C / c	Ч / ч	H / h	Һ / һ	M / m	М / м	T / t	Т / т
Ç / ç	Ч / ч	X / x	Х / х	N / n	Н / н	U / u	У / у
D / d	Д / д	I / i	Ы / ы	O / o	О / о	Û / ù	У / у
E / e	Е / е	İ / i	И / и	Ö / ö	Ө / ө	V / v	В / в
Ə / ə	Ә / ә	J / j	Ж / ж	P / p	П / п	Y / y	Ј / ј
F / f	Ф / ф	K / k	К / к	R / r	Р / р	Z / z	З / з

The written consolidation of the epos “Kitabi Dede-Gorgud” (11 century) and the creation of the perfect written language proved to be a natural process. As distinct from the oral language, the written language was subject to the influence of foreign languages due to the alternating domination of other languages (not Turkic by origin) that performed as state languages.

In the 11 to 13 century, dominating in Azeri was the Seljuk component which was natural for the reviewed period. The point is that Oghuz and Seljuk were cognate languages and closely concurrent on all linguistic indicators. Since the 13 century, the Seljuk linguistic dominant split into two independent languages: Azeri and Ottoman. The historical period in question saw the works by Movlana Jalaladdin, Sultan Valaddin, Shayyad Khamza with his “Yusuf and Zuleikha” and Ali with his “The Legend of Yusuf”.

During the state of Safavides (15 century) Shah Ismail I paid a great attention to his mother tongue. Suffice it to say that the international correspondence was carried out in Azeri. This period was marked by the transformation of Azeri into the dominant language at the court and army, following which it assumed a status of the state language.

On May 28, 1918 North Azerbaijan gained its independence, and the Azerbaijan Democratic Republic (ADR) was established. The Azerbaijani language was also spread on territories that formed a part of the Ottoman Empire. After the annexation of North Azerbaijan by Russia a term “Turkic-Tatar language” was used prior to the 1920-30s to denote Azeri and all other Turkic languages of the Russian Empire. In so doing, the Azerbaijani language was considered to be a language of inter-national communication on the entire Caucasus, Iran, Anatolia and Central Asia. In his short story “A Red Shawl” A. A. Bestuzhev-Marlinskiy wrote: “The Tatar language of the Caucasian land is different from the Turkish language, and the knowledge of the Tatar language makes it possible to stroll all over Asia, as the French does in Europe”.

In 1936, following the legalization of ethnonym “Azerbaijanis”, a term “Turkic-Tatar” was officially substituted for “Azerbaijani language” used

by various authors since mid-19 century (in different phonetic variants). As viewed by some Azerbaijani and most Turkish scholars, that was done to increasingly alienate Azerbaijanis and their language from other Turkic peoples. As is known, as a part of the Tsarist Russia Azerbaijan used the Arabic alphabet, but after the occupation of the country in April 1920 by the Soviet Empire, the Bolshevik dictators carried on cosmopolitan experiments with many traditions of the Azerbaijani people, including its language and alphabet.

Throughout the 20 century the alphabet of the Azerbaijani language changed four times: in 1929 the Arabic alphabet was replaced by Latin (it was planned during the independent Azerbaijan Democratic Republic, 1918—1920)'; in 1939, on Stalin's instructions, it was substituted for Cyrillic (the Russification embraced all the Turkic languages of the USSR), in 1958, in the course of de-Stalinization, this alphabet was supplemented with additional letters to fit Azeri requirements. In 1991, the state alphabet was restored on the basis of Latin graphics which differed from its original version of 1929-39s, and brought nearer to standards of the Turkish language. By the end of the 20 century where Azerbaijan gained its independence for the second time, a question of the alphabet reform was very topical. Indeed, it was targeted to shift to a new alphabet in 1991, the first year of B independence. However, realities of the reviewed period made it no possible to carry this process through.

Starting with mid 1990s, one of the major problems was the necessity of strengthening the role of the state language in the country. In the main, the problems were as follows:

- 1) The use of the state language in government institutions of the independent Republic was far from being perfect.
- 2) Transition from Cyrillic to Latin was not over yet.
- 3) There were public and government employees insufficiently proficient in the state language.

It was a decree of the AR President Heydar Aliyev dated August 9, 2001 that introduced «The Day of the Azerbaijani Alphabet and Language». The decree legalized the following model: 1) the Azerbaijani language is one of

the Turkic languages; 2) the Azerbaijani people is one of the Turkic peoples.

Forming the basis of the vocabulary of the modern Azerbaijani state language are Turkic words. There is an increased lexical and grammatical affinity with the Turkish language due to the close cultural and political ties. Instead, the Azerbaijani language of the Iranian population is overloaded with Persian words and word combinations, and varies greatly in pronunciation norms.

A new stage in the development of present-day linguistic situation set in after the adoption of the AR Constitution. The AR had an opportunity to engage comprehensively in addressing cultural and spiritual problems of the country.

Today's linguistic situation once again testifies that Azerbaijan is homeland for all ethnos residing in the country. Every person may freely speak his own language without any restrictions while the Azerbaijani language is used for the public and office-work.

REFERENCES:

1. Amanzholov A.S. The History and Theory of the Ancient Turkic Writing. Almaty, 2002.
2. Batmanov I.A. The Language of Yenisei Monuments of Ancient Turkic Writing. Frunze, 1959.
3. Livshits V.A. On the Origin of Ancient Turkic Runic Writing.// Archaeological studies of ancient and medieval Kazakhstan. - Almaty, 1980. P. 3-13
4. Zeynalov F. Fundamentals of Turkic Studies. Baku,1981
5. Mirzazadeh H. The Historical Grammar of Azeri. Baku-1990
6. "Kitabi-Dede Gorgud", Baku-1991.

The Role and Significance of Mentality in Social and Economic Processes¹⁸⁵

1. Introductory Remarks

The problem of *mentalité* as a theoretical problem has emerged on the intersection of studies in psychology, social philosophy and political science. In a sense it is a “crossroad problem” or, so to speak, a theoretical “matrioshka”.

The urgency of research in this field is natural and self-evident. Without uncovering the theoretic significance of this phenomenon it is impossible to conduct a more or less adequate study of problems of statehood, of foundations of national spirituality, specific traits of national ideology, etc. Researching the problem of mentality aids the systemic analysis of the social-political field. Essentially, the uncovering of the content of this factor has a system-forming significance.

In Soviet philosophic-political science the problems of mentalität, as well as problems of mentality in general, did not occupy an important place. First, there was no demand for it in the society. Second, it was not “launched” by the state; therefore, since there was no order, there was no implementation. However, the lack of demand is not the only issue at stake here. The ruling circles of the Soviet society viewed this problem with suspicion. It was associated with “bourgeois mindset” and nationalism. There existed a certain concept of the Soviet people as a certain social-ethnic entity, which had a unified “class consciousness”, and possessed

¹⁸⁵ In this article two distinct (though closely related) Russian terms “ментальность” and “менталитет” are used, which both are derived from the French term *mentalité*, and both can be translated into English using the same word “mentality”. In order to maintain the author’s distinction between these two words, we are using “mentality” in the first case and the original French form *mentalité* in the second case [MZ].

only specific ideological conceptions (that were approved from above). And though “the blooming” of national culture was permitted (and even encouraged), the final aim, so to say, “the station of arrival”, was defined quite rigidly – a united (and uniform) Soviet people.

What is interesting, being uniform in social-ideological terms, the Soviet system, and, in general, the preconceived “Soviet people”, on a large scale did not represent a fully-fledged subject of politics. More precisely, it was a pseudo-subject. The “pseudo” component was obvious. What was left to be decided by a regular Soviet citizen? Practically nothing. Everything was “directed” and “sent from above” (the Central Committee of the CPSU, the Central Committee of the union republic, the town committee of the party, *raykom*, *partkom*, *profkomitet*, etc.). One might object: what about *perestroika* (reconstruction), *obnovlenie* (renewal), *glasnost* (literally “voice-ness”, in the sense of free speech), all this happened during the Soviet times, so the Soviet people was not completely deprived of its own voice. From the first glance, this is correct, but only from the first glance. Perestroika, as a major political and economic reform was conceived “from above” and realized through directives of Politburo. Even the break-up of the USSR as a state was decided through a voluntarist decision of three leaders, two of which had previously been members of the Politburo. Thus, we are back to our initial thesis: in the Soviet state there was not and could not be a serious or even simply an objective approach to the problems of mentality and *mentalité*. It goes without saying that even the very thought of studying these problems in the relationship with the political sphere was impossible.

A radical change of the situation took place in the post-Soviet period. The independence of the Soviet republics gave a strong impetus to research in the field of social-political sciences in general and problems of national mentality in particular.

After this preliminary discussion we can proceed to the essence of the problem: analysis of the concepts of mentality and *mentalité*. But first, we shall talk about the history of the problem.

2. On the History of the Issue

We do not aim to present an all-encompassing picture of how the problem of *mentalité* emerged and crystallized in the process of development of humanities and social sciences. However, we are sure that there is a certain pre-history of the problem, and there is a necessity to follow the main phases of its development.

The commonly accepted view maintains that the concepts of mentality and *mentalité* were introduced into the scientific discourse in Europe in the second half of the 19th century. It was then that a historian (some consider him a political scientist) Alexis de Tocqueville wrote a concise study “Democracy in America”, in which he presented an analysis of the social consciousness (or how he himself described it “social thinking”) of Americans in the first half of the 19th century. Tocqueville attempts to find the causes of prejudices, customs and preferences that were common in the American society. This, according to him, is the national character of the Americans. Tocqueville claims that all inhabitants of the United States have similar principles of thinking, based on the same conceptions and standards of behavior, which he called *collective mentality*.

A special attention is paid to mentality by the researchers adhering to the historical psychology school. This school was formed on the continent in 1830s-1850s. In the works of the founder of this school (often it is called “the Annales” school) L. Febvre issues of collective mentality become a topic of research.

In general, the representatives of “the Annales School” (including J. Le Goff, R. Mandrou, J. Duby, and others) argue that one of the main pillars of historical reconstruction is the reconstruction of mentality, i.e. the reconstruction of the ways of behavior and expression, and even ways of maintaining silence, which convey to the society the worldview of a certain nation, a certain community.

The term *mentalité* received a steady place in the academic circles thanks to

the works of Lévy-Brühl. The famous ethnologist and ethno-psychologist clearly distinguishes between two types of *mentalité* – modern *mentalité* and the *primitive mentalité*. In his “Notebooks” (1949) Lévy-Brühl describes the modern *mentalité* as logical, rational, and well-organized. The primitive *mentalité* is a phenomenon of a completely different kind. Its basis is the “affective category of the supernatural”. The primitive man, according to the scientists, uses mystical and irrational elements in his practical experience. These include dreams, the cult of the dead, spells, etc. In the consciousness of a primitive man the real and supernatural do not contradict each other, but co-exist and get intertwined.

In the end of the 19th and the beginning of the 20th centuries the problems of mentality and *mentalité* started to be explored by psychologists, first of all W. Wundt, S. Freud, C. Jung. All these scientists gave new, original interpretations to the problem of the psychological, the mental. More precisely, the terms mentality and *mentalité* per se are not mentioned in their works, however the ideas that they put forward have a direct relevance for the research and interpretation of the problem of *mentalité*.

The approaches and research of the school of psychoanalysis are particularly interesting. The founder of the school, S. Freud, for the first time in the history of psychology, suggested to view the human psyche as a *deeper structure*, that works on at least three levels: 1) the level of unconscious; 2) the level of subconscious; 3) the level of consciousness per se. According to Freud the “unconscious” has fundamental significance. It is on this level or in this sphere, that the strongest energetic currents of the psyche are concentrated. S. Freud defines them as “unconscious”, or in another interpretation, “the libido”. The latter manifests itself in the primal, natural instincts and affections.

For men it is first of all the sexual instinct, for women it is the maternal instinct. Unconscious psychic phenomena pierce through the whole depth of the psyche. They infiltrate the sphere of consciousness per se. The energy of the unconscious feeds the creativity of an artist, the activities of politician, as well as any other field in which the subject can sublimate his

energetic potential. However, the energy of “the libido” does not always take legitimate forms, legitimate “exits”. Often the unconscious drives humans to “shameful”, “forbidden” acts and thoughts. On the level of consciousness and self-consciousness the humans realize this “shamefulness”, “prohibition”, and supplant all of this into the area between the consciousness and unconscious, the sphere of subconscious.

Thus, if we extrapolate everything said above to the problem of mentality, the following conclusion can be reached: if mentality is a certain mindset of a person, a specific manifestation of his main psychic characteristics; if mentality is a deeper structure of psychodynamics, then, if the freudist approach is justified and adequate, it means that mentality and *mentalité* are derived not only from the sphere of consciousness per se, but also from the unconscious and subconscious. I.e., *mentalité* has a structure that is just as complicated, as that of the consciousness per se, of course, keeping in mind that the consciousness is a much broader concept than *mentalité*.

Freud’s theory found its further development in the works of his most talented follower C. Jung. Within the framework of the paradigm of analytical psychology, which Jung developed, he suggested that, along with the individual unconscious, to which classic freudism confined itself, a deeper layer exists in the human psyche – the collective unconscious. It is the collective unconscious that, according to Jung, contains the collective experience of the previous generations, including the memory of the natural environment, historical events, models of social activity, etc. The content of this layer of the human psyche consists of specific generalized images, archetypes, collectively inherited forms of perception and understanding. Archetypes are inaccessible for immediate observation, but they can be reconstructed through an analysis of their external projections (myths, literary works plots, symbols, etc.). Some of these archetypes are common for all of the humanity (such as feelings of love towards mother). However some of these archetypes are connected to specific characteristics of national life and represent certain structures of the national character, national consciousness.

A considerate analysis of Jung's theory shows that the scientist-psychologist in a way "transplants" the problem of the human psyche out of the limits of the purely psychological. Essentially, he relates the social and social-cultural spheres to the explanation of the problems of the psychological, as well as the mental. This approach was completely accepted and then developed by contemporary researchers of the national and the ethnic. As an example, let us consider the theoretical model suggested by a well-known Russian ethnologist S.V. Lurye. Together with other authors, Lurye is one of the main authors of the idea of "ethnic picture of the world". What kind of an idea is this? According to the researcher, it is a quite natural one. Lurye writes: "This is a certain conception of the world, which is common for representatives of a certain ethnos".¹ This conception is expressed in an objectified form through mythological symbols, philosophic views, and literary images. It manifests itself through thoughts, acts, and behavioral reactions. The ethnic picture of the world, and this is important, serves as a basis for people for explanation of their actions.

However, according to the author, the peculiarities of the interaction of the ethnic picture of the world with its subjects are quite specific. This picture is conceived by the members of the ethnos only partially and in a fragmented way. The individual does not conceive the content of the picture, but only (a) its existence, (b) its completeness. In a sense, as Lurye claims, the ethnic picture of the world is a psychological and ethno-cultural phantom.² So, people simply think that they have a certain ordered system of perceptions. In reality they have something else: "the feeling of existence of an ordered and harmonic system".³

The ethnic picture of the world is not something unchanged and stable. As Lurye claims, "Ethnic picture of the world changes strongly in the course of time...The only thing that remains unchanged are the logically inexplicable blocks that can obtain various forms."⁴ These blocks are spiritual-psychological invariants, or, to put it differently, ethnic constants. Thus, according to Lurye, the ethnic picture has two genetic sources; on the one

hand it is influenced (in a certain sense formed) by value orientations. It is important to note that “ethnic constants are unchangeable throughout the whole life of the ethnos, while the value orientation can be changed, since it is a matter of a free choice of people.”⁵

To sum up Lurye’s theory (actually her theory is much more sophisticated than the description that we provided here, but its detailed analysis would be a topic for a different article), we can come to the following conclusion. For decades two rival schools existed that offered different explanations of the essence of human nature, of how humans behave and act, and how they maintain their existence: the psychological current and the socio-cultural current. S.V. Lurye and the school that she represents are trying to unify, in a way to synthesize the approaches of both currents. The main tool of that synthesis is the creation and development of the concept of “ethnic picture of the world”. On the one hand, this socio-cultural phenomenon, as well as the prism, through which the social individual evaluates and internalizes the world – is the prism of ethnic culture. It is culture that forms the “value configurations” of consciousness. However, interconnections and interdependencies exist. Since the values and value orientations are, in turn the material, on the basis of which a certain ethnic culture is crystallized.

However, everything said above represents only one aspect of the issue. From a somewhat different point of view, all these structures, “mechanisms” have a psychological underlying meaning, an obvious psychological nature. What are these ethnic constants, the author asks herself. And her answer is the following: “These are the mechanisms... which relieve the outside world of the psychological threat and ensure the member of an ethnos an opportunity to act.”⁶ And in general, it has to be self-evident that “ethnic culture is determined by the human necessity of psychological adaptation, as well as the activities of life-subsistence of an ethnos are determined by its necessity of physiological adaptation.”⁷

Let us emphasize once again that the main concepts, theoretical constructs, brought about by the new ethnologic school are the following: the concept of ethnic constants, the concept of ethnic picture of the world and, finally,

the concept of ethnic consciousness. Here is the definition of ethnic consciousness given by S.V. Lurye: “Traditional ethnic consciousness (mentality) is a worldview, based on an ethnic picture of the world, transferred in the process of socialization and including certain conceptions of priorities, norms and models of behavior.”⁸

The above-mentioned approaches are completed by other viewpoints that are discussed in contemporary Russian language literature on the subject. Thus, an author from Leningrad O.G. Usenko suggests defining mentality as the universal ability of the psyche to contain typical invariable structures.⁹ Somewhat different approach can be found in V.V. Kozlovski’s work,¹⁰ who defines *mentalité* as a mode of thinking, a type of thinking, a mindset. According to the author, these characteristics are manifested in the cognitive, emotional and voluntary processes, in the peculiarities of behaviour of the social individual. *Mentalité*, according to this author, manifests the ordered nature of mentality and defines the stereotypical attitude of the individual to the outside world, creates an opportunity for adapting to external conditions.

Other points of view can also be heard.¹¹ For the start, we should not that in the center of our research is the problem of national *mentalité*. It is completely obvious that the question of the essence, the spiritual base of the national has always been in the centre of researchers’ attention. The current phase in the research on this problem is characterized by a completely new approach – integrative and synthesizing. A new phenomenon – mentality, and a new spiritual-ideal образование – *mentalité*, are highlighted.

The contemporary approach to the problem of national *mentalité* as a starting point of research, naturally, presupposes such well-researched phenomena as national character, national temperament, national consciousness, etc. However, contemporary researchers do not stop there. Highlighting the fact that the phenomenon of “*mentalité*” is multi-layered, they derive the content of the national not only from existing, conscious (it is possible to say, reflected) phenomena and spheres, but also involve spiritual-psychological образования as subconscious and unconscious into

the explanation of the circle of problems in question. New concepts or theoretical constructs emerge, including concepts that have already become commonly accepted, such as ethnic constants, archetypes, psycho-dynamic stereotypes, etc.

3. *Mentalité* and the sphere of the political

The discussion presented above was not an end in itself. We are slowly approaching the essence of the issue at stake, i.e. how the national *mentalité* manifests itself in the sphere of political phenomena and processes, and what connections, and possibly, interdependences can be found here.

There is a common opinion that, as an autonomous form of mentality the phenomenon of political *mentalité* can be highlighted. It is also often mentioned that political *mentalité* is directly connected to the political consciousness of a nation, as well as its everyday experiences. According to this approach, the political *mentalité* contains the following elements:.

1. perceptions of political reality;
2. holistic political orientations;
3. political assumptions.

This approach does not seem completely adequate to us. There is no serious basis for defining political *mentalité* as a separate autonomous unit of ethnic spiritual-ideal political mentality. Since then we will have to single out as distinct units also the economic *mentalité*, as well as the cultural, military, etc., which appears to us coming close to absurdity.

As it was mentioned before, it is useful to speak about different spheres and realms of expressions of ethno-national *mentalité*: it can be manifested in the economic, cultural, military, and, of course, socio-political spheres.

Which is the mechanism of these manifestations, which are its main forms and structures? To answer this question, we need to find out which are the main forms and structures through which the political functions and

manifests itself. In contemporary political science *polity*, *policy* and *politics* are considered to be such basic structures.

Polity is essentially the form of the political, i.e. the organizational structure. This includes the state itself as a political institute, all the three branches of power (executive, legislative, and judiciary), political movements, parties (ruling party, opposition), etc.

Policy is the content of the political process, its basis consisting of norms and values, technology of decision-making and methods of realizing these decisions. This also includes the dimension of ideas that serves the sphere of the political: party programs, their charters, ideology, etc.

Politics is the real political process itself, i.e. the realization of the declared political content in a real political practice: in a concrete process of political dialogue or political confrontation, practical tools and forms of holding of elections, referenda, etc.

We believe that in all the three structural formations of the political the national mentality manifests itself in one way or another. For example, on the level of polity mentality manifests itself in the way how the citizens of a country relate to the institute of state, what kind of a political language and what kind of methods are used by the state to realize its authority, or, whether the judiciary authorities are just and independent from the point of view of ordinary citizens. Or what is the nature of the dialogue between the ruling parties and the political opposition. The nation's mentality also determines the answer an extremely important question whether their nation-state is perceived as a state per se.

On the level of *policy* mentality manifests itself first of all in the formation of basic political values. To a large extent the national mentality determines the interpretation of such fundamental political concepts, as "society", "liberty", "democracy", "equality", "justice", etc. An important part of the policy level is the technology of decision-making. It is obvious that the decision-making technology in Washington DC, USA is quite different from the technology of decision-making usually employed in

Turkmenistan. And to a large extent, this is conditioned not only by differences of political order, but also by different mentalities.

On the level of *politics* mentality is manifested, for example, in the way that the citizens of a country perceive political elections, or the way in which in a society announced political programs and ideological commitments are realized. For example, are they realized in the process of political dialogue or political confrontation, through political referenda or through obstruction, and, in general, which are the procedures, the course of realization of political programs? Are they realized on the basis of a commonly accepted civilized approach or through methods of force and coercion?

The essence of the issue is that mentality creates, formulates value commitments and behavior stereotypes that not only strongly influence the course of political process but sometimes even define them.

4. The South Caucasus Region: State-building and *Mentalité*

All of the material presented above is of a preliminary character. This is a kind of a preamble, an introduction into the issue. The essence of the issue is something else. The latest two (or one and a half) decades significantly changed our society, its structure, its quality, its fundamental values. To make sense of these changes in their real depth and scale, they need to be compared, classified. Only after that it is possible to evaluate them objectively. That is one of the goals of our research. We shall try to look at the process of state-building in former Soviet republics of the Transcaucasia and highlight certain patterns in the socio-political processes that take place there. However, all of this, in one way or another will be connected to the national-spiritual component, or, in other words, the *mentalité*.

It is obvious that from the point of view of statehood and politics the main issue for the countries of our region (i.e. South Caucasus) is the problem of the selection of a model of development. Georgia, Armenia and Azerbaijan

have all chosen the road of European integration, and accordingly, they chose the model of an open, democratic society as a political paradigm. However, the experience of state-building in these countries suggests that this model is implemented with significant differences. And these differences are not only caused by different starting conditions (economic, geographic, demographic, etc.) but also by factors of spiritual, or rather mental character.

Let us start our discussion from stating the obvious: the process of Post-Soviet state-building in the three republics of the South Caucasus has many similarities. All the three republics were formed as a result of the collapse of the USSR. Socio-political perturbations in Georgia, in Armenia and in Azerbaijan were directly connected to ethno-national conflicts. As a result of the fact that the so-called “national democrats” came to power (Levon Ter-Petrosyan in Armenia, Zviad Gamsakhurdia in Georgia, Abulfaz Elchibey in Azerbaijan) in the newly created state units a lengthy economic, spiritual-cultural and social crisis began. However, these commonalities in the formation of the republics of Transcaucasia should conceal significant differences. These differences exist and they are quite important.

Not all these differences are related to mentality and *mentalité*. However, the roots of many problems are coming from there.

In this article we are not going to analyze in detail the socio-political processes that took place in Azerbaijan and in Georgia. However, we allowed ourselves a number of observations of a general nature.

The studies of the *mentalité* of the Georgian nation have long-time traditions. In the 20th century the scientific bases of these studies were created by academician N. Marr. The majority of independent experts note the following characteristics of the Georgians’ *mentalité*: 1) an ardent feeling of personal and national dignity; 2) group-centrism (partly clan-centrism) 3) “mosaic” nature of the ethnic consciousness 4) “imperial” attitudes to other ethnic groups that inhabit Georgia.

Let us explain what was said above. “Sakartvelo” has always been poly-ethnic, and the ethnic groups living there were significantly different from

each other. Often they say that within one Tbilisi yard representatives of 7-8 different nationalities could have lived side by side, and live in friendship. Yes, they could, and they did. However, in private they remained representatives of their national mentality. That is where the “mosaic” nature comes from.

Since early middle ages Georgia has been conducting a process of “gathering the lands”. By the 20th century the country represented an accurate mini-empire. It is well-known that in any empire the elements are striving towards autonomy and even independence. The same happened in Georgia. While the latter was a part of a macro-empire – tsarist Russia, then the USSR, the centrifugal tendencies were not so obvious. The situation changed radically after the collapse of the Soviet empire. Feeling the “free wind” of democracy, ethnic minorities (not only in Georgia), rapidly became active. Some wanted autonomy, some independence. Obviously Georgian young democrats did perform very well in this situation. They preferred forceful methods to democratic ones. Being afraid that federal structure of Georgia will be transformed into a confederation, they decided to “reassemble” the country into a unitary state. And... we know what happened. We do without comments.

A somewhat different specific is found in Azerbaijan. There are certain parallels. As it is well-known, both in Armenia and Georgia there was a change of power three times, and, with minor exceptions, through civilized means. In Azerbaijan, the change of power was not smooth. However, we would like to draw attention to another detail: almost all winners of the presidential elections in Azerbaijan have received from 80 % to 87 % of the votes, while both in Georgia and Armenia, after 1995 this percentage rarely exceeded 65 %.

Let us consider the issue of presidentialism from a different viewpoint. It is common knowledge that a political “aksakal” Heydar Aliev did everything to transfer power to his son Ilham. The latter has introduced changes into the constitution of Azerbaijan and now can be elected whenever he wants and how many times he wants. In the whole of the post-Soviet space this can be observed only in Middle Asia, particularly in Turkmenistan and

Uzbekistan. Western political scientists believe that all of this reminds a monarchy, moreover a non-constitutional monarchy. Some of them take even harsher positions. They claim that throughout the last 7-8 centuries not much has changed in the Middle Asian states. The style of government, the form of government is a khanate. Political labels change: khan, sultan, emir, Secretary of the Central Committee, president. But the essence, i.e. practically unlimited power, is not changing. This is the direction to which the political system in Azerbaijan is “dragged down”.

Finally, in the concluding part of our research let us make several observations regarding the specific characteristics of the socio-political processes in Armenia. The countdown of Armenia’s recent history started in 1988 with the first waves of the independence movement of the Nagorno-Karabakh. In accordance with the outcomes of the popular referendum of February 20, 1988 the regional Council of People’s Deputies, with an overwhelming majority of the votes, took a decision to address the Supreme Councils of the USSR, Armenia and Azerbaijan with a request to sanction the separation of the NKAO (Nagorno-Karabakh Autonomous Region) from Azerbaijan and its union with Armenia. However, Baku, naturally, declined this request. Protests started in Yerevan, where in March 1988 auxiliary military regiments were moved. The “Karabakh” committee was formed in Armenia, and future president of the republic L. Ter-Petrosyan soon became the committee’s leader. On June 15 the Supreme Council of the Armenian SSR adopted a resolution, satisfying the request of the region Council of NKAO concerning reunification with Armenia. The Supreme Council of the Azerbaijani SSR immediately proclaimed this decision illegal. By that time, as a matter of fact, all economic and political links between NKAO and Azerbaijan were broken down. Moscow was forced to step in into the rapidly unfolding conflict, albeit with a certain delay. On November 1988 the Armenian parliament was practically dissolved, and in Yerevan a state of emergency was imposed. These events became the beginning of a series of bloody ethno-national and territorial conflicts in the Caucasus. Arguably, the earthquake that took place in Armenia on December 7, 1988, which took

the lives of 25 thousand people, became an additional factor that worsened both the socio-economic and the political situation in the region. The adoption in August 1990 of the “Declaration of Independence” of Armenia became an important phase in the formation of the 3rd Armenian republic. The main principles, embedded in the declaration, were realized in autumn 1991, when, first a referendum on secession from the USSR was carried out in Armenia in September, and then, in October, the first president of democratic Armenia, L. Ter-Petrosyan was elected.

The process of building a democratic society in Armenia was not smooth and painless. The first sign of that was the prohibition in 1994 of the oldest national party Dashnakcutyun. In 1996 democratic elections were held in Armenia for the second time, which showed that the leaders of the newly created state, Levon Ter-Petrosyan and his influential power ministers are not planning to share power with anyone. Only in the end of 1997 – beginning of 1998 the ruling elite was changed. L. Ter-Petrosyan “voluntarily” resigned, paving the way for a new triumvirate: R. Kocharyan, V. Sargsyan and K. Demirchyan. However, the events of October 27, 1999 showed that the systemic political crisis in Armenia was not overcome. Probably, only since 2001 the political life in Armenia received a more or less stable character. The country slowly, but surely, with a lot of difficulties, is moving down the path to a genuine democratic state. However, it might be argued that the main part of that path is not done yet¹².

And now let us get closer to the essence of the problem. What is the connection of everything said above with the problem of mentality and *mentalité*? There is an immediate connection. Let us consider the following fact – all the leaders of the newly created democratic statehood are alive and well and live in their homeland. What does it mean? It is an evidence of political tolerance. Where does the latter come from? The answer is obvious: from traditional Armenian toleration and, as strange as it may sound, sobriety. On the one hand Armenians are, of course, an eastern nation, i.e. a nation of temper, but on the other hand (a paradox), a sober nation, not prone to quick decisions. We start slowly, and we drive slowly, as well. But we get to the destination.

Another characteristic of the Armenian ethnos is its industriousness. Try to take a Georgian or an Azerbaijani into the climatic conditions, to those poor lands, upon which an Armenian peasant is working. Believe me, they will not be able to endure for a long time. Armenians endure for centuries. It is the Armenian endurance that helps here. It is simply impossible endurance. Probably in this quality only another ancient nation can be compared to Armenians – the Jews.

However, I would not want a non-Armenian reader of this article to get an idealized impression of the Armenian soul, of the Armenian mentality. As any other nation, Armenians have negative traits among their national qualities. It is well-known that almost for thousand years Armenians did not have fully-fledged statehood. The main reasons for this phenomenon are well-known, there are objective and historically conditioned. However, probably, there is another reason – it is subjective and it is related to some specific characteristics of Armenian mentality. Some historians speak openly about individualism and egocentrism that are characteristic for our nation.

These traits, to an extent, lead to erosion, alienation of stately patterns of thinking, which allow for putting the interests of the community above private interests. Every Armenian believes himself to be a unique possessor of the right to truth. As a famous Armenian intellectual K. Kalantar noted: “Armenians are considered individualists and that in general is fair. Without discussing the causes of that, we can note that the results of individual activities of an Armenian, are, as a rule, much more impressive than the results of collective activities. Thus in individual types of sports Armenians have been much more successful than in collective. Sometimes it might even be thought that concepts like “team” and “collective” are in general not for Armenian, for whom it is difficult to submit to someone else’s authority, to coordinate their own interests with common interests. He is almost always sure that he is cleverer, or at least, not more stupid, than the cleverest person, that he can lead no worse than his boss”¹³.

Traditional Armenian group-centrism and the bonds between fellow countrymen are strongly harming the national interests.

In a word, Armenian mentality is an amalgam of both positive and not so positive qualities and characteristics. The mentality of Armenians, on the one hand is very similar to the European, on the other hand, it contains evident traits of eastern *mentalité*. The mentality of Armenians is quite fragmented: Armenians live in diaspora communities in 73 countries of the world and the members of each colony adopt the lifestyle and customs of the titular nation. And that by the end of the day can lead to changes in mentality.

As for now let us fix the following. Almost twenty years ago the people of Armenia decided to take their own destiny into their own hands, i.e. autonomously build their own statehood. On this path we have had losses and achievements. Western experts note that the statehood in Armenia is gradually acquiring more and more certain contours. Its basis, structure has a clear vector – the building of a democratic society. Step by step, slowly, but surely, Armenia is advancing on its chosen path.

REFERENCES

1. Лурье СВ. Историческая этнология, М., 1997, р. 222.
 2. Ibid, p. 222-223.
 3. Ibid, p. 223.
 4. Ibid.
 5. Ibid, p. 226.
 6. Ibid, p. 224
 7. Ibid, p. 226.
 8. Ibid, p. 228.
 9. Усенко О.Г. К определению понятия «менталитет». // Русская история: проблемы менталитета. М., 1994.
 10. Козловский В.В. Понятие ментальности в социологической перспективе. // Социология и социальная антропология || СПб., 1997.
 11. Полетаев Д.В. Ментальность и менталитет как часть и целое. // Психология Петербурга и петербуржцев за три столетия. Цшб., 1999., Тушкарев Л.Н. Что такое менталитет (Исторические заметки). О.И.. 1995. № 3
 12. The tragic events of March 2008 are another evidence of this fact.
- К. Калантар. Бал индивидуалистов // Новое время // 8 апреля, 1999.

**Contemporary World and Identification Process, the
Caucasian Identity. Correlations: Nation, National
Character, National Traditions, Historical and
Cultural Identities**

The theme under consideration has become up-to-date issue in the present diverse and dynamic world. This question according to its structure, it is multi-faceted, starting from personal and ethnic and finishing with civil and religious identity. Present nations face unprecedented challenges – globalization of economic, political and cultural connections, establishment of certain standards in all spheres of life, and communication technologies, spread independently from boundaries, threaten the preservation of individual-national features(Nikolai Berdyaev’s term).

In this context the existence of national character as well as national self-consciousness are the conditions of survival of a nation. As far as Georgia is concerned, the comprehension of historical experience of the last century, the analysis of ethnic conflicts, revaluation of realities of contemporary world worry the researchers of national issues, who refer to the inheritance of the past in discussions on these topics.

In the present conditions, complex process of change of social-cultural models is in progress, providing reproduction of national societies, characterized by “revival of ethnicity” and becoming problematic, because national identity is often interpreted as a fact of private life, result of one’s own choice.

And self-identification of personality occurs at present in far more complex conditions. If earlier relatively stable national culture represented basis for the formation of world-view settings and norms, the present day social situation offers to individual independent choice of guidelines of identification in the conditions of cultural pluralism.

While searching for the ways out from crisis (existence of crisis is shared by political elite of Georgia), the idea roots in Georgian public perception that one of the fundamental means to overcome crisis is the perfection of human spiritual world (the leader of Georgian Orthodox Church, His Beatitude Ilia II has greatly contributed to this) on the basis of preservation of basic national values.

The content of national character in present-day social theory is determined by the position of some researchers of the issue of the essence of nation. In the contemporary science, *“in the framework of the position, activating the approach to the problem of “national”, studies of certain philosophers (A. Arutunian, L. Drobizheva, S. Lurye, S. Kaltakhchyan) are focused, which recognize the existence of nation outside of and independently from human perception, which is able to reflect them more or less completely. Within the given direction, national identity reflects subjective moments, conditioned by the personality of an individual, which are reduced, as a rule, to “ethnic self-identification”*.¹⁸⁶

The representatives of another direction – “relativist theory of a nation” – consider *“nation as intra-group definition, as semantic-metaphoric category which has obtained emotional and political legitimacy, and, consequently, basing upon real diversity of formation of ethnoses and nations, place firm connection of history, state and national interests under doubt (A. Zdravomyslov, E. Barabanov, N. Matveeva, et al.)*.”¹⁸⁷ Central category of such approach is the notion, defining the recognition of itself by nation as a certain unity, differing from others – national identity and its derivatives – national character and national self-perception.

On the basis of determination of inter-connection between the notions “nation”, “national identity” and “national self-consciousness” they have suggested interpretation of the category of national character. Value-related basis of national character have been defined, which do not represent constant data, which are in the process of permanent change, as they

¹⁸⁶ Shapiro V.D., Gerasimova M.G., Azeri, Armenian, Georgian adolescents in Moscow.

¹⁸⁷ Syanova N.B., Ethnical Self-identification and Involvement in International Relations. Diasporas, 2007, № 3.

experience the influence of objective factors of social-economic, political and cultural levels. The problem of national character emerges in the result of clarification of what distinguishes one social-ethnic unity from another. In its turn, social-ethnic unity obtains two forms of manifestation: subjective and objective.

Subjective form of manifestation of nationality, of specificity, in national self-consciousness, or, in other words, the sense of belonging to certain social-ethnic unity, expressed in rational recognition of belonging to certain nation, in the presence of idea about properties as the single whole with common historical past, “tied” to certain territory, in the conscious attitude towards spiritual values of its people and orientation towards them.

Objectified form of manifestation of nationality, specificity is national character, which acts as something external, manifesting in the peculiarities of mentality and social behavior, as difference of one national group from another. The understanding of national character is a spiritual education, representing the unity of ideas, interests and values, feelings and moods, reflecting the place of nation as that of the subject of history, specificity of its language, peculiarities of psychological constitution, morality and religions, having the phases of origination, formation, etc¹⁸⁸.

National character is the inter-related chain of settings, values, adopted motives, aspirations, ego-protecting mechanisms. These are the peculiarities of common psychological features of individuals, as well as mental characteristics. These peculiarities can be expressed in the terms of social behavior. In fact, national character possesses important social function – it performs structuring role, i.e. represents the way of reproduction of the system of values and norms, specific for the given unity, acts as a context, allowing preservation of self-identity of nation in the course of social-cultural transformations. National character is the unity of resistance and changeability (changing and modifying together with an individual in the course of time).

¹⁸⁸ Khramov I.V., National Character and its Mental Basis (in Russian).

Georgian national character is characterized by viability and peculiarities like to be assembled (low numbers – togetherness), ethnic diversity, unity in variety, high devotion to the nation. Traditional feature of Georgian way of life is the often-referred diligence, more exactly – continuous, permanent work on the land plot, at home. This is a kind of core of ethnic values, which condition internal form of Georgian culture. I am sure that maintenance of such values would save us from many faults and defects of present-day globalist civilization.

Unlike politically stable states, necessary condition of the process of preservation of national character in Georgia is aspiration for establishment of really spiritual authority, able to return the feeling of national dignity and self-esteem of its citizens. In our opinion, spiritual principles determine the existence not less than economics, and in certain critical situations, spiritual mind set of society can serve as a trigger of deepest renovations of social organism. Formation of new value priorities is possible only based on traditions, directed towards the best spheres of Georgian spiritual culture.

Our region, in our opinion, is the place, where traditional consciousness and thinking is still quite clearly distinguished. When we pronounce the words “traditional consciousness”, we usually mean something related to folklore, ethnography, distant past, XVIII and XIX centuries, fairy tails, legends... But we must remember that nationalistic stratum lies in the consciousness of present-day Georgian individual as a thick layer. Yes, indeed, there are folklore, traditional, ethnic strata in our mentality, but just that stratum, where the conceptions of our greatness lie, represents the biggest barrier on the way to progress. And when we talk about formation of a new individual – it means that we have to change ourselves (and each individual should begin with himself). And consciousness in this case plays colossal role. So our direct obligation is to create new spiritual values.

One of the most important topics is the adaptation of the carriers of traditional consciousness to the present-day modernizing society. Indeed, all of us, at certain extent, are the bearers of traditional consciousness.¹⁸⁹

¹⁸⁹ www.lib.ua-ru.net/diss/cont/91534.html

Here, in Georgia, the notion “the bearers of traditional consciousness” is still alive, and, most importantly, it is associated not only with Georgian ethnos (in this is meant the richness of cultural diversity of Georgian population). The very notions “tradition” and “traditional consciousness”, in our opinion, are positive. Why the old should be destroyed in order to build something new? Japan and Korea are the examples of reasonable and organic combination of national traditions and innovations (even their football teams proved it by their performance on the last World Championship).

In the modern world the question of globalization, again and again comes across with the issue of national identity, and we feel a kind of duality. Its cause is easy to explain: “the issue of national, or more precisely the issue of cultural identity, in the present sense of this word, is the issue of the past, pre-contemporary cultural tradition, which is dragged by its bearer, being on the way to contemporaneity. At the same time it’s anticipated that the properties of this tradition primarily depend on ethnic, more exactly, national origin of its carrier.”¹⁹⁰ Although, national identity of “an ordinary” Georgian in the past and in the present-day, in post-Soviet hasn't changed at all; and if it changed, only slightly. The past of the present Georgian individual is deeply national. Its cultural identity is national identity; and it means that the present-day Georgian individual comes to the present from the past, with certain national-cultural tradition. It gives origin to his awkwardness when he is asked about his cultural identity. Indeed, he has doubled feeling; he is the bearer of diverse identities - European, East European, Georgian, Black Sea (those who live at Black Sea coast), Caucasian, North Caucasian and South Caucasian. And inside of these identities one can reveal local-Abkhazian (deeply national), Svanetian, Kakhetian, Imeretian, Gurian, city-type, etc. identities. He is embarrassed by this fact, as now it’s very stylish to talk about European identity (among the “advanced” part of society, especially youth). Today we live in the

¹⁹⁰ kuraev.ru/smf/index.php?topic=34273.15;wap2

world, where the number of identities increases and certain identities become more and more important.

However, we are sure that one can be Georgian by his/her parents and language (or, simply, by subjective self-determination), European by geographic location of birth, and, at the same time, the citizen of the world by mentality. In this case Georgian society, preserving basic ethnic values, will be able to perceive itself as the part of wider universe. Thus, the present-day Georgian nationalism can attempt to adopt the Western political ideology of national state to come closer to the West, to be “normally national” like others.

The time challenges us, and we determine how society should develop. Sometimes it seems that governments determine it, sometimes it seems that the leaders of the states determine it, but in reality the particles of each separate thinking accumulate in the society and it depends upon each individual whether the collective egregor, which will overcome the powers of Evil, will appear. And the powers of Good will help the society on the whole and each individual to built, more efficiently, more reasonably, based on good origins, the environment, in which each individual will live comfortably disregarding his ethnic or social origin. Present-day world is not only West Europe and North America, but the East too with its diversity, rich and ancient cultural-philosophic traditions. As a matter of fact, the process of self-penetration, crossing of spiritual axes “East-West” and “North-South” occurs for a long time already. That’s why even after collapse and downfall of various empires it’s possible and necessary to build culture on national essence, without partition from the world as the whole.

Civilization of the West and East not only used to be at odds, but also enriched each other during centuries and millennia. It’s important to take into account that human culture consists of separate cultures and each culture is the part of human genetic fund.

At present the cultures fight with each other for survival in the contemporary world. It should be noted that old Georgian traditions had tolerant nature in order not to threaten other nations, i.e. they used to

become above-national. Unfortunately, substantial input of non-Georgian population into Georgia history is forgotten and forced out by theorists of new Georgian identity (read – European). Our neighbors in South Caucasus on their “way to Europe” mostly don’t forget about their participation in creation of history of other states. We must treat each other with respect and patience. Only thus the dialogue will take place. And we still believe that it will take place, because, within each culture, enough constructive sources could be found, which will be able to mobilize; mobilize for the sake of its own survival; after all, if we don’t change and adjust to the present-day conditions, we’ll vanish.

One of the sensitive issues of the day is nationalism. Latent aspiration to preserve traditions obtains the forms of nationalism. If national moment isn’t removed from politics, it intrudes into politics, and in the same moment we roll to the rails of nationalism and extremism.¹⁹¹

Georgia represents wide poly-ethnic community and the path of nationalism never had priority in it (i.e. the attempt of reproduction of mono-ethnic national environment based on granting certain advantages to the representatives of the titled ethnos). And although domination of Georgian language in official structures of compact settlements of non-Georgian population is evident, due to unsuccessful politics of the government, directed towards creation of conditions for integration of national minorities into Georgian society, it wouldn’t be fair to say that government takes no steps in this regard. Simply, these efforts of the authorities have very little in common with tradition and contradict to other identity, bearers of which are national minorities.

However, it’s obvious that more fruitful efforts are required in this direction; for example, preservation of in-depth values of traditional consciousness and removal of old-fashioned strategy of action. And it means that new solutions are to be found in each situation. Georgian elite (often being under external influence) still can’t clearly and understandably formulate the goals and objectives of development of the nation. National

¹⁹¹ www.lib.ua-ru.net/diss/cont/288418.html

self-identity itself, as the followers of “relativist theory of nations” consider, gradually disappears under the impact of globalization: "common glory in the past, common will in the present, common aspiration for great deeds done to redo in the future – this are the basic conditions of being of the nation. Existence of the nation – is the every-day plebiscite, as well as the existence of the individual -is the constant affirmation of life... Perhaps we are too far from it – let it be somehow idealized – conception of our nation. Scarcely knowing our history in Big Time, we perceive the past as a ghost, we are afraid of the present, and the future for us is a kind of black hole, i.e. the threat. Consequently we don't strengthen the life, and it, of course, adversely affects national well-being”¹⁹².

Contemporary individual can't survive without existence at various levels. On the world level, regional, state, local levels. And he ought to learn to live this way, although each system of values may contradict the other level. It could be stated that Japanese in the industry - is the most contemporary, and in the family he “keeps the sword.”¹⁹³ Such feature is characteristic for us – citizens of South Caucasus. This is eclectic, but at the same time also the way of survival. Peter Bagrationi was Russian general, but he remembered very well that he was Georgian. We have everything for preservation and co-existence of traditional and contemporary consciousness, because they exchange places permanently.

¹⁹² E. Renan, What is Nation? 1882. magazines.russ.ru/druzhba/2003/1/krug.html

¹⁹³ www.7sky.pp.ua/Svadebnye-tradicii-2/Kulturnaya-Kartina-...

History and Identity: On Teaching of the World History at Modern Secondary School

*“History is unending dialogue between the present and the past”
Edward Hallet Carr¹⁹⁴*

Pedagogical practice shows that familiarizing with the introductory part of the World History the ways of perception and understanding of this subject by the professional historians and the senior students are absolutely different. For the professional historian there is nothing more attractive than history, whereas for the students, especially, if such course is mandatory, the entire process of studying of history turns into something very boring. Though, the situation may be changed, if the teacher presents the introductory part so that the students could easily understand attractiveness of the history and share their teacher’s admiration. Moreover, clear and balanced introduction of the material, normally, leads to mutual collaboration of the teacher and students in the process of teaching and studying of the World History and emphasizes great significance of this discipline.¹⁹⁵ Professional historians love their subject for many reasons. Firstly, the history gives the perspective and view of further formation of the individual cognition of the ways of mankind development. Secondly, history shows necessity of studying of the facts and events through various approaches, emphasizing the complexity and interrelation of these events and allows to elaborate the certain paradigms for better understanding of human activity. Thirdly, the historians like to demonstrate that their interpretations of the certain paradigms and importance of the events are the most accurate and satisfactory ones, with respect of their

¹⁹⁴ E. H. Carr, *What Is History?* (Harmondsworth, Middlesex: Penguin Books, 1964), 30.

¹⁹⁵ H. Spodek, *The World’s History*, vol. I: To 1500 (Upper Saddle River, NJ: Prentice Hall, 2000), I-3.

correspondence with the existing historical data and theories. Fourthly, the historians also like the detective nature of their profession, whether this is about studying of the old archives, or gaining and use of the new sources of information, in addition to re-interpretation of the sources neglected long ago.¹⁹⁶ Recently, the historians more widely study the oral history, old church records, files of photographs, cave paintings, individual census records and reinterpretations of the mythology.¹⁹⁷

Historical records are not simple lists of the events and facts. Through their analysis the historians go deep into the roots of the events and facts studied, and offer their own interpretations. Though, as the interpretations are unambiguous, one and the same historical fact may be considered from different points of view.¹⁹⁸ Therefore, study of the history is very closely related to study of the *values*¹⁹⁹. Developing their own interpretations the historians carefully analyze such *values*, as motivations, desires, aspirations and views of the people living and creating in the past. In interpretation of such *values* the historians should compare and match with their own *values*, comparing them with the *values* of the people of the historical past. For example, the historians put the question on what was the attitude of different people towards the phenomenon of slavery in the slaveholding societies of the past. Subconsciously they compare those, old *values* with the ones of the contemporary people and especially with their own ones. They put the question on now and why the *values* do change or, on the contrary, remain unchanged for long time.²⁰⁰ How one's own *values* could be compared with the ones of the past centuries.²⁰¹ By means of such

¹⁹⁶ P. N. Stearn, Why Study History, in: www.studentsfriend.com/aids/curraids/articles/stearn

¹⁹⁷ Paata Ramishvili, Introduction to History, Textbook for X Grade, Publishing House "Diogene," Tbilisi 2006, 10-12 (in Georgian).

¹⁹⁸ Paata Ramishvili, Introduction to History, Textbook for X Grade, Publishing House "Diogene," Tbilisi 2006, 106-107 (in Georgian).

¹⁹⁹ H. Spodek, The World's History, vol. I: To 1500 (Upper Saddle River, NJ: Prentice Hall, 2000), I-3.

²⁰⁰ A. Vallon, the History of Slavery in the Ancient World, Moscow, 1941, 57.

²⁰¹ D. M. Laushey, A Discussion of the Values of History, in: Teaching History: A Journal of Methods, vol. 13, N1, 18-21, Spring 1988.

questions offered by the teachers, the students much better understand the complicated

mazes of history of the mankind. Three fundamental questions could be distinguished: *What do we know? How do we know? What differences does it make?*

These questions emphasize the great significance of historiography – the process of making of the historical records.²⁰² The students will clearly see for themselves that these records comprise the first step to understanding and interpretation of the historical past. They will also understand how the historians formulate the questions in the process of studying of material and, what is the most important, the students will learn how to formulate their own questions about the past and the present.

The professional historians regard the history as a queen of all disciplines. Synthesizing their conceptions with the ones of such sciences as anthropology, sociology, geography, economics, political sciences – the historians create more integrated and comprehensive interpretation of the past. And mutual cooperation of the social and human sciences adds to studying of the history greater scale, depth, significance and, of course, professional satisfaction.²⁰³

At the current stage the historians are focused on how to teach the World History at schools. Why the World History? How the teachers of history should teach the teenagers World History and what should be the contents of this course? There are several answers to these questions.

First, either with respect of the contents, or pedagogic view, there is no clearly formulated, optimal model for such type textbook. Majority of the already written and widely used textbooks is, actually, the attempt of studying of the history of Western Europe civilization, with some additions covering certain segments of history of the rest part of the world. The

²⁰² D. David, Jerry J., Great Sociology Thesaurus, 2000. “Historiography is the history of writing of the history, accompanied with consideration of the methodological issues, arisen by the researcher.”

²⁰³ H. Spodek, The World's History, vol. I: To 1500 (Upper Saddle River, NJ: Prentice Hall, 2000), I-4.

World's History, from the point of view of multi-perspective study of interrelations among all regions of the world, perceived from the perspective of all ethnoses of the planet, is the virgin soil even now.²⁰⁴

Second, for the citizens of the multi-ethnic nations, such as the United States of America, Canada, South Africa, India, Australia, Great Britain, Russian Federation and partly, for such countries as China, Turkey, Georgia etc., the course of World History offers the opportunity to understand and estimate at true worth the national and cultural origins of different ethnoses living in those countries.²⁰⁵

Third, as the entire world, due to highly developed communication, comes more closer in many respects, there is an absolute necessity to learn it in more integrated context.²⁰⁶ New reality of close relations in the spheres of business, politics, culture, ecology etc., prompts to find the new academic approach to study of the World History.²⁰⁷

As it was mentioned above, the history should not be regarded as a simple list of names, dates and places. Historical records comprise the result of activities of many people. Among those events and facts, which have taken place in the history of mankind, the historian select those ones, which, in their opinion, correspond to their research goals and leave alone the events and facts, which are beyond the sphere of their interests. In their evaluation of the significance of events, the opinions of the historians basically differ.

²⁰⁴ In this respect, the historians from Azerbaijan, Armenia and Georgia have already made the first step: they wrote a book "Essays on the History of the South Caucasian Countries – Multi-perspective View of the History, Publishing House "Edit Print," Yerevan, 2009.

²⁰⁵ Though to duly understand and evaluate the national and cultural origins of different ethnoses living within the borders of the former or existing empires, in most cases "could not be perceived" by the empire historians. Good example of this is the book of Russian historians "The National Outlying Districts of Russian Empire. Formation and Development of the Governance System," Moscow, Slav Dialogue, 1998. The chapter of this research concerning Caucasia is much more reactionary than, for example the work of famous Russian historian of the XIX c. N. N. Kostomarov "Russian History in the Biographies of its Key Figures."

²⁰⁶ P. Ramishvili, N. Akhmeteli, G. Chkhikvishvili, D. Sartania, The History of World and Georgia, Publishing House "Diogene," Tbilisi, 2007 (in Georgian).

²⁰⁷ H. Spodek, The World's History, vol. I: To 1500 (Upper Saddle River, NJ: Prentice Hall, 2000), I-4.

These differences are very important, as they reflect many-sided understanding of how and to what degree the mankind has changed, how this occurred, and to what it might transform in the nearest future. The debates and discussions of historians, dealing with such evaluations, in certain way contribute to formation of one, very important part of the historiography records.

Though, the all above listed questions dealing with teaching of the World History, whether solved or not, move to the second place, when conversation turns to such acute issue as is the understanding of the history and identity. Therefore, before in-depth consideration of this issue, it is necessary to provide, at least, the general view of this problem.

History is truly regarded as one of the most disputable scientific disciplines, with the permanent debates and discussions, as most part of people and separate groups place into *their* history the substantial part of *their* identity. The Americans, for example, feel great national pride for they have developed well operating model of representative, constitutional democracy existing for more than 200 years. At the same time, they may be saddened or shamed for 250-year period of slavery, which took place in their country, followed by inequalities in race relations, continuing to the present.²⁰⁸ The Christians may take pride in 2000 years of missions of compassion toward the poor and downtrodden. Though, the Catholic world may be saddened or shamed by an almost equally long record of religious warfare and persecution of those whose beliefs differed from their own.²⁰⁹

In the contemporary world many ethnic, religious, social and gender groups are actively involved in social-political life and they make efforts not only to understand the history which made than what they are now, but also attempt to convince the others to perceive the history in the way they do. Nothing to say about the above listed groups, two such super-states, as

²⁰⁸ Randall G. Shelden, *The New American Apartheid*, in:

<http://www.zcommunications.org/the-new-american-apartheid-by-randall-g-shelden>

²⁰⁹ H. Spodek, *The World's History*, vol. I: To 1500 (Upper Saddle River, NJ: Prentice Hall, 2000), 1-9;

Christopher Tyerman, *The Crusades: A Very Short Introduction*, Oxford University Press, London, 2004.

Russia and the USA, in their competition for the leadership in the world, even now implement the policy of brainwashing (Russia roughly, without any stimulus and USA – relatively flexibly) towards the former and existing colonies and so called “friendly political aliens,” forcing them to see the history in the way they the “great bosses” desire.²¹⁰

Stormy splash concerning the problem of history and identity restarted in early ninetieth of the XX century, in the Western world and in former Soviet Union, including the former colonial countries and nations. This process, primarily, was spontaneously reflected in the new textbooks of the history and geography for the secondary schools and in the special literature for the higher education institutions. On this issues numerous national and international conferences, round tables were and are held, many books and articles are written, the official declarations are made, numerous interviews are published in the printed and electronic media etc.²¹¹ And after thorough studying of these materials, the impression is that some great nations (nothing to say about small ones), stressing the number

²¹⁰ V. Trepavlov, Georgian Historians Crossed Out the Civilization Factor of Russia in Development of Georgia, in IA Osinform, <http://new.new.new.osinform.ru/18011-vadim-trepavlov-gruzinskie-istoriki.html>

²¹¹ K. C. Barton, L. S. Levstik, "It wasn't a good part of history:" Ambiguity and Identity in Middle Grade Students' Judgments of Historical Significance, *Teachers College Record* 1998, 99, 478-513;

Stefan Berger, *History and National Identity: Why They Should Remain Divorced*, History and Police Papers, November 2007; Simon Kuper, *Football Against the Enemy*, Orion Books, London, 1994;

Anthony D. Smith, *National Identity (Ethnonationalism in Comparative Perspective)*, Penguin Books, London, 1991; J. Brindle "History and National Identity in the Classroom" *History Today*, vol. 47, Issue 6,

1997, 6-8; Anthony D. Smith, *Nations and Nationalism in a Global Era*, Cambridge: Polity Press, 1995;

A. A. Deryabin, "Russian Project" Construction of the National History and Identity <http://psyberlink.flogiston.ru/internet/bits/rp.htm>; Yuri Zaretski, History, Memory, National Identity, Magazine "INTERLOS" ("ИНТЕЛЛОС) – Intellectual Russia"

http://www.intelros.ru/readroom/nz/nz_59/2677-istorija-pamjat-nacionalnaja.html

Russian Nation and National Identity "Russian Project How It should be"

http://www.park.ru/google/doc_info.parkru?urn=10695757. V. A. Achkasov, "Myth of the West" in Russian Political Traditions, Seek for Identity,

http://anthropology.ru/ru/texts/achkasov/georgia_03.html. Nodar Sarjveladze, Interview to Newspaper "Sakartvelos Respublika," # 219, Thursday, October 29, 2009.

of significant aspects of globalization (in the political and economic respect), at the same time, emphasize that their national identities are endangered. This is the classical situation of cutting both ways. But if in the Western materials this issue is considered with characteristic to them delicacy and effort of finding the commonly acceptable options, in the Russian Federation, undermining of the identity of Russian nation, in the most cases, is explained by permanent inflow of non-Russian peoples into the Russian cities, occupying the jobs in different sectors. And instead of seeking the ways for dealing with this problem, the governing elite oppose to the “foreign elements” the armed gangs of the skinheads and adopt the discriminative laws of ultra-fascist nature like mass deportation of Georgians from Russia. Such terms as “guys of Caucasian nationality” or “To off in a latrine” (about Chechenians) were not created accidentally etc. Naturally, all these events remain in the minds of people of all nationalities and therefore, there emerge so many questions, especially, among young people on what explanations could be found for such actions and how the international relations should be built in the future, as well as the relations with the nearest neighbors and generally, with all peoples of the world. But, before the reasonable answers to these questions are found, the main question – “who am I?” – should be answered. In other words, the issue of self-identification, both, at the personal and national levels emerge. The solid basis for national identification should be based on in-depth understanding and knowledge of one’s own history. Unfortunately, by number of reasons, political isolation from the Europe, long-term deprivation of the sovereignty, including, especially, the autocephaly, have had great negative impact on normal sovereign development of Georgia. And though, de jure, Georgia has gained independence since ninetieth of the XX century, powerful external political pressure (tearing away of the ancient Georgian provinces – Abkhazia and Samachablo), in combination with the internal economic and social crisis, hinder adequate formation of the state, what is directly reflected in the development of culture, integral part of which is the education system. And it is well known that the history is the milestone in this system. The greatest mission of this subject is to

present to the new generation the issue of interrelation between the history and identity. In the integrated courses of the World History textbooks of new generation (irrespective of how good are they), the authors are not able to fully focus on the issue of the history and identity, at least, because of the limited size of such textbooks. Therefore, this mission should be undertaken by the teacher of history and provide to his/her students the handouts based on the primary and secondary sources, including the most prominent examples clarifying the essence of the history and identity, with respect of not only their own country but also of the foreign countries. Naturally, this is a difficult task and its successful implementation completely depends on high professional qualification of the teacher and experience in the sphere of international cooperation gained with respect of various issues of the history.²¹²

As it was mentioned above, the primary sources, together with the secondary ones, explain to the students the significance of identity in the history of their native country and in the surrounding world. For example, in the history of Georgia, the following episode from “Kartlis Tskhovreba” (“History of Kartli”) about emerging of the Kartli Kingdom, with clearly traceable issue of national identity in this primary source is particularly well cognized by the students.

Parnavaz the First king of Kartli

“And this Parnavaz from the tribe of Kartlos was the first king of Kartli (Georgia). He has spread the Georgian language and no language was spoken in Kartli, except for Georgian. And he has created Georgian

²¹² History of Europe (the book was written by 12 European historians), Publishing House “Prosveshchenie,” Moscow, 1996; The Black Sea History Interactions, Gyldendal Publishers, Oslo, 2004; Essays of the History of Southern Caucasian Countries – Multi-perspective View to the History, Publishing House, “Edit Print,” Yerevan, 2009; Positive Examples from the History of Co-existence of the Nations of Southern Caucasian Countries, Publishing House “Antares,” Yerevan 2009;

alphabet and when Parnavaz died, he was buried in front of the idol in Armazi...”

“Kartlis Tskhovreba” (“History of Kartli”)

Persia, the political leader of Asia Minor, at that time, had more powerful rival – the state of Macedonians. Their interests collided at Caucasia. Both countries regarded that the issue of influence upon Caucasia and in particular – Georgia, was of great significance. Of course, these opposing countries, as well as the governing elite of Georgia understood it very well. As it generally occurs, in such cases, in the governing circles, in current terms, there appeared two parties – one – supporters of Persia and the other – of Greek orientation. Certainly, each of the rivaling countries had the agents in one and another parties. This secret diplomatic war, was no less fierce, than the bloody battles and conflicts, which took place between the Persia and Greece.

When Alexander the Macedonian has took over Kartli, his relative, Azon was appointed as a governor. Gradually, Azon has widened his territory – “he took over entire Kartli” from Kakheti to Black Sea, i.e. he has conquered even Egrisi (Kolkheti). He reached the northern Caucasian peoples (Ossetians, Lezghins and others) and forced them to pay tribute.

“Kartlis Tskhovreba” tells what a strict regime was established by Azon in Georgia, how cruel he and his staff were towards the local population. It is clear that in this situation the Greeks have chosen non-flexible and unreasonable politics, as they had not taken into consideration the nature and character of the nation, entrusted governance of Kartli to the person unfit for this position distinguished by his despotism and cruel nature. Of course, very soon, local population rose in rebellion against the Greeks with whom they have associated their hopes just short time ago. Consequently, the opposing side – supporters of Persia and Persia itself, now were in the favorable situation. The Persians intended to make the king of Mtskheta, Samara or his brother, whose name is not preserved. Some historians consider that Samara and his brother were killed at the battlefield. But Vakhushti Batonishvili writes the following: “He (Alexander the

Macedonian) eradicated all the pagans, except for the Kartlians and Jews, but he also killed the successors of Kartlos, who did not obey him, such as Parnavaz's father, his uncle and others." So, Samara's brother managed to warn his loyal servant, before he was arrested: "Immediately take my three-year old son and hide him in the mountains. Remember, he shall revenge. He shall become the King of Kartli." In addition to his loyalty and noble nature, this servant was clever and smart. He immediately hide his master's wife and son in the mountains.

Almost all have forgot about the child, except for few noble conspirators, who were hidden at a time of Azon's tyranny and acted very carefully. The tutor of the child maintained permanent contact with these people and informed them that the boy grows up, becomes stronger and more handsome, that he would be a great warrior, clever, noble and generous person. Supposedly, in his childhood they instilled the ideas about revenge and at last, the boy grew up. The historian wrote about him the following: "This Parnavas was a clever man, brave warrior and good hunter."

The boy, future king of Kartli, was called Parnavaz. When Parnavaz grew up, the conspirators decided to bring him to action. By that time Azon became old, he could hunt all days long and if he met a good hunter, he used to include him into his retinue. Parnavaz was accepted as the retinue member of Azon. Afterwards the conspirators became more active. They commenced secret negotiations with Kuji, the governor of Egrisi (Western Georgia), who was quite oppressed by Azon as well. Young Parnavaz was careful but self-confident. He was told to test the situation in Azon's special groups composed of the foreign soldiers. The tyrant was similarly cruel with his people and antagonized them. The conspirators felt that they could attract certain part of the troops to their side. The circumstances were favorable for them. At this time Parnavaz's mother could stand no more. She thought that Azon guessed who was Parnavaz. She begged Parnavaz to escape from Kartli and ask for shelter her brothers in Persia. And now her demand was sharp. Parnavaz had to obey.

The author of the chronicles describes that when Parnavaz decided to escape, at night he saw a dream. As though, he found himself in an empty

house, he attempted to go out, but he could not find the door. Parnavaz grew sad and at this time the sun beam penetrated the house, held the young man and took him out through the window. When Parnavaz came out into the field, he saw the strange thing: the sun was very low above the land. Parnavaz touched the sun with his hand, took the dew and wetted his face and at this moment Parnavaz woke up.

Impressed by his strange dream, the young man went to hunt. Near Mtskheta, in the Digomi valley covered with the forests, near by the place where now there is Tbilisi, there were wonderful forests. Excited and upset, Parnavaz was alone. Near Digomi he found the deer's trace and followed it... here Parnavaz took his bow and shot. The wounded deer fall down at the foot of the rock. Young man rushed to his victim and the shower started at that moment. Parnavaz noticed the cave in the rock. He took his pole axe and broke the door into the cave, closed from the ancient times. And here he saw the miracle – the treasure: gold, silver and precious stones. Soon he could make use of this treasure.

After this Parnavaz send one of his servants to the governor of Egrisi – Kuji and offered him to form the military alliance. Kuji accepted his offer readily. Soon Parnavaz visited Kuji together with his mother and sisters and took with him as many of the found treasure as he was able to take. Kuji met Parnavaz and his family very gladly and declared: “you are the son of Kartli leader and you have right to guide me.” And indeed, Kuji and Parnavaz became friends forever and started to implement the great deed. By means of the great treasure they increased their army, to fight against the enemy... Parnavaz had not left for Persia.

When Parnavaz's friends learned about his unexpected decision, they set the earlier date for rebellion and with extensive support from Kuji attacked Azon. The conspiracy was well prepared and the other Caucasian peoples, oppressed by Azon supported them, in particular, the Ossetians and Lesghins. Parnavaz managed to win thousand men over from the Azon's troops. The united troops, with the support from entire Kartly easily defeated the tyrant.

But Azon escaped to Klarjeti and called from Greece the additional troops. One year later he attacked Parnavaz; but for all this time Parnavaz was not inactive. He drove the Greeks away and primarily, strengthened all four fortresses in Mtskheta. Further, he took care of entire Kartli and appointed in all fortresses and cities the people who were loyal to him. At the same time, Parnavaz sent the ambassador to Syrian king Antioch with the great gifts, assured him in his solidarity and asked for support. Antioch supported Parnavaz, sent him the king's crown and called him his son.

Thus, the Parnavaz was well prepared to meet Azon's renewed army and the decisive battle took place in Artaani (Southern Georgia), which, at that time, was called Kajt-kalaki. This was a heavy battle, but finally, Georgians won and the Greeks were defeated. Azon was killed. Parnavaz returned to Mtskheta with the victory and great loot.

This was the origination of Georgian royal dynasty – Parnavaziani. The country followed the new way and the new age commenced. Parnavaz was well prepared for his mission. He governed reasonably and wisely. His foreign politics commenced from regulation of the relations with one of the most powerful Greek states – so called state of Seleucids. After securing the peace in the south, Parnavaz decided to strengthen friendly relations with the northern neighbors through marriage of his sister and king of Ossetia and he himself, married the daughter of king of Dzurduks (one of the Northern Caucasian tribes).

The different situation was in the west. This state – Egrisi – could not be even called the neighboring state, as it was the blood brother of Kartli – the second Georgian kingdom. And Parnavaz had to make such brotherhood legal as soon as possible as this was very useful for Georgia. The military alliance with Egrisi was made as early as at the stage of conspiracy against Azon. After the victory Parnavaz married his second sister to Kuji, the governor of Egrisi and gave him the territory of Svaneti.

The significant point of the interior policies was dividing of the country into the Saeristavos (administrative-political units). The wise leader took into account the ethnographic features of the Georgian tribes settled in this area from the outset and divided the country into administrative units,

based on these features. Such division was reasonable and wise, all historical and ethnographic characteristics of the population of each district were properly taken into consideration, that in the following centuries such division in the later epoch became the basis for administrative division of whole Georgia. So Parnavaz's administrative division was significant as it contributed to shaping of Georgia as a whole, monolith state.

In addition to Egrisi, which should be specially admitted, Parnavaz has divided in the country seven Saeristavos and in each of them he appointed the governor – the Eristavi. And the eighth one was the most important Saeristavo. As for the internal part of Kartli from modern Tbilisi - Aragvi to Tashiskari – Paravani, Parnavaz appointed the Spaspet (commander-in-chief) who was the first man after the king in the kingdom.

Parnavaz has done much for strengthening of the military forces of the country; first of all, he had restored Mtskheta wall, damaged by the Greeks. He restored and strengthened the fortresses all over the Georgian territory and took over the new ones. **Such division of Georgia, as was already mentioned, was the warrant for more solid unity. The king could easier execute the operative governance. The chronicle mentions that from time to time the King visited the Saeristavos and executed governance in situ.**

The King showed his gratefulness to those thousand Greeks, who supported him at critical time and fought against Azon. Though, it seems that Parnavaz was still very careful with them and did not leave the foreigners together – he granted them the titles of the nobles (aznauri) and settled in the different regions of the country.

Parnavaz has paid due attention to the religion. When he dealt with the urgent problems, he built the idol on the Kartli mount near Mtskheta and called it Armazi and the mount was called Armazi as well.

The most important and significant thing in the activities of King Parnavaz, his greatest merit was about what “Kartlis Tskhovreba” gives very little information: “He (Parnavaz) spread Georgian language ... and he has created Georgian written language.”

The fact that Parnavaz set as a goal of unification of Georgian tribes into one state and did for this so much, of course, should be regarded as his great contribution, but the fact that he made Georgian language and written language as the basis for such unification this is the sign of his prescience as a politician and experienced diplomat.

Parnavaz's reign lasted for sixty five years and he was very old when he died. As the historian states, he was buried at Armazi idol. Parnavaz ruled in the III century B.C. Some researchers date his reign from 302 to 237 B.C. Parnavaz was succeeded by his son Saurmag.²¹³

One more example of the manifestation of national identity was in 1790, when in the critical situation in the politically divided and disoriented Georgia the idea of restoration of the entirety of Georgian state was revived.

The Treaty of Unity of the Iverians

The key points of Georgievsk Treaty of 1783, in accordance with the international law regulations of the feudal epoch implied patronage of the Russian Empire in the foreign affairs of Georgia, with maintaining the sovereign rights in the interior affairs of Kartli and Kakheti kingdoms. Though, the Treaty contained greater risk for independence of Georgia, as Russia strengthened its positions in Transcaucasian region and gradually became the dominating political power, drawing the Ottoman Empire and Safavid Persia out of this important geo-political region. England and France, supporting Turkey and Persia were concerned about such success of the Czarist Russia and set on Turkey against Georgia, in particular, Pasha of Akhaltsikhe and entire Moslem Khanates of Caucasia. Concerned by extremely unfavorable situation around Georgia, ambassador Garsevan Chavchavadze stressed **“That Georgia has never been in such trouble”** and asked the Emperor to provide the military assistance. Though, Russia

²¹³ Vakhtang Chelidze, “Historical Chronicles of Georgia,” Publishing House “Merani,” 1980.

gave to Erekle II only promises and never fulfilled its obligations provided by the Treaty and in addition, in 1787, removed the military forces from Tbilisi. Irrespective of the attempts of Georgian monarch to act independently from Russia in the foreign politics (execution of the peace agreement of Kartli and Kakheti with Pasha of Akhaltsikhe and negotiations with Agha Mohammad Khan), his foreign orientation towards Russia remained unchanged. Restoration of political entirety of Georgia always remained as the priority of the rulers of Georgian state, but from the XVI century to the first half of the XVIII century this idea became actually unrealizable. Unity of Georgia was against the interests of the invaders and this is clear – maintaining the subjection of the disintegrated country is much easier. Though, even in the period of splitting of the country into small “Georgias” the cognition of entirety was still firm, what could be clearly seen, for example, in the titles of Georgian Kings: **“We, the King of Georgia, i.e. Kartli and Abkhazia”**. This was the content meant in the name all Georgia – Iveria. “Upper Georgia” and “Lower Georgia” mentioned in the historiography of that time implied the historical and ethnical entirety of the both parts and as for Kakheti, Imereti, Samegrelo, Svaneti etc. these were its provinces.

Actual favorable situation for unification of the country formed in the eighties of the XVIII century,. After decease of Solomon I, king of Imereti, in 1784, his successor, David (son of George) was not able to govern this kingdom. The proper candidate was the grandchild of Erekle II – David (son of Archil) and after he attained his majority, he had to be the king of Imereti. David (son of George) could not accept this and he started to carry on the intrigues against the grand son of Erekle II, what resulted in critical situation in the Kingdom. Among the aristocracy of Imereti there appeared the idea of unification of the Western and Eastern Georgia under the governance of Erekle II. For this purpose the representatives of Imereti aristocracy met with the King in 1789. Among the delegates, together with the clergymen of Gelati and Kutaisi, there was the high rank officer Kaikhosro Tsereteli, prince Ioane Abashidze, Sekhnia Tsulukidze and others. They offered to Erekle II to **“Be so kind and join to his kingdom**

Imereti, as it was in the past times.” Erekle II put this issue for consideration by “Darbazi” (the advisory body of feudal lords at the royal court of Georgia in the XI – XVIII centuries). At the session of Darbazi there were two opposite positions with respect of unification of Georgia. Unification of Georgia was supported by Solomon Lionidze, the King’s advisor, Chabua Orbeliani, commander David Kaplanishvili, Mourav (governor) of Kiziki (region in Kakheti) Zakaria Andronikashvili and others. The following nobles were against unification: Ioane Mukhranbatoni, together with his supporters. In their opinion, Erekle II scarcely could deal with the problems in Kartli and Kakheti and therefore, the royal responsibility for Western Georgia seemed unrealizable. The party against unification was actively supported by Queen Darejan – spouse of Erekle II. After considerations Erekle II found that it would be reasonable to give the throne of Imereti to his grand son. Thus, the opponents to unification were success, but the supporters did not give up and in 1790, with the incentive of Solomon Lionidze the military alliance between Western and Eastern Georgia was made. **“Treaty on Unity of the Iverians” was of vital significance for Georgia, what was emphasized by words of Chabua Orbaliani and Kaikhosro Tsereteli: “Happiness of the nation requires unity and the King’s power unifies the entire nation... Unification of Imereti and Kartli would provide strong basis for power of King and if we desire to achieve invincibility of our country we shall unify.”** And though actually consolidation of Georgian nation had not taken place, “The Treaty on Unity of the Iverians” became the historical fact of great significance, providing basis for further fight of Georgia for regaining its statehood.²¹⁴

The third, similarly significant example of Georgian identity is related to the book of great teacher, publicist and children’s writer Iakob Gogebashvili (1840-1912) – “The Key to Nature.” National-liberation movement in Georgia lead by Ilia Chavchavadze in the sixties of the XIX century, slowly but consistently moved Georgia towards the fight for

²¹⁴ Akaki Surguladze, Paata Surguladze, History of Georgia 1783-1990, Publishing House of David Aghmashenebeli, Tbilisi, 1991 (in Georgian), 8-9.

regaining of the statehood and national independence. Among the best sons of the country, in this fight, was Iakob Gogebashvili. In this didactic book for children he, with simple and understandable language, reminded to them and their parents about national identity of Georgia, methodically ruined by the colonial politics of Czarism. In the footnote to the chapter “Brief Geographical Description of Georgia” the author advices to teachers, before familiarization of children with this chapter to retell children about the most important historical events in the life of their nation.²¹⁵ Further, Iakob Gogebashvili briefly describes the nature, borders, population of the country and further, followed by descriptions of all regions and their populations, traditions, customs, many-aged economic types etc. **And, irrespective of great differences of live styles of these regions, conditioned by geo-climatic factors, the author logically lead the young readers and their parents to the key idea that despite of the apparent differences all residents of the lowlands and mountain regions of Georgia were closely bind one to another for the entire history of Georgia by ethnic psychology, which is the foundation stone for the national identity.**

If course, we could provide many other sources for understanding and cognition of the history and identity by Georgians, but we regard that in this article the above examples are adequate. After summarizing the explored material, one can conclude that for proper understanding of the history and identity of the other nations, one should deeply understand his own identity, clarifying its due place in the world’s history.²¹⁶

²¹⁵ Iakob Gogebashvili. “Key to the Nature,” Publishing House S. Losaberidze, Tbilisi 1912, 419.

²¹⁶ In the nearest future, the author intends to collect and interpret the primary sources on understanding of the history and identity not only in the neighboring countries but also in the distant foreign countries too.

**История и идентичность: Южный Кавказ и другие
регионы, находящиеся в переходном периоде**

**History and Identity: The South Caucasus and Other
Regions in Transition**

ԷԴԻՏ ՊՐԻՆՏ

Երևան, Թումանյան 12
հեռ.՝ (374 10) 520 848
www.editprint.am
info@editprint.am

EDIT PRINT

12 Tumanyan str., Yerevan
Tel.: (374 10) 520 848
www.editprint.am
info@editprint.am